

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII–XX вв.

Выпуск 13

Санкт-Петербург
2022

ББК 63.3(2)

УДК 94(470.23-25):929(=112.2)"17/21"

H50

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

канд. филол. наук А. В. Бояркина (РГПУ им. А. И. Герцена),
канд. филол. наук Л. Н. Пузейкина (СПбГУП)

Ответственный редактор

канд. ист. наук Ю. В. Бучатская

H50 Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 13. — СПб.: МАЭ РАН, 2022. — 424 с.

ISBN 978-5-88431-399-6

Сборник научных статей «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект» (вып. 13) посвящен биографиям немцев, жителей Санкт-Петербурга, которые представляют разные сословия и профессии — от великих князей, секретарей посольств до библиотекарей, врачей и пасторов. Сборник имеет четыре раздела, соответствующих хронологическим рамкам биографических исследований: XVIII, XIX и XX вв., а также раздел о судьбах немецких семей и родов в столице Российской империи. Статьи представляют собой полные материалы одноименных научных конференций, состоявшихся в 2019 и 2021 гг., и впервые вводят в научный оборот оригинальный материал из не публиковавшихся ранее источников, государственных и частных архивов.

Биографические портреты и судьбы немцев-профессионалов представляют интерес для самых разных специалистов — историков, этнографов, антропологов города, историографов науки, историков промышленности, техники и искусства.

*Издание осуществлено при поддержке Генерального консульства
Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге
в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства
под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений
«Русско-немецкий центр встреч при Петрикирхе в Санкт-Петербурге».*

ISBN 978-5-88431-399-6

© МАЭ РАН, 2022

© А. Ю. Харитонова, обложка, 2022

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогие читатели!

Перед вами — очередной, тринадцатый, выпуск научного сборника «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII–XX вв.», который традиционно посвящен жизнеописаниям немцев, жителей Санкт-Петербурга, представлявших разные сословия и профессии — от великих князей, секретарей посольств до библиотекарей, врачей и пасторов. Санкт-Петербург на протяжении веков являлся многонациональным городом, в развитие которого представители немецких семей внесли большой вклад. Сборник имеет четыре раздела, соответствующих хронологическим рамкам и тематике биографических исследований: XVIII, XIX и XX столетия, а также раздел о судьбах немецких семей и родов в столице Российской империи.

Статьи представляют собой полные материалы одноименных научных конференций, состоявшихся в 2019 и 2021 гг., а их авторы являются представителями научных и образовательных центров Петербурга, в которых долгие годы трудились их коллеги, петербургские немцы.

Сборник целесообразно читать как отдельными статьями, вроде энциклопедических разделов, посвященных интересующим читателя личностям, так и целиком, поскольку при обзоре всего материала выявляется интересная закономерность: отдельные имена повторяются из статьи в статью, герои разных статей оказываются связанными между собой неожиданными родственными или коллегиальными связями, что позволяет увидеть, как мог функционировать город и его институции через своеобразную «немецкую» сеть.

Воссоздавая биографии, авторы (при наличии материала) обращаются к описаниям рабочей или бытовой повседневности своих героев, рутинным практикам их взаимодействия с институциями. Через такие микроуровни выстраивается антропологичная картина истории Петербурга и его «немецких» пространств (Петри-

кирхе, немецкие колонии Петербурга, дачи северного побережья Финского залива). В то же время, связывая забытые и зачастую, как читатель увидит из статей, вытесненные из истории имена изгнанных, недооцененных или репрессированных людей немецкого происхождения с определенными адресами и точками Петербурга, авторы символически возвращают их в пространство города, возвращают им право на их город.

Таким образом, биографические статьи о немцах в Петербурге вносят свой имматериальный вклад в миссию, которую преследуют подобные инициативные проекты, известные в Европе и России под названиями «Stolpersteine gegen das Vergessen» и «Последний адрес».

Ю. В. Бучатская

XVIII век

M. M. Сафонов

**ВЕЛИКАЯ КНЯГИНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА
VS ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ
(вопрос об обмене Голштении)**

В статье анализируется скрытая борьба за власть, которую великкая княгиня Екатерина Алексеевна вела против своего мужа, герцога Гольштейн-Готторпского, великого князя Петра Федоровича, наследника российского престола. Автор показывает, что предметом этой борьбы стал вопрос об обмене Голштении на графства Ольденбургское и Дельменгорстское. Супруга наследника, секретно уполномоченная мужем управлять его патrimonием, старалась изо всех сил удалить от управления этой маленькой страной и морально дискредитировать камергера Петра Федоровича Х. А. Брокдорфа, который выступал категорическим противником обмена. Союзником Екатерины был канцлер А. П. Бестужев. Но великий князь не желал лишаться Голштении, которая являлась для него источником материальных и людских ресурсов. В инсюлициях жены он видел покушение на собственную власть и поэтому добился удаления от дел канцлера и великой княгини. Этот конфликт, вызванный тайным стремлением Екатерины к власти, сделал супругов «непримиримыми» до конца жизни.

Ключевые слова: великая княгиня Екатерина Алексеевна, великий князь Петр Федорович, императрица Елизавета Петровна, Х. А. Брокдорф, А. П. Бестужев, Голштения, обмен, мемуары.

M. M. Safonov

**GRAND DUCHESS EKATERINA ALEKSEEVNA
VS GRAND DUKE PETER FEDOROVICH
(the question of the exchange of Holstein)**

The article examines the hidden struggle for power that the Grand Duchess Ekaterina Alekseevna waged against her husband Duke of Holstein-Gottorf, Grand Duke Peter Fedorovich, heir to the Russian throne. The author shows that the subject of this struggle was the question of the exchange of Holstein for the counties of Oldenburg and Delmenhorst. The wife of the heir, secretly authorized by the husband to manage his patrimony, erased all his might to remove from the management of this small country and morally discredit Chamberlain of Peter Fedorovich H. A. Brockdorff, who opposed the exchange. Catherine's ally was Chancellor A. P. Bestuzhev. But the Grand Duke did not want to lose Holstein, which was a source of material and human resources for him. The insinuations of his wife, he saw the attempt on his own power and has achieved removal from the Affairs of the Chancellor and the Grand Duchess. This conflict caused by the secret desire of Catherine to power, did the spouses to the end of life are irreconcilable.

Keywords: Grand Duchess Ekaterina Alekseevna, Grand Duke Peter Fedorovich, Empress Elizabeth Petrovna, H. A. Brockdorff, A. P. Bestuzhev, Holstein, exchange, memoirs.

По памятным местам

Когда Ангальт-Цербстская принцесса София Августа Фредерики в начале февраля 1744 г. впервые прибыла в Петербург, чтобы стать супругой Гольштейн-Готторпского герцога Карла Питера Ульриха, объявленного наследником российского престола, то при петербургском дворе ее старались развлечь различными диковинками. После торжественного обеда в Зимнем дворце камергер С. К. Нарышкин решил позабавить немецких гостей экзотическими животными, которых они вряд ли когда-либо видели у себя на родине. Он велел привести во двор четырнадцать слонов, которых персидский шах Надир подарил российской императрице Елизавете Петровне. На забаву зрителей громадные животные «выделявали разные штуки (*«firent toute sorte de tours d'adresse»*¹) на дворцовом дворе». Затем гостям предложили прогуляться и посмотреть город. В феврале 1744 г. в России была Масленица — неделя карнавальных развлечений с катаниями с ледяных горок «в больших открытых линейках, поставленных на полозья», то есть в санях.

27 лет спустя императрица Екатерина II описала эти экзотические развлечения первых дней пребывания в российской столице на страницах своих мемуаров. Она вспомнила или, точнее сказать, посчитала нужным вспомнить только южных животных с их забавными «штуками» и чисто северные развлечения в русских санях на ледяных горах².

А вот ее мать, Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская, сопровождавшая дочь во время смотрина и пытавшаяся направлять каждый шаг своей четырнадцатилетней дочери в российской столице, тотчас по приезде описала их времяпрепровождение в письме к своему мужу Христиану Августу. Эту зрелую женщину заинтересовали не детские забавы, а совсем другой: «Вчера я видела этот прекрасный город, пользующийся известностью, которую действительно заслуживает, — писала она супругу. — Я велела показать себе место, откуда Ее Величество отправилась для осуществления своего намерения (то есть завладения престолом. — М. С.), весь путь, сделанный ею в знаменитую казарму преображенцев, откуда она взяла первых солдат. Непонятно, как Ее Величество могла вы-

держать такой длинный переход и как ей не изменили. Я забыла сказать, что между представленными мне утром было много унтер-офицеров лейб-компании»³.

В этом пассаже примечательно то, что принцесса-мать сама потребовала показать ей эти достопримечательности Петербурга. По ее мнению, столица Российского государства пользовалась заслуженной известностью именно благодаря им, и поэтому она хотела увидеть их прежде всего. Более того, она не просто смотрела на них, но анализировала, насколько длинен был путь, проделанный заговорщиками, насколько сохранение тайны заговора зависит от длины пути, который приходится совершать конспираторам для осуществления своего намерения. Ей было важно увидеть своими глазами тех людей, которые совершили всю «черновую работу» дворцовового переворота, от чьих усилий зависел успех его. Едва ли в тот день экзотической экскурсии Иоганна Елизавета могла предположить, что через 18 лет ее дочь Августа София Фредерика повторит путь Елизаветы Петровны, правда, по другому, более длинному, маршруту, и станет российской императрицей. Но важно то, что в глазах матери будущей Екатерины Великой столица России была тем местом, где легко совершаются дворцовые перевороты, где верховная власть может оказаться в руках человека, не имеющего никаких законных прав на нее. Кказанному следует добавить, что по пути в Петербург обе Ангальт-Цербстские принцессы останавливались в Риге. В числе знатнейших лиц города им представлялся генерал В. Ф. Салтыков. Он охранял в замке Дюнамунде свергнутых с престола Елизаветой Петровной младенца-императора Ивана Антоновича и его родителей со всем семейством, которое предполагалось отправить за границу⁴. Хотя будущая императрица и ее мать не встретились лицом к лицу с бывшим императором и его опальной семьей, эта чисто символическая «встреча» служила как бы наглядным подтверждением расхожего на Западе мнения о том, что Россия — классическая страна дворцовых переворотов, благодатная почва для честолюбцев и авантюристов, страна, где в принципе возможно невозможное. Где, наконец, в течение последних двадцати лет четыре женщины, не имевшие законных прав на престол, управляли страной.

Хотя в своих мемуарах Екатерина II упомянула только о символической «встрече» с Брауншвейгским семейством, а об исторической экскурсии по «елизаветинским местам» Петербурга, совершенной по настоятельной просьбе матери и порожденной отнюдь не праздным любопытством, не написала ни слова, можно не сомневаться: этот экскурс в недавнюю дворцовую историю не мог не оставить в душе честолюбивой девочки-подростка неизгладимый след. В своих мемуарах она признавалась, что с детства мысль о короне буквально «бродила» в ее голове⁵. Нет никакого сомнения в том, что эта же мысль не покидала ее буквально с первого шага по русской земле. Об этом недвусмысленно свидетельствует инцидент, который произошел, когда немецкая принцесса, невеста наследника получила титул российской великой княжны в июне 1744 г. Примечательно, что во второй редакции своих мемуаров, написанной в 1790-е годы, мемуаристка предпочла опустить этот эпизод, отражавший ее тайные желания, о которых в конце жизни она предпочитала не вспоминать.

Несостоявшаяся наследница

Вначале отношения великой княгини с императрицей Елизаветой Петровной складывались почти идеальными. «Приезд княгини Ангальт-Цербстской с ее дочерью. Восторг императрицы», — записал библиотекарь великого князя Я. Штелин⁶. «Наша дочь, — сообщила Иоганна Елизавета мужу, — стяжала полное одобрение, императрица ласкает, великий князь любит ее»⁷. Но это продолжалось недолго. Уже ранней осенью 1744 г., то есть чуть более полугода спустя после приезда Екатерины в Россию, Елизавета Петровна была очень недовольна поведением своей новой «племянницы», которая готовилась к тому, чтобы стать ее будущей невесткой. Недовольство, точнее говоря, гнев императрицы был вызван не только тем, что ей стало известно, что пятнадцатилетняя немецкая девочка одаривает нужных людей и по этой причине она и ее мать залезают в долги. За эти полгода императрица осознала: германская принцесса думает не только о том, чтобы стать женой наследника престола. Она не против того, чтобы самой стать наследницей, и всерьез думала о том, чтобы надеть корону... И не просто думала.

Она готовилась к этому. Церемония обручения с Петром впервые приоткрыла, как далеко простираются виды и замыслы Ангальт-Цербстской принцессы.

Мать новообращенной Иоганна Елизавета, видя, что императрица выражает к своей будущей невестке «чрезвычайную нежность», попыталась «этим как-нибудь воспользоваться». Иоганна Елизавета благодаря своей безграничной дружбе с принцессой Гессенской, урожденной княгиней А. И. Трубецкой, привязала к себе это семейство. Генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой, высшее должностное лицо империи, принадлежал к той же фамилии. Поэтому мать невесты склонила его «во время публикации указа», по которому новоиспеченная Екатерина «была объявлена великой княгиней»⁸ с титулом императорского высочества, спросить императрицу, нужно ли дочери принимать присягу и «прибавлять ли титул наследницы», «как бы из-за опасения ошибки». Трубецкого отправили с простым «нет», однако все вышеперечисленное было объявлено при «трубных звуках»⁹.

Впервые Екатерина упомянула об этом факте в краткой так называемой «Автобиографической записке», написанной еще при жизни Елизаветы Петровны во второй половине 1750-х годов¹⁰. В этом наиболее раннем тексте воспоминаний мемуаристка не оставляет сомнений в том, что честолюбивая инициатива исходила от них, ее матери и нее самой: «Хотели этим как-нибудь воспользоваться», и мать «склонила обер-прокурора»¹¹.

Примечательно, что в первой редакции своих «Записок», написанной в первой половине 1770-х годов, Екатерина уже пыталась интерпретировать этот эпизод как неудачную инициативу куртизана Трубецкого: «Князь Никита Юрьевич Трубецкой, тогда генерал-прокурор Сената, получил от императрицы приказание написать Сенату указ относительно этих двух титулов, которые императрица пожаловала мне по старинному обычаю, спросил, надо ли к ним прибавить слово “наследница”, которое давало право на престолонаследие, императрица сказала, что нет, но он всю жизнь старался вменить себе в заслуги этот вопрос в глазах матери и моих; этот факт небезызвестен в его семье, но в итоге за исключением, конечно, этого вопроса, он не сделал и не посмел

сделать ни шагу по этому поводу, и я всегда это принимала за то, что и было, то есть за черту куртизана»¹².

В этой трактовке обращает на себя внимание, что Екатерина пытается представить дело так, будто инициатива исходила от самого Трубецкого, а ее мать и она сама палец о палец не ударили для того, чтобы этот вопрос был поставлен. Но мы-то уже знаем, кто хотел этим «воспользоваться» и «склонил» Трубецкого. Правда, Екатерина, сама того не желая, проговаривается. Порицая Трубецкого за то, что он ничего не предпринял сверх того, что сделал, мемуаристка волей-неволей тем самым подтверждает: таково было горячее желание Иоганны Елизаветы и ее самой.

Очевидно, Екатерина в конце концов почувствовала, что весь этот эпизод, как бы его ни трактовали, в конечном итоге мог бы обернуться против нее, потому что раскрывал то, что она тщательно скрывала. Потому в заключительной редакции «Записок» о титуле «наследница» уже не упоминается вовсе.

Между тем Иоганна Елизавета оставила недвусмысленное свидетельство о том, каковы были в действительности их устремления. Мать невесты отправила в Германию подробное описание обряда обращения Екатерины в православие и церемонии помолвки — «Известие о торжественном принятии моей дочерью греческой веры и о празднике на следующий день». Здесь сказано, что «один из епископов читал громким голосом указ, которым ее императорское величество объявляла государству о помолвке великого князя, своего наследника, с молодой принцессой, провозглашенною с ее титулом и которая с этой минуты будет именоваться благоверною великой княжною всея России и императорским высочеством»¹³ («Un eveque lut à haut voix l'ukase par lequel sa majesté imperial déclare à empire le mariage du grand duc, successeur, avec cette jeune princesse, que l'on nomma par son titre, qui depuis ce moment portera les titres de reichtglaubigen gross-furstin aller reussen und kaiserlichen hoheit»¹⁴).

В одном из вариантов этого описания, отправленного на родину, мать невесты сделала очень важную приписку: «Титул благоверной великой княжны есть великой важности и возвещает ее наследницей» («Le titre de reichtglaubigen gross-furstin est d'une grande impotence et la répute hérituer»)¹⁵. Едва ли Иоганна Елизавета хотела

ввести читателей в заблуждение. Она принимала желаемое за действительное и пыталась уверить в этом мужа, родственников и современников¹⁶. Ее «Известие» попало во «Всеобщий лексикон», издаваемый в Лейпциге Цейдлером¹⁷. А из этой публикации сведения о Екатерине-наследнице перекочевали и в другие издания с той лишь разницей, что помолвка была заменена бракосочетанием.

Происхождение этой ошибки легко объяснимо. Мать Екатерины, имея в виду указ о помолвке дочери, употребила французское слово «*le mariage*», то есть «бракосочетание». Причем из конструкции фразы Иоганны Елизаветы, человек, незнакомый с русскими реалиями, легко мог заключить, что Екатерина становилась наследницей с того момента, как вступала в брак. Отсюда один шаг до того, чтобы умозаключить, что великая княгиня наследует мужу, если брак останется бездетным. Именно так ситуацию поняли французские авторы Д.-Г. Гудар¹⁸ и К.-К. Рюльер¹⁹, а вслед за ними и русские исследователи П. И. Бартенев²⁰ и Я. К. Гrot²¹.

Из «Записок» Екатерины явствует, что во время помолвки мимоходом и как бы между прочим попытались решить вопрос огромной политической важности. Фактически титул наследницы означал, что в том случае, если с будущим супругом Екатерины что-нибудь случится, она как «наследница» будет иметь право претендовать на престол. На первый взгляд эта попытка выглядит несерьезно, ведь такие вопросы не решались между прочим. Однако усилия Трубецкого не были так уж безнадежны, как это может показаться. Для Елизаветы вопрос о престолонаследии стоял чрезвычайно остро. Ее пугала перспектива остаться без наследников. Ведь с этим были прямо связаны стабильность и прочность ее власти. Племянник в один прекрасный момент мог внезапно умереть. В этой ситуации надежда на то, что императрица согласится подстраховаться в случае внезапной кончины Петра, не выглядит столь беспочвенной.

Видимо, мысль о том, что жена Петра или даже невеста может стать наследницей в случае его смерти, обсуждалась как один из возможных вариантов. Не случайно прусский министр Подевильс полагал, что Елизавета, «вероятно, объявит великую княжну наследницей русского престола в случае смерти Петра Федоровича»²².

Трубецкой же по наущению Иоганны Елизаветы попытался придать этому намерению некую юридическую форму, но получил отказ. Мысль же о том, что Екатерина может занять место Петра в случае его бездетной кончины, осталась в голове его невесты, а потом и жены. Более того, она стала руководством к действию.

Прочитав в «Лексиконе» Цейдлера, что при бракосочетании «постановлено было, что в случае бездетной кончины великого князя наследницей российского престола будет Екатерина», П. И. Бартенев сделал интересное замечание: «Условие чрезвычайно важное и объясняющее нам весь последующий образ действий Екатерины»²³. Такова же была и реакция Я. К. Грота на сообщение цейдлеровского «Лексикона»: «Для разъяснения всего образа действий Екатерины при дворе Елизаветы Петровны необходимо иметь в виду важное постановление... Таким образом в Екатерине естественно пробудилась забота готовиться к положению, которого предчувствие уже и прежде... жило в ее душе»²⁴. К сожалению, ни П. И. Бартенев, ни Я. К. Грот сами не объяснили «весь последующий образ действий Екатерины». И хотя мы знаем, что как такового постановления о наследовании великой княгиней престола в случае бездетной смерти великого князя в действительности не было, тем не менее глубокая мысль этих историков о том, что перспектива наследовать мужу служит ключом к поведению Екатерины до ее воцарения, заслуживает пристального внимания.

Момент истины

В начале 1749 г. в Москве Елизавета тяжело заболела «от колик вследствие запора». Болезнь эта оказалась настолько серьезной, что А. П. Бестужев и С. Ф. Апраксин «спали или провели ночь в комнатах Чоглоковых». У Бестужева и Апраксина вместе с другими лицами, на преданность которых Екатерина и Петр не могли рассчитывать, «были постоянные маленькие совещания, совершенно тайные и при закрытых дверях». От велиокняжеской четы тщательно скрывали опасное положение государыни. Им не разрешали без позволения покидать свои покои. «Великий князь, в особенности при своей трусости, не знал, какому святому молиться; я ему внушала, — пишет мемуаристка, — мужество. Просила его держать

себя весело и спокойно и говорила ему, что я постараюсь быть возможно лучше осведомленной через моих людей о состоянии здоровья императрицы, а если б она умерла от этой болезни, то я открою двери, чтоб он мог выйти из своих покоев, где его держали, так сказать, взаперти, и если бы другого свободного выхода не оказалось, то окна наших покоев в нижнем этаже были достаточно низко расположены, чтобы можно было в случае нужды выпрыгнуть на улицу. Кроме того, я ему сказала, что полк графа Захара Чернышева, на которого, мне казалось, я могла рассчитывать, находился в городе и что несколько капралов лейб-компании, которых я ему назвала, не покинули бы его»²⁵.

Совершенно очевидно, что и Петр, и Екатерина очень боялись того, что вследствие болезни или даже смерти Елизаветы власть может ускользнуть из их рук: на трон будет возведено другое лицо либо наследником объявит кого-то иного, и это очень существенно усложнит путь Екатерины к трону²⁶. На этом этапе интересы супругов пока совпадали. Поэтому они тщательнейшим образом следили за развитием событий. На случай неблагоприятного исхода Екатерина уже приняла свои меры. «Комнатная гвардия» была распущена, а персонал разослан по провинциям²⁷, но у Екатерины уже были полк З. Г. Чернышева, ранее имевшего непосредственное отношение к так называемому полку его высочества, и несколько надежных лейб-компанцев.

Характерно, что в поздней редакции своих мемуаров Екатерина уже ни словом не обмолвилась о существовании этого плана. Это и понятно. Ведь то, что у нее был наготове полк Захара Чернышева и несколько лейб-компанцев, свидетельствовало о том, как тщательно она собирала военные силы после кризиса, случившегося весной 1746 г., которые могли бы понадобиться в чрезвычайных обстоятельствах.

Зимой 1749 г. они не понадобились. «После нескольких дней крайне опасного положения, в течение которых много шептались во всех комнатах дворца, императрица почувствовала себя лучше, и каждый вернулся в свою скорлупу»²⁸. Летом 1749 г. в Перово под Москвой у Елизаветы случился новый приступ колик. Ее перевезли в Москву, при этом лошади ехали шагом. Однако вскоре она

оправилась от болезни²⁹. Но события этого года показывали, что надежды на скорую смерть Елизаветы вовсе не беспочвенны.

В 1756 г. болезненные припадки Елизаветы участились³⁰. На этот раз Екатерина описала свой план действий в том случае, «если настолько будут добры умереть»³¹, в письме английскому дипломату Ч. Вильямсу. Этот план отличается от того, который попал в «Записки» под 1749 г., лишь тем, что более подробно разработан с учетом изменившихся за семь лет реалий. Но в нем есть одна замечательная фраза: «Прибавьте к этому, что младшие офицеры лейб-компанцы — люди надежные, и хотя я не имею сообщений со всеми, но я могу в достаточной мере рассчитывать на двух или трех из них и настолько пользуюсь уважением, что заставлю повиноваться мне всякого, кто не будет подкуплен» (разрядка моя. — М. С.)³². Характерно, что интерес Иоганны Елизаветы к лейб-компанцам не прошел даром для ее дочери.

30 августа 1756 г. Екатерина написала Вильямсу: «Я решалась погибнуть или царствовать». А два месяца спустя она заявила: «Я всегда буду всем или ничем»³³.

Назад на Родину

Кто бы мог подумать, что через 14 лет потенциальная наследница Петра Федоровича станет на коленях умолять императрицу выслать ее из России и отправить к родным. В ночь на 14 апреля 1758 г. в Зимнем дворце в покоях Елизаветы Петровны имела место удивительная сцена. Накануне Екатерина заявила: ей настолько худо, что она хочет исповедоваться. Духовник императрицы Ф. Я. Дубянский, родственник камер-фрау великой княгини Е. И. Шаргородской, принял исповедь почти умирающей жены наследника, а потом пересказал все услышанное Елизавете Петровне³⁴. Результатом этого пересказа и стало «ночное randevu». Оно длилось полтора часа и окончилось около трех пополуночи. Императрица не догадывалась, что «предсмертная исповедь» была заранее подстроена и затем, словно по нотам, разыграна женой наследника и ее помощниками. Так что, отправившись на секретную ночную аудиенцию, Екатерина заставила Елизавету играть по своим правилам. Жена Петра Федоровича прекрасно знала, что Елизавета ни в коем

случае не вышлет ее из России. Прежде всего потому, что не сможет публично объяснить причины такой высылки, не причинив ущерба авторитету Российской империи, престижу правящей в России династии. А кроме того — и это, пожалуй, самое главное, — великой княгине было хорошо известно, что до того, как она стала просить об этом, с таким же требованием к императрице обратился ее муж, племянник Елизаветы, сын ее родной сестры Анны, герцог Гольштейн-Готторпский³⁵. Она выписала его из Гольштинии и объявила наследником Российской империи, а он, пробыв в этом качестве 15 лет, посмел просить отпустить его обратно в Гольштению, где он будет жить простым полковником. С просьбой посодействовать этому великий князь обратился к фавориту императрицы И. И. Шувалову. Это произошло во время свадьбы Салтыковой и Измайлова, по всей видимости, 11 ноября 1757 г.³⁶

Желание будущего императора всероссийского жить простым немецким полковником особенно сильно должно было уязвить dochь Петра I. Она знала, что ее племянник имел сильнейшую склонность к военной службе, перераставшую в страсть. Но, будучи назначенным подполковником Преображенского и полковником Кирасирского полков, наследник намеренно не допускался ею по соображениям собственной безопасности к руководству российскими военными соединениями. Петр был вынужден ограничиваться командованием небольшим отрядом голштинцев, которых управлявшие малым двором Шуваловы позволяли ему выписывать на небольшой срок из Гольштении. Елизавета Петровна, несмотря на свое искреннее возмущение просьбой «неблагодарного» племянника, не могла не понимать, что сложившиеся положение не удовлетворяло жаждущего деятельности тридцатилетнего мужчину, в котором по-прежнему все хотели видеть мальчика. Но просьба российского наследника отпустить его на родину, чтобы жить там простым полковником, буквально шокировавшая Елизавету, была продиктована не только стремлением заниматься военным делом «по-настоящему». В просьбе отпустить звучало желание получить личную свободу, освободиться от угнетающей опеки, в которой большой двор содержал малый, превратив его, по словам Екатерины, в некую разновидность «политиче-

ской тюрьмы»³⁷. Самое главное, что побудило Петра Федоровича решиться на этот отчаянный шаг, заключалось в следующем. Более всего он опасался навсегда потерять свой патrimonий — доставшееся ему по наследству от отца Гольштейн-Готторпское герцогство. Оно было не только его любимой родиной, но и источником материальных, людских и — что было особенно важно для него — военных ресурсов. Петр Федорович прекрасно понимал, что дела в Гольштении шли далеко не блестяще: расходы превышали доходы, страна была обременена долгами. Он соглашался вести переговоры с Данией об обмене Гольштении на герцогства Ольденбургское и Дельменгорстское³⁸. В этих переговорах Елизавета Петровна предоставила ему полный карт-бланш, объявив, что она не вправе стеснять волю своего племянника, который является сувереном этой страны³⁹.

«Реальный Петр III, — пишет Ф.-Д. Лиштенан, — в отличие от того слабоумного урода, каким его изобразила в своих “Записках” коварная Екатерина, вел переговоры твердо и отстаивал свои территориальные права с большим упорством»⁴⁰. Когда Петр Федорович решился на свой отчаянный демарш, на него оказывали тайное давление с целью заставить его лишиться своей собственности. И это более всего напугало великого князя. Давление исходило от канцлера А. П. Бестужева и супруги Екатерины, ставшей к тому времени ближайшей союзницей канцлера, своего бывшего заклятого врага. Как утверждала Екатерина впоследствии, прежде всего борьба вокруг вопроса о Гольштении побудила ее сделать такой невероятный разворот на 180 градусов и помириться со своим «смертельным врагом»⁴¹.

Именно Бестужев фактически вынудил Петра обратиться к Елизавете с просьбой, которая не могла не выглядеть в глазах императрицы просто возмутительной⁴². Разумеется, дальновидный канцлер понимал, что Елизавета племянника не отпустит. Но сама перспектива удаления наследника в Гольштению побудит императрицу, здоровье которой именно в это время сильно пошатнулось, ускорить обмен, пока она еще жива. Это была настоящая интрига, в которой немалая доля участия принадлежала и жене наследника Екатерине.

Однако канцлер и великая княгиня просчитались. Оказавшись в таком сложном положении и не находя иного средства сохранить за собой патrimonию, Петр нашел выход в том, что решил открыться Елизавете. По донесениям австрийского посла Эстергази и датского посланника Остина, великий князь пожаловался императрице на то, что на него оказывают откровенное давление: «В довершение всего из слов Петра Федоровича было ясно, что все эти речи вложил ему в уста дерзкий канцлер»⁴³. Именно это признание великого князя предопределило падение всесильного канцлера.

Крах канцлера

Принято считать, что «падение» Бестужева было вызвано изменением вектора внешней политики России и настоятельными требованиями послов Австрии и Франции заменить канцлера А. П. Бестужева вице-канцлером М. И. Воронцовым, сторонником новой ориентации. Так представила дело Екатерина II в своих «Записках»⁴⁴. И так смотрели на это дело С. М. Соловьев⁴⁵, В. А. Бильбасов⁴⁶ и другие исследователи. В. А. Бильбасов в 1900 г. выпустил в Берлине наиболее обстоятельную биографию Екатерины II. Его фундаментальной работой, которая представляется кладезем фактического материала, и поныне широко пользуются современные биографы императрицы. Но в 1901 г., то есть всего лишь через год через год после берлинской публикации В. А. Бильбасова, в Одессе вышло из печати небольшое по объему сочинение Е. Н. Щепкина «Падение канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина (по новым данным Копенгагенского и Венского архивов)». Эта малоизвестная, основанная на донесениях датского посланника Остина и австрийского посла Эстергази публикация, к сожалению, осталась в тени. А между тем воспроизведенные в ней материалы датского и австрийского архивов позволяют правильно понять, что же в действительности произошло и каковы были причины кризисной ситуации при петербургском дворе в первой половине 1758 г.

Как известно, канцлер был арестован 14 февраля 1757 г. и осужден за оскорбление ее величества⁴⁷. Ему ставилось в вину то, что он «клеветал Е.И.В. на их высочества, а в то же время старался преогорчить и их высочества против Е.И.В.», «в самодержавное

государство вводил соправителей и сам соправителем сделался». Следственное дело Бестужева, видимо, было изрядно подчищено после воцарения Екатерины II. В нем отсутствуют многие документы, прежде всего протокол первого допроса⁴⁸. Да и следователи не желали доискиваться до истины ввиду возможной скорой кончины Елизаветы и воцарения Петра Федоровича. Согласно донесениям Остина, великий князь потребовал от А. П. Шувалова, чтобы имя его супруги не фигурировало в деле⁴⁹. Да и сама Екатерина на следующий день после ареста дала понять следователям, чтобы канцлера не пытали и вообще допрашивали мягко⁵⁰. Следователи же не могли не считаться с пожеланиями вероятных завтраших правителей России.

Между тем, как справедливо отмечал Е. Н. Щепкин, причина падения Бестужева заключалась не только в том, что он проводил свою английскую политику вопреки воле Елизаветы Петровны, но и в попытке осуществить обмен Голштинии против воли великого князя, а это в глазах Петра Федоровича было тяжким преступлением⁵¹. Жена же великого князя, как теперь становится понятно, стремилась удалить тех, кто этому обмену сопротивлялся. О том, что она старалась лишить мужа голштинской собственности, Екатерина ни словом не обмолвилась в своих «Записках». Как раз наоборот. В мемуарах она пытается представить себя противницей обмена. И это очень важный факт, никем еще не отмеченный. Он проливает определенный свет на тайные стремления этой жаждущей власти женщины.

«Баба-птица»

Вторая редакция мемуаров Екатерины II начинается с рассказа о том, как зимой 1750–1751 гг. по просьбе мужа она обсуждала с австрийским дипломатом Берни вопрос об обмене Голштинии. Великая княгиня выступила против обмена. Она заявила, что в настоящий момент он невыгоден и предосудителен для репутации Петра⁵². В тексте мемуаров нет упоминаний о том, что впоследствии мемуаристка переменила свою точку зрения.

В действительности же Екатерина была сторонницей обмена. С. Понятовский, один из участников дворцовой интриги против

Петра Федоровича, близкий к великой княгине в то время, упомянул в своих мемуарах, будто подозревал, что Екатерина «склоняется к идеи Бестужева вынудить великого князя совсем отказаться от своего голштинского герцогства, дабы оно не стало (как говорил канцлер) “русским Ганновером”, — тут заключая намек на явное предпочтение, оказываемое Георгом III интересам курфюршества перед интересами Англии»⁵³.

Одним из отрицательных героев «Записок» Екатерины II является генерал-майор голштинской службы Христиан Август Брокдорф, камергер великого князя, выходец из Голштинии. Пожалуй, это самый отрицательный персонаж в ее мемуарах. Ни на одного из таких «отрицательных героев» перо мемуаристки не излило столько яда и желчи, как на этого любимца великого князя. И именно Брокдорф, в руках которого во второй половине 1750-х годов сосредоточилось фактическое управление Гольштейн-Готторпским герцогством, стал ключевой фигурой, вокруг которой разразился непреодолимый конфликт между великокняжеской четой. В этом конфликте, как в капле воды, отразилось неодолимое желание великой княгини властствовать. Всякий же, кто вставал на ее пути, получал в мемуарах отрицательные характеристики. Каким бы ни был Брокдорф на самом деле, количество негатива, излитого на этого персонажа мемуаристкой, заставляет усомниться в ее объективности.

Читателю ясно: Брокдорф — отвратительнейший персонаж как внешне, так и внутренне. К сожалению, я никогда не видел его портрета и не знаю, существуют ли его изображения. Но под первом Екатерины Брокдорф выглядит почти уродом: «...как человек Брокдорф был точно так же омерзителен своей внешностью, как и внутренними качествами. Он был высок, с длинной шеей и тупою плоской головой; притом он был рыжий и носил парик на проволоке; глаза у него были маленькие и впалые. Почти без ресниц и без бровей; углы рта спускались к подбородку, что придавало ему всегда жалобный и недовольный вид»⁵⁴. Екатерина дала Брокдорфу прозвище «Баба-птица». «Птица эта, — по словам мемуаристки, — была самая отвратительная, какую только знали».

Екатерина утверждала, что ненавидимый ею Брокдорф предлагал убивать своих раненых, чтобы сделать армию более мобиль-

ной⁵⁵. Никто, кроме нее, не упоминает о подобной жестокости. Мемуаристка же не стесняется в выражениях и не жалеет эпитетов относительно Брокдорфа. Она называет его «очень ограниченным и упрямым болваном», «чурбаном», «чумой»⁵⁶. Сообщает, что он не только был любителем ходить к «девкам»⁵⁷, но и сам выступал в роли сводника. Так, по ее словам, сенатор Р. И. Воронцов, пребывавший в немилости, хвалился тем, что он может преодолеть нерасположение к нему Петра, для этого стоит накормить обедом Брокдорфа, напоить его английским пивом и положить ему в карман шесть бутылок этого напитка для Петра. И «тогда он и его дочь станут первыми матадорами милости великого князя»⁵⁸. Екатерина изображает в мемуарах Брокдорфа порочным персонажем, указывая, будто он брал взятки со всех, кто мог дать, научил так же поступать и Петра Федоровича, у которого постоянно не было денег; продавал ордена и титулы всем, кто хотел платить, устраивал через великого князя дела в Сенате, тягостные для империи и противоречащие законам Петра I. «Сверх того, Брокдорф вовлекал великого князя более, чем когда-либо, в пьянство и в кутежи, окружив его сбродом авантюристов и людей, добытых из кордегардии и из кабаков как из Германии, так и из Петербурга, людей без стыда и совести, которые только и делали, что ели, пили, курили и болтали грубый вздор»⁵⁹.

Силу влияния Брокдорфа Екатерина объясняет тем, что хитрый голштинец льстил преобладающей страсти Петра к военным занятиям. Он сумел убедить обер-гофмейстера малого двора А. И. Шувалова и его влиятельных родственников выписать военный отряд из Голштинии, разбить лагерь под Оранienбаумом и заниматься там экзерцициями. Шуваловы искали милостей у будущего императора и поэтому пошли на то, с чем ранее боролся предшественник А. И. Шувалова Н. Н. Чоглоков. Они сумели убедить Елизавету Петровну в том, что это не опасно для ее власти. Екатерина с презрением описала этот отряд, враждебно встречененный русскими, и подчеркнуто дистанцировалась от него. Если раньше она сама участвовала в упражнениях «комнатной гвардии» и даже помогала ее финансировать⁶⁰, то теперь новая ипостась неформального военного объединения, на этот раз вполне легальная,

дтище Брокдорфа, вызывала у нее активное неприятие⁶¹. Весной 1757 г. в Ораниенбауме было 1300 человек голштинского войска. Там устраивались большие ужины в лагере. Певицы, танцовщицы, «множество мещанок весьма дурного свойства, которых ему привозили из Петербурга». Елизавета эти попойки не запрещала, хотя Екатерина поджидала удобную минуту, чтобы серьезно поговорить с Петром о его окружении и интригах.

Брокдорф vs Екатерина

Рисуя самыми мрачными красками Брокдорфа, мемуаристка без обиняков дает понять, что этот скверный во всех отношениях человек стал яблоком раздора между супругами и послужил главной причиной семейного конфликта. По ее словам, она старалась убедить мужа от тлетворного влияния «этого мерзавца», в то время как супруг всячески стремился удержать его возле себя. Мемуаристка представляет дело следующим образом. А. И. Шувалов, стоявший во главе малого двора, плохо относился к Екатерине и старался причинить ей как можно больше неприятностей. Приехавший тайно из Голштинии Брокдорф познакомился «у девок» с П. И. Шуваловым, сошелся с ним и сблизился с его родственниками. Узнав, что Шуваловы конфликтуют с великой княгиней, Брокдорф сумел использовать этот конфликт в своих целях. Имея доступ к Петру в качестве камергера великого князя, он передавал ему жалобы Шуваловых на Екатерину. Выступая посредником между кланом Шуваловых и наследником, Брокдорф вошел в доверие к тем и другим. Жертвой же этой комбинации стала сама Екатерина. Настроенный Брокдорфом и И. И. Шуваловым на то, чтобы «образумить» жену, Петр Федорович устроил ей сцену, в ходе которой он впервые стал угрожать супруге оружием: «С этой целью Его Императорское Высочество однажды после обеда пришел ко мне в комнату и сказал, что начинаю становиться невыносимо горда и что он сумеет меня образумить. Я его спросила: “В чем состоит эта гордость?” Он мне ответил, что я держусь очень прямо. Я его спросила: “Разве для того, чтобы ему понравиться, нужно гнуть спину, как рабы турецкого султана?” Он рассердился и сказал мне, что сумеет меня образумить. Я спросила у него: “Каким образом?” Тогда он присло-

нился спиной к стене, вытащил наполовину свою шпагу и показал мне ее. Я его спросила: “Что это значит, не рассчитывает ли он драться со мной; что тогда и мне нужна шпага”. Он вложил свою наполовину вынутую шпагу в ножны и сказал мне, что я стала ужасно зла. Я спросила его: “В чем?” Тогда он мне пробормотал: “А по отношению к Шуваловым”. На это я отвечала, что это лишь в отместку и что он хорошо сделает, если не станет говорить о том, чего не знает и в чем ничего не смыслит. Он стал говорить: “Вот что значит не доверяться своим истинным друзьям, и выходит плохо. Если бы вы мне доверились, то это пошло бы вам на пользу”. Я сказала ему: “Да в чем доверяться?” Тогда он стал говорить мне такие несуразные вещи, столь лишенные самого обыкновенного здравого смысла, что я, видя, что он просто-напросто заврался, дала ему говорить, не возражая ему, и воспользовалась перерывом, удобным, как мне показалось, чтобы посоветовать ему идти спать, ибо я видела ясно, что вино помутило его разум, лишило его всякого признака здравого смысла. Он последовал моему совету и пошел спать. От него уже тогда начало почти постоянно нести вином вместе с запахом курительного табака, так что это бывало буквально невыносимо для тех, кто к нему приближался⁶².

Однако еще при жизни Петра, в 1760 г., Екатерина написала небольшое сочинение под названием «Анекдот». Оно всецело было посвящено Брокдорфу. Здесь совсем по-иному рассказывается история начала конфликта великой княгини и голштинского юркенка. Согласно этому более раннему тексту, Брокдорф говорил Екатерине о каких-то проектах Шуваловых. Петр был обеспокоен, считая себя в опасности. Но Екатерина хранила спокойствие. Брокдорф посоветовал Екатерине против этих проектов принять меры, которые он подробно изложил. Видя, что Екатерина не принимает их всерьез и хочет выгнать его, отправив назад в Голштинию, Брокдорф переметнулся на сторону Шуваловых и предложил им свои услуги, которые мог им оказать, находясь в фаворе у великого князя. Екатерина письменно изложила все, что Брокдорф сделал противоречивого: его поступки за и против Шуваловых. Она передала свою записку мужу. Брокдорф склонил Петра Федоровича передать ее содержание А. И. Шувалову. Тот посчитал,

что автором всего, что было против Шуваловых, являлась великая княгиня⁶³.

Как бы то ни было, главная «вина» Брокдорфа в действительности заключалась в том, что он претендовал на единоличное управление делами Голштинии, и именно здесь «коса нашла на камень». На его пути оказалась Екатерина.

Екатерина vs Брокдорф

Открытое столкновение с Брокдорфом жена Петра III представила в мемуарах как попытку склонить ее мужа совершивший противозаконный поступок. Речь шла о том, что в Голштинии все жаловались на некого Элендсгейма, который стоял во главе Департамента юстиции, однако никто не смел выступить обвинителем, потому что Элендсгейм сосредоточил в своих руках огромную власть. Брокдорф предлагал Петру арестовать Элендсгейма и тем самым вскрыть все его преступления. Екатерина выступила категорически против этого, мотивируя свое решение тем, что нельзя арестовывать человека, если против него не выдвинуто никаких обвинений. Если же великий князь послушается Брокдорфа, то его репутации будет нанесен непоправимый ущерб. То есть мемуаристка представляла себя в воспоминаниях поборником законности и справедливости, «честным и благородным рыцарем, основным побуждением которого всегда были честность и добрая воля», как она характеризует себя в конце «Записок»⁶⁴. Но убедить мужа ей не удалось. Петр заявил, что она хочет быть «умнее других». Екатерина парировала: она говорит «не для того, чтобы умничать», а потому, что ненавидит несправедливость и не думает, что он так или иначе «захотел с легким сердцем сделать несправедливость». Тогда великий князь приказал жене переговорить с Брокдорфом и отвел ее в свою комнату. Здесь голштинский любимец Петра употребил все свое красноречие, но лишь повторил те же аргументы, которые уже огласил его патрон. Екатерина осталась непреклонна. Она еще раз заявила, что великого князя стараются склонить «на вопиющую несправедливость». Петр слушал, «мечтая о другом». Брокдорф же «с очерствевшим от злобы сердцем, ума очень ограниченного и упрямый, как чурбан», не мешал ей говорить, «не имея других

доводов». «Но когда я вышла, — писала Екатерина, — он сказал великому князю, что все, что я говорила, вытекало лишь из того принципа, какой мне внушало желание властствовать, что я не одобряю никаких мер, относительно которых не давала совета, что я ничего не понимаю в делах. Что женщины всегда хотят во все вмешиваться и что они портят все, чего касаются, что в особенности действия решительные им не под силу, наконец, он столько наговорил и наделал, что восторжествовал над моим мнением, а великий князь, убежденный им, велел оставить и подписал приказ, который был отправлен, чтобы арестовать Элендсгейма»⁶⁵. Как только Екатерина узнала, что Брокдорф взял верх и дело Элендсгейма осталось в его руках, благодаря чему он заставил «трепетать... всю Голштинию», великая княгиня решила показать любимцу мужа свое «негодование». Она заявила министру по голштинским делам Пехлину и его секретарю Цейсу, что с этой минуты смотрит на Брокдорфа «как на чуму, от которой надо бежать и которую следует удалить от великого князя, если бы это было возможно», что она «употребит все усилия, какие только будут в ее силах». «Действительно, — пишет мемуаристка, — я старалась показать при всяком случае, как публично, так и частным образом, презрение и отвращение, которые мне внушало поведение этого человека; не было тех насмешек, какими бы я его не осыпала, и я отнюдь ни от кого не скрывала, когда представлялся к тому случай, что я думаю на его счет»⁶⁶.

Екатерина Алексеевна и Голштиния

Примечательно, что, рассказывая о своем остром конфликте с Брокдорфом, Екатерина хочет представить человеком, который более всего обеспокоен стремлением уберечь репутацию мужа⁶⁷. При этом мемуаристка умалчивает, что она уже давно занимается управлением голштинскими делами. В другом месте мемуаров она как бы невзначай рассказывает почти анекдотический случай о том, как перепивший накануне ее муж, не желая занимать свою большую после перепоя голову мелкими делами, согласился на предложение голштинского чиновника, чтобы великая княгини сама решала бы мелкие дела. «В это время в одно прекрасное утро великий князь

вошел подпрыгивая в мою комнату, а его секретарь Цейс бежал за ним с бумагой в руке. Великий князь сказал мне: “Посмотрите на этого черта: я слишком много выпил вчера, и сегодня еще голова идет у меня кругом, а он вот принес мне целый лист бумаги, и это еще только список дел, которые он хочет, чтобы я кончил, он преследует меня даже в моей комнате”. Цейс мне сказал: “Все, что я держу тут, зависит только от простого ‘да’ или ‘нет’, и дела-то всего на четверть часа”. Я сказала: “Ну, посмотрим, может быть, вы с этим скорее справитесь, нежели думаете”. Цейс принялся читать, и по мере того, как он читал, я говорила “да” или “нет”. Это понравилось великому князю, а Цейс ему сказал: “Вот, Ваше Величество, если бы вы согласились два раза в неделю так делать, то ваши дела не останавливались бы. Это все пустяки, но надо дать им ход, и великая княгиня покончила с этим шестью ‘да’ и приблизительно столькими же ‘нет’”. С этого дня Его Императорское Высочество придумал посыпать ко мне Цейса каждый раз, как тому нужно было спрашивать “да” или “нет”. Через несколько времени я сказала ему, чтобы он дал мне подписанный приказ о том, что я могу решать и чего не могу решать без его приказа, что он и сделал. Только Пехлин (министр по голштинским делам. — М. С.), Цейс, великий князь и я знали об этом распоряжении, от которого Пехлин и Цейс были в восторге: когда надо было подписывать, великий князь подписывал то, что я постановила. Но это сохранялось в строжайшем секрете»⁶⁸.

Доверенность Екатерине Алексеевне на управление Голштинией была выдана в марте 1755 г.⁶⁹ Елизавета Петровна об этом документе не знала, полагая, что племянник сам управляет своим владением. А великая княгиня теперь получила возможность беспрепятственно общаться с канцлером⁷⁰.

Из мемуаров следует, что, когда имел место спор об аресте Элендсгейма, Екатерина еще не имела никаких полномочий по управлению Голштинией и просто выступила ревнителем справедливости и хранителем мужниной репутации. Но из «Анекдота» о Брокдорфе, написанного за тридцать лет до того, как она начала работу над второй редакцией «Записок», известно, что Екатерина еще до инцидента с Элендсгеймомправляла делами герцогства

и наметила ряд мер, которые должны были стабилизировать там обстановку. Брокдорф же, имевший большее влияние на Петра и через него на управление Голштинией, все меры, предложенные супругой великого князя, опроверг и дезавуировал, лишив ее возможности вывести эту страну из того плачевного состояния, в котором она находилась⁷¹. Выходит, в деле Элендсгейма столкнулись интересы двух людей, претендовавших на фактическое руководство Голштинией.

Это и скрыла мемуаристка. Утаила она и то, что письменный приказ о полномочиях Екатерины был дан гораздо раньше этого инцидента: в марте 1755 г., тогда как столкновение с Брокдорфом в мемуарах отнесено к 1757 г. Согласно «Анекдоту», Екатерина, несмотря на свое нежелание, но повинуясь настоятельным требованиям мужа, начала управлять голштинскими делами еще в конце 1754 г.⁷² То есть до того, как получила письменные полномочия на это. И, видимо, ранее того, как Брокдорф, появившийся в Петергофе в 1754 г., стал в них вмешиваться. В столкновении интересов Петр встал на сторону Брокдорфа.

Осенью 1757 г., когда малый двор вернулся в город из Оранienбаума, а голштинские войска были отпущены в освояси, Екатерина заметила, что Брокдорф «своими интригами все больше входит в доверие великого князя». Этому, по ее мнению, способствовало большое количество офицеров, которых Брокдорф оставил возле Петра в течение зимы: их насчитывалось до 20 человек, и они постоянно были возле великого князя. Два голштинских солдата несли в его комнате службу рассыльных и камер-лакеев. Они употреблялись «на все руки». Все они, по словам Екатерины, были шпионами Брокдорфа⁷³.

Pro et contra обмена

Примечательно, что Екатерина нигде не упомянула о том факте, что Брокдорф был категорическим противником обмена Голштинии, это, несомненно, делало его в глазах великого князя более преданным. И понятно: упоминание об этом открыло бы читателю истинные цели и позицию мемуаристки. Мне представляется, что именно безапелляционное осуждение и попытки очернить в мемуа-

рах Брокдорфа наилучшим образом характеризуют их автора. А между тем Петру Федоровичу было хорошо известно, почему его жена так настойчиво пыталась удалить Брокдорфа. Согласно донесению Остена за апрель-май 1757 г., «великий князь, по словам канцлера, сказал в присутствии Штамбке (по рекомендации Бестужева Екатерина попросила мужа заменить им умершего в марте 1757 г. Пехлина. — М. С.) и Екатерины: “Я знаю, почему хотят удалить этого честного малого Брокдорфа; меня хотят лишить моих владений и моих подданных, но я знаю эти интриги и сумею покарать их”. Бестужев уверял, будто бы эти слова метили в Штамбке и побудили великую княгиню просить об удалении Брокдорфа ввиду того, что он поддерживает ее супруга в отношении к вину и к союзу с прусским королем»⁷⁴. И действительно, Екатерина в начале 1757 г., видя, что уменьшить влияние Брокдорфа на Петра не удается и «он более чем когда-либо в милости», решила сказать А. И. Шувалову, что считает этого человека «одним из самых опасных существ, каких только можно приставить к молодому принцу, наследнику великой империи». Поговорить с Шуваловым она решила «по секрету», чтобы он мог предупредить императрицу или принять меры самостоятельно. При этом Екатерина разрешила сослаться на себя и была готова повторить все самой Елизавете. Через некоторое время Шувалов дал понять, что Елизавета будет с ней говорить⁷⁵. Но разговор состоялся только восемь месяцев спустя. Примечательно, что Екатерина рассказала о том, что Петр доверил ей ведение голштинских дел, только после упоминания о своем разговоре с А. И. Шуваловым: читатель не должен был догадаться, что прежде, чем она постаралась руками Елизаветы Петровны удалить Брокдорфа, она уже полтора года управляла Голштинией на основании письменной доверенности великого князя, а просьба была вызвана желанием отстранить опасного конкурента.

Датские деньги

Чем же тайно занималась Екатерина восемь месяцев, пока ожидала разговора с Елизаветой? Ответ на этот вопрос дают депеши датских дипломатов, и прежде всего барона Остена⁷⁶. Великая кня-

гиня с начала 1756 г. секретно обсуждала вопрос об обмене Голштении с датским королем. В конце марта Фредерик V согласился сделать ей подарок в 100 тыс. дукатов и 1000 — ювелиру Бернарди, который был также привлечен великой княгиней к этому делу. Начиная с осени 1756 г. Бестужев стал торопить Остенса и его преемника Остена ускорить дело обмена, так как, согласно показаниям доктора Елизаветы Петровны, она могла не дожить до весны. Но Екатерина отказалась от подарка, заметив, что речь может идти только о ссуде. Она ссылалась на свою привязанность к России и необходимость блюсти выгоды великого князя, интересы которого неотделимы от ее собственных. Однако в начале марта 1757 г. Екатерина потребовала от Остена, кроме обоих графств и уплаты всех долгов, еще 1,5 млн талеров наличными. Остену удалось узнать, что ее долги купцам составляли 300 тыс. талеров. В середине марта великая княгиня не могла занять даже 100 дукатов. Она была должна Бернарди 24 тыс. рублей и могла с ним расплатиться только в случае удачного обмена. Это делало ювелира заинтересованным участником операции. Фредерик V был готов дать великой княгине не только полмиллиона и заплатить долги. Но Екатерине этого было мало. Штамбке являлся родственником Брокдорфа и вначале выступал против обмена. Но потом переменил свою позицию. Его склонили отказаться от близости с Брокдорфом и во всем согласовываться с позицией Екатерины, а Петру докладывать голштинские дела, предварительно выслушав ее мнение. 15 августа 1757 г. великая княгиня просила Бестужева найти для нее 15 тыс. рублей. По его совету она попросила их у Дании в виде займа для канцлера. Остен дал ей эту сумму. В сентябре Бестужев вновь попросил для нее такую же сумму. Остен вначале не хотел давать заем, но потом все же предоставил деньги. В середине ноября король разрешил выдать Екатерине еще 30 тыс. рублей. При этом в Дании понимали, что такие займы не решат финансовых проблем малого двора. Августовский транш в 15 тыс. был потрачен на три маскарада, устроенные в Ораниенбауме. Великая княгиня каждый раз дарила своим придворным платья стоимостью 3 тыс. рублей. Второй заем был истрачен за две недели. Все деньги пошли на приобретение сторонников. Голштинские же дела остались в прежнем положении.

Очевидно, великая княгиня осуществляла свою «избирательную кампанию» при большой императрице, которая, как считала Екатерина и не только она, уже одной ногой стояла в могиле. Примерно в это же время канцлер Бестужев составлял манифест на случай смерти Елизаветы Петровны. Этот документ, предусмотрительно уничтоженный канцлером незадолго до ареста, объявлял после смерти Елизаветы Петровны великого князя «императором по праву», но при этом провозглашал Екатерину «участницей в правлении»⁷⁷ (в источнике на французском: «participante à l'administration»)⁷⁸. В одном из вариантов своих мемуаров Екатерина утверждала, что Бестужев составил проект (а она собственноручно исправила этот документ и хранила у себя до его ареста), чтобы предоставить «мне в случае кончины императрицы... участие в престолонаследии и в правлении с моим супругом»⁷⁹ (в источнике: «pour me faire en cas de mort de l'Imp. ...partager la couronne et le gouvernement avec mon époux»)⁸⁰. То есть планировалось создать в России конфигурацию власти, напоминающую голштинскую.

«Все были в восхищении...»

Екатерина описала ораниенбаумский праздник в своих «Записках», особо подчеркнув, насколько она была щедра, не упомянув, правда, за чей счет. Относительно праздника в честь победы при Гросс-Егерсдорфе Екатерина сообщила, что дала большой обед в своем саду «великому князю и всему, что только было наиболее значительного в Ораниенбауме; на нем великий князь и вся компания казались столь же веселыми, сколь и довольными». Ораниенбаумским каменщикам и рабочим Екатерина дала жареного быка⁸¹.

А вот описание еще одного праздника в Ораниенбауме, более обстоятельное: «Всякое празднество всегда было приятно» Петру. «Для этого я велела выстроить в одном уединенном месте лесочка итальянскому архитектору... Антонию Ринальди большую колесницу, на которую могли поместить оркестр в шестьдесят человек музыкантов и певцов. Я велела сочинить стихи придворному итальянскому поэту, а музыку капельмейстеру Арае. В саду, на главной алее, поставили иллюминированную декорацию с занавесом, против

которой накрыли столы для ужина». Вечером Петр «со всеми, кто был в Ораниенбауме, и со множеством зрителей, приехавших из Кронштадта и из Петербурга, отправились в сад, который нашли иллюминированным; сели за стол, и после первого блюда поднялся занавес, который скрывал главную аллею, и увидели приближающийся издалека подвижный оркестр, который вез штук двадцать быков, убранных гирляндами, и окружали столько танцов и танцовщиц, сколько я могла найти. Аллея была иллюминирована, и так ярко, что различали предметы. Когда колесница остановилась, то, игрою случая, луна очутилась как раз над колесницей, что произвело восхитительный эффект и что очень удивило все общество; погода была, кроме того, превосходная. Все выскочили из-за стола, чтобы ближе насладиться красотой симфонии и зрелища. Когда оно окончилось, занавес опустили и все снова сели за стол и принялись за второе блюдо. Когда его кончили, послышались трубы и литавры и вышел скоморох, выкрикивая: «Милостивые государи и милостивые государыни, заходите, заходите ко мне, вы найдете в моих лавочках даровую лотерею». С двух сторон декорации с занавесом поднялись два маленьких занавеса, и увидели две ярко освещенные лавочки, в одной из которых раздавались бесплатно лотерейные номера для фарфора, находившегося в ней, а в другой — для цветов, лент, вееров, гребенок, кошельков, перчаток, темляков и тому подобных безделок в этом роде. Когда лавки были опустошены, мы пошли есть сладкое, после чего стали танцевать до шести часов утра. На этот раз никакая интрига, ни злоба не выдержали перед моим праздником, и Его Императорское Высочество и все были в восхищении от него и то и дело хвалили великую княгиню и ее праздник; правда, что я ничего не пожалела: вино мое нашли чудным, ужин отличнейшим, все было на мой собственный счет, и праздник стоил мне от десяти до пятнадцати тысяч; заметьте, что я имела всего тридцать тысяч в год»⁸².

Но деньги были потрачены не зря. «Великий князь, все его окружавшие, все его голштинцы и даже самые злые мои врачи в течение нескольких дней не переставали восхвалять меня и мой праздник, так как не было ни друга, ни недруга, который не унес бы какой-нибудь тряпки на память обо мне; и так как на этом

празднике, который был маскарадом, было множество народа из всех слоев общества, и общество в саду было смешанное и между прочим находилось много женщины, которые обыкновенно не появлялись совсем при дворе и в моем присутствии, то все хвастались моими подарками и выставляли их, хотя в сущности они были неважными, потому что, я думаю, не было ни одного дороже ста рублей, но их получили от меня и всем было приятно сказать: “Это у меня от Ее Императорского Высочества, великой княгини; она сама доброта, она всем сделала подарки; она прелестна; она смотрела на меня с веселым любезным видом; она находила удовольствие заставлять нас танцевать, угощаться, гулять; она рассаживала тех, у кого не было места; она хотела, чтобы все видели то, на что было посмотреть; она была весела”, словом, в этот день у меня нашли качества, которых за мною не знали, и я обезоружила своих врагов. Это и было моей целью...”⁸³ Понятно, Екатерина не жалела датских денег для обработки общественного мнения.

Откровения Екатерины о расточительных праздниках и ее рефлексия по поводу собственных целей наглядно показывают процесс сознательного формирования политическим деятелем общественного мнения. Екатерина описывает этот праздник среди событий лета 1758 г. и называет точную дату: 17 июля⁸⁴. Камер-фурьерский журнал ораниенбаумские праздники не фиксировал. Но есть основания сомневаться в том, что описанное событие имело место именно в это время, а не годом раньше. Мемуаристка пишет, что во время праздника она была «на четвертом или пятом месяце беременности»⁸⁵. Екатерина родила 9 декабря 1757 г. Значит, описанный праздник имел место в июле или августе этого же года. Кроме того, согласно «Запискам», ораниенбаумское торжество предшествовало «царскосельскому припадку» Елизаветы Петровны, случившему в сентябре 1757 г. (см. далее). Наконец, осведомленный Остен, на датские деньги которого Екатерина очаровывала публику, писал не об одном, а о трех маскарадах в Ораниенбауме. На них ушли 15 тыс., полученных от Дании. Как уже говорилось, на каждом из них великая княгиня дарила своим придворным дамам наряды на 3 тыс. рублей⁸⁶. Совпадают и суммы, истраченные на праздники. Мемуаристка упоминает о 10–15 тыс. Едва ли это простое совпадение.

ние. Но даже если допустить, что в июле 1758 г. имел место еще один расточительный ораниенбаумский праздник, хотя это сделать очень трудно, учитывая, в каком положении оказалась Екатерина после «падения» канцлера Бестужева, депеши Остина не оставляют сомнения: летом 1757 г. великая княгиня также устроила несколько праздников в Ораниенбауме, отличительной чертой которых была почти невероятная щедрость жены наследника российского престола.

Мемуаристка утверждала, что так она отпраздновала победы русского оружия над Пруссией. Необыкновенная же щедрость ее якобы была продиктована тем, что она старалась как-то скрасить огорчения, которые испытывал ее муж при известиях о поражениях Фридриха II⁸⁷. Какой контраст между супругами: муж угрожает жене шпагой, а супруга устраивает публичные торжества, чтобы скрасить его огорчения! Однако Екатерина невольно проговаривается, когда пишет о том, что было ее целью, — все одариваемые должны были сказать: «Она сама доброта!». Едва ли такой вердикт мог «скрасить огорчения» мужа — скорее умножить их.

Таким образом, вопрос об обмене Голштинии, секретным участником обсуждения которого являлась Екатерина, был использован честолюбивой великой княгиней как источник дохода. Получаемые таким образом средства она употребляла для подкупа общественного мнения — создания исключительно благоприятного для нее образа. Но обмен Голштинии, непосредственным следствием которого стали бы потеря патrimonии ее мужа, утрата денежных и военных ресурсов, мог означать, что из-под «императора по праву», как называл Петра III Бестужев в своем проекте манифеста, великая княгиня и канцлер старались выдернуть стул, лишив его даже призрачной возможности использовать силы этой страны в борьбе против всевластия «участницы в правлении». Другими словами, Екатерина, собиравшаяся управлять Россией вместе с мужем, могла стремиться делать это и без него. Как она фактически и пыталась делать это в Голштинии.

Но как бы далеко ни распространялись честолюбивые планы Екатерины, у нее на пути стоял Брокдорф, почти с собачьей преданностью защищавший наследственные права своего суверена.

Нанести ему смертельный удар великая княгиня попыталась сразу же после грандиозного праздника в Ораниенбауме, данного в ознаменование победы при Гросс-Егерсдорфе, когда императрица Елизавета устроила тайное ночное свидание с невесткой, чтобы выслушать ее жалобы. Едва ли случайно императрица, в течение восьми месяцев откладывавшая важнейший разговор, решила начать его после того, как ее невестка понесла значительные расходы на увеселения в Ораниенбауме.

**«Ее покрыли белым платком
и пошли за докторами и хирургом...»**

Следует отметить одну существенную черту этой части мемуаров Екатерины Великой. В обсуждаемом хронологическом отрезке мемуаристка совершенно смешала временные пласти событий 1757, 1758 и 1759 гг. Сделала она это совершенно сознательно, поместив события одного года в канву событий предшествующего или последующего, так что читатель лишается возможности проследить последовательность происходящего. Этот немаловажный факт давно отмечен исследователями, но никто из них не дал ясного ответа, для чего Екатерина применила этот коварный прием⁸⁸. Обнаружив хронологические несоответствия, читатель может подумать, что мемуаристку подвела память, — ведь это обычный удел принимающих за воспоминания в преклонном возрасте. Принимая во внимание факт, что во всех остальных случаях память мемуаристки демонстрирует полный порядок, можно заключить, что речь идет о продуманном приеме. «Царскосельский припадок» императрицы Елизаветы, случившийся 8 сентября 1757 г., Екатерина почему-то помещает среди событий 1758 г.: «Императрица находилась в начале сентября в Царском Селе, где 8-го числа в день Рождества Богородицы пошла пешком из дворца в приходскую церковь, находившуюся в двух шагах от Северных ворот, чтобы слушать обедню. Едва обедня началась, как императрица почувствовала себя нехорошо, вышла из церкви, спустилась с маленького крыльца... и... упала на траву без чувств среди толпы, или, вернее, окруженная толпой народа... Никто из свиты императрицы не последовал за ней, когда она вышла из церкви, но вскоре предупрежденные дамы

ее свиты и наиболее доверенные ее побежали к ней на помощь и нашли ее без движения и без сознания среди народа, который смотрел на нее и не смел подойти. Императрица была очень рослая и полная и не могла упасть разом, не причиняя себе сильной боли самим падением. Ее покрыли белым платком и пошли за докторами и хирургом; этот последний пришел первым и нашел, что самое неотложное — это пустить ей кровь тут же, на земле, среди и в присутствии всего народа, но она не пришла в себя. Доктор долго собирался, будучи сам болен и не имея возможности ходить. Приуждены были принести его в кресле... Наконец принесли из дворца ширмы и канапе, на которое ее поместили; лекарствами и уходом ее слегка привели в чувство; но, открыв глаза, она никого не узнала и спросила совсем невнятно, где она. Все это длилось более двух часов, после чего решили снести Ее Императорское Величество на канапе во дворец. Можно себе вообразить, каково было уныние всех тех, кто состоял при дворе. Гласность события еще увеличила его печаль: до сих пор держали болезнь императрицы в большом секрете, а с этой минуты случай стал публичным»⁸⁹. Так мемуаристка рассказывает об этом самом сильном припадке Елизаветы.

Очевидно, мемуаристка хочет развести как можно дальше два события — ораниенбаумские торжества и «царскосельское падение», — отделив одно от другого целым годом. Она явно хотела избежать того, чтобы у читателя возникло даже малейшее подозрение, будто между этими двумя событиями могла существовать причинная связь.

«Эта беседа показалась мне скорее своего рода допросом с ее стороны»

Дело в том, что в «Записках» Екатерины ничего не говорится о впечатлении, которое на Елизавету произвел грандиозный ораниенбаумский праздник. Праздник поглотил много средств, денежные же дела невестки Елизавета старалась контролировать и держать малый двор, особенно жену наследника, на «скучном пайке». Возникали естественные вопросы: на какие средства устраивались торжества и для чего невестка так старательно создает себе образ

сказочно щедрого человека, в то время когда врачи заключали, что императрице недолго оставалось жить?

Екатерина пишет, что ораниенбаумский праздник состоялся в день торжественного молебна по случаю победы при Гросс-Егерсдорфе⁹⁰. Молебствие имело место 27 августа 1757 г.⁹² «Несколько дней спустя после этого обеда» Екатерина и Петр вернулись в город и заняли Летний дворец⁹². 29 августа Елизавета покинула Царское Село и ночевала в Петербурге в новом Зимнем дворце⁹³. В Летнем дворце⁹⁴ состоялось ночное свидание императрицы с великой княгиней. Оно проходило в комнате жены А. И. Шувалова, что указывает на то, что Елизавета в то время не жила в Летнем дворце. В противном случае она приняла бы невестку в собственных апартаментах. Немаловажно, что императрица пошла на тайную встречу с невесткой только спустя восемь месяцев после того, как Екатерина пыталась устранить Брокдорфа руками императрицы. Примечательно и то, что Елизавета решилась на этот трудный разговор сразу после того, как великая княгиня, сидевшая без копейки, дала «большой обед... всему, что только было значительного в Оранienбауме». Беседа проходила с глазу на глаз и больше походила на «допрос с ее стороны». Об этом важнейшем эпизоде мы узнаем только из «Записок» Екатерины. Никаких других сведений об этом свидании нет. Императрица начала с того, что желает узнать, что же Екатерина от нее хочет. Великая княгиня рассказала ей историю Элендстейма. Елизавета слушал ее «очень холодно», а потом стала расспрашивать «подробности о частной жизни великого князя, о его приближенных». Жена Петра рассказала ей все, «что об этом знала». Когда же она сообщила ей о голштинских делах некоторые подробности, показавшие, что великая княгиня их «достаточно знает», императрица сказала: «Вы, кажется, хорошо осведомлены об этой стране». Екатерина простодушно заметила, что это было нетрудно, так как великий князь приказал ей с ними ознакомиться. Это признание произвело на императрицу «неприятное впечатление». Екатерина поняла это по ее лицу. Вообще Елизавета показалась великой княгине «очень странно сдержанной во время всего этого разговора». Она заставляла невестку говорить и для того расспрашивала ее, «а сама не говорила почти ни слова». Это больше

походило на формальный допрос, чем на конфиденциальную беседу тетки и ее невестки. Императрица отпустила великую княгиню столь же холодно, как и встретила. Екатерина осталась очень недовольна аудиенцией, а А. И. Шувалов посоветовал держать ее в строгом секрете. Екатерина приписала холодность императрицы антипатии, которую Шуваловы, как ее осведомили, внущили Елизавете Петровне по отношению к невестке⁹⁵.

По сути дела, Екатерина совершила донос на мужа, чтобы устранить в лице Брокдорфа опасного соперника в управлении Голштинией и во влиянии на Петра. Однако этим она лишь укрепила его положение. В «Анекдоте» Екатерина сообщает, что после ее встречи с императрицей та пожаловала Брокдорфу 7 тыс. рублей жалованья и предложила Петру пользоваться «мнениями этого почтенного человека»⁹⁶. Однако это произошло, как мы увидим далее, в феврале следующего года. Осенью же 1757 г. великая княгиня лишь подорвала свои позиции неудачной попыткой избавиться от Брокдорфа. Стоит отметить, что первоначально Екатерина, работая над мемуарами, хотела пропустить этот неприятный для нее эпизод и только потом рассказала о нем во вставке в текст о событиях 1757 г. Ей пришлось вспомнить об этом досадном инциденте лишь потому, что он оказался ей необходим при описании ночного randevu с Елизаветой 14 апреля 1758 г. По всей видимости, мемуаристка не хотела, чтобы читатель понял: ночной допрос имел место сразу после ее подозрительно расточительных трат на ораниенбаумские праздники, и Елизавета в ходе разговора была поражена, когда узнала, насколько далеко зашла невестка, негласно вмешиваясь в государственные дела. Правда, императрице осталось неизвестно, кто финансировал эти предприятия.

К сожалению, мы не знаем точной даты этого крайне неприятного и для Елизаветы Петровны ночного randevu. Очевидно, «царскосельский припадок» императрицы 8 сентября 1757 г., так поразивший воображение современников, хронологически «соседствовал» с «допросом» Екатерины. Увы, мы не знаем, предшествовало ли огорчившее Елизавету «ночное randevu» падению императрицы или оно произошло после, а может быть, и вследствие него. Во всяком случае, очевидно, что мемуаристка, намеренно

перенеся «царскосельский припадок» ровно на год «вперед», хотела лишить читателя возможности установить хронологическую привязку и взаимосвязь между этими двумя событиями.

После randevu-допроса

Последующий текст мемуаров после рассказа о намеренно не упомянутом ночном свидании с императрицей мемуаристка выстроила так. Екатерина рассказала о том, как фельдмаршал С. Ф. Апраксин внезапно отступил после выигранного Гросс-Егерсдорфского сражения. Его непонятную ретираду истолковали превратным образом. Получая верные сведения о состоянии здоровья императрицы, он мог ожидать ее кончины и поэтому не хотел продолжать военные действия. Апраксин знал, что, воцарившись, Петр Федорович не станет воевать против своего кумира Фридриха II. И поэтому главнокомандующий срочно отступил. Французский и австрийский послы союзных России держав стали открыто жаловаться на действия фельдмаршала. Екатерина уступила настойчивым требованиям Бестужева и написала письмо Апраксину, чтобы побудить его прекратить отступление. Послы Франции и Австрии, которым стало известно об этой переписке, требовали начать расследование действий Апраксина. Он был отстранен и после первого допроса скончался. Его заменили генералом Фермором, который в январе 1758 г. занял Кенигсберг⁹⁷. В октябре 1758 г. С. Понятовский был отозван польским королем. Это был удар по сторонникам великой княгини. Однако поляк под предлогом состояния здоровья остался в Петербурге. Екатерина, ссылаясь на предстоящие роды осенью 1757 г., перестала появляться на публике. По словам мемуаристки, «кредит великого канцлера графа Бестужева пошатывался»⁹⁸. Особенно рьяно против него действовал французский посол Лопиталь. С помощью вице-канцлера М. И. Воронцова и фаворита императрицы И. И. Шувалова послу удалось убедить Елизавету Петровну в том, что «слава ее страдает от влияния графа Бестужева в Европе». В тот же вечер Бестужев был арестован, и над ним начался процесс⁹⁹. Все это подается как события осени 1758 г. — зимы 1759 г., тогда как они происходили ровно на год раньше и следовали после «царскосельского припадка» Елизаветы.

О чем же старательно умалчивала мемуаристка, описывая этот критический период своей жизни? Прежде всего о том, что подверглась домашнему затворничеству вскоре после ночного разговора с Елизаветой о Брокдорфе и Голштинии. Ни слова не говорит мемуаристка о том, что в ноябре 1757 г. Петр Федорович стал просить императрицу разрешить ему вернуться в Голштинию. Нет никакого сомнения в том, что великая княгиня была осведомлена об этом. Сохранился написанный Екатериной план, по которому она собиралась продолжить составление второй редакции «Записок». В этом плане есть такие слова: «Как великий князь захотел ехать в Голштинию, что он для этого сделал, что сделали, как мне об этом сказали; что я сказала, что граф Воронцов сказал мне об этом, это должно быть отнесено к концу 1759 г.»¹⁰⁰ То есть мемуаристка прекрасно знала о просьбе великого князя к императрице, но старалась отнести этот эпизод к совершенно другому времени. 6 декабря после посещения церкви с Елизаветой случился обморок, напоминавший апоплексический удар. 9 декабря Екатерина родила дочь Анну и не покидала своих покоев до 12 февраля 1758 г. Но за два дня до ее первого появления на публике произошло одно важное событие, о котором Екатерина, естественно, «громогласно» умолчала в своих «Записках». Но молчание ее вопиет.

Тридцатилетие великого князя

Согласно донесениям Остена, значение Брокдорфа в этот период существенно возросло. Ввиду ухудшившегося здоровья императрицы все уже заискивали перед великим князем и его голштинским фаворитом. В значительной мере Брокдорфу удалось подорвать значение канцера. А Петр Федорович стал отзываться о Бестужеве с нескрываемым презрением¹⁰¹. Поскольку Екатерина оставалась единственной союзницей канцлера, акции ее падали. Стали известны ее письма к Апраксину. Хотя в них не было ничего предосудительного, но сам факт тайной переписки с конфидентом Бестужева оборачивался против нее, порождая подозрения о тайном сговоре этих трех лиц. Напомню упомянутый выше факт, что Апраксин и Бестужев не выходили из покоев болящей Елизаветы Петровны в Москве в начале 1749 г.

Чаша терпения великого князя переполнилась, когда в феврале 1758 г. польский король по требованию Бестужева пожаловал Штамбке орден Белого орла. Петр не утвердил это пожалование, а орденскую ленту отослал назад¹⁰². 10 февраля 1758 г. великий князь праздновал свое тридцатилетие. По этому случаю был дан бал. Во время бала Петр Федорович сказал австрийскому послу Эстергази, что варшавский двор хотел угодить Екатерине Алексеевне, потому что Штамбке — ее «кераптура», но он покажет, что не позволяет женщинам управлять собой. После этого Петр более часа беседовал с Елизаветой Петровной, а Шувалов старался, чтобы никто не подслушивал. Датский дипломат узнал, что Елизавета Петровна осталась очень довольна тем, что она услышала от племянника, и похвалила Брокдорфа¹⁰³. На следующий день голштинец был сделан обер-камергером великого князя и получил жалование в 7 тыс. рублей¹⁰⁴. Во время разговора на балу великий князь просил прощения у императрицы за свое поведение и во всем винил Бестужева, он-де советовал ему противиться воле государыни. Это предопределило «падение» канцлера. Остен писал, что ни французскому, ни австрийскому послу, ни Воронцову, ни Шувалову не удалось бы свалить канцлера, если бы против него не выступил великий князь, постоянно подстрекаемый Брокдорфом¹⁰⁵.

Голштинец часто повторял: «Надо раздавить змею». Когда Бестужев был арестован, Брокдорф «клятвенно уверял», что Екатерина «замышляла с ним заговор на жизнь великого князя». Выходя от Петра Федоровича, Брокдорф произнес знаменательную фразу: «Я только что раздавил голову змее»¹⁰⁶. Штамбке не был арестован только из уважения к великому князю, но его немедленно выслали в Голштинию. «С его отъездом, — констатировала Екатерина в «Записках», — кончилось мое руководство голштинскими делами. Великому князю дали понять, что императрице было неудобно, чтобы я в них вмешивалась, а Его Императорское Высочество был и сам к тому довольно склонен»¹⁰⁷. Сказано слишком мягко. Будущее самой Екатерины оказалось под вопросом, хотя Брокдорфу рано было торжествовать. В XVIII в. змея считалась символом мудрости. Голова же Екатерины осталась целой и невредимой, хотя Брокдорф думал, что он ее «раздавил». Трудно сказать, как сложилась бы

дальнейшая судьба великой княгини и сохранила бы она свой высокий статус, если бы не поспешила нанести упреждающий удар.

Во время ночного randevu с Елизаветой 14 апреля 1758 г. Екатерина «бросилась перед ней на колени и стала со слезами и настойчиво просить отослать ее» родным¹⁰⁸. Елизавета захотела поднять ее, но великая княгиня осталась у ног императрицы. Та растрогалась, однако заявила: «Вы чрезвычайно горды... Вы воображаете, что никого нет умнее вас»¹⁰⁹. Екатерина это отрицала. Петр, тоже приглашенный на встречу, сказал, возвышая голос: «Она ужасно злая и очень упрямая». Екатерина парировала. Тогда великий князь сказал императрице: «Ваше Императорское Величество, видите сами, какая она злая, по тому, что она говорит». Елизавета смягчилась, но при этом произнесла: «О, вы не знаете всего, что она мне сказала о ваших советчиках и против Брокдорфа по поводу человека, которого вы велели арестовать». «Это должно было показаться великому князю форменной изменой с моей стороны; он не знал ни слова о моем разговоре с императрицей в Летнем дворе и увидел, что его Брокдорф, который стал ему так мил и дорог, обвинен в глазах императрицы, да еще мною; это значило больше, чем когда-либо нас поссорить и, может быть, сделать нас непримиримыми и лишить меня навсегда доверия великого князя», — писала Екатерина¹¹⁰.

Слова «сделать нас непримиримыми» стоит выделить особо: они предопределяют произошедшее позже. «Я остолбенела, — продолжает Екатерина в мемуарах, — услышав, как императрица рассказывает в моем присутствии то, что я ей сказала и думала сказать для блага ее племянника. И как она обращает это в смертоносное оружие против меня. Великий князь, очень удивленный этим сообщением, сказал: “А вот так анекдот, которого я не знал; он хорош и доказывает ее злость”»¹¹¹.

Елизавета не стала выполнять просьбу Екатерины и никуда ее не отослала, а стала искать выход из создавшегося положения. После второго тайного свидания 23 мая 1758 г., о котором мы не знаем подробностей, потому что Екатерина не пожелала рассказать о них в своих мемуарах, оборвав их как раз на описании этой важной в ее судьбе встречи¹¹², императрица сменила гнев на милость.

Что же касается великокняжеской четы, то с этого момента Екатерина, донесшая на мужа, лишилась доверия Петра, и они в течение четырех последующих лет жизни великого князя оставались действительно непримиримыми, несмотря на внешнее примирение. Как свидетельствовал Остен, супруги нашли «модус вивенди» в свободе от привязанностей¹¹³. Спустя еще 34 года их сын Павел попытался примирить супругов, захоронив их рядом в Петропавловском соборе. Надписи на могилах гласили: «Самодержавная Всероссийская Великая государыня Екатерина, родилась в 1729 году апреля 21 дня; погребена в 1796 году декабря 18 дня»; «Самодержавный Всероссийский Великий государь Петр III, родился в 1728 году февраля 10 дня; погребен в 1796 году декабря 18 дня»¹¹⁴. Но это было скорее не примирение, а горький укор Павла в адрес матери за то, что в течение 34 лет она не могла достойным образом похоронить его отца.

Брокдорф оставался фаворитом Петра Федоровича и лишился доверия лишь накануне его свержения в 1762 г.¹¹⁵ Голштиния была обменена Екатериной в 1767 г. от имени ее несовершеннолетнего сына Павла, опекуншей которого она стала после убийства мужа. Павел, достигший совершеннолетия, в 1773 г. утвердил обмен, произведенный его августейшей матерью¹¹⁶. А Екатерину еще при жизни стали называть «Великой».

Библиография

Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. I. Берлин: Изд. Фридриха Готтейнера, 1900. 659 с.

Гром Я. К. Воспитание Екатерины II // Древняя и новая Россия. Т. I. СПб., 1875.

Дополнение к камер-фурьерскому журналу 1757 г. Б/м, б/д: Тип. Департамента уделов. 203 с.

Записки императрицы Екатерины Второй. М.: Орбита, 1989. 749 с.

Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II. М.: Калужская типография стандартов, 2009. 464 с.

Лабутина Т. Л. Британский посланник Роберт Кейт и Екатерина II о перевороте 1762 г. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 123–135.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство. М.: ОГИ, 2000. 412 с.

Осмнадцатый век. Кн. I. М.: Тип. Грачева и комп., 1869. 516 с.

- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825. Т. XII. СПб.: Тип. Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. 962 с.
- Понятовский С. А. Мемуары // Путь к трону: история дворцового переворота 28 июня 1762 года. М.: Слово, 1997. С. 265–324.
- Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1985. С. 261–312.
- Сафонов М. М. «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых // Вестник архивиста. 2013. № 3. Июль-сент. С. 72–87.
- Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб.: Лита, 2002. 312 с.
- Сафонов М. М. «Полк его высочества» // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–37.
- Сафонов М. М. Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59.
- Соловьев С. М. История России с древних времен. Кн. XII. (Т. 23–24). М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1964. 722 с.
- Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. 1 полутом. СПб.: Тип. ИАН, 1907. 495 с.
- Флоринский Д. Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского кафедрального собора. СПб.: Тип. Г. Бенике, 1857. 136 с.
- Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол по новым материалам. Л.: Время, 1924. 133 с.
- Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. IV. М.: Унив. тип. (Катков и Ко), 1866. 918 с.
- Щепкин Е. Н. Падение канцлера А. П. Бестужева-Рюмина (по новым данным Копенгагенского и Венского архивов). Одесса: Экономическая тип. и литограф., 1901. 54 с.
- Correspondance de Catherine Alexciewna, grande duchesse de Russie et de Sir Charles H. Williams, ambassadeur d'Angleterre. 1756 et 1757. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1909. 361 с.
- Goudar D. G. Mémoires pour servir à l'histoirrede Pierre III empereur de Russie. Francfort; Leipzig: Aux depens de la co., 1763. 116 с.
- Siebigk F. Katharina der Zweiten Brautreise nach Russland 1745. Dessau: Barth, 1873. 203 S.
- * * *
- ¹ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. 1 полутом. СПб.: Тип. ИАН, 1907. С. 37.
- ² Записки императрицы Екатерины Второй. М.: Орбита, 1989. С. 36, 37.
- ³ Сборник Русского исторического общества. Т. VII. СПб., 1871. С. 20.
- ⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 36.
- ⁵ Там же. С. 12.
- ⁶ Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. IV. М.: Унив. тип. (Катков и Ко), 1866. С. 87.

⁷ Siebigk F. Katharina der Zweiten Brautreise nach Russland 1745. Dessau: Barth, 1873. S. 45.

⁸ Хотя Екатерина в «Записках» употребляет титул «великая княгиня» («Grande Duchesse») (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. 1 полу том. СПб., 1907. С. 50), в действительности при обручении она стала называться «великой княжной» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825. Т. XII. СПб.: Тип. Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. № 8983). Этую ошибку повторили все современные авторы.

⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 481; Сборник Русского исторического общества. Т. VII. СПб., 1871. С. 38.

¹⁰ Об этом документе см. подробно: Сафонов М. М. «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых // Вестник архивиста. 2013. № 3. Июль-сент. С. 74, 83.

¹¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 481.

¹² Там же. С. 50.

¹³ См. сноска 8.

¹⁴ Siebigk F. Op. cit. S. 160.

¹⁵ Осмнадцатый век. Кн. I. М.: Тип. Грачева и комп., 1869. С. 38.

¹⁶ Siebigk F. Op. cit. S. 72.

¹⁷ Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. I. Берлин: Изд. Фридриха Готтгейнера, 1900. С. 132.

¹⁸ Goudar D. G. Mémoires pour servir à l'histoирre de Pierre III empereur de Russie. Francfort, Leipzig: Aux depens de la co., 1763. P. 20.

¹⁹ Рюльвер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1985. С. 264.

²⁰ Осмнадцатый век. Кн. I. С. 30.

²¹ Гром Я. К. Воспитание Екатерины II // Древняя и новая Россия. Т. I. СПб., 1875. С. 124.

²² Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 151.

²³ Осмнадцатый век. Кн. I. С. 30.

²⁴ Гром Я. К. Указ. соч. С. 124.

²⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 146.

²⁶ Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство. М.: ОГИ, 2000. С. 302–303.

²⁷ Сафонов М. М. 1) Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59; 2) «Полк его высочества» // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–37.

²⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 146.

²⁹ Там же. С. 282.

³⁰ Вот отрывки из ее переписки с английским дипломатом. Екатерина пишет: «Чье-то здоровье более расшаталось, чем когда-либо: вода поднялась в нижнюю часть живота». Вильямс отвечал: «У кого вода поднялась так, тот уже человек обреченный». Екатерина: «Говорят, что на следующей неделе двор возвращается за город, но маловероятно, чтобы тот, кто неделю тому назад едва мог от отдыши

дойти из своей комнаты до церкви, был бы в состоянии тащиться в деревню по такой погоде». Вильямс был цинично окровенен: «Мои самые большие надежды основаны на великом событии. Которое свершится скоро, несмотря на дьявола, колдовство и колдуний». Екатерина: «Чье-то здоровье все хромает», «императрица не может подняться по лестнице, не задыхаясь... утомление в день именин вызвало страшные боли в животе вместе с прежними страданиями». Так выражалась Екатерина, не чувствуя неприличия подобного тона. С каждым новым письмом злорадство возрастает: «Императрица вчера не выходила, так как она не может зашнуроваться вследствие разных болей». «Одышка ее удвоилась; боли в нижней части тела в соединении с болезнью, о которой вы знаете, заставляют опасаться рака; ноги опухли; водянка несомненна; третьего дня она так кашляла, чего вчера не встала». Ювелиру Бернарди Екатерина поручила передать канцлеру А. П. Бестужеву, что у Елизаветы накануне были какие-то судороги, ночью ей пускали кровь. Это второй припадок за три дня. Екатерина подтверждает канцлеру, что когда она будет на месте императрицы, то придаст другой оборот некоторым делам. Далее сообщается, что Елизавета впала в беспамятство, ничего не видела. Пальцы рук судорожно сжались. Руки и ноги похолодели, в чувство привело только кровопускание. На следующий день у Елизаветы три головокружения или обморока, она не узнавала окружающих, волновалась, плакала. Говорила, что боится ослепнуть. «Мой хирург, человек знающий и умный, уверен, что с ней будет апоплексический удар». Вильямс считал болезнь смертельной. Екатерина получила эти сведения из ближайшего окружения императрицы. От него Екатерина узнала, что у Елизаветы «матка поражена», о чем она сообщила Вильямсу не без удовольствия. «Императрице лучше, но несомненно, что мозг ее поражен; у нее голова слабее всего, хотя она очень слаба». Лейб-медик сказал женщине, которая ухаживала за Елизаветой, но тайно сотрудничала с Екатериной: «Потерпите, недолго еще вам ее выносить; она не может жить» (*Correspondence de Catherine Alexciewna, grande duchesse de Russie et de Sir Charles H. Williams, ambassadeur d'Angleterre. 1756 et 1757.* М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1909. С. 206, 211, 212, 217; Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол по новым материалам. Л.: Время, 1924. С. 92–96). Выражения Екатерины крайне неприличны в отношении большой страдающей женщины (Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 95). Видимо, это подлинный язык «честного и благородного рыцаря». «Ох, эта колода! Она просто выводит нас из терпения. Умерла бы она поскорее!» Самой же Елизавете Екатерина писала: «Нет ни того часа, чтобы я Бога на коленях не просила о продолжении бесценного здоровья вашего императорского величества, да и быть иначе не может, покамест я жива» (Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 25).

³¹ *Correspondence de Catherine Alexciewna...* С. 208.

³² Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 47–48.

³³ Там же. С. 103–104.

³⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 455–456.

³⁵ «Je vous prie, Monsieur, de me render un grand service auprès de l'Impératrice: obtenez la permission de m'en aller chez moi — j'y aurai rang de colonel et j'y vivrai à

ma fantaisie. Le chambellan Schouvalov enarenducompt à Sa Majesté Impériale, quiahasseé lesepaules», — писал французский посол Лопиталь 30 ноября 1757 г. В. А. Бильбасов, опубликовавший эту депешу из парижского архива Министерства иностранных дел, не увидел никакой связи между этой просьбой великого князя, падением канцлера А. П. Бестужева и аналогичным требованием великой княгини, повлекшим за собой «ночное randevu» (Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 357).

³⁶ Щепкин Е. Н. Падение канцлера А. П. Бестужева-Рюмина (по новым данным Копенгагенского и Венского архивов). Одесса: Экономическая тип. и литограф., 1901. С. 22.

Полный немецкий текст депеши австрийского посла в Петербурге Эстергази от 25 ноября 1757 г. Е. Н. Щукин поместил в приложении к своей работе (Там же. С. 47).

³⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 263.

³⁸ См. подробно: Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 307–317; Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 187–197.

³⁹ Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 302, 307; Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 192–193.

⁴⁰ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 192–193.

⁴¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 635.

⁴² Щепкин Е. Н. Указ. соч. С. 22, 47.

⁴³ Там же. С. 22.

⁴⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 429.

⁴⁵ Соловьев С. М. История России с древних времен. Кн. XII. (Т. 23–24). М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1964. С. 449–450.

⁴⁶ Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 371–372.

⁴⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825. Т. XII. СПб.: Тип. Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. № 10802; Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 375.

⁴⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 451–457.

⁴⁹ Щепкин Е. Н. Указ. соч. С. 15, 37.

⁵⁰ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 501.

⁵¹ Щепкин Е. Н. Указ. соч. С. 2.

⁵² Записки императрицы Екатерины Второй. С. 317–318.

⁵³ Понятовский С. А. Мемуары // Путь к трону: история дворцового переворота 28 июня 1762 года. М.: Слово, 1997. С. 279.

⁵⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 397.

⁵⁵ Там же. С. 636.

⁵⁶ Там же. С. 393, 396.

⁵⁷ Там же. С. 369.

⁵⁸ Там же. С. 404.

⁵⁹ Там же. С. 397.

⁶⁰ Сафонов М. М. Екатерина II — солдат Петра III. С. 41–59.

⁶¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 372–374.

⁶² Там же. С. 370.

- ⁶³ Там же. С. 635–636.
- ⁶⁴ Там же. С. 445.
- ⁶⁵ Там же. 393–396.
- ⁶⁶ Там же. С. 397.
- ⁶⁷ Там же. С. 393–396.
- ⁶⁸ Там же. С. 398–399.
- ⁶⁹ Щепкин Е. Н. Указ. соч. С. 10.
- ⁷⁰ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 406.
- ⁷¹ Там же. С. 634–635.
- ⁷² Там же. С. 634.
- ⁷³ Там же. С. 392.
- ⁷⁴ Щепкин Е. Н. Указ. соч. С. 13. Подлинный текст депеши см. на с. 33.
- ⁷⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 398.
- ⁷⁶ В «Записках» Екатерины Остен упоминается лишь однажды. Но из конфиденциальной переписки императрицы после ее воцарения хорошо видно, что этот датский дипломат являлся ее доверенным лицом (Записки императрицы Екатерины Второй. С. 428, 563, 575, 578–582).
- ⁷⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 433.
- ⁷⁸ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. 1 полутом. С. 408.
- ⁷⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 501.
- ⁸⁰ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. 1 полутом. С. 474.
- ⁸¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 407–408.
- ⁸² Там же. С. 416–417.
- ⁸³ Там же. С. 418.
- ⁸⁴ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. 1 полутом. С. 393, 394. В русском переводе «Записок» ошибочно указаны две даты: 17 июня и 17 июля (Записки императрицы Екатерины Второй. С. 416, 417).
- ⁸⁵ Там же. С. 418.
- ⁸⁶ Щепкин Е. Н. Указ. соч. С. 13, 34.
- ⁸⁷ Там же. С. 407–408.
- ⁸⁸ Наиболее полный обзор хронологических ляпов за 1757–1759 гг. дала М. А. Крючкова (*Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II. М.: Калуж. тип. стандартов, 2009. С. 225–245.*)
- ⁸⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 421.
- ⁹⁰ Там же. С. 408.
- ⁹¹ Дополнение к камер-фурьерскому журналу 1757 г. Б/м, б/д: Тип. Департамента уделов. С. 75.
- ⁹² Записки императрицы Екатерины Второй. С. 408.
- ⁹³ Там же. С. 158.
- ⁹⁴ Там же. С. 408.
- ⁹⁵ Там же. С. 408–409.
- ⁹⁶ Там же. С. 637.
- ⁹⁷ Там же. С. 409–412.

⁹⁸ Там же. С. 429.

⁹⁹ Там же. С. 426–430.

¹⁰⁰ Там же. 466.

¹⁰¹ Щепкин Е. Л. Указ. соч. С. 22.

¹⁰² Там же. С. 23.

¹⁰³ Там же. С. 14, 35–36.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 14, 37.

¹⁰⁶ Лабутина Т. Л. Британский посланник Роберт Кейт и Екатерина II о перевороте 1762 г. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 124.

¹⁰⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 437.

¹⁰⁸ Там же. С. 449.

¹⁰⁹ Там же. С. 451.

¹¹⁰ Там же. С. 452.

¹¹¹ Английский посланник Р. Кейт, узнавший об этом ночном разговоре, донес о нем своему правительству, будто бы он присутствовал при нем (Лабутина Т. Л. Указ. соч. С. 124).

¹¹² Там же. С. 461.

¹¹³ Щепкин Е. Н. Указ. соч. С. 38.

¹¹⁴ Флоринский Д. Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского кафедрального собора. СПб.: Тип. Г. Бенике, 1857. С. 82–83.

¹¹⁵ Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 660.

¹¹⁶ Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб.: Лита, 2002. С. 33–35, 63.

С. И. Зенкевич, Е. Ю. Басаргина

Д. Г. МЕССЕРШМИДТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ*

Статья посвящена трем приездам в Санкт-Петербург Д. Г. Мессершмидта (1685–1735) — выдающегося немецкого естествоиспытателя и врача, уроженца Данцига (Гданьска), по указу Петра I совершившего первую в истории научную экспедицию в Сибирь. В первый раз ученый жил в Петербурге с весны 1718 г. по февраль 1719 г. перед выездом в Сибирь, выполняя обязанности придворного врача. В течение самой сибирской экспедиции он состоял в переписке со столичными властями. В Петербург он вернулся весной 1727 г. и тщетно пытался работать здесь со своими материалами до отъезда на родину осенью 1728 г. Его богатые сибирские находки отошли в пользу Академии наук. Три года спустя Мессершмидт в третий раз приехал в Северную столицу, без всяких почестей прожив в ней до самой смерти. Петербург стал для немецкого ученого-энциклопедиста как городом надежд и обширных научных планов, так и местом глубоких разочарований, несправедливости и невозможности преодолеть бюрократические препоны.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, доктор, Петр I, Академия наук, Аптекарская (Медицинская) канцелярия, научная экспедиция в Сибирь, наводнение, немцы в Санкт-Петербурге.

S. I. Zenkevich, E. Yu. Basargina

D. G. MESSERSCHMIDT IN ST. PETERSBURG

The main character of the paper is an outstanding German doctor and naturalist D.G. Messerschmidt (1685–1735) born in Danzig (Gdansk) who had committed the first scientific expedition to Siberia according to the Peter the Great Decree. The authors present three arrivals of doctor Messerschmidt to St. Petersburg. Firstly he was staying here from spring 1718 until February 1719 before his departure to Siberia. A court physician ranked first among his activities at that time. During the expedition Messerschmidt continued to correspond with central authorities on various occasions. He returned to Petersburg in spring 1727 and vainly tried to work here with his materials until his repatriation in autumn 1728. His rich Siberian discoveries were taken to the Academy of Sciences. Three years later Messerschmidt returned to Petersburg again; without any fame he remained here and died in poverty. Petersburg appeared to be a city of his hope and extensive scientific ambitions and simultaneously a place of his deep frustration based on injustice and impossibility to overcome bureaucratic obstacles.

Keywords: D. G. Messerschmidt, doctor, German in St. Petersburg, Peter the First, Academy of Sciences, Apothecary (Medical) chancellery, scientific exhibition to Siberia, flood.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-42006.

Выдающийся немецкий естествоиспытатель и врач Даниэль Готлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685–1735), приглашенный Петром I в Россию и совершивший первую в истории научную экспедицию глубоко на восток России (1719–1727), которая положила начало изучению природных богатств Сибири и культуры населявших ее народов, приезжал в Санкт-Петербург трижды. С Северной столицы началась его российская одиссея: он находился здесь с весны 1718 г. и отсюда в марте следующего года через Новгород и Москву отправился в неведомые края. Во время самого сибирского путешествия Мессершмидт пребывал в постоянном диалоге с Петербургом: отправлял в столицу научные отчеты и результаты своих разысканий, получал ответные указания (жалование ему платили местные власти), а также медикаменты. В Петербург из долгих сибирских странствий с богатым научным багажом ученый вернулся в марте 1727 г., так и не встретив адекватного своим заслугам приема, и написал обобщающий труд по итогам экспедиции, оставшийся в рукописи. Здесь он женился и в сентябре 1728 г. уехал в Германию. В сентябре 1731 г. Мессершмидт, однако, снова вернулся в Петербург и здесь же спустя три с половиной года в нищете и безвестности умер. Трем окрашенным разными красками и рисующим разные перспективы приездам ученого-путешественника в Петербург и посвящена статья.

Одна из главных целей исследования — утвердить в истории Петербурга имя самоотверженного ученого, внесшего внушительный вклад в изучение натуральной истории и географии Сибири, этнографии и языков сибирских народов. Научная деятельность Мессершмидта в России, представленная многочисленными документами¹, — давний предмет изучения². Отечественные и зарубежные историки реконструируют этапы и аспекты его долгого сибирского путешествия, публикуют документы, снабженные научным аппаратом. В последние годы наблюдается всплеск интереса к трудам немецкого ученого³. Вместе с тем если сама экспедиция Мессершмидта — весьма популярный предмет исследования, то «трехчастный» петербургский период его биографии привлекает историков редко (и документальных материалов об этом гораздо меньше), хотя это насыщенный и противоречивый пласт его жизни

общей продолжительностью почти шесть лет. Более того, это период, в чем-то не совсем обычный для множества приглашенных в Россию Петром I иностранцев. Несмотря на обилие обязанностей, Мессершмидт в Петербурге живет и работает словно впол силы, начерно, готовясь к другой деятельности и надеясь на достойное применение своих знаний и опыта в будущем; тем не менее перспективы и гарантии этих чаяний, как покажет время, у него достаточно размыты.

* * *

Д. Г. Мессершмидт родился в Данциге (Гданьске), получил естественно-научное и медицинское образование в университетах Йены (1706–1708) и Галле (с 1708). В Галле он защитил диссертацию «О разуме как главенствующем начале всей медицины» (1713)⁴, в которой звучит мысль о необходимости для врача заниматься естественными науками. После этого он вернулся в родной город, соединяя медицинскую практику с научными исследованиями и работой в естественно-научном музее, учрежденном известным врачом и естествоиспытателем Иоганном Филиппом Брейне (Johann Philipp Breyne, Breynius, 1680–1764).

Здесь, в этом уникальном музее, весной 1716 г. и состоялось знакомство Мессершмидта с Петром I, который совершил свое второе после Великого посольства длительное европейское путешествие. Брейне порекомендовал царю и его лейб-медику архитектору Роберту Карловичу Арескину (Robert Areskin, 1677–1718) своего младшего коллегу как способного ученого и хорошего врача, поскольку состояние здоровья Петра вызывало опасения⁵. Тут же начались переговоры о приглашении Мессершмидта на российскую службу с ежегодным жалованием в 500 руб.⁶, продолжавшиеся два года, так что его отъезд сильно затянулся. За приглашение иностранных ученых на русскую службу отвечала Аптекарская (впоследствии Медицинская) канцелярия, возглавлявшаяся Арескиным; главными участниками проводимых переговоров и покровителями нашего героя были Брейне и Арескин. Однако при этом не совсем четко была обговорена сама программа приглашения. Мессершмидта ждали для исследования природы России⁷. Однако

поскольку Петр в Европе занимался разысканием диковинок, которыми можно было бы укомплектовать столичные хранилища, в качестве перспективы для Мессершмидта рисовалась работа с книжными и музейными коллекциями Петербурга, тем более что он был к этому склонен и имел соответствующий опыт.

В феврале 1718 г. немецкий доктор выехал в Ригу, а оттуда в Россию.

Петербург, к моменту приезда Мессершмидта насчитывавший всего 15 лет своей истории, являлся центром и символом российских преобразований. На берега Невы были перенесены столичные функции, сюда переехали государственные ведомства и газета «Ведомости». В это время был принят генеральный план строительства города⁸. Петр I вкладывал в юную столицу усилия и деньги, перевозил в нее богатые коллекции. За десятилетие до возникновения Академии наук в Петербурге сложились Библиотека и Музей, впоследствии вошедшие в состав Академии как ее первая ученая принадлежность и почти столетие существовавшие как единое целое⁹; датой их основания традиционно считается 1714 г.¹⁰

Само население Петербурга формировалось «с нуля» и, как правило, не по воле новых петербуржцев. Правда, в отличие от российских дворян, по указу царя вынужденных в ущерб себе из глубины России перебраться сюда вместе со слугами и дворовыми, и мастеровыми, занятых на изнурительном строительстве крепости и города, западные специалисты (художники, архитекторы, садоводы и учёные — выходцы из европейских университетов) составляли особую, привилегированную группу приезжих. Совершенное в 1716–1717 гг. второе заграничное путешествие Петра во многом усилило мощь художественного и научного влияния Европы на новую столицу России¹¹. Прорубивший окно в Европу царь был к приглашенным европейцам исключительно благосклонен, что нашло отражение даже в анекдотах¹².

Мессершмидт, как и многие иностранцы, был поселен в Немецкой слободе на правом берегу Мойки (Адмиралтейский остров), неподалеку от домов Р. К. Арескина и его секретаря и помощника Иоганна Даниэля Шумахера (Johann Daniel Schumacher, 1690–1761). Возможно, немецкий ученый даже некоторое время, до обретения

собственного крова, жил в доме архиатра. Во всяком случае, рекомендательное письмо от И. Ф. Брейне на имя Арескина он захватил¹³. Адмиралтейский остров в 1710-е годы являлся самым комфортабельным и привилегированным районом интенсивно строившегося города. Здесь находились летний и зимний дворцы Петра; здесь же жили многие знатные люди — сподвижники царя.

Первый приезд Мессершмидта в Петербург в 1718 г., однако, был сопряжен с целым рядом сложностей как внешнего, так и личного характера. В столице в этот момент усилился полицейский надзор, так или иначе связанный с насильственной депатриацией царевича Алексея в апреле 1718 г. и его таинственной смертью в июле того же года. (Вообще история сложилась таким образом, что немецкий доктор с небольшим отставанием проделал во многом такой же путь в Россию, что и опальный царевич.) «Петербургский розыск», запрещение для горожан выезда из Петербурга без специального разрешения и взаимная слежка¹⁴ создавали неуютную атмосферу в городе. В мае 1718 г. была основана полицмейстерская канцелярия во главе с генерал-полицмейстером А. М. Девиером, в функции которой среди прочего входил контроль над приезжими.

В Петербурге Мессершмидту в известном смысле не благоприятствовали и личные обстоятельства. Р. К. Арескин вскоре после приезда своего протеже заболел, в силу необходимости лечиться отошел от дел и в ноябре 1718 г. в расцвете лет умер. Лейб-медиком царя, а также главой Библиотеки и Кунсткамеры стал Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (*Laurentius Blumentrost*, 1692–1755), архиатром и президентом Медицинской коллегии и всего медицинского факультета — его старший брат Иоганн Деодат (Иван Лаврентьевич) Блюментрост (*Iohannes Deodatus Blumentrost*, 1676–1756). В результате этих «kadровых» пертурбаций характер деятельности Мессершмидта в Петербурге не во всем совпал с теми перспективами, которые вырисовывались для него перед отъездом из Германии. Во всяком случае, его расчет на работу в Библиотеке и Музее (Кунсткамере) не оправдался, хотя он был при этом активным читателем. Также именно во время его пребывания в Петербурге летом 1718 г. в Музей была доставлена купленная Петром анатомическая коллекция нидерландского анатома Фредерика

Рюйша (Frederik Ruysch, 1638–1731), разработавшего уникальный способ консервации мертвого тела¹⁵, и он вполне мог бы ею заняться.

Документальных свидетельств о первом пребывании Мессершмидта в Петербурге немного. Тем не менее разрозненные сведения складываются в определенную картину: ученый был неизменно занят медицинской практикой.

Главное объяснение этому состоит в следующем. Как доктор — специалист с европейским университетским естественно-научным образованием, Мессершмидт в России оказался на верхушке медицинской иерархической лестницы. В отличие от лекарей, не имевших диплома доктора, он был среди самых высокопоставленных служащих Аптекарской канцелярии, пришедшей на смену Аптекарскому приказу, и имел право лечить внутренние болезни. Почетное звание налагало на него определенный круг обязанностей. В условиях продолжавшейся Северной войны основными медицинскими сферами в Петербурге были придворная и военная. При этом в столице шло активное формирование фармацевтической сети. Эти сферы всецело захватили немецкого доктора при всей его тяге к «чистому» естествознанию и музеиному делу.

Непрекращающееся лечение придворных давалось кабинетному ученому (к тому же, как можно предположить, интроверту) нелегко, однако он не позволял себе роптать. В столице по-прежнему было мало докторов такой квалификации, и Мессершмидт подошел к своим обязанностям со всей ответственностью. (Кстати, как известно, в феврале 1718 г. он даже отложил свой отъезд из Данцига в Россию, чтобы дождаться кризиса у вверенного ему пациента¹⁶.)

Только в письме от 27 февраля 1719 г. к И. Ф. Брейне, близкому человеку, Мессершмидт ретроспективно с горечью заметил, что высокопоставленные пациенты, злоупотребляя его временем и вниманием, требовали повторных визитов, нещадно отвлекая его от научных занятий, так что медицинская практика даже начала его раздражать. При этом ни слова о какой-либо конструктивной работе в Библиотеке и Музее Мессершмидт своему корреспонденту не рассказал — видимо, в силу ее отсутствия¹⁷.

Между тем именно в период пребывания Мессершмидта в Петербурге состоялся очередной виток переговоров между Россией и Швецией о завершении Северной войны — Аландский конгресс. Летом 1718 г. в финский город Або (ныне Турку), где находилось командование русского Финляндского корпуса, отправился вице-канцлер барон П. П. Шафиров. В качестве лейб-медика его сопровождал Мессершмидт, о чем мы узнаем из уже упоминавшегося его письма к И. Ф. Брейне¹⁸. Почетная обязанность, как он сожалением отметил, не позволила ему летом наблюдать флору Петербурга и его окрестностей.

В Петербурге во второй половине 1710-х годов активно разрабатывалось аптечное дело. Петр тщательно занимался устройством аптек и урегулированием их деятельности, в чем активное участие принимал архиатр Р. К. Арескин. В 1714 г. по указу Петра I на острове, который получил название Аптекарского, начал создаваться Аптекарский огород для выращивания лекарственных растений — впоследствии Императорский ботанический сад (ныне отдел Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН)¹⁹. Тем не менее значительная часть лекарств в России была импортной. Поэтому поиск лекарственных растений на территории нашей страны составлял первый пункт именного царского указа, наконец увидевшего свет 15 ноября 1718 г., о посылке Мессершмидта в Сибирь. Указ гласил: «...доктора Мессершмидта послать в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корения и семен и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы»²⁰. (Этот указ, помимо научной программы, также подтверждал подчинение Мессершмидта И. Д. Блюментросту и содержал информацию о выплате ему жалования.) Вскоре после обнародования этого указа умер Р. К. Арескин; похороны любимого лейб-медика Петра I стали заметным событием в жизни столицы в конце 1718 г.

Мессершмидт выехал из Петербурга 1 марта 1719 г. Его сопровождали двое слуг и двое солдат-денщиков; они ехали восемью подводами. Путь ученый держал на Новгород, а в конце месяца прибыл в Москву, где задержался до начала сентября.

За время экспедиции Мессершмидт регулярно отправлял в Петербург корреспонденции, среди которых несколько рапортов-

отчетов на имя архиатра И. Д. Блюментроста²¹. Диалог с Северной столицей — с поправкой на долгую доставку писем — продолжался на протяжении всего его путешествия. Первые три рапорта Мессершмидт выслал за время почти полугодового пребывания в Москве. Они в основном касались планов экспедиции: ученый стремился присоединиться к посольству Л. В. Измайлова, следовавшему в Китай для восстановления торговых отношений²², однако этим планам не суждено было сбыться. Добравшись в конце 1719 г. до Тобольска, ученый получил предписание Блюментроста, содержащее вердикт Петра I: в поездке в Китай ему отказано, поскольку в нем заинтересованы как в исследователе именно российской природы²³.

Четвертый рапорт, наиболее ценный с научной точки зрения, Мессершмидт отправил Блюментросту в конце июня 1720 г., накануне своего выезда из Тобольска по окрестным городам. В этом рапорте он представил программу своей экспедиции максимально широко: естественная история, география, физические наблюдения, поиск «натуралий» и редкостей, а также рукописей, памятников письменности и материальной культуры²⁴. Впоследствии он направил своему основному «начальнику» и другие рапорты.

В Петербург Мессершмидт порой обращался и за помощью. Так, известен любопытный документ — письмо от 2 января 1721 г. из Тобольска к петербургскому аптекарю Христиану Брейтигаму (Christian Bräutigamb), в котором он просит выслать ему по списку ряд лекарств²⁵. Это письмо свидетельствует об активной медицинской практике ученого в Сибири, а также о его неизменных контактах с Петербургом.

Столичные новости доходили до Мессершмидта и от местных жителей, с которыми ему приходилось иметь дело во время путешествия. Так, 9 января 1724 г. в Иркутске к Мессершмидту явились с визитом сержант И. А. Носков и казначей Ф. К. Петров. Среди прочего они рассказали ему о наводнении в Северной столице. Мессершмидту самому не довелось наблюдать разгула стихии, так как в 1719 г. наводнения миловали город.

Рассказ о наводнении произвел на Мессершмидта сильное впечатление, и он записал услышанный рассказ в своем дневнике:

«Und [sie] referierten mir, daß in St. Petersburg nach meiner Abreise eine große Überschwemmung gewesen, welche die ganze Stadt unter Wasser gesetzt, Vasil'evskij ostrov aber, Fürst Aleksandr Menšikovs Palais und übrige auf selbigen Ostrov, so viel höher als die übrigen Karrees der Stadt, hätten kaum 1 Schuh hoch Wasser gehabt. Am Imperatorischen Garten wäre unsäglicher Schaden dadurch geschehen. Er meinte aber, wenn die Kanäle nur erst alle würden fertig sein, daß durch selbige dergleichen künftighin zu befürchtende Überschwemmung ein großes Teil würde leidlicher werden, und dergleichen, wiewohl ich glaubte, daß man per calculum hydrostaticum gar genau eruieren und demonstrieren könne, <...> wieviel es importieren wurde etc.»²⁶ («И они рассказали мне, что после моего отъезда из С.-Петербурга произошло сильное наводнение, которое погрузило под воду весь город, но Васильевский остров, дворец князя Александра Меншикова и прочие (здания) на этом острове, расположенные намного выше остальных кварталов города, были покрыты водой едва ли на один фут. Императорскому саду был нанесен невероятный ущерб. А один (из них) сказал, что если бы все каналы были бы готовы, то в будущем последствия наводящего страх наводнения были бы по большей части не такими серьезными; так же и я был уверен, что при помощи гидростатических вычислений можно было бы точно знать и показать, <...> насколько прибудет воды и т. д.»).

Какое именно наводнение имели в виду собеседники немецкого ученого? После отъезда Мессершмидта в 1721 и 1723 гг. город пережил несколько разрушительных наводнений. 5 (16) ноября 1721 г. уровень воды поднялся на «7 футов 4 дюйма»²⁷. По словам Ф. В. Бергхольца, ставшего очевидцем этого наводнения, «невозможно описать, какое страшное зрелище представляло множество оторванных судов, частью пустых, частью наполненных людьми; они неслись по воде, гонимые бурею, навстречу почти неминуемой гибели. <...> Ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш, вода доходила лошадям до брюха; на улицах же почти везде можно было ездить на лодках». Васильевский остров пострадал не меньше, чем другие районы города; многие подвалы и склады были затоплены. От этого наводнения князь Меншиков потерпел убытку на 20 тыс. руб.²⁸ Это свидетельство совершенно противоречит тому,

что было рассказано Мессершмидту. Если в беседе имелось в виду именно это наводнение, то совершенно очевидно, что по мере умножения повествовательных инстанций его обстоятельства, о которых немецкий ученый узнал от Носкова и Петрова, подвергалисьискажению.

Осенью 1723 г. в Петербурге также была большая вода. 8 (19) ноября наводнение разнесло лед, сковавший к тому времени Неву и каналы; вода поднялась на 200 см от ординара у современного Горного института²⁹. На сей раз наводнение не показалось Бергхольцу таким страшным, как за два года до этого: «8-го. В прошедшую ночь ветер свирепствовал страшно, и вода около трех часов поднялась так высоко, что в большей части каналов выступила из берегов <...>. Наводнение причинило много беспокойства и значительные убытки»³⁰. Если речь шла именно об этом наводнении, то 9 января 1724 г. Носков и Петров поведали Мессершмидту весьма свежую новость, которая достигла Иркутска практически молниеносно. Для сравнения: курьер с сообщением о том, что Петр I 28 января 1725 г. скончался и на престол взошла Екатерина I, прибыл в Тобольск лишь 11 мая 1725 г.³¹

Какое бы наводнение в Петербурге, однако, ни имели в виду собеседники Мессершмидта, по его дневнику очевидно: его поразило известие о суровом природном явлении, и он как ученый заключил, что петербургские наводнения необходимо изучать, чтобы предотвращать катастрофические последствия.

Мессершмидт получал почту с большим опозданием и писал в Петербург от случая к случаю. Стоило молчанию с его стороны сильно затянуться, как начальство вообще решило, что он умер. В феврале 1726 г., когда недоразумение наконец выяснилось, Мессершмидт получил указ срочно вернуться в Петербург. Однако обратная дорога растянулась более чем на год: немецкий ученый приехал в столицу только в конце марта 1727 г.

За время сибирской одиссеи Мессершмидта в столице была учреждена Академия наук и художеств. К ней отошли здание Кунсткамеры, проектирование и строительство которого практически совпали по времени с путешествием нашего героя, и дворец невестки Петра I Прасковьи Федоровны. В качестве «ученых принад-

лежностей» в ведение Академии, как уже говорилось, были переданы Музей и Библиотека.

Между тем не успел Мессершмидт вернуться, как по распоряжению президента Медицинской (бывшей Аптекарской) канцелярии И. Д. Блюментроста, в чьем подчинении он по-прежнему находился, были изъяты все его сибирские находки. Это объяснялось тем, что еще в Тобольске при таможенном досмотре в багаже немецкого ученого обнаружились ценные вещи, в результате чего ящики были опечатаны. Блюментрост на всякий случай решил оградить Мессершмидта от привезенных им ценных коллекций, чтобы тот ненароком не решил что-нибудь присвоить³². Только в начале 1728 г. специальной комиссией, в которую вошел сам Мессершмидт, его материалы подверглись осмотру³³. По итогам обследования не только все опечатанные в Тобольске ценности (обнаруженные комиссией в целости и сохранности³⁴), но и все привезенные им редкости, а также его собственные вещи было решено передать в Академию наук. По мнению Г. Ф. Миллера, который вел протоколы этого дела, Кунсткамера благодаря коллекциям Мессершмидта обогатилась отечественными естественно-научными экспонатами сверх всякого ожидания³⁵. Причем все находки были описаны Мессершмидтом по четким правилам научной классификации, что впоследствии служило образцом и для самого Миллера, и для других участников академических экспедиций. Однако большая часть находок Мессершмидта, включающая коллекции растений, животных и минералов, а также ботанические рисунки, была утрачена при пожаре в 1747 г.³⁶ Вместе с тем наладить отношения с Блюментростом немецкому ученому так и не удалось. В Академии наук многие были уверены, что он утаил-таки часть своего научного багажа, и ему пришлось делать заявление под присягой, что все ценности им переданы³⁷.

В Петербурге Мессершмидт принялся за работу над обширным трудом «*Sibiria perlustrata*» — первым энциклопедическим описанием Сибири, окончив его в 1728 г. (финальная дата зафиксирована на последнем, 394-м, листе рукописи). Эта работа, тщательно подготовленная автором к печати, но не опубликованная, был передана в Академическую библиотеку, а сегодня хранится в Санкт-

Петербургском филиале Архива РАН³⁸. В 2021 г. осуществлено ее факсимильное издание.

Первый раздел итогового труда Мессершмидта посвящен физической географии. Здесь собраны все топонимы, которые ученый проезжал по пути, указаны их широты, а также приведены сведения о погоде в Сибири. Во втором разделе ученый представил тщательно классифицированное описание обследованных им минералов, лекарственных растений и животных. В третий раздел вошли образцы языков народов Сибири, сведения о некоторых восточных рукописях и найденных во время экспедиции объектах материальной культуры. Многие описания сопровождаются рисунками. Ценность работы немецкого ученого очевидна и по сей день.

В марте 1728 г. Мессершмидт женился на Бригитте Хелене Бёклиер (Brigitta Helene Böckler, 1714/1715–1761). Полгода спустя супруги отправились из Петербурга в Данциг. Перед отъездом на родину Мессершмидт был вынужден дать слово не издавать в Европе никаких сведений ни об экспедиции, ни о своих сибирских открытиях — и сдержал его. В результате же кораблекрушения у берегов Германии немецкий ученый потерял весь свой научный багаж: книги, рукописи и те немногие сибирские редкости, которые у него оставались³⁹.

Пребывание на родине после многолетнего отсутствия не принесло Мессершмидту отрады. В сентябре 1731 г. он вернулся в Петербург. Доступа к своим находкам, изъятым в пользу Академии наук, он так и не получил, так что возможности дальнейшей обработки материалов у него не было. Вместе с тем за долгие годы странствий здоровье его было подорвано. В бедности и безвестности ученый и умер, не дожив до 50 лет. Его вдова в сентябре 1741 г. продала Академии наук принадлежавшие ему книги⁴⁰.

Таким образом, Петербург, центр обновляемой России и точка притяжения европейских умов, сыграл в судьбе выдающегося немецкого ученого-энциклопедиста во многом роковую роль. Приехав сюда в надежде на научные свершения и с большой готовностью работать, Мессершмидт испытал здесь череду глубоких разочарований. Ученый в полной мере столкнулся с глухотой и непробиваемостью вышестоящих инстанций, однако даже в этой непростой

ситуации старался достойно и в соответствии со своими знаниями и опытом действовать в предложенных ему обстоятельствах, результатом чего стало посмертное глубокое признание его научных заслуг.

Авторы сердечно благодарят Т. И. Малову за консультацию и предоставленные материалы по истории наводнений Санкт-Петербурга.

Библиография

Басаргина Е. Ю. Изобразительный материал в труде Д. Г. Мессершмидта «*Sibiria perlustrata*» // Фундаментальная наука: Проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В. Ю. Афиани. М.: Архив РАН, 2013. С. 290–291.

Басаргина Е. Ю., Бондарь Л. Д., Тункина И. В. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11. № 3. С. 120–134.

Башкатова З. В. Дневники Д. Г. Мессершмидта как источник для изучения сырьевой базы сибирской промышленности первой трети XVIII века // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX века. Новосибирск: Наука, СО, 1987. С. 105–119.

Беляева И. М. Редкие книги в фонде Библиотеки РАН из собрания Д. Г. Мессершмидта // Немцы в России: Российско-немецкий диалог / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 22–26.

Берхольц Ф. В. Дневник каммер-юнкера Берхольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. Ч. 1: 1721 год / пер. И. Аммон. 2-е изд. М.: Тип. Каткова и Ко, 1858. 275 с.

Бондарь Л. Д. Лингвистические экспедиции XVIII — начала XX в. Экспедиции в Сибирь // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. СПб.: Реноме, 2018. Кн. 2. С. 1267–1282. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 9).

Бычков А. Ф. (изд.). Бумаги императора Петра I. СПб.: [В тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии], 1873. 23, 565, 59 с.

Василевич Г. М. Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения // Известия СО АН СССР. Сер. «Общественные науки». 1969. Вып. 2. № 6. С. 116–119.

Винтер Е. Научное исследование Сибири в Петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727). М.: Наука, 1971. 13 с.

Гинзбург В. В. Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в собраниях Петровской Кунсткамеры // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 263–305.

Грушевский М. С., Лазаренко Н. Н. Изучение ленинградских наводнений и их предсказание // Труды Государственного океанографического института. 1957. Вып. 41. С. 142–158.

Д. Г. Мессершмидт — исследователь древней истории Сибири: указатель литературы / сост. И. А. Янгулова, О. П. Чочиева, Ю. А. Ощепкова, И. Г. Банацкая. Абакан: ГБУК РХ «Национальная библиотека им. Н. Г. Доможакова», 2011. 26 с.

Елина О. Ю. От царских садов до советских полей: История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII — 20-е годы XX в.: в 2 т. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2008. Т. 1. 480 с.

К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / отв. ред. И. В. Тункина; сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. 352 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 19).

Ким Е. А. Томск в 1721 г. глазами иностранцев // Человек — текст — эпоха. Вып. 1: Формирование жизненной среды и менталитета / отв. ред. В. П. Зиновьев, Е. Е. Дутчак. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. С. 74–88.

Копанева Н. П. «Возвращение» археологической коллекции Мессершмидта // Наука из первых рук. 2006. № 5 (11). С. 72–79.

Копанева Н. П. К истории подготовки издания материалов Д. Г. Мессершмидта в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ в 2014 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 97–103.

Копанева Н. П. Научное путешествие Д. Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (150). С. 44–52.

Копанева Н. П. О приглашении Даниила Готлиба Мессершмидта в Россию // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 174–181.

Кызласов Л. Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. С. 43–52.

Лефельдт В. Тобольский рапорт Д. Г. Мессершмидта как образец программы ученого для исследования Сибири // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: материалы II Междунар. науч. конф., 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 387–394. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 14).

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1: 1716–1730. СПб.: Тип. ИАН, 1885. IV, 732 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 4. СПб.: Тип. ИАН, 1887. II, 825 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6: История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера (1725–1743). СПб.: Тип. ИАН, 1890. 636 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 8: 1746–1747. СПб.: Тип. ИАН, 1895. 794 с.

Мессершидт Д. Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве / публ. З. Д. Титовой // Исторический архив. 2003. № 2. С. 25–40.

Мессершидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722 / Науч. ред. Э. Л. Львова; пер., сост. Е. А. Ким. Абакан: Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.

Мессершидт Д. Г. Дневники: От Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / сост. Ю. И. Чивтаев. Иркутск: На Чехова, 2018. 266 с.

Мордухай-Болтовской А. И. Уровни некоторых ленинградских наводнений XVIII и начала XIX века (Из работ отдела борьбы с наводнениями Научно-исследовательского института коммунального и жилищного хозяйства и строительства) // Известия Государственного гидрологического института. 1932. № 48. С. 14–35.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск: Удмуртия, 2001. 220 с.

Нежиховский Р. А. Вопросы гидрологии реки Невы и Невской губы. Л.: Гидрометеоиздат, 1988. 224 с.

Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.

Описание наводнения, бывшего в Санктпетербурге 7 числа Ноября 1824 года / изд. С. Аллер. СПб.: В Тип. Деп-та нар. прос., 1826. VI, [2], 239 с.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1862. С. 350–362.

Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. 312 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Suppl. 7).

Радзюн А. Б. Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в Санкт-Петербурге // Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / отв. ред. Н. Копанева, Р. Кистемакер, А. Офербек. СПб.: ООО «Европ. дом», 1997. С. 90–113.

Рыкачев М. А. О наводнениях в С.-Петербурге и о возможности их предсказывать на основании метеорологических наблюдений (Лекция, читанная в Кронштадтском морском собрании) // Записки по гидрографии. 1898. Вып. XIX. С. 99–124.

Святской Д. О. Наводнения в устье реки Невы с 1300 по 1932 года // Сборник работ НИИКХ: Защита Ленинграда от нагонных наводнений. Л.: Облисполком Ленсовета, 1933. С. 268–291.

Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб.: Эклектика, 2004. С. 73–97.

Таблицы к статистическим сведениям о Санктпетербурге. СПб.: В Гутенберговой тип., 1836. 8 карт, 5 с., 98 табл.

Таранович В. П. Экспедиции Академии наук XVIII века и их роль в деле развития лесных знаний (с 4 картами) // Архив истории науки и техники. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 177–204.

Титова З. Д. Источники XVIII века о тюркских группах Южной Сибири на западноевропейских языках // Материальная культура народов России. Т. 1: Культура народов России. Новосибирск: Наука, 1995. С. 30–42.

Титова З. Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д. Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / Отв. ред. Р. С. Липец. Вып. VIII. М.: Наука, 1978. С. 5–14. (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 107).

Тункина И. В. Экспедиция Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI веков // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф., 23–25 апреля 2013 г., С.-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 238–250. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 4).

Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 166 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Suppl. 6).

Уставы Академии наук СССР / Отв. ред. Г. К. Скрябин. М.: Наука, 1974. 208 с.

Хамарханов А. З. Этнографические исследования Д. Г. Мессершмидта в Бурятии // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во АН СССР, СО, Бурятский филиал, 1986. С. 36–56.

Хартанович М. Ф. Принципы собирания этнографических коллекций для Кунсткамеры Императорской Академии наук: от сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта (1719–1727) до Второй камчатской экспедиции (1733–1743) // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». 2019. Т. 18. № 5: Археология и этнография. С. 36–49.

Штеплин Я. Я. Анекдоты о императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные покойным действительным статским советником Яковом Штеплиным / Новый перевод. М.: Тип. комп. типогр., 1788. ХХ, 1–206, 210, 218–234, 225–429 с.

Bondar L. D., Bischoff U. Die akademische Expedition 1720–1727: Die Rolle D. G. Messerschmidts und Ph. I. Strahlenberg in den linguistischen Forschungen // “Aus Sibirien — 2013”: научно-информационный сборник. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. С. 170.

Bondar L. D., Bischoff U. Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф., 23–25 апреля 2013 г., С.-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 251–256. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 4).

Brentjes B. Daniel Gottlieb Messerschmidt — der Pioneer der sibirischen Archäologie // Ural-Altaische Jachbücher. Fortsetzung der “Ungarischen Jahrbücher”. Neue Folge (Wiesbaden). 1988. Bd. 8. S. 137–151.

Jahn I. Zoologische Ergebnisse von Daniel Gottlieb Messerschmidts Sibirienreise 1720–1727 // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlpfordt. Bd. 6: Mittel-, Nord- und Osteuropa / Hrsg. von E. Donnert. Kologne; Weimar; Wienna: Böhlau Verlag, 2002. S. 887–892.

Kolchinsky E. I. The Role of Eighteenth Century Russian Expeditions in the Development of Natural History // California Academy of Sciences Proceedings. 2004. Vol. 55. Suppl. 2. P. 106–116.

Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidts Dissertation «De ratione præside universæ medicinæ» — Bericht über eine Annäherung // Collegae, amico, magistro: сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцише / отв. ред. В. А. Абашник, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцише. Харьков: Майдан, 2019. С. 154–163.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Tl. 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter, N. A. Figueovskij. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. VIII, 379 S.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Tl. 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. VII, 270 S.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Tl. 3: Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 — Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1966. 274 S.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Tl. 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 283 S.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Tl. 5: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. 156 S.

Tunkina I. V. Die Archäologie Sibiriens in den Dokumenten Messerschmidts // “Aus Sibirien — 2013”: научно-информационный сборник. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. S. 230–231.

Uschmann G. Die Bedeutung der Messerschmidt-Edition für die Geschichte der Naturwissenschaften // Nova Acta Leopoldina. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Neue Folge (Halle). Leipzig, 1963. Bd. 27. No. 167. S. 317–325.

* * *

¹ Основной корпус документов, включающий как обширные научные материалы Мессершмидта, так и многочисленную служебную документацию, хранится в именном фонде ученого в СПбФ АРАН (Ф. 98). Эти документы активно публикуются и готовятся к публикации. Переводы рапортов и писем Мессершмидта находятся в Научном архиве МАЭ РАН. Новые документы о деятельности Мес-

сершмидта недавно обнаружены в Германии в фонде Научной библиотеки г. Готы (Forschungsbibliothek Gotha).

² См. об этом: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1862. С. 350–362; *Таранович В. П.* Экспедиции Академии наук XVIII века и их роль в деле развития лесных знаний (с 4 картами) // Архив истории науки и техники. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 177–204; *Кызласов Л. Р.* Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. С. 43–52; *Uschmann G.* Die Bedeutung der Messerschmidt-Edition für die Geschichte der Naturwissenschaften // Nova Acta Leopoldina. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Neue Folge (Halle). Leipzig, 1963. Bd. 27. No. 167. S. 317–325; *Василевич Г. М.* Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения // Известия СО АН СССР. Сер. «Общественные науки». 1969. Вып. 2. № 6. С. 116–119; *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.; *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Tl. 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter, N. A. Figurovskij. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. VIII, 379 S.; Tl. 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. VII, 270 S.; Tl. 3: Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 — Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1966. 274 S.; Tl. 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 283 S.; Tl. 5: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. 156 S.; *Винтер Е.* Научное исследование Сибири в Петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727). М.: Наука, 1971. 13 с.; *Титова З. Д.* Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.-Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / отв. ред. Р. С. Липец. Вып. VIII. М.: Наука, 1978. С. 5–14. (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 107); *Хамарханов А. З.* Этнографические исследования Д. Г. Мессершмидта в Бурятии // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во АН СССР, СО, Бурятский филиал, 1986. С. 36–56; *Башкатова З. В.* Дневники Д. Г. Мессершмидта как источник для изучения сырьевой базы сибирской промышленности первой трети XVIII века // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX века. Новосибирск: Наука, СО, 1987. С. 105–119; *Brentjes B. Daniel Gottlieb Messerschmidt — der Pioneer der sibirischen Archäologie* // Ural-Altaische Jachbücher. Fortsetzung der “Ungarischen Jahrbücher”. Neue Folge (Wiesbaden). 1988. Bd. 8. S. 137–151; *Титова З. Д.* Источники XVIII века о тюркских группах Южной Сибири на западноевропейских языках // Материальная культура народов России. Т. 1: Культура народов России. Новосибирск: Наука, 1995. С. 30–42; и др.

³ См. публикации документов и исследования XXI в., посвященные Д. Г. Мессершмидту: *Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск: Удмуртия, 2001. 220 с.; Jahn I. Zoologische Ergebnisse von Daniel Gottlieb Messerschmidts Sibirienreise 1720–1727 // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlpfordt / Hrsg. E. Donnert. Bd. 6: Mittel-, Nord- und Osteuropa. Kologne; Weimar; Wienna: Böhlau Verlag, 2002. S. 887–892; Мессершмидт Д. Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве / Публ. З. Д. Титовой // Исторический архив. 2003. № 2. С. 25–40; Kolchinsky E. I. The Role of Eighteenth Century Russian Expeditions in the Development of Natural History // California Academy of Sciences Proceedings. 2004. Vol. 55. Suppl. 2. P. 106–116; Ким Е. А. Томск в 1721 г. глазами иностранцев // Человек — текст — эпоха. Вып. 1: Формирование жизненной среды и менталитета / отв. ред. В. П. Зиновьев, Е. Е. Дутчак. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. С. 74–88; Копанева Н. П. «Возвращение» археологической коллекции Мессершмидта // Наука из первых рук. 2006. № 5 (11). С. 72–79; Д. Г. Мессершмидт — исследователь древней истории Сибири: указатель литературы / сост. И. А. Янгулова, О. П. Чочиева, Ю. А. Ощепкова, И. Г. Банацкая. Абакан: ГБУК РХ «Национальная библиотека им. Н. Г. Доможакова», 2011. 26 с.; Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск; Абакан; Красноярск. 1721–1722 / науч. ред. Э. Л. Львова; пер., сост. Е. А. Ким. Абакан: Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.; Тункина И. В. Экспедиция Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI веков // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф., 23–25 апреля 2013 г., С.-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 238–250. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 4); Bondar L. D., Bischoff U. Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen // Там же. С. 251–256; Басаргина Е. Ю. Изобразительный материал в труде Д. Г. Мессершмидта «Sibiria perlustrata» // Фундаментальная наука: Проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В. Ю. Афиани. М.: Архив РАН, 2013. С. 290–291; Bondar L. D., Bischoff U. Die akademische Expedition 1720–1727: Die Rolle D. G. Messerschmidts und Ph. I. Strahlenberg in den linguistischen Forschungen // “Aus Sibirien — 2013”: научно-информационный сборник. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. С. 170; Tunkina I. V. Die Archäologie Sibiriens in den Dokumenten Messerschmidts // Ibid. С. 230–231; Копанева Н. П.: 1) О приглашении Даниила Готлиба Мессершмидта в Россию // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 174–181; 2) Научное путешествие Д. Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (150). С. 44–52; 3) К истории подготовки издания материалов Д. Г. Мессершмидта в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ в 2014 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2015.*

С. 97–103; Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 166 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Suppl. 6); Бондарь Л. Д. Лингвистические экспедиции XVIII — начала XX в. Экспедиции в Сибирь // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. СПб.: Реноме, 2018. Кн. 2. С. 1267–1282. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 9); Мессершмидт Д. Г. Дневники: От Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / сост. Ю. И. Чивтаев. Иркутск: На Чехова, 2018. 266 с.; Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. 312 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Suppl. 7); Хартанович М. Ф. Принципы собирания этнографических коллекций для Кунсткамеры Императорской академии наук: от сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта (1719–1727) до Второй камчатской экспедиции (1733–1743) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18. № 5: Археология и этнография. С. 36–49; Басаргина Е. Ю., Бондарь Л. Д., Тункина И. В. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11. № 3. С. 120–134; К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. 352 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 19); и др.

⁴ См. о диссертации Мессершмидта: *Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidts Dissertation «De ratione præside universæ medicinæ» — Bericht über eine Annäherung // Collegae, amico, magistro*: сб. научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / отв. ред. В. А. Абашник, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков: Майдан, 2019. С. 154–163.

⁵ См. о болезни Петра во время пребывания в Европе: *Копанев Н. А. Письмо голландского издателя о «болезни» Петра Великого // Россия — Голландия. Книжные связи XV—XX вв.* СПб.: Европейский дом, 2000. С. 96–102; *Редин Д. Серов Д. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 2. С. 471–502; и др.

⁶ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. С. 182–183.

⁷ Там же.

⁸ См. об этом: *Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века*. СПб.: Эклектика, 2004. С. 73–97.

⁹ Библиотека и Музей (Кунсткамера) были разделены только по Регламенту Академии наук 1803 г. См.: Уставы Академии наук СССР / отв. ред. Г. К. Скрябин. М.: Наука, 1974. С. 84 (§ 111), 86 (§117, 118).

¹⁰ 1714-й год считается датой основания Библиотеки в известной степени условно, поскольку нам не известно никакого связанного с этим уставного доку-

мента, но признается большинством исследователей. Примерно к 1714 г. по распоряжению Петра I из Москвы в новую столицу были перевезены книжные, анатомические и зоологические коллекции. См. об этом: *Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 21–22.* В этом же году был дан старт серьезной работе с книжными фондами; примерно в это время началось и обслуживание читателей. См. об этом: *Луппов С. П. Основание и первые годы существования библиотеки. 1714–1725 // История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / отв. ред. М. С. Филиппов; коллектив авторов: С. П. Луппов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, П. В. Соколов, В. Н. Воронов, В. Я. Хватов. М.; Л.: Наука, 1964. С. 13–14.* Ранние упоминания этой даты — 1714 г. — см. в кн.: [Шумахер И. Д.] *Краткое известие о Академии наук и о учреждении Библиотеки и Кунсткамеры // Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей. Сочиненное для охотников оных вещи смотреть желающих. СПб.: Печ. при ИАН, [1744]. С. 4;* Богданов А. И. *Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым, со многими изображениями первых зданий; а ныне дополненное и изданное Надворным советником, правящим должность директора над Новороссийскими училищами, Вольного российского собрания при Императорском Московском университете и Санкт-Петербургского Вольного экономического общества членом Василем Рубаном. 1-е изд. СПб.: [Тип. Воен. коллегии], 1779. Гл. XVII «Библиотеки».*

¹¹ См. об этом: Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство. СПб.: Междунар. фонд спасения Петербурга–Ленинграда: Феникс, 2003. С. 226.

¹² См. об этом: Штелин Я. Я. Анекдоты о императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные покойным действительным статским советником Яковом Штелиным / Новый перевод. М.: Тип. комп. типогр., 1788. С. 58.

¹³ Письмо Брейне к Арескину от начала февраля 1718 г. // Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершmidt: Письма и документы. 1716–1721. С. 190–191.

¹⁴ См. об этом: Бумаги императора Петра I / изд. акад. А. Ф. Бычков. СПб.: [В тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии], 1873. С. 369.

¹⁵ См. об этом: Гинзбург В. В. Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в собраниях Петровской Кунсткамеры // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 263–305; Радзюн А. Б. Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в Санкт-Петербурге // Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / отв. ред. Н. Копанева, Р. Кистемакер, А. Офербек. СПб.: ООО «Европ. дом», 1997. С. 90–113.

¹⁶ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершmidt: Письма и документы. 1716–1721. С. 191.

¹⁷ Там же. С. 204–205.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. об этом: Елина О. Ю. От царских садов до советских полей: История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII — 20-е годы XX в.: в 2 т. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2008. Т. 1. С. 80.

²⁰ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. С. 201.

²¹ См. об этом: *Лефельдт В. Тобольский рапорт* Д. Г. Мессершмидта как образец программы ученого для исследования Сибири // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: материалы II Междунар. науч. конф., 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 387–394. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 14).

²² Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. С. 220, 222.

²³ Там же. С. 224–225.

²⁴ Там же. С. 251–258.

²⁵ Там же. С. 145, 265–266.

²⁶ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727.* Т. 2. *Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch.* Berlin: Akademie-Verlag, 1964. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas). S. 193.

²⁷ Источники дают высоту катастрофического наводнения 5 (16) ноября 1721 г. в 7 футов 4 дюйма, то есть 224 см. См.: Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа Ноября 1824 года / изд. С. Аллер. СПб.: В Тип. Деп-та нар. прос., 1826. С. 27; Таблицы к статистическим сведениям о Санктпетербурге. СПб.: В Гутенберговой тип., 1836. Табл. 1; Рыкачев М. А. О наводнениях в С.-Петербурге и о возможности их предсказывать на основании метеорологических наблюдений (Лекция, читанная в Кронштадтском морском собрании) // Записки по гидрографии. 1898. Вып. XIX. С. 103; Мордухай-Болтовской А. И. Уровни некоторых ленинградских наводнений XVIII и начала XIX века (Из работ Отдела борьбы с наводнениями Научно-исследовательского института коммунального и жилищного хозяйства и строительства) // Известия Государственного гидрологического института. 1932. № 48. С. 32; Святский Д. О. Наводнения в устье реки Невы с 1300 по 1932 года // Сборник работ НИИКХ: Защита Ленинграда от нагонных наводнений. Л.: Облисполком Ленсовета, 1933. С. 282; Грушевский М. С., Лазаренко Н. Н. Изучение Ленинградских наводнений и их предсказание // Труды Государственного океанографического института. 1957. Вып. 41. С. 143, 144.

В балтийской системе высот, то есть от нуля Кронштадтского футштока, эта высота указана как 267 см (Мордухай-Болтовской А. И. Указ. соч.) и 265 см (Нежиховский Р. А. Вопросы гидрологии реки Невы и Невской губы. Л.: Гидрометеоиздат, 1988. С. 219).

²⁸ *Берхгольц Ф. В. Дневник каммер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. Ч. 1: 1721 год / Пер. И. Аммон.* 2-е изд. М.: Тип. Каткова и К, 1858. С. 220, 241.

²⁹ Грушевский М. С., Лазаренко Н. Н. Указ. соч. С. 144.

³⁰ Берхгольц Ф. В. Указ. соч. С. 251.

³¹ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Т. 4. Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas). S. 79.

³² Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1: 1716–1730. СПб.: Тип. ИАН, 1885. С. 296.

³³ См. об этом: Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6: История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера (1725–1743). СПб.: Тип. ИАН, 1890. С. 150–151.

³⁴ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1: 1716–1730. С. 375.

³⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6: История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера (1725–1743). С. 147, 150–152.

³⁶ См. об этом: Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 8: 1746–1747. СПб.: Тип. ИАН, 1895. С. 619, 624–625, 643.

³⁷ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1: 1716–1730. С. 383.

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22.

³⁹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6: История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера (1725–1743). С. 152–153.

⁴⁰ Список этих книг опубликован в кн.: Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 4. СПб.: Тип. ИАН, 1887. С. 728–734. О библиотеке Месссершмидта см.: Беляева И. М. Редкие книги в фонде Библиотеки РАН из собрания Д. Г. Месссершмидта // Немцы в России: Российско-немецкий диалог / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 22–26.

XIX век

И. М. Могилевич, Е. В. Юдина

**К ИСТОРИИ СЕМЬИ КАРЛА АДЕЛУНГА,
СЕКРЕТАРЯ РОССИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА
В ПЕРСИИ (1828 г.)**

На основе полного перевода писем (июнь–декабрь 1828 г.) Карла Аделунга, второго секретаря посольства в Персии в 1828 г., и других архивных материалов представлены родственные, деловые, культурные и дружеские связи петербургских Аделунгов. Приведены сведения о ближайших родственниках погибшего дипломата: директоре Института восточных языков, историке, лингвисте, писателе и коллекционере Ф. П. Аделунге; академике, лингвисте, писателе, этнографе, географе и статистике П. И. Кёппене; академике-химике А. И. Шерере; палеонтологе Х. И. Пандере; дипломатах А. Ф. и Н. Ф. Аделунгах; энтомологах Ф. П. Кёппене и Н. Н. Аделунге; офицере Ф. Ф. Аделунге; геологе А. П. Кёппене, климатологе В. П. Кёппене. Описано участие семьи Аделунгов в помощи колониям немецко-пиетистов в Закавказье.

Ключевые слова: Аделунги, Шереры, Кёппены, Пандеры.

I. M. Mogilevich, E. V. Judina

**NOTES ON THE FAMILY HISTORY OF KARL ADELUNG,
THE SECRETARY OF RUSSIAN EMBASSY IN PERSIA IN 1828**

This paper is devoted to the family relationships, friendship ties, socio-cultural fraternities and scientific connections of Adelungs who resided in Saint-Petersburg. Our observations are based on unpublished archival documents and the exhaustive translation of personal letters (June–December 1828) of Karl Adelung, who was the second secretary of Russian embassy in Persia in 1828. Information about the closest relatives of the lost diplomat is given: Institute of Oriental Languages schoolmaster, historian, linguist, writer and collector F. P. Adelung; academician, ethnographer, geographer and statistician P. I. Köppen; academician-chemist A. I. Sherer; paleontologist Kh. I. Pander; diplomats A. F. and N. F. Adelungs; entomologists F. P. Köppen and N. N. Adelung; officer F. F. Adelung; geologist A. P. Köppen; climatologist Vl. P. Köppen. We also present some data on the Adelung's role in the progress of the Pietist German colonies in Transcaucasia.

Keywords: Adelungs, Scherer, Köppens, Panders.

Все авторы, пишущие о последних годах жизни А. С. Грибоедова, не обходят вниманием публикацию 1946 г. — перевод 18 отрывков из писем Карла Аделунга, второго секретаря посольства в Персии в 1828 г.¹ Адресованные отцу письма написаны по-немецки; они хранятся в рукописном отделе Пушкинского Дома² и не публиковались в оригинале, а полный их перевод, подготовленный нами, вышел в 2020 г.³ Письма были отправлены по пути следования двух секретарей посольства (И. С. Мальцова и К. Ф. Аделунга) из Петербурга в Тифлис (совр. Тбилиси — 7 писем, июнь), в период комплектования миссии в Тифлисе и Эреване (совр. Ереван — 8 и 2 письма соответственно, июль–сентябрь) и пребывания в Тавризе (совр. Тебрис — 4 письма, октябрь–ноябрь) — всего 21.

Комментированный полный перевод этих писем не только устраняет ошибки (в именах, географических названиях, датах) и искажения смысла предшествующей публикации перевода отрывков, но добавляет к теме «Грибоедов» множество других сюжетов. Это московские впечатления Карла Аделунга — Москва через 14 лет после пожара показалась ему более нарядной и благоустроенной, чем Петербург. Это подробное описание природы и почтовых станций равнинной России по дороге в Ставрополь и еще более подробное — по Военно-Грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис.

После того как автор корреспонденций обжился в Тифлисе, его несколько поверхностный взгляд путешествующего стал более проницательным. Встретив возвращающиеся с Персидской войны части, он отметил, что их потери от инфекций кратно превышают боевые⁴. Его коробила позиция одного из недавно назначенных в Эривань российских администраторов, и он назвал его «палкотропом»⁵, неудовлетворительно представляющим интересы России на завоеванных территориях. Он искренне сожалел о разрушениях, нанесенных дворцам и мечетям Эривана во время осады и штурма, но еще больше сокрушался об ущербе, нанесенном расквартированными в городе русскими войсками⁶. Самое сильное впечатление в Тавризе на него произвел правитель азербайджанских провинций Персии наследный принц Аббас-мирза⁷, инициатор проигранной им войны.

Особое внимание в своей работе и в письмах Карл Аделунг уделил немецким колониям в Закавказье. Швабские колонии появились в Закавказье в 1818 г.; это были последние массовые переселенцы в Россию из немецких земель. Вытолкнули их из родного Вюртемберга несколько причин: разорение в ходе Наполеоновских войн, введение всеобщей воинской повинности, неурожай и голод 1816–1817 гг. и, наконец, основная причина — расхождения в учении и обрядах с официальным евангелическим лютеранством. Пиетизм возник в Германии в середине XVII в. и был неоднороден⁸. Кавказские немецкие колонисты принадлежали по большей части к самой радикально настроенной группе пиетистов, к так называемым сепаратистам. Официальная лютеранская церковь объявила, что верой спасется каждый человек вне зависимости от его нравственных качеств, а пиетисты выдвинули на первый план личность, наделенную благочестием, то есть человека нравственного, с благородными целями, направленными на самосовершенствование и совершенствование общества, и работающего на благо человечества. Пиетисты XVIII — начала XIX в. напряженно ожидали второго пришествия Иисуса. Писатель-мистик И. Г. Юнг-Штиллинг (Jung-Stilling, 1740–1817) рассчитал, что оно произойдет в 1836 г., а писательница и проповедница баронесса Юлиана фон Крюденер (Krüdener, 1764–1824) указала и на его место — гору Арарат. В связи с этими предсказаниями среди пиетистов-сепаратистов в 1817–1818 гг. возникло «Движение Исхода». Часть их переселилась в Российскую империю, основав колонии на Кавказе и Крыму. Идеями Юнга-Штиллинга увлекался император Александр I; он не только познакомился с ним и с Ю. Крюденер (под влиянием которой находился в 1814–1824 гг.), но заключил с ними договор и стал покровителем немецких пиетистов в России. (Подтверждает это увлечение факт появления в России в 1805–1819 гг. переводов десятка книг Юнга-Штиллинга и их многократное переиздание.) Конечной целью пиетистов было объединение всех христианских церквей, создание единой церкви и достижение мировой гармонии. Именно поэтому они выбрали для своей деятельности Россию как образец веротерпимости тех времен. В свою очередь, русская администрация, организуя переселение немецких крестьян и ремеслен-

ников по высочайшей воле, надеялась внедрить с их помощью новые европейские приемы ведения сельского хозяйства, а также развить ремесла в недавно присоединенном Закавказье и христианизировать мусульманское население.

Прибыв в Одессу в 1817 г., переселенцы хлопотами М. С. Воронцова, А. П. Ермолова и К. Х. Бенкendorфа были расселены в местах, наиболее безопасных от набегов воинственных кавказцев. Подробное описание этих колоний сделала Т. Чернова-Дёке⁹; ее исследование, проведенное в основном по официальной документации, сформированной сиюминутной борьбой местных элит, дает несколько односторонний взгляд на историю колоний. Письма К. Аделунга содержат буквально «документальную съемку». Прожив в колонии Элизабетталь почти месяц, он сдружился с деятельным и симпатичным чиновником администрации, назначенным в 1828 г. смотрителем этой колонии, — И. И. Мензенкампфом (1792–1860), а также познакомился почти со всеми пасторами из Базельской миссии. По описанию К. Аделунга, колония не «выживала в 1828 г.», как утверждает Чернова-Дёке, а вполне благополучно жила и трудилась. Эта колония была расположена в живописной долине, и переселенцы не страдали от изнурительной духоты и жары, в отличие от тифлисцев. Колонисты работали в уже вполне разросшихся виноградниках и садах, выращивали скот. В часы досуга музицировали, играли в карты, совершали верховые экскурсии по окрестностям. И хотя дома переселенцев были невелики, но это были уже дома, а не первоначальные землянки, и в них колонисты принимали гостей, в изобилии приезжавших к ним из Тифлиса (чиновники и офицеры немецкого происхождения порой присыпали туда свои семьи). Более того, так остро обрисованные в монографии Черновой-Дёке замкнутость и церковный раскол, судя по письмам Аделунга, вовсе не доминировали в жизни колонии: поселенцы строили церковь, по воскресеньям собирались в молитвенный дом послушать проповедь и охотно приняли помощь, предложенную им К. Аделунгом (традиционным евангелистом). Карл Аделунг и сам сделал щедрый взнос, и попросил отца провести сбор среди прихожан Петрикирхе в Петербурге, а сестру — похлопотать у живописца Г. А. Гиппиуса о написании картин для украшения церкви.

Разумеется, такое благополучие не было постоянным: в начале военных действий Персидской войны в августе 1826 г. кто-то из их соседей-мусульман привел в колонию Катариненфельд отряд курдов; тогда погибло 50 колонистов, и многих, преимущественно женщин, угнали в плен. Колонисты не воспользовались имевшимися у них оружием по религиозным убеждениям, запрещавшим убийство. Хотя разоренному поселению оказали помочь их земляки из других колоний, местные армяне (выкупавшие колонистов из рабства) и администрация края, К. Аделунг, желая вернуть пленных, несколько раз побывал в этой колонии, составил списки пропавших с указанием возможных мест их пребывания и передал эти списки Грибоедову для дальнейших розысков уже в Персии. Последнее известие о К. Аделунге также связано с немецкими колонистами. В середине декабря 1828 г. по пути из Тавриса в Тегеран в городе Казвине сопровождавшие русскую миссию грузинские и армянские христиане, разыскивавшие пленных, обнаружили уже несколько раз перепроданную немку из Катариненфельда и силой пытались увести ее в дом миссии. Муж этой немки, местный сеид (особоуважаемый потомок пророка, освобождаемый от телесных наказаний), возражал и грозил самоубийством. До вмешательства Грибоедова люди из посольства успели избить сеида; местные жители собирались прекратить насилие, персидская охрана миссии обеспокоилась, что посольству не уцелеть. Грибоедов приказал спросить саму женщину; она ответила, что хочет остаться со своими детьми и мужем, что и было исполнено. Персидский свидетель этой сцены отметил: «Господин Аделунг, немец-секретарь, казался очень обеспокоенным тем, захочет ли женщина вернуться в Грузию»¹⁰.

Хотя Грибоедов явно предпочитал своему второму секретарю более деловитого и организованного первого — И. С. Мальцова, но и с Карлом Аделунгом он не только любовался Кавказом (в эмоциональной сфере Мальцов был суховат), но и делился с ним своим мнением о ситуации в Тифлисе после смерти Н. М. Сипягина (1785–1828), о поданном вместе с П. Д. Завелейским (1800–1843) проекте Закавказской компании. Согласно письмам Аделунга, Грибоедов не сомневался в утверждении этого плана, так как он пред-

полагал будущим летом командировать Карла в Индию для покупки тонкорунных овец. Письма К. Аделунга подробно описывают течение малярии у Грибоедова, мешавшей отъезду в Персию, но не содержат ни единого намека на фатальные предчувствия посла, чем полнятся воспоминания его оставшихся в Петербурге друзей.

А вот неважной организации работы посольства К. Аделунг касался неоднократно. Перестали быть секретом такие факты, как сокращение финансирования посольства¹¹, неготовность верительных документов¹², потеря дипломатических подарков¹³. Из писем К. Аделунга становится известно о недостаточном при закавказской дороживизне¹⁴ жаловании дипломатов и отказе петербургского департамента оплачивать пересылку необходимых для работы книг¹⁵. Та же экономия средств заставляла дипломатов осуществлять наем более дешевых сотрудников на месте. Сотрудникам миссии даже приходилось жить вместе с найденными пленниками¹⁶, что не только мешало работе дипломатов, но являлось поводом для пересудов¹⁷ и позволяло посторонним видеть и слышать то, что должно было быть известно только узкому кругу.

Но не только эти важные сведения явились поводом для написания настоящей статьи. Несомненный литературный дар, образованность и душевная открытость их автора позволяют из писем узнать многое о семье Карла Аделунга и ее ближайшем окружении, что дополняет существующие публикации¹⁸.

Фридерика Вильгельмина Аделунг

Первой петербурженкой в семье Аделунгов была мать Карла — Фридерика Вильгельмина, урожденная Ралль. Она родилась в семье перешедшего в 1770 г. в русскую службу капитана Федора Григорьевича Ралля (Ch. F. Rall, ? — 1798), который участвовал в составе разных армий во многих войнах и дослужился в России до генерал-майора артиллерии. Уже на службе в русской армии Федор Григорьевич воевал в Соединенных Штатах. Он оставил многочисленное потомство — семь сыновей (все служили в русской армии, пятеро из них принимали участие в Отечественной войне 1812–1814 гг.) и пять дочерей¹⁹. Некоторые из братьев и сестер Фридерики Аделунг упоминаются в письмах ее сына Карла. Несом-

ненно, именно влиянием ее братьев-военных, а не только Отечественной войной можно объяснить профессиональный выбор ее старшего сына Фридриха (Федора Федоровича, см. схему), ставшего офицером и назвавшего своего единственного сына Сергеем — возможно, в честь погибшего на Русско-шведской войне дяди Сергея Федоровича Ралля. Другой брат Фридерики Аделунг, несколько раз упоминаемый в письмах Карла как «дядя Гарри» и «дядя Андрей», — генерал-майор Гарри Фридрих Александр (Андрей Федорович) Ралль 5-й (Н. Ф. Rall, 1784 — после 1832), участник Бородинского сражения и Кавказской войны. В 1828 г. он управляем присоединенным к России Талышским ханством. После гибели посольства в Тегеране в январе 1829 г. война с Персией считалась неизбежной: турки осадили недавно занятый русской армией Ахалцых, а в Талышское ханство вошел с войском его прежний правитель Мир-Хасан-хан. Генерал Ралль стянул войска к Ленкорану, но русское командование не рискнуло начать военные действия против Персии, не закончив турецкой кампании.

Многочисленные приветы в каждом письме К. Аделунг посыпал Шерерам. Младшая сестра его матери, Шарлотта Фридерика (1780–1859), в это время уже овдовела. Ее муж, академик Александр Иванович Шерер (А. Н. Scherer, 1771–1824), родился и умер в Петербурге, а учился в Германии и до 1802 г. работал в немецких княжествах и в Англии, где опубликовал более полусотни работ по неорганической, физической, аналитической и технической химии; издавал немецкий химический журнал²⁰. В 1802 г. он вернулся в Россию и преподавал в Дерпте, в 1804 г. обосновался в Петербурге: работал в Медико-хирургической академии, Педагогическом институте, Горном кадетском корпусе²¹. В 1805 г. его избрали адъюнктом Императорской Академии наук (ИАН), через два года — экстраординарным, а еще через семь лет — ординарным академиком²². Работая в ИАН, Шерер не только продолжил издание журнала, написал пособие по русской химической номенклатуре, руководство по преподаванию химии на русском языке, снабженную картами монографию о минеральных водах России, руководил воспитанниками АН, но и составил по разработанной им системе всеобщий каталог химической литературы и решил множество

практических задач по химической технологии и контролю производств (например, способ аттестации пороха)²³. В 1814 г. А. И. Шерер стал штатным консультантом Департамента мануфактур и внутренней торговли МВД²⁴, а в 1823 г. прочитал курс публичных лекций по физике, химии и технологии. Следует отметить научную прозорливость Шерера — в 1815 г., уже через три года после открытия разложения крахмала до сахаров, он опубликовал большую работу в новой области органической химии. До смерти академика семья Шереров жила в академическом доме на 7-й линии Васильевского острова, где в их квартире находилась и химическая лаборатория. Незадолго до кончины академик Шерер определил своего 16-летнего сына Александра (1809–1875) в элевы (академический воспитанник, учившийся по индивидуальному плану академика-куратора и получавший 600 руб. годового содержания)²⁵. Очевидно, что А. И. Шерер был любим коллегами: после его кончины они не только позаботились об образовании его сына и послали учиться в Дерптский университет, но настойчиво хлопотали о назначении вдове с детьми пенсиона в треть 2200-рублевого академического оклада, для которого по закону о 20-летнем стаже Шереру не хватало пяти месяцев²⁶. Вдова академика Шерера и тетка К. Аделунга во времени отъезда Карла с посольством жила со своей младшей дочерью Марией-Шарлоттой (1807–1882), позднее Вальц. Наверное, коллеги академика не кривили душой, когда в просьбе на высочайшее имя писали, что «покойный Шерер оставил свое семейство в весьма жалком положении», так как, несмотря на то что молодой Шерер тоже специализировался по химии, вдова в 1827 г. хлопотала о продаже библиотеки мужа²⁷. В 1832 г. Шерер-младший стал профессором кафедры «химии, приспособленной к искусствам и ремеслам» петербургского Технологического института, а позднее избрал карьеру чиновника²⁸.

Старшая кузина Карла — Амалия Шерер (1805–1861) — в 1825 г. стала женой академика Пандера, по образованию медика, но по научным занятиям — геолога и палеонтолога. Христиан Иванович Пандер (Ch. H. Pander, 1794–1865), латыш, выходец из купеческого сословия, окончил медицинский факультет в Дерпте в 1812 г.; степень доктора получил в Бюргенбурге в 1818 г.; в 1821 стал адъюнктом,

а в 1826 — ординарным академиком ИАН, в 1827 г. покинул Академию и стал служащим Горного департамента МВД, заложив основы палеонтологии и эмбриологии в России, за что был удостоен многих премий. О близости семей Аделунгов и Пандеров свидетельствует тот факт, что восприемниками у четырех старших детей Пандеров были Фридерика, Федор Павлович, Фридрих и Александрина Аделунги. Троє сыновей Пандеров окончили Медико-

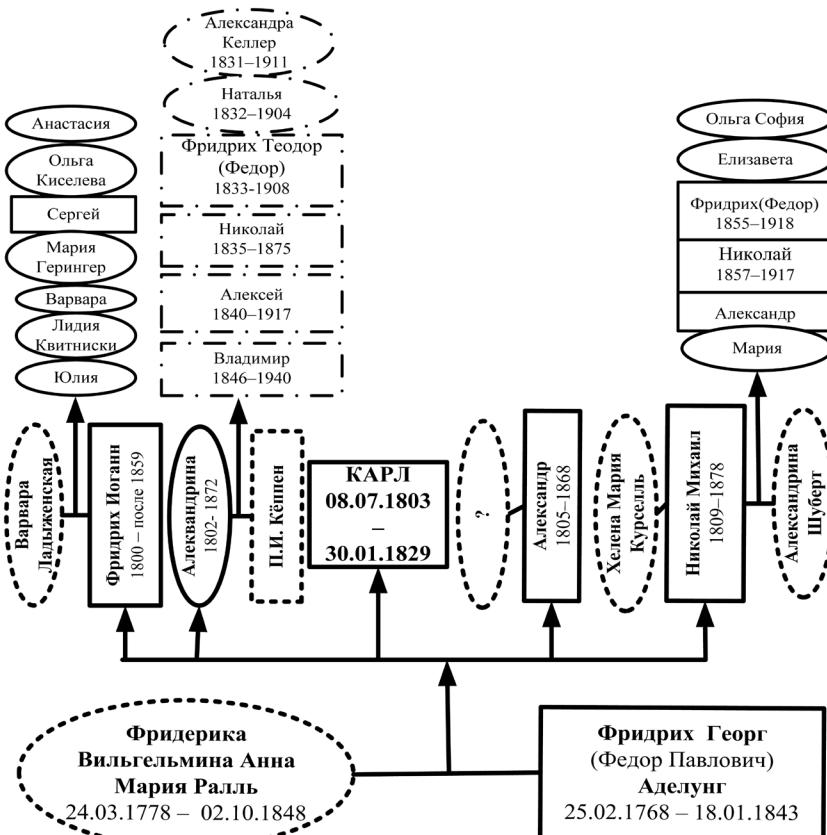

Схема родственных связей петербургских Аделунгов:

в овалах — имена женщин; в прямоугольниках — мужчин.

Сплошные линии — урожденные Аделунги; пунктирные — вошедшие в семью через брак; штрихпунктирные — внуки Кёппены

хирургическую академию и служили врачами. Возможно, увлечение Карла Аделунга естественными науками, примеры которому неоднократно встречаются в его письмах, имеет истоком общение с дядей Шерером и мужем кузины Пандером. Хотя нельзя исключать и того, что среди многочисленных интересов отца Карла, Ф. П. Аделунга, сына немецкого аптекаря, было и естествознание — ведь для возобновления коллекций Московского университета свои собрания ему в 1814 г. подарили члены Общества испытателей природы Ф. П. Аделунг и Х. А. Пандер²⁹. Все Пандеры также неоднократно упоминаются в письмах К. Аделунга.

С Ф. П. Аделунгом Фридриха Ралль обвенчалась 20 ноября 1799 г.³⁰ Возможно, их знакомство произошло на знаменитых музыкальных вечерах кузена Ф. В. Ралль — будущего барона А. А. Ралля (A. Rall, 1756–1833), придворного банкира Екатерины II, Павла I и Александра I. Но в историю Александр Ралль вошел не только как финансист и промышленник, но и как основатель и спонсор Русского филармонического общества, одним из директоров которого был Ф. П. Аделунг. О том, что в семье Аделунгов жила музыка, свидетельствуют письма Карла Аделунга — он не пропускал случая рассказать обо всех музыкальных впечатлениях на пути в Персию: опере, сыгранной в Ставрополе офицерами³¹; о квартете на приеме в честь свадьбы Грибоедова³², о застольной музыке полкового оркестра в Тифлисе³³ и Эриване³⁴ и таковой же, исполненной персидскими музыкантами³⁵; о музицировании на варгане в немецкой колонии³⁶. О том, что увлечение музыкой не осталось только в прошлом его отца, Ф. П. Аделунга, говорит рекомендательное письмо, данное Карлу в Москву к профессору К. Э. Гартноху (K. Hartnnoch, 1775–1839), ученику знаменитого музыканта Я. Н. Гуммеля (1778–1837), концертировавшего и преподававшего в Лейпциге, Веймаре и Петербурге, а с 1827 г. работавшего в Московском воспитательном доме³⁷. Профессор музыки настолько сердечно встретил Карла в Москве, что сильно скучавший по семье дипломат, не нашедший дружеского контакта со своим коллегой И. С. Мальцовым, отогрелся душой.

Во время отъезда сына Карла в Персию его мать, как, наверное, и всегда, жила интересами семьи. Несмотря на то что дети уже

стали взрослыми (младшему было 19 лет), она продолжала хлопотать: хворавшую дочь Александрину мать повезла с дачи в Павловске на воды в Ревель; беспокоилась и за старшего сына Фридриха, вместе со столичной гвардией походом отправившегося к турецкому фронту. Карл своей непрактичностью и порывистостью тоже беспокоил ее, но его потерю она не предчувствовала. После его гибели в Тегеране она вместе с мужем, как и мать Грибоедова, принимала извинения от внука персидского шаха Хосров-мирзы во время его «извинительного» посольства летом 1829 г.³⁸ Через 10 лет она вместе с мужем перешла в российское подданство под именем Феодоры Федоровны³⁹.

Федор Павлович Аделунг

Отец Карла Аделунга, Федор Павлович Аделунг (F. G. Adelung), родился в Померании в семье аптекаря и стал в России известным историком, археологом, библиографом, лингвистом, коллекционером, педагогом, организатором науки, писателем, членом-корреспондентом ИАН, деятельным членом многих российских и зарубежных научных обществ, многолетним председателем Церковного совета Петрикирхе. Такая разносторонность была семейной чертой. С двенадцати до девятнадцати лет Фридриха Георга воспитывал дядя — Иоганн Кристоф Аделунг (1732–1806)⁴⁰, который, получив теологическое образование, преподавал в гимназии, переводил, редактировал газеты и журналы, основал масонскую ложу в Галле, занимался лингвистикой и стал известен как автор монументального словаря, аккумулирующего норму немецкого литературного языка. И. К. Аделунг был членом Прусской АН, главным библиотекарем Лейпцигской библиотеки курфюрстов. В конце жизни он выпустил семитомное сочинение «История человеческой глупости», в которой высмеял суеверия и обскурантизм.

После окончания Лейпцигского университета (философия и право) Ф. Г. Аделунг с научной целью посетил Вену, Рим, Палермо, Неаполь, где работал в крупнейших библиотеках, включая Ватиканскую, занимался древненемецкими рукописями и книгами. В 1793 г. он побывал в Петербурге, а в 1794 г. — в Германии и Нидерландах. В 1795 г., после присоединения герцогства Курляндского

к России, он стал секретарем магистрата в Митаве⁴¹, в которой генерал-губернатором был барон П. А. Пален. Близкий друг и зять Ф. Г. Аделунга П. И. Кёппен в черновом наброске биографии своего тестя не упомянул Палена, и в его тексте — лакуна продолжительностью в несколько лет. Очевидно, служба под началом этой одиозной фигуры не относилась к лучшим воспоминаниям Ф. Г. Аделунга, и осведомленный зять сделал «пропуск».

В 1797 г. Ф. Г. Аделунг переехал в Петербург⁴² со своим шефом бароном Паленом, в 1800 г. из домашнего секретаря барона превратился в государственного служащего, став цензором немецкого театра⁴³, а двумя годами позже — помощником управляющего благотворительными заведениями Петербурга. Он проработал в Императорском Человеколюбивом обществе почти 25 лет. При этом он не был только чиновником благотворительного ведомства: покинув эту службу и обладая весьма скромным достатком, он многие годы был деятельным благотворителем бесплатной Глазной клиники доктора В. В. Лерхе, организуя филармонические концерты в ее пользу. Концерты обычно проходили в мае и приносили от 2,5 до 4 тыс. рублей. В 1829 г. (в январе погибло посольство, в марте в Петербурге было получено об этом известие) концерта не было⁴⁴. Некоторое время в 1805 г. Ф. Г. Аделунг служил в Комиссии составления законов помощником одного из редакторов. Долгие 15 лет (1803–1819) Федор Павлович (так на русский лад звали Ф. Г. Аделунга) был одним из преподавателей, а с 1811 г. и наставником младших сыновей Павла I⁴⁵. Аделунг преподавал великим князьям Николаю и Михаилу мифологию, античное военное дело и мораль на немецком, французском и латыни. В 1811–1812 гг. Ф. П. Аделунг стал давать уроки истории и археологии великой княгине Анне Павловне. На его занятиях присутствовала вдовствующая императрица⁴⁶. Мария Федоровна, известная своим живым интересом к образованию детей (и не только собственных), не оборвала контактов с Федором Павловичем и после завершения обучения своих детей. Аделунг имел у нее аудиенции, подносил императрице не только свои труды, но и сочинения своих друзей⁴⁷ и некоторое время в 1812 г. официально «состоял при императрице»⁴⁸.

После совершеннолетия своих августейших воспитанников Ф. П. Аделунг получил место экспедитора (начальника отделения) немецкого языка в Коллегии иностранных дел, а в 1824 г. возглавил созданное за год до этого при Коллегии Учебное отделение восточных языков⁴⁹; это была первая служба, на которой Ф. П. Аделунг смог реализовать свои исследовательские и организаторские способности. Хотя Ф. П. Аделунг возглавлял Восточный институт (так называли это заведение Аделунги в своей переписке) почти два десятилетия, его вклад в подготовку «практических востоковедов» в большинстве работ игнорируется. Между тем именно он реализовал концепцию С. С. Уварова — А. А. Фонтана — Ф. Б. Шармуа по подготовке переводчиков, владеющих живым языком и знающих историю, географию и экономику страны своего языка и основы дипломатической службы. При Аделунге в институте готовили специалистов по трем направлениям (турецкому, персидскому, арабскому). Федор Павлович безуспешно хлопотал об открытии китайского и японского отделений, а вот открыть при Учебном отделении библиотеки книг и рукописей и собрать нумизматическую коллекцию ему удалось. После смерти Ф. П. Аделунга Восточный институт успешно развивался, на его базе шла подготовка переводчиков и для Военного министерства (Военный институт иностранных языков)⁵⁰; после закрытия учреждения в 1917 г. концепция и опыт института легли в основу более массового учреждения, охватившего все основные мировые языковые направления (МГИМО). Знания и труды Ф. П. Аделунга были оценены начальством: в 1835 г., приняв подданство России, Федор Павлович занял пост старшего советника МИДа⁵¹.

Однако главными занятиями Федора Павловича были науки: лингвистика, история, источниковедение. Сравнительной лингвистикой Ф. П. Аделунг начал заниматься еще в свой первый приезд в Петербург в 1793 г., приняв участие в лингвистических трудах Екатерины II («Сравнительные словари всех языков и наречий»⁵²). Аделунг работал над «Словарем языков народов американской и гиперборейской расы северо-западной Америки и северо-восточной Азии»⁵³. И хотя усилия Ф. П. Аделунга по отысканию истоков славянских языков в санскрите и конструированию единого

праязыка сегодня поддерживают немногие ученые, два века назад эти исследования стали фундаментом лингвистики, а изданные Федором Павловичем санскритские тексты, хранящиеся в Петербурге, расширили ее источниковедческую базу. Ф. П. Аделунг был одним из первых и активных участников «Румянцевского кружка». Многочисленные работы по русской истории Ф. П. Аделунга словно являются исполнением той программы, которая объединила вокруг канцлера Н. П. Румянцева многочисленные разнородные силы, занявшиеся системным изучением земель и народов Российской империи⁵⁴. Ф. П. Аделунг опубликовал много работ по русской истории, в том числе востребованный и сегодня сборник описаний средневековой Руси иностранными путешественниками⁵⁵, за который ему присудили 14-ю Демидовскую премию. Знаками раннего академического признания научных трудов Ф. П. Аделунга служат звания члена-корреспондента ИАН (с 1809 г.) и почетного академика ИАН (с 1838 г.). Об авторитете Ф. П. Аделунга свидетельствует факт избрания в 1805 г. 37-летнего педагога и ученого в церковный Совет Петрикирхе, членом которого он оставался до конца жизни, а с 1833 г. стал его председателем.

Федор Федорович Аделунг

Старшего сына Фридриха и Фридерики Аделунгов, родившегося в Петербурге 9 ноября 1800 г., назвали, разумеется, Фридрихом. Но это имя он, по-видимому, совсем не использовал — он известен как Федор Федорович Аделунг, а в письмах брата Карла — Фриц. Первоначальное семилетнее образование он получил в Петришуле, затем три года (1814–1816) учился в Петербургской губернской гимназии. Очевидно его, как и других своих мальчиков, Аделунги отдали в первую государственную школу столицы для лучшего усвоения русского языка. За год до завершения курса, в 1816 г., он вышел из шестого класса и поступил юнкером в 4-й Пионерный батальон, получил высшее инженерное образование в Главном инженерном училище⁵⁶, а с 1821 г. служил в лейб-гвардии Саперном батальоне⁵⁷.

В декабре 1825 г. вместе со своим батальоном, шефом которого был великий князь Николай Павлович, Ф. Ф. Аделунг присягнул

сначала Константину, а чуть позже — Николаю Павловичу. Сразу после второй присяги его батальон был вызван в Зимний дворец для его охраны в то время, когда на Сенатской площади были уже выстроены подразделения других частей, которые отказались присягать Николаю. Своевременное прибытие Саперного батальона во дворец спасло царскую резиденцию и ее августейших обитателей. Поручик Ф. Ф. Аделунг с небольшим караулом более суток охранял кабинет императора Николая I, а затем, после проведенных арестов, командовал одной из сборных рот нижних чинов мятежных полков до их отправки в сибирские и кавказские гарнизоны⁵⁸.

В апреле 1828 г. началась война с Турцией, и Саперный батальон выступил через Ямбург, Псков, Опочку, Погоцк, Рогачев, Мозырь, Житомир, Винницу и Могилев в направлении Днестра. После взятия Варны 30 августа 1828 г. за огромный труд саперов в этом деле батальону был пожалован Георгиевский крест на знамя⁵⁹. Кроме этого, все офицеры были награждены орденами и повышены в чине: Ф. Ф. Аделунг стал кавалером ордена Св. Анны 3-й степени⁶⁰. Зимой 1829 г., уже после гибели брата Карла, он получил небольшой отпуск для лечения ревматизма в главной квартире 2-й армии — в Тульчине⁶¹.

Весной 1829 г. новый шеф Саперного батальона великий князь Михаил Павлович выбрал пять офицеров, и среди них — штабс-капитана Аделунга, и откомандировал их к войскам, безуспешно пытавшимся все лето и осень предшествующего года взять турецкую крепость Силистрию. Там Ф. Ф. Аделунг был контужен⁶². За «отличное мужество и деятельность» при производстве траншейных работ он был награжден бантом к ордену Св. Анны 3-й степени и орденом Св. Владимира 4-й степени.

В 1831 г., командуя 2-й саперной ротой батальона, капитан Ф. Ф. Аделунг участвовал в подавлении Польского восстания. Саперы капитана Аделунга, прикрывая отход русской пехоты и артиллерии в начале кампании, взрывали мосты при отступлениях и выступали в роли застрельщиков при наступлении. Капитан Ф. Ф. Аделунг был награжден золотой полусаблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Анны 2-й степени.

В 1834 г. Ф. Ф. Аделунг стал полковником, а в 1836 г. был назначен командиром 1-го резервного Саперного батальона и кавалером ордена Св. Георгия 4-й степени по выслуге⁶³. В 1847 г. генерал-майор Ф. Ф. Аделунг значится первым инспектором Корпуса лесничих⁶⁴, в 1859 г. — вице-директором Лесного департамента.

Ф. Ф. Аделунг был женат на Варваре Ладыженской (см. схему) и имел большую семью: семерых дочерей и единственного сына Сергея, родившегося четвертым по счету. Сколько из девочек дожили до взрослого возраста, точно неизвестно — но трое вышли замуж. Дочь Мария Федоровна Аделунг (1851–1912), пятая по счету рождений, в замужестве Герингер, овдовела рано и служила классной дамой при воспитательном классе Александровского училища Воспитательного общества благородных девиц⁶⁵. По предложению вдовствующей императрицы Марии Федоровны (вдовы Александра III) она стала камер-фрау последней русской императрицы. (Камер-фрау занимала высшую должность среди комнатных служителей — она руководила работой всех комнатных слуг и охранников, а также отвечала за поддержание в порядке гардероба и выполнение личных поручений императрицы⁶⁶.)

Кёппены

В письмах Карл Аделунг многократно с нежностью упоминает старшую сестру Александрину. После гибели брата в 1830 г. она вышла замуж за Петра Ивановича Кёппена (1793–1864). П. И. Кёппен был лингвистом, палеографом, нумизматом, географом, историком, статистиком, археологом, этнографом, адъюнктом ИАН, а затем полным академиком, одним из основателей Русского географического общества. В его биографии старший сын, Федор Петрович Кёппен, указал: «Редкое образование и гуманность Аделунга привлекали к нему Петра Ивановича в сильной степени. Пользуясь гостеприимством и благосклонностью его, Петр Иванович имел случай видеть в этом доме многих людей знаменитых, особенно иностранных путешественников и дипломатов»⁶⁷.

Выходец из многодетной семьи врача, приехавшего из Германии в Харьков, Петр Иванович Кёппен рано осиротел. Выпускник

Харьковского университета, в 1814 г. в 20 лет он приехал служить в Петербург и почти сразу сблизился с Ф. П. Аделунгом на почве исторических и лингвистических исследований. По роду своих филологических занятий (Петр Иванович был членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и издателем «Библиографического листка новой иностранной литературы») Кёппен стал членом «румянцевского кружка» и посетителем петербургских салонов. Об этом свидетельствует сохранившийся альбом П. И. Кёппена⁶⁸, сопровождавший его почти всю жизнь. В нем содержатся стихотворные автографы В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, С. Н. и Ф. Н. Глинок, проза Ф. В. Булгарина, Н. М. Карамзина, Д. И. Хвостова, А. С. Шишкова, Н. И. Гречи, Д. И. Языкова, рисунок Ф. И. Толстого.

Знакомство с наследием П. И. Кёппена не только поражает обилием и разнообразием результатов, количеством и продолжительностью поездок по всей Европейской России, восхищают цельность мировосприятия и достоинство ученого-философа. Примером этого может служить заурядный межведомственный конфликт, в который был втянут П. И. Кёппен в 1841 г. Академик Кёппен опубликовал и в издании АН, и за рубежом большой аналитический обзор состояния почтовой связи в разных странах, в котором, в частности, указал на важность достижений электромагнетизма и воздушоплавания для развития почты. В это время почтой заведовал А. Н. Голицын, который в 1821 г., будучи министром народного просвещения, поддержал увольнение профессоров в Казанском и Петербургском университетах. Вместо благодарности за анализ и прогноз А. Н. Голицын обвинил Кёппена в клевете и критике государственной институции. Академия наук не стала защищать своего члена; Кёппен в своем ответе не только опроверг нападки А. Н. Голицына, ссылаясь на инструкции и статистику самого ведомства, — академик подытожил свой ответ философским замечанием, поясняющим сделанные им выводы. Задолго до появления теории этногенеза Л. Н. Гумилева П. И. Кёппен писал: «Если же из представленных выше данных выступает, что официальная переписка в России вдвое больше частной, то не следует ли из этого, что русская нация далеко еще не достигла полного своего развития

и что она, подобно счастливому младенцу, еще стремится к цели, ей свыше предназначенной...»⁶⁹

После свадьбы три с небольшим года П. И. Кёппен служил в Крыму, и в ученых трудах мужу помогала Александрина: она вела метеорологические и фенологические наблюдения и вместе с мужем, беременная, в 1830 г. работала в холерном карантине Симферополя⁷⁰. После окончательного возвращения семьи Кёппенов из Петербурга в свое крымское имение Карабах в 1860 г. Александрина следила за работой на виноградниках, занималась селекцией и винокурением. Обе их дочери (см. схему) жили вместе с ними, старшая, Александра, вышла замуж за соседа-помещика В. Ф. Кёллера и после смерти матери продолжала заниматься виноградниками, воспитала четырех сыновей и дочь⁷¹. Младшая дочь Александрины, Наталья Петровна Кёппен, с рождения страдала тяжелым неврологическим заболеванием и после кончины матери (получавшей вдовью пенсию) обращалась за пенсиею в ИАН⁷².

Любопытно, что никто из детей Ф. П. Аделунга ученым не стал, а вот его внуки — сыновья Александрины и сын Николая — стали незаурядными учеными. Федор Петрович (Фридрих Теодор) Кёппен — член-корреспондент ИАН, ботаник, зоолог, энтомолог, географ, библиограф⁷³. Очевидно, у него была особенная близость с дедом-академиком (их могилы на Волковом кладбище сохранились и находятся рядом⁷⁴). Впервые встретились дед и внук в 1834 г. в Павловске (на любимой летней даче Аделунгов), куда вернулась из Крыма разросшаяся семья Кёппенов с тремя детьми-погодками⁷⁵. Позднее в этой семье уже в Петербурге, в знаменитом академическом доме на 7-й линии Васильевского острова⁷⁶, родились еще трое мальчиков — Николай, Алексей и Владимир.

Николай Петрович Кёппен высшего образования не завершил, но учился вначале в Петербургском, а потом в Дерптском университете; в 1859–1873 гг. служил чиновником в канцеляриях Тифлисского губернского правления, потом — в канцелярии наместника Кавказа. После смерти матери при содействии младшего брата Владимира Николай Петрович Кёппен перешел на секретарскую

работу в Главную физическую обсерваторию. В 1875 г. Николай Кёппен поехал в Европу в отпуск и там умер в гостинице, не дожив до 40 лет⁷⁷.

Владимир Петрович Кёппен после обучения в университетах Петербурга и Дерпта работал в Главной физической обсерватории в новой для того времени области — климатологии и метеорологии. Он разработал классификацию климатов Земли, которой климатологи пользуются по сей день; обосновал теорию перемещения полюсов. Был одним из зачинателей аэрологических исследований. С 1875 г. работал в Германии, с 1919 г. — в Австрии.

Алексей Петрович Кёппен учился в той же Второй петербургской гимназии, что и его дяди Федор, Карл и Александр, окончил Горный институт в Петербурге (с малой золотой медалью), стал горным инженером, долго работал на Дальнем Востоке. Он проводил геологическую разведку и организовал первую угольную шахту на Сахалине. Был пионером в организации охраны труда на шахтах, страхования и пенсионного обеспечения шахтеров. В 1875 г. он — начальник отделения Польских горных заводов Горного департамента МВД, в 1896 г. — член Горного совета, автор множества публикаций на русском, английском, немецком, французском языках по геологии Восточной Сибири и минеральным ресурсам России. А. П. Кёппен, как и его отец, не замыкался в рамках узкой специализации: анализируя добывчу минеральных ресурсов, он выявлял и обсуждал сопряженные с ней проблемы страхования, таможенные тарифы, инфраструктуру, законодательство и юридическое обеспечение⁷⁸. Однако на рубеже веков тайный советник А. П. Кёппен «сорвался»⁷⁹ и потребовал развода после 30 лет бездетного брака, так как захотел жениться на француженке-гурнантке двух своих приемных дочерей. После отказа жены он вышел в отставку, уехал с подругой в Париж и до 1912 г. посыпал оттуда в русские журналы аналитические обзоры по природным ресурсам и социальному страхованию.

Александр Федорович Аделунг

Младший брат Карла, Александр, часто упоминается в его письмах: ему Карл поручает мелкие дела по покупкам, отправкам и на-

ведению справок. Они учились в одном классе Петербургской губернской гимназии⁸⁰ и окончили ее в декабре 1822 г. Прослужив несколько месяцев канцеляристом в Департаменте путей сообщения, Александр Федорович получил сходное назначение в МИДе. Через полгода службы в его ведение перешла библиотека Коллегии иностранных дел, и только через три года он стал переводчиком в этом министерстве. Еще через три года, спустя несколько месяцев после гибели брата Карла, Александр Аделунг стал третьим секретарем посольства в Вене. До позиции младшего секретаря посольства он добирался почти шесть лет, а генеральным консулом в Данциге стал в 1849 г.⁸¹ По-видимому, у него не было детей; он скончался за границей.

Николай Федорович Аделунг

Самый младший, пятый ребенок в семье, Николай Михаил Аделунг, получил при крещении в восприемники сразу двух великих князей — Николая и Михаила Павловичей⁸², чьим преподавателем уже более пяти лет состоял его отец. В январе 1828 г. Николай Аделунг поступил в Учебное отделение восточных языков Коллегии иностранных дел, проучился 11 месяцев и был вынужден оставить учебу из-за болезни глаз⁸³. Далее его ждали такие же перемещения в МИДе, как и его старшего брата Александра: канцелярист, переводчик, дипломатический курьер; в тридцать лет он стал служить чиновником по особым поручениям (иностранный корреспонденция и литература) в Департаменте военных поселений, затем в Министерстве путей сообщения и Военно-походной по флоту канцелярии⁸⁴. Наконец, только в 37 лет Николай Федорович, до этого известный только как ипполог-любитель⁸⁵, нашел место по душе и способностям: он стал секретарем будущей королевы Бюргенштедтской великой княгини Ольги Николаевны. В Штутгарте он создал свою семью: овдовев после недолгого первого брака в 1846 г., в 1848 г. он женился на Александре Федоровне Шуберт (1824–1901), дочери генерала и выдающегося ученого-геодезиста Ф. Ф. Шуберта и Софьи Ралль, дочери банкира барона А. А. Ралля. Родной сестрой Александры Шуберт была Елизавета Федоровна Корвин-Круковская (1820–1879), мать двух знаменитостей — Анны

Жаклар (1843–1887) и Софьи Ковалевской (1850–1891). Во втором браке Н. Ф. Аделунга родились шестеро детей (см. схему). Старшая дочь Николая Федоровича, Софья Аделунг, опубликовала на немецком языке воспоминания о своих знаменитых кузинах, так как обе сестры, урожденные Корвин-Круковские, неоднократно навещали Аделунгов в Штутгарте, в том числе сразу после разгрома Парижской коммуны и бегства Анны Жаклар-Корвин и Софьи Ковалевской из Парижа⁸⁶.

Средний сын Николая Федоровича Аделунга, Николай Николаевич⁸⁷, как и его братья, родился и получил среднее и высшее образование в Германии (реальная гимназия и Политехническое училище в Штутгарте), где жили и скончались его родители⁸⁸. Но своей родиной он считал Россию, так как, едва окончив университет, он добровольцем отправился на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. освобождать славян, дослужился до прапорщика и был награжден медалью⁸⁹. Николай Николаевич получил инженерный диплом в 1877 г., а в 1897 г. стал доктором Лейпцигского университета по зоологии. В 1897 г. его овдовевшая мать подала на высочайшее имя просьбу о принятии Николая Николаевича в младшие зоологи Зоологического музея ИАН. Ее просьбу удовлетворили. В этом учреждении Н. Н. Аделунг проработал до своей кончины от сердечного приступа в 1917 г. Он изучал ортоптероидных насекомых, в том числе представителей *Blattodea*. Собранные им коллекции и сегодня продолжают использовать при проведении современных классификаций⁹⁰. Публиковал Николай Николаевич не только статьи по результатам экспедиций и энтомологических исследований, но и сведения о жизни и деятельности ученых-энтомологов со всего мира. Кроме немецкого, французского, английского и латыни, Николай Николаевич свободно, со всеми тонкостями, владел и русским, хотя и избегал писать по-русски биографические статьи, считая этот язык неродным⁹¹. Он продолжал хранить важнейшую часть семейного архива, полученную от отца (включая письма его погибшего дяди Карла Аделунга). В 1919 г. этот архив вдова Н. Н. Аделунга, время от времени обращавшаяся за материальной помощью в АН, продала Пушкинскому Дому⁹².

Карл Федорович Аделунг

Что рассказывают «Персидские письма» об их авторе? Карл Аделунг погиб в двадцать шесть с половиной лет, и он был не из тех, кто развивается быстро и расцветает рано. Подтверждение тому — не только его «дорожные жалобы» в начале путешествия и неуверенное поведение в стандартных ситуациях, но и то немногое, что известно о его детстве и юности.

В государственную гимназию, как и его старший брат Фридрих, он поступил в третий класс. По учебной программе этот класс соответствовал последнему классу уездного училища и включал следующие предметы: Закон Божий, священную историю, русскую грамматику, чистописание, всеобщую географию и географию России, всеобщую и русскую историю, арифметику, начальные правила геометрии, рисование, немецкое и французское чтение и (дополнительно — для планировавших перейти в собственно гимназические классы) латинское и немецкое письмо⁹³. Только к 5-му классу число учеников в классе сокращалось до 25; в начальных было до 80 мальчиков (деление на параллельные классы появилось спустя 30 лет). Социальный состав младших классов был весьма широк: дети ремесленников, мещан, купцов, чиновников, учителей, врачей, сотрудников ИАН. Возраст учеников также сильно разнился: в третьем классе Петербургской губернской гимназии в 1816 г. учились 16-летний будущий чиновник Александр Карагыгин и его 14-летний брат, будущий трагик Василий Карагыгин, 13-летние Карл Аделунг, Максим Энгельгардт (будущий чиновник), Платон Ободовский (будущий писатель и драматург) и Андрей Лодий (будущий певец); 11-летний Александр Аделунг. Наверное, для взаимной поддержки родители отправили в один класс, несмотря на почти двухлетнюю разницу в возрасте, братьев Аделунгов и братьев Карагыгиных. К концу учебного года в рейтинге 52 третьеклассников дети актеров Карагыгиных занимали 13-е и 14-е места; Александр Аделунг — 26-е, а его старший брат Карл в рейтинг даже не вошел⁹⁴. (Впрочем, остался вне рейтинга и сын директора Царско-сельского лицея Максим Энгельгардт.) По-видимому, Карл приспосабливался к новым условиям медленнее других.

Как видно из писем К. Аделунга, эмпатия была его сильной стороной. Он был чуток не только к людям, от которых зависела его служба (Грибоедов, Сипягин и другие «начальники»); он замечал и «прочитывал» буквально всех: грузинских, персидских и среднерусских крестьян; офицеров и чиновников; немцев-колонистов и дорожных рабочих-осетин. Он отметил смятение Нины Грибоедовой (Чавчавадзе) при расставании с родителями, неловкость Грибоедова при встрече с армянскими священниками, трагизм положения персидского принца Аббас-мирзы. Наверное, поэтому и чтение его писем, окрашенных самоиронией, доставляет читателю удовольствие, так как позволяет четко увидеть множество людей в разнообразных ситуациях.

Как видно из писем, Карл Федорович был очень начитан, музыкально образован, на полупрофессиональном уровне разбирался в ботанике и зоологии, которыми увлекался с детства. Родители поддерживали интересы своих детей: Карлу выписывали немецкий детский естественно-научный журнал⁹⁵, он умел собирать коллекции, разбивал свой огородик на даче в Павловске и выращивал экзотические растения в горшках⁹⁶, а его брату Фридриху, с совершенно другими интересами, родители разрешили покинуть гимназию и перейти в специальное учебное заведение.

Из писем вырисовывается картина открытого дома Аделунгов. Довольно регулярно его посещали не только живущие в гимназическом пансионе или в закрытых учебных заведениях сыновья драматурга Августа Коцебу (А. Kotzebie, 1761–1819), коллеги Ф. П. Аделунга по службе в Немецком театре: Август (1800–1876), Пауль (1801–1884), Карл (1805–1896), Вильгельм (1813–1887) и Александр (1815–1889), но были известны Аделунгам-родителям однокашники сыновей: сын врача Платон Ободовский (1803–1864), сын придворного певчего Иван Шаумбург (Schaumburg, 1801–1853), сын молдавского господаря Иван Ботянов (1802 — после 1866). Молодое поколение Аделунгов общалось с постоянными взрослыми посетителями дома: экономистом, писателем и промышленником Ф. Г. Вирстом (Würst, Ф. Х. Вюрст, 1763–1831), профессором-музыкантом К. Э. Гартнохом (Hartnoch, 1775–1839), секретарем императрицы Александры Федоровны А. И. Шамбо (Chambeau, 1783–1848),

педагогом, историком и писателем И. Г. Шницлером (Schnitzler, 1802–1871) и ранее упомянутыми академиком-химиком Шерером и академиком-геологом Пандером. Близким другом дома был купец-англичанин Мэтью Андерсон, чья семья жила и торговала в Петербурге с конца XVIII в. Очевидно, с его младшим сыном, М. М. Андерсоном (Anderson, 1798–1877), родившимся и прожившим в Петербурге всю жизнь, Карл был особенно дружен: в каждом письме он шлет ему приветы, цитирует его словечки и сетует на отсутствие писем от него. Наконец, в доме Аделунгов нашел приютище и заботу мальчик из Греции Костаки Ламбрас, бежавший из турецкого рабства со своей матерью. Он долго болел; поправился и с помощью Ф. П. Аделунга был определен в Городскую (Третью) гимназию со стипендией императрицы⁹⁷. После окончания гимназии с медалью в 1833 г. К. Ламбрасс учился в Восточном институте и работал переводчиком с персидского.

После окончания дополнительного 8-го гимназического класса 19-летний Карл поступил на службу в МИД на мелкую чиновничью должность. Сохраняя душевную близость с родителями, Карл продолжал поиск самостоятельного поприща: в отличие от младшего брата Николая, он не увлекся историческими исследованиями отца, не стал его помощником. Хотя его интересовал Восток, К. Аделунг не поступил учиться в Восточный институт (возможно, из-за трудностей при обучении в гимназии). П. И. Кёппен уже после гибели Карла, находясь на Кавказе, отметил в своем дневнике: «Он столь сильно, столь ревностно стремился в Персию, столь усердно приготовлял свой отъезд...» При всей своей мягкости Карл трудился без лишних разговоров; близкий семье Аделунгов Кёппен гадал, кем он мог бы стать — литератором или ученым⁹⁸. Но шел по этой дороге Карл небыстро: стремясь на Восток и получив место второго секретаря в посольстве Грибоедова, Карл не спешил с изучением персидского языка, он осознал эту необходимость только в конце октября 1828 г. и просил выслать ему из Петербурга книги и грамматику⁹⁹.

Из родительского дома, кроме музыкальных и театральных увлечений, Карл вынес интерес к нумизматике. Страстным коллекционером античных монет был его отец (часть коллекции еще

при его жизни пополнила коллекцию вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а остальная была приобретена Эрмитажем у его наследников)¹⁰⁰. Из писем видно, что дома Карл этим не увлекался — просто на Кавказе старался выполнить просьбу отца и посещал в поисках монет южные базары. Но постепенно поручение отца так увлекло Карла, что он стал действовать более профессионально: завербовал комиссионеров, наделал долгов и даже предложил отцу план для получения государственного финансирования¹⁰¹.

Последние письма Карла Аделунга полны оптимизма и бодрости: он, похоже, нашел свое призвание, планировал учить персидский, работать в будущей компании П. Д. Завелейского — А. С. Грибоедова¹⁰², увидеть завершенную церковь в немецкой колонии, сбором средств для которой он успешно занимался¹⁰³. Его отец горестно воскликнул, сообщая о гибели сына своему будущему зятю: «...карьера, так великолепно начавшаяся... Ах, как много надежд разрушено!»¹⁰⁴ Мы добавим: Карл не успел создать семью, не воспитал детей...

Библиография

Архивные источники

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СПбФ АРАН. Разряд V. Оп. 1-Ш. Д. 13/1-9.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1815). Д. 24.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1815). Д. 26.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1815). Д. 29.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1832). Д. 2.

СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 145.

СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 487.

СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 508.

СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 1.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1834). Д. 77.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 322.

СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1 (1824). Д. 111.

СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1 (1825). Д. 158.

СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1 (1827). Д. 262.

СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 7.

*Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОР РНБ. Ф. 7. Д. 141.*

*Рукописный отдел Института восточных рукописей РАН
РО ИВР РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14.*

*Рукописный отдел Института русской литературы
(Пушкинского Дома) РАН*

РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 18.
РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 19.
РО ИРЛИ РАН. Д. 10102.

*Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга*

ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13787.
ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 232.
ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1649.
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6896.
ЦГИА СПб. Ф. 201. Оп. 1. Д. 3.
ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 5062.
ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 1461.
ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 570.
ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 2065.

Литература

Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1847 год. Ч. 1–2. СПб., 1847.

Барышева Е. А. Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 90–104.

Бем В. Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга. Т. 1. СПб., 1998.

Бисарнов М. Д. К сорокалетию научно-литературной деятельности горного инженера А. П. Кёппена. СПб., 1902. 11 с.

Волькенштейн А. Е. История лейб-гвардии Саперного батальона 1812–1852. СПб., 1852.

Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. М., 2006. Т. 3.

Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. 1911. Т. 89. № 5. С. 1–170.

Красуский В. А. Краткий исторический очерк Императорского московского воспитательного дома. М., 1878.

Курганович А. В. Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии. Ч. 1: Первые 25 лет существования гимназии, 1805–1830 гг. СПб., 1880.

Максимовский М. С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища 1819–1869. СПб., 1869.

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова. СПб., 1827.

Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902.

Певцов М. Г. Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и их воспитанники. СПб., 1902. 34 с.

Петрова М. М. История имени П. И. Кёппена «Карабах» // О древностях южного берега Крыма и гор Таврических: материалы конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кёппена. Киев, 2004. С. 22–42.

Письмо П. Г. Ободовского графу Каподистрия от 24.12.1828 г. // Русская станица. 1903. Нояб. Т. 116. С. 359–361.

Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. Т. 8. М.: Наука, 1970. С. 123–234.

Список учеников С.-Петербургской губернской гимназии, получивших за отличное благонравие и прилежание к наукам похвальные листы // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1817. № XLIII. Ч. 1. С. 270–279.

Степанов В. С., Григорович Н. Н. В память столетнего юбилея Императорского военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия (1769–1869). СПб., 1869. № 5383.

Тарасова Н. И. При комнатах Ея Величества // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций: материалы науч. конф., 22–23 ноября 2012 г. СПб., 2012. С. 236–239.

Толстой В. С. Сер Джон Макнил // Русский архив. 1874. Кн. 1.

Чернова-Дёке Т. Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (к 190-летию основания немецких колоний). М., 2008. 208 с.

Шеверев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1998.

Юдина Е. В., Могилевич И. М. Письма из Персии 1828 г. секретаря русского посольства Карла Аделунга в полном переводе // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 99–221.

Яковлева И. Г. Незабвенный наш Аделунг // Коллекция «Россика» в Российской национальной библиотеке: вопросы раскрытия. СПб., 2002. С. 18–25.

Beilage zur *Ungemeinen Zeitung*. 29.01.1830. № 29.

Das Ausland, 15.10.1830. № 288.

Geschichte des Pietismus / Hrsg. von M. Brecht, H. Lehmann. Göttingen, 1993–2004. Bd. 1–4.

Salomies I. Der Hallesche Pietismus in Rußland zur Zeit Peters des Großen. Helsinki, 1936. 164 S.

Интернет-источники

Веремеев Ю. Г. Очерк истории ЛГ саперного батальона // Сайт «Сапер». URL: <http://www.saper.etel.ru/history/l-g-batalion-2.html>, <http://www.saper.etel.ru/history/l-g-batalion-3.html>, <http://www.saper.etel.ru/history/l-g-batalion-4.html>.

Ивинский А. Д. Екатерина II и «Сравнительные словари всех языков и наречий» // Русская речь. 2016. № 5. С. 75–81. URL: http://russkayarech.ru/files/issues/2016/5/75-81_Ivinskij.pdf.

Книжник-Ветров И. В. Анна Васильевна Жаклар. URL: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/commune_knizhnik.pdf.

Ляхов Ю. Б. Род фон Ралль // Сайт Светланы Мрочковской-Балашовой. URL: <http://www.pushkin-book.ru/id=521.html>.

Попова О. И. Грибоедов в письмах К. Ф. Аделунга отцу //Литературное наследство. Т. 47–48: А. С. Грибоедов / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. М., 1946. С. 243–264. URL: <https://www.on-island.net/Literature/Litnasledstvo/vol47-48.pdf>.

* * *

¹ *Попова О. И.* Грибоедов в письмах К. Ф. Аделунга отцу //Литературное наследство. Т. 47–48: А. С. Грибоедов / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. М., 1946. С. 243–264. URL: <https://www.on-island.net/Literature/Litnasledstvo/vol47-48.pdf>.

² РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 18.

³ *Юдина Е. В., Могилевич И. М.* Письма из Персии 1828 г. секретаря русского посольства Карла Аделунга в полном переводе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 99–221.

⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 18. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 74.

⁶ Там же. Л. 64 об.

⁷ Там же. Л. 81.

⁸ Geschichte des Pietismus / Hrsg. von M. Brecht, H. Lehmann. Göttingen, 1993–2004. Bd. 1–4; Salomies I. Der Hallesche Pietismus in Rußland zur Zeit Peters des Großen. Helsinki, 1936. 164 S.

⁹ *Чернова-Дёке Т. Н.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (к 190-летию основания немецких колоний). М., 2008. 208 с.

¹⁰ Das Ausland. 15.10.1830. № 288. S. 1150.

¹¹ *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений: в 3 т. М., 2006. Т. 3. С. 281–282, 235, 272. Грибоедов — Паскевичу. 12.11.1828, 07.09.1828, 31.10.1828. (Далее — Письма).

¹² Письма. С. 214–215. Грибоедов — Родофиникину. 12.07.1828.

¹³ Письма. С. 214–215. Грибоедов — Родофиникину. 12.07.1828.

¹⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 18. Л. 48–49, 82.

¹⁵ Там же. Л. 86 об.

¹⁶ Письма. С. 264–266. Грибоедов — Нессельроде. 23.10.1828.

¹⁷ Толстой В. С. Сер Джон Макнил // Русский архив. 1874. Кн. 1. С. 895.

¹⁸ Далее ссылки на общедоступные словари и справочники, включая «Поколенные росписи и другие генеалогические материалы из собрания Эрика Амбургера, относящиеся к выходцам из-за границы и их российским потомкам», не приводятся.

¹⁹ Ляхов Ю. Б. Род фон Раль. С. 3 // Сайт Светланы Мрочковской-Балашовой.

URL: <http://www.pushkin-book.ru/id=521.html>.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1815). Д. 24. Л. 4–8 об.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1649, Д. 232; Ф. 963. Оп. 1. Д. 570, Д. 2065.

²² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1815). Д. 26. Л. 15–16 об.

²³ Там же. Разряд V. Оп. 1–III. Д. 13/1–9. Л. 1–2 об., 9.

²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 2 (1815). Д. 29. Л. 5–5 об.

²⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 1 (1824). Д. 111.

²⁶ Там же. Оп. 1 (1825). Д. 158. Л. 3–4 об.

²⁷ Там же. Оп. 1 (1827). Д. 262.

²⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 2 (1832). Д. 2. Л. 60–65 об.

²⁹ Шеверев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1998. С. 433.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 1461. Л. 45–46.

³¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 18. Л. 15 об. — 16.

³² Там же. Л. 52.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 62.

³⁵ Там же. Л. 61.

³⁶ Там же. Л. 53 об.

³⁷ Красуский В. А. Краткий исторический очерк Императорского московского воспитательного дома. М., 1878. С. 18.

³⁸ Beilage zur Ungemeinen Zeitung. 29.01.1830. № 29. S. 115.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 487. Л. 14.

⁴⁰ Там же. Л. 42.

⁴¹ Там же. Д. 48. Л. 42.

⁴² РО ИВР РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 21–22.

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 487. Л. 16.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 201. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 5, 11, 20, 30, 35, 37.

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 487. Л. 15 об., 42.

⁴⁶ Там же. Л. 42.

⁴⁷ Там же. Д. 139. Л. 5.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 1461. Л. 5.

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 487. Л. 16 об. — 17; Ф. 17. Оп. 1. Д. 183. Л. 1; ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 1461. Л. 6 об.

⁵⁰ Певцов М. Г. Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и их воспитанники. СПб., 1902. 34 с.

⁵¹ Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902. С. 4.

⁵² Ивинский А. Д. Екатерина II и «Сравнительные словари всех языков и на-речий» // Русская речь. 2016. № 5. С. 75–81. URL: http://russkayarech.ru/files/issues/2016/5/75-81_Ivinskij.pdf.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 7. Д. 141.

⁵⁴ Барышева Е. А. Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 90–104.

⁵⁵ Книга «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений Фридриха Аделунга» вышла на немецком языке в 1845 г.; двухтомное издание 1846 г. расширил сын Николай Аделунг, а переведена на русский книга была в 1864 г.

⁵⁶ Максимовский М. С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб., 1869. С. 63 2-й паг.

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 1461. Л. 11–32.

⁵⁸ Веремеев Ю. Г. Очерк истории ЛГ саперного батальона // Сайт «Сапёр». URL: <http://www.saper.etel.ru/history/l-g-batalion-2.html>, <http://www.saper.etel.ru/history/l-g-batalion-3.html> <http://www.saper.etel.ru/history/l-g-batalion-4.html>, <http://www.saper.etel.ru/history/l-g-batalion-6.html>.

⁵⁹ Волькенштейн А. Е. История лейб-гвардии Саперного батальона. 1812–1852. СПб., 1852. С. 251, 301–304.

⁶⁰ Месяцеслов с росписью чинов и особ... СПб., 1827. С. 212.

⁶¹ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 1. Л. 25.

⁶² Там же. Л. 29.

⁶³ Степанов В. С., Григорович Н. И. В память столетнего юбилея Императорского военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия. СПб., 1869. № 5383.

⁶⁴ Адрес-календарь... на 1847 год. СПб., 1847. Ч. 1–2. С. 255.

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13787.

⁶⁶ Таракова Н. И. При комнатах Ея Величества // В тени августейших особ. Непарафная жизнь императорских резиденций: материалы науч. конф., 22–23 ноября 2012 г. СПб., 2012. С. 236–239.

⁶⁷ Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. 1911. Т. 89. № 5. С. 32. (Далее — Биография Кёппена).

⁶⁸ РО ИРЛИ РАН. Д. 10102. Л. 10, 13, 16, 39 об., 40, 41, 60 об., 68, 68 об., 72, 91, 91 об., 93.

⁶⁹ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 508. Л. 87–87 об.

⁷⁰ Биография Кёппена. С. 152.

⁷¹ Петрова М. М. История имения П. И. Кёппена «Карабах» // О древностях южного берега Крыма и гор Таврических: материалы конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кёппена. Киев, 2004. С. 22–42.

⁷² СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 322. Л. 148–157.

⁷³ Яковлева И. Г. Незабвенный наш Аделунг // Коллекция «Россика» в Российской национальной библиотеке: вопросы раскрытия. СПб., 2002. С. 18–25; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6896.

⁷⁴ Бем В. Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга. Т. 1. СПб., 1998. С. 167.

⁷⁵ Биография Кёппена. С. 152.

⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1834). Д. 77. Л. 12; Оп. 4. Д. 322. Л. 83.

⁷⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Л. 282.

⁷⁸ Бисарнов М. Д. К сорокалетию научно-литературной деятельности горного инженера А. П. Кёппена. СПб., 1902. 11 с.

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 5062.

⁸⁰ Список учеников С.-Петербургской губернской гимназии, получивших за отличное благонравие и прилежание к наукам похвальные листы // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1817. № XLIII. Ч. 1. С. 270–279. (Далее — Список).

⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 1461. Л. 33–36 об.

⁸² Там же. Л. 51–52.

⁸³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 19. Л. 1.

⁸⁴ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 1461. Л. 37–42 об.

⁸⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 19. Л. 12–12 об.

⁸⁶ Книжник-Ветров И. В. Анна Васильевна Жаклар. С. 74, 95. URL: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/commune_knizhnik.pdf.

⁸⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4. Л. 12, 154.

⁸⁸ Там же. Л. 8–8 об.

⁸⁹ Там же. Л. 8 об.

⁹⁰ Сообщил руководитель лаборатории систематики насекомых Зоологического института РАН Л. Н. Аникушин.

⁹¹ СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 7. Л. 9–10, 16–16 об.

⁹² Дело фонда Аделунгов, Федора Павловича и его сына Николая Федоровича. Ф. 457. Л. 1.

⁹³ Курганович А. В. Историческая записка 75-летия С. Петербургской второй гимназии. Ч. 1: Первые 25 лет существования гимназии, 1805–1830 г. СПб., 1880. С. 13, 21–24.

⁹⁴ Список. С. 270–279.

⁹⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 18. Л. 38.

⁹⁶ Там же. Л. 74 об., 86 об.

⁹⁷ Письмо П. Г. Ободовского графу Каподистрия от 24.12.1828 г. // Русская старина. 1903. Нояб. Т. 116. С. 359–361.

⁹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 145. Л. 54

⁹⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 18. Л. 86 об.

¹⁰⁰ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. Т. 8. М.: Наука, 1970. С. 123–234.

¹⁰¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 457. Д. 18. Л. 87 об.

¹⁰² Там же. Л. 86.

¹⁰³ Там же. Л. 85 об.

¹⁰⁴ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 1. Л. 27.

O. V. Iodko

**АКАДЕМИК ФРЕН (1782–1851).
ЧЕРЕЗ КАЗАНЬ В РОССИЮ НАВСЕГДА**

Статья содержит сведения о жизни и деятельности востоковеда-арабиста и нумизматика академика Христиана Даниловича Френа (1782–1851) в Казани и Петербурге, его усилиях по систематизации академической коллекции восточных монет, о его работе на посту директора созданного в России Азиатского музея.

Ключевые слова: Азиатский музей, восточные рукописи, коллекции, монеты, научные заслуги, нумизматика.

O. V. Iodko

**ACADEMICIAN FRAEHN (1782–1851).
THROUGH KAZAN TO RUSSIA FOREVER**

The article contains information about the life and work of the orientalist-arabist and numismatist academician Christian Danilovich (1782–1851) Fraehn in Kazan and St. Petersburg, about his efforts to systematize the academic collection of oriental coins, about the work as director of the Asian Museum created in Russia.

Keywords: Asian Museum, collections, coins, numismatics, oriental manuscripts, scientific merit.

Востоковед-арабист и нумизмат Христиан Мартин Иоахим Френ (рис. 1), приглашенный преподавать восточные языки в недавно открывшийся Казанский университет, едва ли предполагал, что закончит свою жизнь в России.

Интерес к фигуре Френа периодически возникает на протяжении более полутора столетий, и каждый автор сожалеет, что до сих пор о нем не написана монография. Возможно, причина тому — его сложный почерк и темы его исследований. Первым увековечил память Френа его преемник на посту директора Азиатского музея — академик Б. А. Дорн¹ в очерке жизни, списке печатных работ и рецензий и рассуждении о ценности библиотеки Френа. Наиболее полный очерк жизни Френа принадлежит его ученику и коллеге

Рис. 1. Академик Х. Д. Френ (СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 1. Д. 46. Л. 1)

П. С. Савельеву². К 10-летию со дня смерти ученого с памятной статьей выступил другой его ученик, В. Г. Тизенгаузен³. Разным областям жизни, деятельности и составу документального наследия были посвящены выступления сотрудников Ленинградского отделения (ЛО) Института востоковедения (ныне ИВР РАН) на годичных научных сессиях института: В. В. Полосина⁴ — об адресатах Френа, Д. Е. Бертельса⁵ — о приезде в Петербург и проблемах первого периода жизни, А. М. Куликовой⁶ — о корреспондентах ученого. Бесценно исследование Б. Б. Лебедева⁷ о шести поколениях потомков Френа. Очень ценно исследование немецкого историка профессора Габриэлы Цитен⁸ на базе документов из архивов Германии, посвященное немецкому периоду жизни Френа.

Френ родился 23 мая (н. ст.) 1782 г. в Ростоке⁹ в семье портного Даниеля Христиана и Марии Магдалены Линкен¹⁰. Отец видел его наследником в профессии и с детства прививал ему необходимые навыки. Но большое влияние на негооказал старший брат, поощрявший в ребенке склонность к стихам и раскрывавший ему горизонты науки. В 1795 г. Френ поступил в начальную Латинскую школу в Ростоке, где изучал гуманитарные науки и особенно древнееврейский, греческий языки и латынь. По окончании школы 6 марта 1800 г. он поступил в Ростокский университет¹¹, где стал учеником знаменитого ориенталиста и нумизматика Олафа Тихсена¹². В 1803 г. он перешел в Гётtingенский университет, где слушал лекции специалиста по восточным языкам Иоганна Готфрида Эйхгорна¹³, через полгода перевелся в Тюбингенский университет¹⁴. По окончании учебы он два года провел в Швейцарии, где давал частные уроки и преподавал латынь в институте Песталоцци¹⁵. В это время он подготовил и представил Ростокскому университету научный труд «Экзегетико-критическое исследование о книге пророка Наума». Диссертация была одобрена, он получил степень доктора богословия и философии, и с 1806 г. преподавал в Ростокском университете восточную словесность. Однако для самостоятельной работы ему не хватало кафедры. А в Казани в 1804 г. открылся университет с преподаванием восточных дисциплин. Своих специалистов на тот момент в России не было, правительство сделало запрос в Германию, где выбор пал на Френа, который уже считался крупным ориенталистом. Как сообщал попечитель Казанского учебного округа: «Искусный в восточных языках человек Олаус Герхард Тихсен, Канцелярии советник герцога Мекленбургского, муж осмыслятия лет, рекомендовал мне ученика своего Христиана Мартина Френа, изъявившего желание к занятию кафедры восточных языков в Казани, я вступил уже в договор с господином Френом»¹⁶. За 10 лет, с 1807 по 1817 г., Френ прошел там путь от профессора арабского, персидского и турецкого языков до декана историко-филологического факультета. Но преподавание у него не очень ладилось, потому что он говорил на латыни и немецком, а студенты этих языков не понимали. Не нашло административной поддержки и его намерение открыть в Казани училище восточных

языков. Правда, в Казани он нашел много восточных рукописей и монет для своих исследований и описал три коллекции местных нумизматов: помещика Неелова, французского эмигранта П. Пото и профессора Фукса. Две последние впоследствии были приобретены Казанским университетом¹⁷. А еще в формулярном списке есть запись, что в 1814 г. он «доставил в пользу кассы русских инвалидов 500 рублей через напечатание говоренной публично в Казани речи о тогдашних величайших событиях»¹⁸. Речь эта в печатном виде называлась «Слово по случаю торжества о занятии Парижа, говоренное 10 мая 1814-го года в Казани в церкви лютеранского вероисповедания одним из членов оной».

В Германии в самом конце 1815 г. умер учитель Тихсен, 19 апреля Френ получил приглашение Ростокского университета на освободившуюся кафедру и уволился из Казанского университета. Путь на родину лежал через Петербург, где его попросили разобрать пополнившуюся со временем Георга Яакова Кера¹⁹ коллекцию монет. О сокровищах петербургского Мюнц-кабинета он знал давно. Еще будучи в Казани, он просил присыпать ему отпечатки восточных монет из академического Мюнц-кабинета для составления полного каталога и жаловался²⁰ на отказ. Тогда Академия сочла, что эту работу лучше выполнять на месте. Ему положили 2,5 тыс. рублей и предполагали, что он закончит работу за 2–3 месяца.

Френ согласился, но с условием, что Ростокский университет на этот год не займет обещанную ему кафедру. Однако, ознакомившись с объемом работы, Френ увидел, что он слишком велик и на работу нужно гораздо больше времени. 9 августа 1817 г. он написал в Конференцию АН записку на 11 страницах с подробным анализом ситуации²¹. Представивший его в Академию академик Круг²² в записке, направленной в академическую Конференцию, сообщил, что Френ в течение месяца с 6 утра и до полуночи занимался обработкой 4,5 тыс. монет коллекции и понял, что за несколько месяцев он с заданием не справится, потому что вся коллекция состоит из 20 тыс. монет²³.

А кроме того, вставал вопрос с жильем. Френ видел выход только в том, чтобы остаться в Петербурге на год, 2,5 тыс. рублей считать оплатой первого полугодия, а во втором назначить ему

содержание по 400 руб. в месяц, и если это много, то покрыть издержки продажей выделенных при обработке дублетов монет. Кроме того, он просил «отвести ему, в бытность его в С.-Петербурге, одну из порожних квартир в Академическом доме в 7-й линии»²⁴, чтобы быть поближе к работе. В этом смысле кажутся загадочными факты, приведенные в статье Д. Е. Бертельса, изучившего письма Френа к С. С. Уварову²⁵ в фонде последнего в ГИМе: «С момента прибытия в Петербург Френ с семьей жил в двух комнатах, любезно предоставленных ему академиком Ф. И. Кругом в своей квартире. Френ долгое время не получал квартиры, как он пишет, “из-за неоднократно направленных против меня маневров смотрителя минц-кабинета”, то есть академика Ф. И. Шуберта. В конце концов, следуя совету Круга, он самовольно занял одну из пустующих квартир в академическом доме и был рад, что так поступил, ибо разрешения Академии на нее он так и не получил. Однако это была малопригодная для жилья квартира, а тем паче для работы, так как рабочий кабинет Френа примыкал к комнате, являющейся одновременно гостиной, жилой комнатой, детской и спальней [...] “И там я работаю при таких разнообразных помехах, при которых, я уверен, не работает ни один из всех прочих академиков”»²⁶. Действительно, найти документ о выделении Френу квартиры не удалось, но в «Списке о жительстве чиновников, занимающих при ИАН штатные места» на 1823 г. значится, что «Френ Крестиан Данилов, статский советник и кавалер, академик занимает в академическом доме, что в 7-й линии, 4 комнаты»²⁷; в сохранившихся же с 1831 г. домовых книгах по академическому дому на 7-й линии постоянно встречаются имена кухарок, служанок и лакеев, получавших направления в квартиру Френа²⁸.

Вопрос денежного содержания тоже решался. 11 сентября 1817 г. исполнявший должность министра народного просвещения А. Н. Голицын²⁹ ответил на запрос академической Конференции: «По представлению Конференции № 223 о принятии профессора Френа в число ординарных академиков АН со всеми выгодами, сему званию присвоенными, и с выдачею ему впоследствии 2500 рублей в вознаграждение за особенные труды его по составлению Каталога восточным монетам академического Минц-Кабинета, я весьма

на сие согласен, и не премину исходатайствовать ему высочайшего утверждения в звании академика, как скоро получу формальное представление об избрании его от Академии обыкновенным по-рядком. Что же касается исходатайствования ему увольнения от Ростокского университета на то время, на которое ему здесь оставаться нужно будет, то вместе с сим я отнесся о том к г[осподи]ну управляющему Министерством иностранных дел, прося об употреблении его в оном содействия. Назначенные ему в вознаграждение 2500 рублей, когда он совершил предпринятый труд, следуют также быть ему выданы сверх положенного по месту академика жалованья и содержания»³⁰. 28 сентября Конференция ответила, что «последнее собрание, бывшее 24-го числа сего месяца, г[осподи]н профессор Френ большинством голосов избран в ординарные академики по части восточных древностей, посему Конференция и покорнейше просит ваше превосходительство о исходатайствовании на сей выбор, на основании § 25 академического регламента высочайшей конфирмации»³¹.

19 октября 1817 г. Френ был утвержден как ординарный академик по восточным древностям³². Но, видимо, это его не вполне устраивало. В том же цитированном Д. Е. Бертельсом письме к Уварову он пишет: «Я — отец семейства, и семья моя умножается. С нынешним доходом в 2200 руб., жалованием академика, мне невозможно свести концы с концами, даже если я продолжу, как и нынче, ограничивать всю мою прислугу одной служанкой. Двое моих детей должны пойти в школу. Самый дешевый пенсион для двоих будет стоить по меньшей мере 600 руб. О прочем говорить не буду. Благодаря принятию побочных должностей, сколько они только могут заполучить, большинство членов Академии повышают свои доходы до 4 — 6000 руб. в год. Я же слишком люблю мою науку, чтобы время, которое я на нее трачу, непроизводительно расходовать на мешающие мне побочные занятия»³³. Правда, в течение 20 лет он был почетным библиотекарем Публичной библиотеки, но либо это не очень обременяло, либо входило в круг научных интересов.

Работа в Петербурге его увлекла, он перестал думать о возвращении в Росток; через год его назначили директором Восточ-

ного кабинета Академии (впоследствии выросшего в Азиатский музей).

Идея создания в России востоковедного центра носилась в воздухе с XVIII в. В 1732 г. в Петербург прибыл приглашенный переводчиком в Коллегию иностранных дел магистр Лейпцигского университета Георг-Якоб Кер. Кроме основной работы, он описал по предложению Академии наук 4 тыс. мусульманских монет из собрания Кунсткамеры, а также предложил проект создания Азиатской академии. Проект был невелик, всего на пяти страницах латинского текста. Но в 1740 г. Кер умер, проект положили под сукно, и он был обнаружен в Архиве только в 1821 г. Проект обрел вторую жизнь, расширенный и доработанный при непосредственном участии Президента Академии наук С. С. Уварова.

Неоднократно отмечалось, что преданный изучению «мухамеданской истории» Френ не откликался ни на какие предложения совместительства. Разбор нумизматической коллекции был колossalным трудом: сложенные грудой тысячи монет нужно было очистить, рассмотреть, рассортировать, атрибутировать. Кроме того, надо было разобрать восточные древности, хранившиеся в Кунсткамере, и собрание рукописей на восточных языках, находившихся в библиотеке и архивах. А еще Френ поставил своей задачей пополнение восточных академических собраний. Для этого он даже написал несколько работ: в 1833 г. — «Хронологический список 100 сочинений, преимущественно исторического и географического содержания, на арабском, персидском и турецком языках, недостающих большею частию в европейских библиотеках, коих отысканием в оригиналах или в верных копиях следовало бы заняться для пользы наук особам, имеющим свое пребывание на востоке», в 1834 г. — «Хронологический список некоторых армянских историков, рукописные творения коих стоило бы отыскать и купить, с указаниями важных рукописных сочинений из разных других литератур, к отысканию и приобретению коих мог бы представиться случай в Грузии и в других кавказских странах».

В поисках источников Френ широко обращался за помощью. В 1827 г. на дипломата А. С. Грибоедова была возложена обязанность собирать в Персии восточные рукописи по составленному Френом

списку³⁴. В начале июня 1828 г. А. С. Грибоедов пишет: «Высоко-чтимый г. статский советник. Я вам сердечно обязан за любезное внимание, которое вы мне оказываете в отношении моих будущих ученых занятий в Персии. Я только опасаюсь, что не могу выполнить всего того, что вы ожидаете от моего усердия в науке. Ваше любезное приглашение я могу принять не раньше как во вторник на будущей неделе. В среду я уезжаю»³⁵. 22 июля 1836 г. Френу написал будущий армянский классик Хачатур Абовян³⁶: «Всюду, где я соприкасался с моими земляками, я помнил дружеские напутствия вашего превосходительства использовать каждую возможность, чтобы разыскать древние исторические сочинения. В городе Нахичевани-на-Дону (ныне часть Ростова. — О. И.) я нашел у одного купца рукопись приблизительно XII века, составленную патриархом Михаилом...»³⁷

Рачительность Фrena способствовала успешному пополнению музея. Дублеты монет продавались или обменивались. Стертые монеты сдавались в переплавку, а вырученные средства тратились на покупку новых монет и рукописей³⁸. Было подсчитано, что странами Фrena в пользу музея было получено до 2000 рублей серебром. Когда по заключении Туркманчайского мирного договора, завершившего Русско-персидскую войну 1826–1828 гг., персидская контрибуция прибыла в Петербург, Френ осмотрел персидские монеты и выбрал из них недостающие в музее. В 1829 г. около 6 тыс. золотых и серебряных монет были переданы музею, и, по образному выражению, «трофеи побед сделались трофеями науки»³⁹.

Большой заслугой Фrena как директора была публикация отчетов музея с перечислением приобретений. Как исследователь он оставил более 160 научных работ, посвященных, как уже говорилось, «мухамедданской истории». Они выходили как отдельными изданиями, так и в академической периодике, в частности в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП). Забегая вперед, можно сказать, что публикация собрания его сочинений велась недостаточно активно. Занимавшийся этой работой археолог и нумизмат В. Г. Тизенгаузен имел претензии к Дорну как директору музея, что сторонним исследователям для работы с документами музей был открыт всего один час, а на дом рукописи не давали⁴⁰.

С 1855 по 1877 г. вышли всего два тома под заглавием «*Opuscula postuma*».

Труды Френа были признаны рядом отечественных и зарубежных научных учреждений и обществ. Он был избран действительным членом Курляндского о-ва литературы и искусств (1820), Шведской академии наук литературы и древностей (1821), Королевской академии наук в Лиссабоне (1821), Парижского азиатского общества (1822), Неаполитанской академии наук (1824), Московского общества истории и древностей российских (1824), Лондонского азиатского общества (1827), Гёттингенского общества (1832); членом-корреспондентом Академии наук в Турине (1823), Мадридского исторического общества (1828); почетным членом Казанского университета (1820), Московского общества испытателей природы (1820), Петербургского минералогического общества (1820), Германского о-ва восточной словесности (1846); доктором богословия Ростокского университета (1820), а в 1828 г. герцог Х. Л. Мекленбург-Шверинский наградил Френа золотой медалью⁴¹.

Несколько частных впечатлений о Френе. Профессор Виленского университета И. Н. Лобойко⁴² в 1824 г. писал: «Я никого не знаю в России, кто лучше умел бы издавать древности, как наш знаменитый ориенталист г. Френ, коего имя произношу я с величайшим почтением! Как он старается везде быть ясным, наставительным для своего читателя, с какою заботливостию предупреждает и самые малейшие его желания, нужды! Все, что он ни издал, сохраняет этот общий характер — обширные вступления, текст или перевод отягчены объяснительными замечаниями, кои в 25 раз обширнее текста; наконец, приложения, своды, разные оглавления, сообщающие всему труду высочайший степень занимательности. Я спрашивал г. Френа, не может ли он мне указать лучшего сочинения о казарах, аварах, булгарах, печенегах и пр. и удивился, когда он мне наименовал Шлецера⁴³ «Историю Трансильвании». Впрочем, г. Френ весьма много уже озарил сей скифский мрак и, конечно, разрешил оковы, тяготящие нашу историю»⁴⁴.

Более поздняя оценка принадлежит историку и писателю М. П. Погодину⁴⁵: «Трудно найти иностранца, который был бы так привержен к России, который заботился бы столько об ея литера-

турной пользе, который был бы готов столько помогать всякому новоуку, как **Френ** (выделено автором. — О. И.). Я познакомился с ним еще в 1828 году, когда он с свойственною ему любезностью передал мне при первом свидании записку Круга о моем магистерском рассуждении, которую тот написал к нему за три года, прочитав оное и не зная меня в лицо; я берегу ее дороже всех дипломов. Сблизился ж я с Френом наиболее, плыв вместе на пароходе из Петербурга в Любек в 1835 г. Он ехал тогда побывать на родине, которой не видал лет тридцать. В продолжении трех дней Френ посвящал меня в таинства Востока и прочел целые лекции об истории восточных языков в Европе [...]. Френ погружен в восточную нумизматику: разбирает монеты, кто бы ни прислал ему оные, и делает им описания. Но для русской истории было бы полезнее, если б он занимался более восточными автографами, и составил бы из них новые *Memoriae populorum...* Вот ученый в полном смысле слова, преданный своему делу и, что всего реже, любезный без малейшего педантизма. Если б только более средств ему! Мы с женой были у него несколько раз. Любезная дочь его сказывала нам, что он скоро соскучился в Ростоке и спешил воротиться в свой Петербургский кабинет.

Меня упрекают в пристрастии — нет, таких иностранцев я готов всегда считать своими соотечественниками; готов за версту снимать перед ними шляпу и кланяться в пояс, хоть в землю⁴⁶.

Напряженная работа с монетами и рукописями привела к тому, что в мае 1842 г. из-за надвигающейся слепоты он ушел с поста директора Азиатского музея, передав бразды правления своему коллеге и зятю Б. А. Дорну. Он еще принимал деятельное участие в организации Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества (1846), рецензировал присланные сочинения, но уже не мог работать по-прежнему. Для поддержания физической формы летом он совершал длительные пешие прогулки от академического дома на 7-й линии Васильевского острова на Аптекарский, Каменный или Петровский острова. В одну из таких прогулок он попал под сильный дождь, простудился, не обратился за помощью и через две недели, 16 августа 1851 г., «в 9 часов пополудни» скончался, как теперь говорят, на 70-м году жизни⁴⁷. Как отметил

в некрологе академик Броссе, «он умер от разрыва артерии»⁴⁸. Отпевали его в лютеранской церкви на 1-й линии, похоронили на Смоленском лютеранском кладбище. Его ученик и коллега П. С. Савельев так сказал о нем: «Бескорыстный жрец науки, он не оставил своему семейству ничего, кроме богатств своей библиотеки и честного, неукоризненного, по заслугам знаменитого имени!»⁴⁹

Библиотека его была куплена Академией наук за 7 тыс. рублей серебром. Ценность наследия Френа по донесению Б. А. Дорна представил непременный секретарь АН Н. И. Фус в записке от 11 декабря 1851 г.: «Френова библиотека невелика: она состоит круглым числом из двух тысяч сочинений; но она заключает в себе весьма важные по части изучения Востока творения и множество мелких, но весьма редких монографий по этой части, которые покойный мог приобрести только вследствие обширной в прежнее время своей корреспонденции. Но что придает его коллекции книг особенную ценность, это то обстоятельство, что большая ее часть снабжена многими прибавлениями, замечаниями, поправками и ссылками собственной его руки.

В библиотеке Азиатского музеума не достает большей части заключающихся в Френовой коллекции сочинений, потому что покойный считал излишним приобретать для музеума то, что имелось у него самого и было во всякое время доступно каждому ориенталисту и другим ученым. Но теперь их следовало бы закупить, что относительно к некоторым из них было бы сопряжено с чрезвычайными трудностями.

Сокровище, которому трудно определить цену, заключается в рукописном наследии Френа самого многоразличного содержания, литературного, исторического, географического, нумизматического и т. д., — это результаты почти 50-летнего непрерывного изучения Френа. Но в этом числе особенно многочисленны его нумизматические сборники (*Collectaneae*): они объемлют собой всю область Мухаммеданской нумизматики.

Но можно с достоверностью утверждать, что без этих Френовых бумаг (обще с имеющимися в его библиотеке печатными сочинениями) ни один ориенталист в свете не будет в состоянии хотя

приблизительно исполнить это желание (то есть занятия нумизматикой).

4-й раздел Френовых коллекций состоит из его собственной переписки [...]. Эти письма, не говоря уже об автографической их ценности, сообщают многое весьма драгоценных и самых разнообразных сведений и могли бы послужить богатым материалом как для истории востоковедения, так и для биографии самого Френа.

Цену всем этим коллекциям сам Френ положил в 7 тысяч рублей серебром [...]»⁵⁰.

Об устройстве приобретенной библиотеки читаем в письме академика М. И. Броссе, замещавшего тогда директора Азиатского музея, в Комитет Правления АН от 23 июня 1852 г.: «Получив от Конференции 19-го сего июня поручение принять библиотеку покойного акад. Френа и находя возможным поместить ее в комнатах, принадлежащих к Азиатскому музею, просим Комитет Правления: 1) сделать распоряжение о доставке и сборке больших разобранных шкафов, пожертвованных наследниками г. Френа и находящихся в одной из зал бывшей Кунсткамеры⁵¹; 2) приказать кому следует, снабдить меня ящиками и лошадью для перевозки книг и рукописей из квартиры акад. Куника в помянутые комнаты Азиатского музея, и 3) назначить для сторожа Азиатского музея другую комнату взамен той, в которой имеет быть помещена новоприбывшая библиотека»⁵². Архив поступил согласно завещанию в Азиатский музей, но в 1949–1950 гг. был передан в Ленинградское отделение Архива АН СССР (ныне СПбФ АРАН. — О. И.).

Надо сказать об оригинальном хранении документов: переписка заключена в несколько «фирменных» коробок с надписью «Briefe an Fraehn» (рис. 2), а материалы к трудам заключены в переплеты с вытисненными на них названиями (рис. 3). К сожалению, пока не удалось выяснить, в какой момент это было сделано.

Известно, что в 1840 г. Френ принял присягу и получил российское подданство⁵³.

Относительно семейной жизни академика Френа известно, что в 1811 г. в Казани он женился на своей служанке⁵⁴ по имени Элизабет Мария Янсон⁵⁵. В формулярных списках последний раз (учитывая лакуны) он значится женатым в 1818 г., а вдовым — с 1835-го.

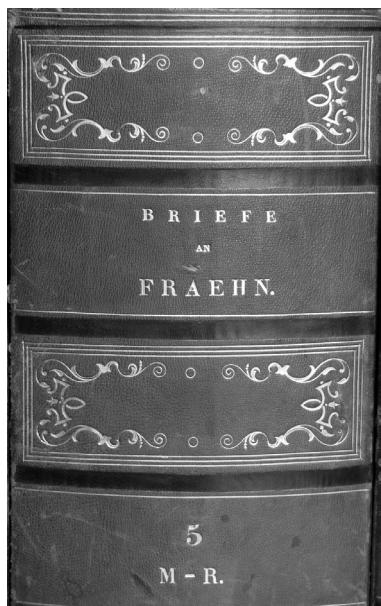

Рис. 2. Переписка Х. Д. Френа

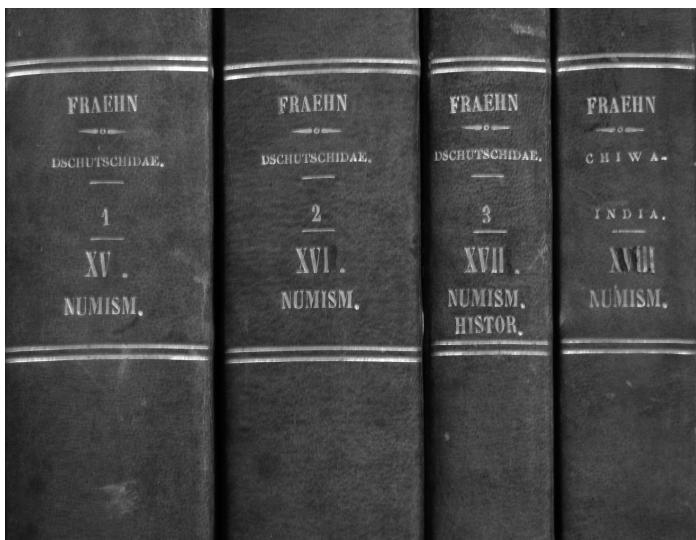

Рис. 3. Материалы к научным трудам Х. Д. Френа

У них было трое детей. Сын Рудольф (12 января 1812, Казань — 18/31 августа 1872, Анкона, Италия) в 1833 г. окончил учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел и работал в дипломатических миссиях в Константинополе, Смирне (Турция), Египте, на Кипре, в Персии, в Италии (Анкона)⁵⁶. Сын Роберт (6 февраля 1818 — 17 апреля 1882, Ревель) три года учился в учебном отделении восточных языков при Министерстве иностранных дел, но был уволен «по расстроенному здоровью и слабости глаз». С конца 1841 г. по 1846-й он занимал несколько должностей в Департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел. С 27 августа 1846 г. по 1 марта 1882 г. был хранителем Азиатского музея Академии наук⁵⁷. Дочь Елизавета, в замужестве Фатер, родилась 16 мая 1817 г.

В то же время в формулярных списках, хранящихся с лакунами в СПбФ АРАН, среди детей Френа числятся еще два мальчика: Николай Бернгард⁵⁸, которому в списке 1820 г. три года, а в списке 1840 г. — 20 лет, и Андрей Иван⁵⁹, которому в списке 1824 г. один год, 1826 г. — 3 года, а в списке 1834 г. — 4 года. Формулярные списки имеют лакуны на 1819, 1821–1823, 1827–1833, 1836, 1838, 1841–1845 годы. Можно, конечно, предположить невнимательность писаря, но стойкая двадцатилетняя ошибка в случае с Николаем Бернгардом едва ли вероятна.

Могила Френа, к сожалению, не сохранилась. Она не была зафиксирована уже в 1913 г. в справочнике В. И. Сайтова «Петербургский некрополь». В 1926 г. Архив отвечал на запрос о захоронении его на Смоленском кладбище⁶⁰, но без указания координат. Возможно, воспользовались воспоминаниями коллег.

В академическом доме на углу 7-й линии и набережной Лейтенанта Шмидта Френ прожил с конца 1818 г. по август 1851 г., то есть 34 года. Но памятной доски на доме нет.

Одна из главнейших заслуг Френа перед русской наукой состоит в открытии им в арабских источниках богатых материалов по истории России и древних ее обитателей. Френ оставил немало рукописных трудов, кроме упомянутой «Opuscula postuma». Важнейшая из ненапечатанных работ — объемистый критический словарь арабского языка, над пополнением которого Френ трудился

всю жизнь. Кроме того, с именем Френа связано возникновение научного востоковедения вообще.

Библиография

Архивные источники

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1817). Д. 23.
- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1817). Д. 27.
- СПбФ АРАН. Ф. 2 (1859). Д. 16.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1823). Д. 101.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1851). Д. 82.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1852). Д. 124.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (доп.). Д. 473.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 604.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 13.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 16.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 20.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 32.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 55.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 56.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 60.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 65.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 76.
- СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6.
- СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1.
- СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 1. Д. 41.
- СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 106.

Литература

Бертельс Д. Е. Несколько страниц из жизни и творчества академика Христиана Даниловича Френа // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения) / отв. ред. П. А. Грязневич. М.: Наука. ГРВД, 1977. С. 154–160.

Грибоедов А. С. Сочинения. Комментарии. М.: Худ. лит., 1988. 751 с.

Дорн Б. А. Академик Френ и его ученая деятельность // Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. III. СПб., 1855. С. 429–465.

История Казанского университета. 1804–2004. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 651 с.

Кулкова А. М. Переписка Х. Д. Френа как источник по истории востоковедения // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1985 г. Ч. 1. М.: Наука. ГРВЛ, 1986. С. 98–102.

Лебедев Б. Б. Потомство академика Х. Д. Френа по мужской линии // Генеалогический вестник. 2017. Вып. 54. С. 119–132.

Летопись Российской академии наук. Т. II. 1803–1860. СПб.: Наука, 2002. 621 с.

Мсерианц Л. З. К вопросу об интересе Грибоедова к изучению Востока (По поводу неизданного письма А. С. Грибоедова к акад. Френу) // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. СПб., 1909. Т. XIII. Кн. 4. С. 220–251.

Погодин М. П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1844. 227 с.

Полосин В. В. Новые материалы для биографии академика Френа // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). М.: Наука. ГРВЛ, 1972. С. 111–115.

Российская академия наук. Персональный состав: в 4 кн. Кн. 1: 1724–1917. Действительные члены, члены-корреспонденты, почетные члены, иностранные члены. М.: Наука, 2009.

Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1855. 83 с.

Тизенгаузен В. Г. Заметка в память Х. Д. Френа // Северная пчела. 1860. № 183.

Тизенгаузен В. Г. Френовы рукописи и академик Дорн. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1877. 15 с.

Journal asiatique. 4 série. 1851. Т. XVIII. Р. 597.

Journal de Saint-Petersbourg. 3 série. 1851. 26 août/7 sept. Р. 3986.

Ziethen G. Christian Martin Joachim v. Fraehn: his life s documented by the records in German archives // Manuscripta orientalia. 2004. June. Vol. 10. No 2. P. 61.

* * *

¹ Дорн Б. А. Академик Френ и его ученая деятельность // Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. III. СПб., 1855. С. 429–465.

² Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855.

Савельев Петр Степанович (1814–1859) — нумизмат, археолог, арабист, тюроколог, литературовед, историк; один из основателей Русского археологического общества (1846 г. вступления); сотрудник и секретарь его Восточного отделения (1851–1859).

³ Тизенгаузен В. Г. Заметка в память Х. Д. Френа // Северная пчела. 1860. № 183; Тизенгаузен В. Г. Френовы рукописи и академик Дорн. Варшава, 1877. С. 11–14.

⁴ Полосин В. В. Новые материалы для биографии академика Френа // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная

научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). М.: Наука. ГРВЛ, 1972. С. 111–115.

⁵ Бертельс Д. Е. Несколько страниц из жизни и творчества академика Христиана Даниловича Френа // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения) / Отв. ред. П. А. Грязневич. М.: Наука. ГРВЛ, 1977. С. 154–160.

⁶ Куликова А. М. Переписка Х. Д. Френа как источник по истории востоковедения // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1985 г. Ч. 1. М.: Наука. ГРВЛ, 1986. С. 98–102.

⁷ Лебедев Б. Б. Потомство академика Х. Д. Френа по мужской линии // Генеалогический вестник. 2017. Вып. 54. С. 119–132.

⁸ Ziethen G. Christian Martin Joachim v. Fraehn, his life as documented by the records in German archives // Manuscripta orientalia. 2004. June. Vol. 10. No. 2. P. 57–70.

⁹ Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. Действительные члены, члены-корреспонденты, почётные члены, иностранные члены. М., 2009. С. 39.

¹⁰ Ziethen G. Op. cit. P. 65.

¹¹ Ibid.

¹² Тихсен Олаф Герхард (1734–1815) — немецкий востоковед, гебраист, профессор кафедры восточных языков университетов в Бютцове (1760–1789), в Ростоке (1778–1815), директор библиотеки Ростокского университета, один из основателей исламской нумизматики.

¹³ Эйхгорн Иоганн Готфрид (1752–1827) — немецкий теолог и востоковед, с 1888 г. профессор Гётингенского университета по восточным языкам, толкованию Ветхого и Нового заветов и по политической истории.

¹⁴ Ziethen G. Op. cit. P. 60.

¹⁵ Ibid.

Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827) — швейцарский педагог, теоретик, сторонник теории сочетания образования с воспитанием и производительным трудом. Созданный в 1800 г. в Бургдорфе как школа-интернат для подготовки учителей, в 1804 г. институт переехал в Ивердон, где приобрел широкую известность.

¹⁶ Цит. по: История Казанского университета. 1804–2004. Казань, 2004. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 70.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30. Л. 540 об. — 541.

¹⁹ Кер Георг Якоб (1692–1740) — немецкий востоковед, специалист по арабскому, персидскому и турецкому языкам. В 1732 г. был приглашен в Россию в качестве переводчика в Коллегию иностранных дел. В 1735 г. по приглашению Академии наук участвовал в описании и составлении каталога восточных монет из коллекции Кунсткамеры. В 1733 г. он составил «Проект Академии или Общества восточных наук и языков в Империи Российской», оставленный тогда без внимания.

²⁰ Летопись Российской академии наук. Т. II: 1803–1860. СПб., 2002. С. 58.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1817). Д. 23. Л. 12–17.

²² Круг Иоганн Филипп (Филипп Иванович) (1764–1844) — выпускник богословского факультета Галльского университета, историк, нумизмат, с 1795 г. связал свою жизнь с Россией, когда переехал в Москву с полковником Курциусом, в семье которого был домашним учителем. Задумав сочинение о русской нумизматике, отправился в Петербург для знакомства с богатым собранием Эрмитажа. В 1804 г. получил место помощника хранителя библиотеки и Мюнц-кабинета Эрмитажа. В 1805 г. представил в Академию сочинение “*Einleitung in die Münzgeschichte des Russischen Reichs. Erster Zeitraum, vom Anfange des Staates bis auf die Regierung Wladimirs des I*” и 27 марта 1805 г. был избран в адъюнкты. С 11 марта 1807 г. — экстраординарный, с 16 августа 1815 г. — ординарный академик.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1817). Д. 23. Л. 18 об.

²⁴ Там же. Л. 20.

²⁵ Уваров Сергей Семенович (1786–1855) — государственный деятель, министр народного просвещения (1833–1849), почетный член (1811), Президент (1818–1855) Императорской Академии наук, действительный член Императорской Российской академии (1831).

²⁶ Цит. по: *Бертельс* Д. Е. Указ. соч. С. 157–158. Перевод с немецкого Д. Е. Бертельса.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1823). Д. 101. Л. 4.

²⁸ Там же. Оп. 21. Д. 2. Л. 2 об. — 10.

²⁹ Голицын Александр Николаевич (1773–1844) — князь, государственный деятель. С 1803 г. — обер-прокурор Синода, с 1813 г. — председатель Российского библейского общества; министр народного просвещения и духовных дел (1817–1824).

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1817). Д. 27. Л. 1, 1 об.

³¹ Там же. Л. 2.

³² Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30. Л. 541 об. — 542.

³³ Цит. по: *Бертельс* Д. Е. Указ. соч. С. 157. Перевод с немецкого Д. Е. Бертельса.

³⁴ Грибоедов А. С. Сочинения. Комментарии. М., 1988. С. 719.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 106. Л. 1. Опубл.: К вопросу об интересе Грибоедова к изучению Востока (По поводу неизданного письма А. С. Грибоедова к акад. Френу) // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. СПб., 1909. Т. XIII. Кн. 4. С. 246; Грибоедов А. С. Указ. соч. С. 572.

³⁶ Абоян Хачатур Аветикович (1809–1848) — армянский писатель, просветитель, педагог, этнограф, создатель нового армянского языка и литературы, автор романа «Раны Армении», посвященного борьбе армян с персами в 1826–1828 гг. Выходец из обедневшего дворянского рода, он учился в Эчмиадзине, преподавал в Сананском монастыре, с 1828 г. был секретарем и переводчиком католикоса армян. В 1829 г. сопровождал дерптского профессора и члена-корреспондента ИАН Иоганна Якоба Фридриха Вильгельма Паррота при восхождении на Аарат. При содействии Паррота Абоян поступил в Дерптский университет. По оконча-

нии курса вернулся на родину с идеей открытия училища для подготовки учителей армянских школ. Идея не была поддержана церковью. В 1838 г. попросил освободить его от духовного звания, что обеспечило ему славу еретика и жизненные трудности. В 1848 г. он ушел из дома, и до сих пор никто не знает, как закончилась его жизнь.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–3 об.

³⁸ Савельев П. С. Указ. соч. С. 28.

³⁹ Там же. С. 29.

⁴⁰ Тизенгаузен В. Г. Френовы рукописи и академик Дорн. Варшава, 1877. С. 2–10.

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30. Л. 541 об. — 553.

⁴² Лобойко Иван Николаевич (1786–1861) — белорусский филолог, историк, литератор, педагог, заслуженный профессор Виленского университета.

⁴³ Шлётцер Август Людвиг (1735–1809) — немецкий историк, филолог; на российской службе в 1761–1767 гг., адъюнкт (1762), иностранный почетный член (1769) Петербургской АН. Профессор Гётtingенского университета (1768–1809). Автор трудов по всеобщей истории, источниковедению, истории русского летописания.

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 1. Д. 41. Л. 586–586 об.

⁴⁵ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — историк, писатель, академик Петербургской АН (1841), издатель журналов «Московский вестник» и «Москвитянин», автор трудов по истории Древней Руси и летописанию.

⁴⁶ Погодин М. П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. 1. М., 1844. С. 26–28.

⁴⁷ После летних каникул была очередь Френа вести заседание Конференции, но в протоколе он обозначен отсутствующим по болезни (Протокол XII от 1 августа 1851 г. // СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 195; Рапорт экзекутора о кончине // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1851). Д. 82. Л. 2).

⁴⁸ Journal asiatique. 4 série. 1851. Т. XVIII. Р. 597; Journal de Saint-Petersbourg. 3 série. 1851. 26 août/7 sept. Р. 3986.

⁴⁹ Савельев П. С. Указ. соч. С. 54.

⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (доп.). Д. 473. Л. 1–4.

⁵¹ В 1850-х годах Азиатский музей существовал вместе с Кунсткамерой и Химической лабораторией в т. н. музейном флигеле, каре во дворе главного здания Академии, в стороне, выходившей на здание Двенадцати коллегий. Уже после смерти Френа, 16 февраля, в соседней Химической лаборатории вспыхнул пожар, и озабоченные судьбой коллекций востоковеды Б. А. Дорн, М. И. Броссе, О. Н. Бётлингк, А. А. Шифнер и В. В. Вельяминов-Зернов в своей записке в Конференцию АН упомянули, что «еще в 1843 г. покойный Френ в видах пользы вверенного ему Азиатского музея и других ученых коллекций Академии указывал на опасность от помещения в здании Академии Механической мастерской и Химической лаборатории, но представления его были приняты только отчасти, и Химическая лаборатория осталась до сего времени на своем прежнем месте» (СПбФ АРАН. Ф. 2 (1859). Д. 16. Л. 3).

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1852). Д. 124. Л. 9.

⁵³ Там же. Д. 30. Л. 549 об. — 550.

⁵⁴ Ziehen G. Op. cit. Р. 61.

⁵⁵ Лебедев Б. Б. Указ. соч. С. 122.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 76. Л. 91 об. — 92.

Имеется недатированное письмо с указанием причины и места смерти Р. Х. Френа: «Я не знаю, в каком положении находится дело о пенсии нашего бывшего консерватора Азиатского музея Роберта Френа; но сегодня прочитал я в немецкой газете известие о том, что он скончался в Ревеле от апоплексического удара. Это нам нужно принять к сведению. Преданный Вам [К. Зенковский]» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 604. Л. 88).

⁵⁸ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 65. Л. 19 об.; Д. 55. Л. 31 об.; Д. 56. Л. 31; Д. 60. Л. 30; Д. 32. Л. 334; Д. 13. Л. 28; Д. 16. Л. 16; Д. 20. Л. 9. Номера дел перечислены в порядке хронологии формулярных списков.

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 55. Л. 31 об.; Д. 56. Л. 31; Д. 60. Л. 30; Д. 32. Л. 334. Номера дел перечислены в порядке хронологии формулярных списков.

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 124 об.

Священник Павел Кадосов

СЕМЕЙСТВО ФОН БОДУНГЕН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Петербургское семейство фон Бодунген происходит из Нижней Саксонии. Его родоначальником был доктор медицины Карл Федорович фон Бодунген, который прибыл в Россию в конце 1820-х годов и впоследствии служил гоф-хирургом при дворе герцогини Марии Nikolaevны Лейхтенбергской, дочери императора Николая I. В Петербурге жили два поколения его потомков. Представители рода были врачами, педагогами, чиновниками и религиозными деятелями. Наиболее известны среди них — Федор Федорович фон Бодунген, имевший чин камергера и служивший секретарем герцогини Ольги Александровны Ольденбургской, сестры императора Николая II, пастор Фердинанд Густавович фон Бодунген, депрессированный в советское время, братья Фридрих и Карл Карловичи, преподававшие в воспитательном обществе благородных девиц. В XX в. некоторые ветви семьи фон Бодунгенов пресеклись, а некоторые перебрались в Москву и другие города. В настоящее время потомков Бодунгенов по мужской линии в Петербурге не осталось.

Ключевые слова: фон Бодунген, Алексеевские, немецкая диаспора Санкт-Петербурга.

Priest Pavel Kadosov

VON BODUNGEN FAMILY IN ST. PETERSBURG

The St. Petersburg von Bodungen family comes from Lower Saxony. His ancestor was a doctor of medicine, Karl Fedorovich von Bodungen, who arrived in Russia in the late 1820s. and later served as a gof surgeon at the court of the Duchess Maria Nikolaevna Leuchtenberg, daughter of Emperor Nicholas I. Two generations of his descendants lived in Petersburg. Representatives of the clan were doctors, educators, officials and religious figures. The most famous among them were Fyodor Fedorovich von Bodungen, who had the rank of chamberlain and served as secretary of the Duchess Olga Alexandrovna of Oldenburg, sister of Emperor Nicholas II, pastor Ferdinand Gustavovich von Bodungen, repressed in Soviet times, the brothers Friedrich and Karl Karlovichi, educated in educational society. In the XX century. some branches of the von Bodungen family were cut short, and some moved to Moscow and other cities. There are currently no male descendants of Bodungen in St. Petersburg.

Keywords: von Bodungen, Alekseevsky, German Diaspora of St. Petersburg.

1. Первое поколение семьи фон Бодунген в России. Родоначальник династии

Представители немецкого семейства фон Бодунген проживали в Петербурге более ста лет — с 1830-х годов и как минимум до середины XX в. Среди них были врачи, преподаватели, государственные деятели. Данная статья, основанная на материалах архивов РГИА, РГВИА, ЦГИА СПб и некоторых других, воспроизводит основные вехи истории династии. Даты до 1918 г. даны по старому стилю в соответствии с российскими источниками.

Первым представителем рода Бодунген в России был «доктор медицины» Карл Фридрих Вильгельм (1804–1863). Его происхождение в высшей степени интересно. Рыцарский род фон Бодунген известен в Германии с начала Высокого Средневековья¹. Если верить немецкой Википедии, их фамилия произошла от деревни Гроссбодунген, пожалованной им в XII в. в числе прочих владений за службу графам фон Ларе (Лора). В свою очередь, деревня получила название от реки Боде, на которой она расположена. В настоящее время это территория Тюрингии, район Айсфельд.

Потомки тюрингских феодалов фон Бодунген живут и в наше время, из их рода произошло немало врачей, преподавателей, государственных и военных деятелей. Один из них, Людвиг фон Бодунген (1789–1812), даже участвовал в походе Наполеоновской армии на Россию и погиб в Бородинской битве².

Родоначальник петербургской династии, однако, не состоял в кровном родстве с древней немецкой фамилией. Он родился в семье престарелого еврейского банкира и купца Якова Лазаря Райса и его жены Лии, урожденной Леманн³ (по другим сведениям — Гирш⁴). В русских источниках можно найти только год рождения будущего доктора Бодунгена, но в одной немецкой публикации автору удалось обнаружить более точную информацию. Карл Лазарь, как вначале звучало его имя⁵, появился на свет 17 марта 1804 г.⁶ (по григорианскому календарю, принятому в Германии). Его отец был родом из Касселя, а мать — из Витценхаузена⁷. Однако место рождения Карла Бодунгена — скорее всего, город Ганноверш-

Мюнден⁸ (современная Нижняя Саксония), где Яков Райс как минимум с 1780-х годов владел домом⁹.

Родители Карла поженились около 1800 г., а в 1809 г. банкир Райс умер в возрасте 69 лет. Два года спустя вдова вступила в новый брак с немецким аристократом Фридрихом Вильгельмом фон Бодунгеном (1789–1856), который усыновил ее ребенка и дал ему свою фамилию¹⁰.

Судя по всему, брак с богатой вдовой обеспечил карьеру Фридриха Вильгельма. Он стал сенатором, а впоследствии и мэром (бургомистром) Мюндена¹¹. Впрочем, продлился союз немецкого аристократа и еврейской банкирши недолго. Изученные на сегодняшний день источники не дают ответа, умерла Лия Райс или развелась с Фридрихом фон Бодунгеном, но уже в 1814 г. он женился вновь на немке Фредерике-Елене (или Магдалене) Бессер (или Лессер)¹², с которой прожил тридцать восемь лет до ее смерти в 1852 г.¹³ Скорее всего, первая жена Фридриха также оставила его вдовцом, так как ее сын Карл остался с отчимом и после его второго брака.

Второй брак не помешал Фридриху Вильгельму достойно воспитать пасынка. До 1817 г. Карл Бодунген обучался в Латинской школе в Мюндене, затем два года брал частные уроки у пастора Оппермана в «Гроне близ Гёттингена» (очевидно, речь идет о населенном пункте, который в настоящее время является районом города Гёттингена и известен своим русскоязычным населением), после чего обучался в некой «монастырской школе» и в 1823 г. получил аттестат зрелости в Хольцминдене (город в Нижней Саксонии). С 1823 по 1827 г. он изучал медицину в знаменитом Гёттингенском университете, по окончании которого получил звание доктора медицины без защиты письменной диссертации¹⁴.

Вскоре Карл фон Бодунген переехал в Россию. Согласно материалам Саксонской академии наук, это произошло в 1830 г.¹⁵ Но вдова доктора впоследствии указывала более раннюю дату — 1829 г.¹⁶ В русских документах немецкий врач получил имя Карла Федоровича.

По прибытии в столицу он представил свои документы в Императорскую медико-хирургическую академию, чтобы сдать экзамен и получить право практиковать в России. Начатое в Петербурге

испытание Карл Федорович завершил в 1830 г. в Москве «вследствие предпринятого им тогда путешествия»¹⁷. В начале 1831 г. он был утвержден в звании «лекаря 2-го отделения»¹⁸ и уплатил 10 рублей за диплом¹⁹.

Следующие восемь лет в биографии родоначальника русских Бодунгенов в настоящее время изучены слабо. Есть сведения, что в эти годы он служил акушером в родовспомогательных учреждениях Петербурга²⁰.

15 июля 1839 г., «по соизволению» Марии Николаевны, дочери императора Николая I, Карл Федорович фон Бодунген был «определен ко Двору Ее Императорского Высочества на вакансию гоф-хирурга»²¹. За несколько дней до этого великая княжна Мария вышла замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского, вследствие чего происходило формирование для них отдельного двора.

Высокое назначение указывает как на профессиональное мастерство доктора Бодунгена, так и на возникновение у него за несколько лет пребывания в России прочных контактов с императорской семьей. Не исключено, что протекцию Карлу Федоровичу оказал лейб-медик императора Николая I Н. Ф. Арендт, с которым у него были кумовские отношения²².

Карл Бодунген служил при дворе герцогини Марии Николаевны Лейхтенбергской до самой смерти. Вероятно, именно он, будучи акушером, принимал роды ее детей, многие из которых впоследствии сыграли заметную роль в русской истории. Приняв российское подданство, Карл Федорович «за выслугу узаконенных лет» по определению Сената в 1845 г. получил чин титулярного советника со старшинством с 1843 г. В 1849 г. он был произведен в коллежские асессоры, а в 1852 г. — в надворные советники. В 1856 г. гоф-хирург удостоился двух наград — ордена Св. Станислава 3-й степени и бронзовой медали «В память Крымской войны 1853–1856 гг.»²³. В начале 1860-х годов его жалованье вместе с «прибавочными» и квартирными составляло 921 руб. 42 коп.²⁴ В описываемую эпоху таких денег вполне хватало для безбедной жизни, но было недостаточно, чтобы оплатить детям университетское образование, о чем речь пойдет ниже. В медицинских журналах Карл Федорович опубликовал ряд научно-практических работ²⁵.

В конце 1840-х²⁶ и в первой половине 1850-х²⁷ годов семья гоф-хирурга Бодунгена проживала на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов) в доходном доме Олимпиева (вероятно, речь о доме № 26, более известном как дом Голлидея²⁸). Во второй половине 1850-х и в начале 1860-х годов Бодунгены жили в доходном доме Миллера, который находился на углу Большой Подъяческой улицы и Екатерингофского проспекта (ныне пр. Римского-Корсакова) и имел № 17/21²⁹. Оба дома были расположены поблизости от места службы Карла Федоровича — Мариинского дворца — и до нашего времени сохранились в перестроенном виде.

Надворный советник Карл Бодунген умер 9 марта 1863 г. и был похоронен 12 марта на Волковском лютеранском кладбище³⁰. Чин погребения совершил пастор лютеранской церкви Св. Анны на Кирочной улице — приходского храма фон Бодунгенов.

Карл Федорович был женат на петербургской уроженке Анне-Катарине Францевне Веппнер (1806–1888). Судя по ее происхождению, знакомство супругов и бракосочетание состоялось в России. Анна Францевна намного пережила мужа, в преклонном возрасте умерла от болезни легких и была похоронена, как и ее супруг, на Волковском кладбище³¹.

Имена восприемников в сохранившихся записях о рождении детей супругов Бодунген³² позволяют составить некоторое представление о круге их общения. К нему относились купец Карл Иванович Лаутон, почетный корреспондент Публичной библиотеки, бывший лейб-медик императора Николая I Н. Ф. Арендт, графиня А. М. Виельгорская, впоследствии княгиня Шаховская, в которую, по воспоминаниям современников, был влюблен Н. В. Гоголь. В 1850 г. Карл фон Бодунген свидетельствовал подлинность духовного завещания К. И. Лаутона³³.

2. Второе поколение — врач, педагоги и государственные служащие

У Карла Федоровича и Анны Францевны фон Бодунген было семеро выживших детей: четверо сыновей — Густав, Фридрих, Карл и Адольф, и три дочери — Юлия, Оттилия и Иоганна.

Все представители второго поколения семьи фон Бодунген в Петербурге до конца жизни оставались лютеранами (об этом точно неизвестно только в отношении Иоганны, так как сведения о ее смерти не были найдены).

Документировать биографию Иоганны Карловны в настоящее время не удалось. Краткие сведения о ней содержатся в материалах Саксонской академии наук³⁴ и базе данных Эрика Амбургера, историка, изучавшего немецкую диаспору Петербурга. Согласно Амбургеру, полное имя этой представительницы семейства фон Бодунген звучало как Иоганна-Шарлотта. В 1859 г. она вышла замуж за некого Христиана Фридриха Томаса Кельна³⁵. В адресной книге Петербурга за 1867 г. Христиан Кельн упоминается как «техник», проживавший на 1-й линии Васильевского острова³⁶. Согласно Амбургеру, муж Иоганны был архитектором³⁷, но сведения о его профессиональной деятельности в изученных источниках отсутствуют. В справочниках «Весь Петербург» начала XX в. упоминается Иоганна Кельн, проживавшая вначале в доме № 10 по Малой Конюшенной улице³⁸, а затем в доме № 15 по Итальянской улице³⁹. Возможно, речь идет именно о дочери Карла Федоровича фон Бодунгена, но подробности этого периода ее жизни также не удалось прояснить.

Куда лучше изучена биография Юлии Карловны. Она родилась в 1833 г.⁴⁰, в возрасте 18 лет выдержала экзамен на звание домашней учительницы и многие десятилетия обучала детей в семьях русской знати. Среди нанимателей Юлии Карловны были такие известные петербуржцы, как писательница и общественная деятельница Софья Цезаревна Кавос-Дегтярева, князь Платон Сергеевич Оболенский, дочь инженер-генерала А. А. Серебрякова Софья Апплоновна Пущина⁴¹. В 1901 г. Юлия Карловна выступила одной из учредительниц Санкт-Петербургского общества вспомоществования учительницам, которое ставило целью «улучшение быта учительниц... оказание им материальной помощи и нравственной поддержки». Деятельность общества продолжалась до 1918 г. и была весьма плодотворной⁴².

Свыше шестидесяти лет Юлия Карловна фон Бодунген занималась педагогической деятельностью. Последние годы она проживала

в доме № 10 по Лиговской улице (ныне проспект, в доме расположена гостиница «Октябрьская»)⁴³. В возрасте 80 лет у учительницы началась старческая деменция, «от мозгового переутомления голова отказалась работать»⁴⁴. По совету врачей племянница и опекунша Юлии Карловны Лидия Адольфовна Бровцына (рожденная Бодунген) в 1915 г. поместила тетю в Дом призрения душевнобольных императора Александра III на Удельной (ныне психиатрическая больница им. И. И. Скворцова-Степанова). Врачи отмечали, что у Юлии Карловны отсутствуют представления о времени и пространстве, но при этом она остается физически бодрой, добродушной и привязанной к жизни. В больнице престарелая учительница «медленно слабела» и умерла в феврале 1916 г.⁴⁵

Оттилия Карловна (1840–1912)⁴⁶ также была домашней учительницей. Ни Оттилия, ни Юлия фон Бодунген не были замужем. Обе они, как и их родители, похоронены на Волковском лютеранском кладбище⁴⁷.

Все четыре сына доктора Карла Федоровича фон Бодунгена получили среднее образование в Пятой Санкт-Петербургской гимназии, расположенной у Аларчина моста на Екатерининском канале (ныне — канал Грибоедова), поблизости от которого тогда жила их семья. Все они также поступали в Санкт-Петербургский университет, но не все окончили полный курс.

Старший из братьев, Густав Карлович (1836–1893), единственный пошел по стопам отца и стал врачом, хотя изначально это и не соответствовало его стремлениям. В 1856 г. он записался на юридический факультет университета. Предполагалось, что обучение Густава будет оплачивать приемный дедушка, бургомистр Мюндена Фридрих Вильгельм фон Бодунген. Но летом того же года немецкий аристократ скоропостижно скончался. После этого, «следуя совету родителей», Густав Карлович оставил университет и «пошел по медицинской части»⁴⁸.

В декабре 1862 г., по окончании Медико-хирургической академии, он был «признан лекарем», а три месяца спустя — уездным врачом. В последующие годы Густав фон Бодунген служил в различных учреждениях и больницах Санкт-Петербурга. В 1866 г. молодой врач «состоял в числе медицинских членов, предупреждаю-

щих распространение холеры в Санкт-Петербурге», и был окружным врачом в Спасской части. Обязанностью окружного врача было посещение больных на дому, выявление и госпитализация больных холерой. После окончания эпидемии Густав Карлович удостоился признательности Санкт-Петербургской городской думы⁴⁹.

Среди пациентов доктора фон Бодунгена были известный историк-архивист Григорий Васильевич Есипов и его жена София Николаевна. Частично сохранилась их переписка⁵⁰.

С 1872 г. Густав Карлович служил в Детском приюте барона Штиглица. Медицинскую деятельность он совмещал с административной, неоднократно замещал директора. В 1891 г., после того как предыдущий директор приюта уволился «за болезнью», «государыня императрица милостию соизволила» назначить Бодунгена его преемником, «который постоянным усердием в исполнении своих обязанностей вполне заслужил повышения». Чтобы занять новую должность, Бодунген в том же году «принял присягу на подданство Российской империи»⁵¹.

Через полтора года после назначения директором Густав Карлович умер «от воспаления и отека легких». На момент смерти он имел чин статского советника⁵².

В отличие от своих братьев, жены которых принадлежали к православной вере, Густав Бодунген был женат на католичке, Екатерине Фердинандовне, урожденной Дубисса-Крачак⁵³. Брат этой дамы, генерал-майор Фома Фердинандович Дубисса-Крачак (1842–1900), остался в истории как интересный мемуарист — автор воспоминаний о службе в петербургской полиции⁵⁴. Екатерина Фердинандовна пережила мужа на десять лет и была похоронена рядом с ним на Смоленском лютеранском кладбище⁵⁵.

Вторым сыном Карла Федоровича фон Бодунгена был Фридрих-Вильгельм, родившийся в 1838 г.⁵⁶ Фридрих Карлович, единственный из своих братьев, в 1857–1861 гг. окончил полный курс Санкт-Петербургского университета «по Естественному разряду Физико-математического факультета», где ему было позволено обучаться бесплатно ввиду тяжелого материального положения родителей⁵⁷. По окончании университета молодой выпускник «вступил в должность домашнего наставника в доме российского

посланника при Шведском и Норвежском дворах тайного советника Дашкова»⁵⁸ и переехал в Скандинавию, «где находился до... 1863 г. и в течение сего времени как отличным поведением, так и усердным исполнением возложенной на него обязанности заслужил во все это время полное одобрение»⁵⁹. Дашков, о котором идет речь, — Яков Андреевич (1803–1872), «чрезвычайный посланник и полномочный министр при дворе его величества короля шведского и норвежского»⁶⁰. Очевидно, Фридрих Карлович Бодунген занимался воспитанием младших детей дипломата, в том числе Павла Яковлевича, впоследствии известного коллекционера.

По возвращении на родину Фридрих Карлович принял русское подданство и несколько лет служил чиновником в различных учреждениях Министерства финансов. В 1869 г. он вернулся к педагогической деятельности, поступив классным воспитателем в Императорское училище правоведения⁶¹ — одно из самых престижных высших учебных заведений в Российской империи. С 1871 г. Фридрих фон Бодунген также преподавал русскую и всеобщую географию в Императорском воспитательном обществе благородных девиц, более известном как Смольный институт⁶². По воспоминаниям смолянки А. С. Ешевской, уроки Фридриха Карловича «были очень интересны», а сам он «был очень красив собой и далеко не так зол, как его брат» Карл Карлович⁶³, который также преподавал в Смольном.

В конце 1870-х годов у Фридриха фон Бодунгена обнаружилась «опасная болезнь глаз»⁶⁴, от которой он к 1880 г. «потерял зрение на оба глаза», был «навсегда лишен возможности продолжать службу»⁶⁵. По ходатайству принца Петра Георгиевича Ольденбургского, основателя Училища правоведения, ослепшему педагогу была назначена пенсия в размере 1500 рублей в год⁶⁶.

Более тридцати лет Фридрих Карлович прожил слепым. В 1912 г. он умер от «паралича сердца»⁶⁷ и был погребен на Якубовских мостках Волковского православного кладбища⁶⁸. Очевидно, выбор места погребения связан с тем, что на указанном кладбище поконились двое детей Фридриха фон Бодунгена, умерших раньше отца, — Виктор и Ольга⁶⁹.

Женой Фридриха Карловича стала дочь военного дирижера и композитора, автора романсов Антона Антоновича Дерфельдта (1810–1869), девица Елизавета. В соответствии с законодательством Российской империи, так как Елизавета Антоновна была православной, венчание состоялось в православном храме — церкви Свв. Константина и Елены при Доме воспитания Императорского человеколюбивого общества, и их дети воспитывались в православной вере. Одним из свидетелей («поручителей», как писалось в ту эпоху) на свадьбе был писатель В. П. Авенариус⁷⁰, на дочери которого впоследствии женился сын Фридриха и Елизаветы фон Бодунген.

Следующим представителем второго поколения семьи Бодунген был родившийся в 1843 г. Карл-Николай. Его биография уже становилась предметом изучения⁷¹, поэтому здесь будет изложена вкратце. В 1861 г. Карл Карлович оставил обучение в Санкт-Петербургском университете, который был временно закрыт по причине студенческих волнений, перешел в Технологический институт и окончил указанное учебное заведение в 1865 г. Состояние здоровья не позволило ему служить по технической специальности, и в 1871 г. Карл фон Бодунген, «подвергшись частному специальному испытанию в испытательном комитете С.-Петербургского Учебного Округа и выдержав оное удовлетворительно», был «удостоен звания учителя гимназии и прогимназии, с правом преподавать немецкий язык и со всеми преимуществами, присвоенными сему званию»⁷².

В 1872–1899 гг. Карл Карлович с перерывами служил преподавателем немецкого языка в Воспитательном обществе благородных девиц⁷³. В своих «Воспоминаниях о Смольном институте» А. С. Ешевская называет Фридриха и Карла Карловичей «злыми братьями Бодунген». По ее словам, учитель немецкого «знал свой предмет отлично и преподавал хорошо, но зол был необыкновенно», ненавидел даже само свое учительство, «видимо, с удовольствием» подвергал воспитанниц мелочным преследованиям. Смолянки даже жалели, что он преподает немецкий язык, а не физику — в таком случае можно было бы переломать у него в классе все приборы⁷⁴. Впрочем, не исключено, что госпожа Ешевская

в своих мемуарах была пристрастна или же видела только одну сторону личности педагога. Сохранились свидетельства, что Карл Карлович проявлял родственную заботу о своем слепнущем брате Фридрихе, которого сопровождал на лечение во время обострения его глазного заболевания⁷⁵. Не исключено, что учитель немецкого был недоволен своей деятельностью, так как приступил к ней, когда проблемы со здоровьем вынудили его отказаться от карьеры инженера. Кроме того, Карлу Карловичу могло быть неприятно или трудно работать с большой аудиторией — как видно из документов, он зачастую предпочитал приватное преподавание групповому⁷⁶.

Помимо Смольного института Карл фон Бодунген преподавал в нескольких женских гимназиях. Женился он поздно, в возрасте 46 лет, на девице Наталье Сафоновне Васильевой, детей не имел.

Карл Карлович единственный из своих братьев дожил до революции. Во время предыдущих публикаций о семье фон Бодунген дата его смерти оставалась неизвестной, но теперь автору удалось ее установить. Карл фон Бодунген скончался в марте 1918 г. от болезни сердца и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. До самой смерти он продолжал вести преподавательскую деятельность⁷⁷. Из конфиденциального источника автору также стало известно, что вдова Карла Карловича, Наталья Сафоновна, пережила его почти на тридцать лет и умерла в декабре 1930 г.

Младший из братьев фон Бодунген, Адольф-Лоренц (1848–1911), стал чиновником. В 1870 г. он был «по болезни уволен из 2-го курса университета согласно прошению» и в том же году «с разрешения господина министра финансов причислен к Департаменту таможенных сборов», где и прослужил всю жизнь. В 1884 г. начальство «командировало» Адольфа Карловича на Международную выставку садоводства в Санкт-Петербурге «для наблюдения при приеме, досмотре и выпуске предметов, привозимых из-за границы». Вероятно, именно за участие в деятельности выставки Адольф фон Бодунген удостоился необычной для русского подданного награды — бразильского ордена Розы⁷⁸.

В 1885 г. Адольф Карлович занял должность окружного таможенного ревизора и исполнял ее при начальниках сначала Рижского, а затем Санкт-Петербургского таможенных округов⁷⁹. Его дея-

тельность была связана с частыми командировками. Так, только в 1898 г. ему пришлось ездить «по Олонецкой, Санкт-Петербургской, Лифляндской и Эстонской губерниям и по некоторым местам Финляндии»⁸⁰. Во время одной из поездок, находясь в Витебской губернии, уже немолодой таможенный ревизор умер от разрыва сердца⁸¹. Адольф Карлович был погребен на Смоленском лютеранском кладбище рядом с женой, Александрой Константиновной (1857–1906), которая за несколько лет до него скончалась от рака⁸². Александра фон Бодунген, рожденная Бауэр, дочь действительного статского советника, была православной⁸³. Ее погребение на лютеранском кладбище может объясняться желанием мужа или же тем, что там были похоронены ее родственники⁸⁴.

3. Третье поколение семьи фон Бодунген. Завершение петербургского периода

Третье поколение петербургских Бодунгенов было довольно многочисленным.

Старшие дети доктора Густава фон Бодунгена окончили знаменитую Петришуле⁸⁵. Фердинанд Густавович стал пастором и служил в различных лютеранских церквях Петербурга и его окрестностей. Биография этого религиозного деятеля ранее уже изучалась историком М. В. Шкаровским и была опубликована⁸⁶. Как в царское, так и в советское время пастор Фердинанд подвергался преследованию за немецкое происхождение. В годы Первой мировой войны он был выслан из Петрограда на волне антинемецких настроений⁸⁷, а в 1938 г. расстрелян за шпионаж в пользу Германии и контрреволюционную деятельность. В 1989 г. Фердинанд Густавович был посмертно реабилитирован. Погребен пастор фон Бодунген в Левашовской пустоши⁸⁸.

Сестра Фердинанда Густавовича, Мария, в 1900 г. вышла замуж за офицера Иону Никоновича Захарова⁸⁹, родственником которого является автор данной статьи. Их брак — свидетельство того, насколько ослабли сословные перегородки в Российской империи к началу XX в.: Мария Густавовна была дочерью статского советника, а Иона Никонович — сыном солдата и крестьянки. Автор полагает, что будущие супруги могли познакомиться в конце XIX в.,

когда поручик Иона Захаров квартировал в одном доме с матерью Марии Бодунген в Свечном переулке⁹⁰. Как большинство кадровых офицеров, Иона Никонович принимал участие в Первой мировой войне. Революция застала его на Румынском фронте⁹¹, и он эмигрировал в Румынию вместе с семьей. Впоследствии связь с его потомками была утеряна.

Старший брат Марии и Фердинанда, Карл, чиновник Петербургской контрольной палаты⁹², умер еще до революции, в 1915 г.⁹³ Младший, Густав Густавович, в 1913–1914 гг. был редактором журнала «Вестник Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям»⁹⁴, а затем в чине прапорщика в составе 179-го Усть-Двинского пехотного полка участвовал в боевых действиях. В марте 1915 г. «за отличие в делах против неприятеля» Густав фон Бодунген удостоился ордена Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом⁹⁵, а в мае того же года получил ранение и был эвакуирован с театра военных действий⁹⁶. Его дальнейшая судьба в настоящее время неизвестна.

Наибольших карьерных успехов достигли сыновья Фридриха Карловича фон Бодунген. В документах они получили отчество Федорович. Местом обучения двоих старших братьев стало Императорское училище правоведения, где их отец преподавал до того, как лишился зрения.

Федор Федорович родился в 1871 г. Завершив образование в 1891 г., он формально был «определен на службу в Министерство Юстиции»⁹⁷, но в действительности с 1892 г. состоял воспитателем князя Александра Георгиевича Романовского, чей отец, Георгий Максимилианович, 6-й герцог Лейхтенбергский, «принимал большое участие» в молодом фон Бодунгене, «ценил его как педагога и наставника»⁹⁸. Покровительство Лейхтенбергских может объясняться давним знакомством — ведь родоначальник династии фон Бодунген был гоф-хирургом при Марии Николаевне Лейхтенбергской и, возможно, принимал роды будущего герцога Георгия. С 1901 г. Федор Федорович служил секретарем герцога Петра Александровича Ольденбургского (племянника Георгия Лейхтенбергского) и его жены Ольги Александровны, сестры императора Николая II. В этой должности Федор Федорович фон Бодунген принимал участие во многих

событиях придворной жизни, в 1913 г. лично поздравлял императорскую чету с 300-летием Дома Романовых⁹⁹.

В 1908 г. Федор Федорович ходатайствовал перед Н. В. Плеве о повышении в должности своего дяди, таможенного ревизора Адольфа фон Бодунгена¹⁰⁰. Это обстоятельство указывает на сохранение дружеских связей между разными линиями семьи Бодунген.

В годы Первой мировой войны жена Федора Федоровича, Анна Фердинандовна, служила сестрой милосердия в лазарете принцессы Е. М. Ольденбургской (матери герцога Петра)¹⁰¹.

Когда в 1916 г. супруги Ольденбургские развелись, и их двор был расформирован, Федор Федорович некоторое время оставался при герцоге Петре Александровиче¹⁰². После революции Федор фон Бодунген «6 месяцев прослужил в Юридическом бюро военнопленных в Петрограде и отличился исключительной добросовестностью, аккуратностью и исполнительностью», но «был вынужден оставить службу из-за прекращения юридического отзыва пленных» и в 1919 г. устроился счетоводом в Государственный контроль Николаевской железной дороги. В 1920 г. он был направлен на экспертизу как больной туберкулезом¹⁰³. Дальнейшая судьба бывшего высокопоставленного чиновника неизвестна, сведения о его смерти или эмиграции найдены не были.

Евгений Федорович Бодунген (1875–1930)¹⁰⁴ служил в Сибири. В 1909 г. он был назначен вице-губернатором Камчатской области. Под его руководством была построена часовня защитникам Петропавловска. Также Евгений Федорович участвовал в составлении герба города Петропавловска. Этот герб положен в основу современного герба Петропавловска-Камчатского. В 1913 г. Евгений Федорович был переведен на должность вице-губернатора Амурской области¹⁰⁵. После начала Первой мировой войны из-за вспышки антинемецких настроений Евгений Федорович и его семья сменили фамилию на Алексеевские¹⁰⁶. В марте 1917 г., когда в Амурской области стало известно о революционных событиях в Петрограде, Евгений Федорович Алексеевский был арестован во время народного митинга под крики «Долой царского сатрапа». Умер бывший вице-губернатор в ссылке в городе Томске¹⁰⁷.

Первым браком Евгений Федорович был женат на дочери Василия Петровича Авенариуса, известного до революции писателя. Брак окончился разводом. Второй женой высокопоставленного чиновника стала Людмила Ивановна Кульнева, родственница генерала Якова Петровича Кульнева, героя Отечественной войны 1812 г.¹⁰⁸ Сын Евгения Федоровича от второго брака, Николай Евгеньевич Алексеевский (1912–1993), был выдающимся физиком-экспериментатором, большую часть жизни он прожил в Москве¹⁰⁹. Дети Евгения Федоровича от первого брака в 1917 г. также сменили фамилию на Алексеевские¹¹⁰ и в том же году переехали из Петрограда в Москву вместе с матерью и отчимом¹¹¹.

Самый младший из сыновей Фридриха Карловича фон Бодунгена, Николай Бодунген (1887–1959), стал врачом. В годы Первой мировой войны он служил в Царскосельском особом эвакуационном пункте¹¹², но его деятельность после революции проходила уже за пределами Северной столицы¹¹³.

Адольф Карлович фон Бодунген имел двух дочерей и единственного сына, Алексея, родившегося в 1881 г. Обе дочери вышли замуж, их судьба после революции в настоящее время неизвестна. Алексей Адольфович в 1908 г. окончил Институт инженеров путей сообщения и несколько лет служил в Управлении Северо-Западных железных дорог¹¹⁴. Во время Первой мировой войны оказался на территории Украины, где остался жить после революции. В 1920-е годы руководил строительством здания Управления Национального банка Винницкой области. В Виннице увлекся коллекционированием, собирая боны и фарфор¹¹⁵. В начале 1930-х Алексей Адольфович подвергся репрессиям, в 1932 г. ему было запрещено проживать на территории Украины¹¹⁶. Коллекционер вернулся в Ленинград, где поступил на работу преподавателем в Институт инженеров промышленного транспорта. В Интернете можно встретить утверждение, что в 1937 или 1938 г. он погиб в результате репрессий, но это опровергается новыми данными. В 1935 г. доцент Бодунген был уволен из института, но советское судопроизводство встало на его сторону, присудив ему денежную компенсацию¹¹⁷. Умер Алексей Адольфович во время блокады, летом 1942 г. Местом его погребения стало Пискаревское кладбище¹¹⁸. Скорее

всего, он был последним представителем мужской линии семейства Бодунген, который жил в Ленинграде.

Семейство фон Бодунген, несомненно, сыграло примечательную роль в истории Петербурга. Его представители проявили себя в самых разных сферах деятельности — в медицине, педагогике, на государственной службе и даже в религии. Родоначальник династии Карл Федорович и его старший сын, Густав Карлович, были врачами, причем последний также занимался благотворительной деятельностью и в конце жизни стал директором Детского приюта барона Штиглица. Четверо детей Карла Федоровича — Фридрих, Карл, Юлия и Оттилия — стали педагогами. Дочери занимались частной учительской практикой, а сыновья преподавали в таких известных учебных заведениях, как Смольный институт и Императорское училище правоведения. Многие представители семейства Бодунген служили государственными чиновниками, причем Федор Федорович и Евгений Федорович достигли высокого положения: первый стал секретарем герцогов Ольденбургских, а второй — вице-губернатором Амурской области. Отдельно стоит отметить связи семьи фон Бодунген с императорской фамилией: основатель династии был гоф-хирургом герцогини Лейхтенбергской Марии Николаевны, дочери Николая I, Федор Федорович Бодунген воспитывал князя Александра Георгиевича Романовского, а затем состоял при сестре Николая II и ее мужа. Семью не обошли стороной и политические репрессии, что подтверждает судьба пастора Фердинанда Густавовича фон Бодунгена, казненного в 1938 г.

Библиография

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации

Письма доктора Г. К. фон Бодунгена к Г. В. Есипову // ГА РФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 624.

Фон Бодунген Ф. // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1542.

Российский государственный исторический архив

Бодунген Адольф Карлович // РГИА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 46.

Дело о службе и наградах секретаря конторы Бодунгена Ф. Ф. // РГИА. Ф. 552. Оп. 2. Д. 4.

Дело, касательно назначения состоящего при Втором департаменте министерства юстиции, титулярного советника фон Бодунгена, чиновником особых поручений 6 класса при министре народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 810.

Духовное завещание петербургского купца 1-й гильдии Лаутона К. И. // РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 85.

Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1849 г. // РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 56.

Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1863 г. // РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 128.

Формулярный список К. Г. фон Бодунгена // РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 409.

Формулярный список о службе гоф-хирурга Бодунгена Карла Федоровича (1863 г.) // РГИА. Ф. 479. Оп. 6. Д. 1284.

Российский государственный военно-исторический архив

Дипломная книга Императорской медико-хирургической академии с 1831 г. // РГВИА. Ф. 316. Оп. 69. Д. 3.

Журнал заседаний собрания профессоров Императорской медико-хирургической академии // РГВИА. Ф. 316. Оп. 69. Д. 174.

Об Антоне Густавове фон Бодунген и Фердинанде Давидове Вейсман // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 120.

Послужной список полковника Ионы Николаевича Захарова за 1915 г. (с добавлением сведений по 1917 г.) // РГВИА. Ф. 409. ПС. 145-442.

Фон Бодунген, Карл // РГВИА. Ф. 316. Оп. 63. Д. 405.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Алексеевский Георгий // ЦГИА СПб. Ф. 58. Оп. 4. Д. 35.

Алексей Адольфович фон-Бодунген // ЦГИА СПб. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 1852.

Алфавит захороненных (1911–1919 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 373. Оп. 1. Д. 35.

Алфавит погребенных (1910–1917 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 643. Оп. 1. Д. 51.

Бодунген Федор Карлович, надворный советник, учитель географии в Обществе // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9458.

Метрическая книга Петроградской лютеранской церкви Св. Анны за 1918 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 181. Л. 172 об. — 173. Кадры 334, 335.

Метрическая книга православной Крестовоздвиженской церкви при Третьей Санкт-Петербургской гимназии за 1906 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1849.

Метрическая книга православной церкви Свв. Константина и Елены при Доме воспитания Императорского человеколюбивого общества за 1870 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1072.

Метрическая книга православной церкви Штаба Варшавского военного округа за 1900 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 547.

Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1888 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 2. Д. 6.

Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1893 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 4-1.

Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 112.

Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1912 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 124.

Метрическая книга Санкт-Петербургской православной церкви Свв. Симеона и Анны за 1876 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1240.

О принятии в число студентов Карла фон Бодунгена // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1868.

О разрешении вице-губернатору Амурской области Евгению фон Бодунгену и его семье изменить фамилию на «Алексеевские» // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 166.

О службе Директора Приюта Барона Штиглица надворном советнике Густаве Карловиче фон Бодунгене // ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 3. Д. 408.

О службе Федора Федоровича Бодунгена // ЦГИА СПб. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 3-6, 11.

Об определении коллежского секретаря Бодунгена воспитателем // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3780.

Об учителе немецкого языка Общества благородных девиц фон Бодунгене Карле Карловиче // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9704.

По прошению жены статского советника Ольги Васильевны Кильштедт об исправлении метрических записей о крещении ее детей от первого брака Ирины и Георгия фон Бодунген // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 166.

По прошению окончившего курс в 5-й Санкт-Петербургской гимназии Фридриха фон Бодунгена о принятии его в число своеокаштных студентов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 404.

По прошению окончившего курс наук в Пятой Гимназии Густава фон Бодунгена — о принятии его в число студентов Университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 147.

Фон Бодунген, Алексей Адольфович // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37534.

Фон Бодунген, Юлия Карловна // ЦГИА СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 3311.

Чертежи дома на участке, принадлежавшем Вольфу, Алимпиеву, В. И. Симонову, К. В. Эшу по Офицерской ул., 26, наб. Екатерининского кан., 97 и Львиному пер., 2 // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3450.

Прочие архивы

Архив НИЦ «Мемориал». Ф. 6. Оп. 1. Д. 4.

Архив Петришуле.

Следственное дело Фердинанда фон Бодунген // Архив УФСБ СПб и ЛО. Д. П-70715.

Опубликованные источники

Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1899 г. СПб., 1899. 691 с., 1108 стб.

Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1903 г. СПб., 1903. 972 с., 2018 стб.

Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 г. СПб., 1908. 988 с., 2074 стб.

Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1914 г. СПб., 1914. 906 с., 1999 стб.

Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1917 г. СПб., 1917. 930 с., 2086 стб.

Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. СПб., 1867–1868. 987 с.

Городской указатель, или Адресная книга присутственных мест, учебных заведений, врачей, художников и разных предметов торговой и ремесленной направленности на 1850 г. / Сост. Н.И. Цылов. СПб., 1849. XVII, 496 с.

Дубисса-Крачак Ф. Ф. Из записок петербургского полицмейстера // Исторический вестник. Т. XCI. СПб., 1903. С. 118–151, 488–511, 914–935.

Ешевская А. С. Воспоминания о Смольном институте // Сайт «Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rab/rab-352-.htm> (дата обращения: 01.03.2019).

Путеводитель: 60,000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочая, 1854: в 2 ч. / Сост. В. М. Матвеев. СПб., 1853. VIII, 240, 71 с.

Саитов В. И. Петербургский некрополь: в 4 т. Т. I. СПб., 1912–1913. XX, 715 с.

Социалистическая законность. Орган прокуратуры СССР. 1938. № 2.

Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 15-е января 1871 года. СПб., 1871. 480 с.

Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам / сост. П. Нейдгардт. СПб., 1869. 552 с.

Jahrbuch des Deutfchen Udels. Berlin: Bruer, 1896. XVI, 987 с.

Литература

Кадосов П. В. Петербургские немцы. История династии фон Бодунген // Сайт храма Св. пророка Божия Илии на Пороховых. URL: <https://ilya-prorok.org/information/ilinskij-vestnik/izbrannye-materialy/peterburgskie-nemtsy-istoriya-dinastii-fon-bodungen.html?start=2> (дата обращения: 01.03.2019).

Керзум А. П. Вестник Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям // Сайт «Энциклопедия Санкт-Петербургской благотворительности». URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853564300> (дата обращения: 01.03.2019).

Крылов-Тостикович А. Н. Русские врачи. А–К. Новая редакция // Сайт «Проза.ру». URL: <https://www.proza.ru/2017/06/11/309> (дата обращения: 01.03.2019).

Муравьевева И. Б. «Техноложка» и Смольный институт // Технолог. 2014. № 8 (2697). С. 4.

Новосад К. Історія центральної вулиці міста // Вінницька газета. 2014. URL: <http://vin-gazeta.net/moe-misto/2768-istoriya-tsentralnoji-vulitsi-mista> (дата обращения: 01.03.2019).

Портрет экспериментатора: Николай Евгеньевич Алексеевский. Воспоминания. Статьи. Документы. М.: Academia, 1996. 214 с.

Северюхин Д. Я. Санкт-Петербургское общество вспомоществования учителям // Сайт «Энциклопедия Санкт-Петербургской благотворительности». URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2809083324> (дата обращения: 01.03.2019).

Шкаровский М. В. Петербургский пастор Фердинанд Бодунген // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 325–329.

Lotze S. Kurhessische Freimaurer im Exil Konnubium und Kommerz. Eine Untersuchung zum Bürgertum am Beispiel des Netzwerkes um die Fabrikantenfamilien Habich im 19. Jahrhundert. Inauguraldissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie. 2012. 236 s. // KOBRA — Dokumentenserver der Universität Kassel. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:hebis:34-2012031940937>.

Электронные ресурсы, базы данных

База данных Эрика Амбургера. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/>.

Возвращенные имена. Книги памяти России. URL: <http://visz.nlr.ru/>.

Енциклопедія сучасної України. URL: <https://esu.com.ua/>.

Проект «Бессмертный барак». URL: <https://bessmertnybarak.ru/>.

Проект «Памяти героев великой войны (1914–1918)». URL: <https://gwar.mil.ru/about/>.

Сайт Саксонской академии наук в Лейпциге. URL: <https://www.saw-leipzig.de/de/>.

* * *

¹ Jahrbuch des Deutfschen Udels. Berlin, 1896. S. 235.

² Ibid. S. 239.

³ Lotze S. Kurhessische Freimaurer im Exil Konnubium und Kommerz. Eine Untersuchung zum Bürgertum am Beispiel des Netzwerkes um die Fabrikantenfamilien Habich im 19. Jahrhundert. Inauguraldissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie. 2012 // KOBRA — Dokumentenserver der Universität Kassel S. 82. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:hebis:34-2012031940937> (дата обращения: 01.03.2019).

⁴ Bodungen, Carl Friedrich Wilhelm von // Personendatenbank Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert zwischen Deutschland und Russland auf den Gebieten Chemie, Pharmazie und Medizin. URL: <http://drw.saw-leipzig.de/30109> (дата обращения: 01.03.2019).

⁵ Ibid.

⁶ Lotze S. Op. cit. S. 83.

⁷ Ibid. S. 13. 82.

⁸ Согласно материалам Саксонской академии наук, Карл Бодунген мог родиться в Мюндене или Витценхаузене. Однако русский документ, в котором зафиксирована его смерть, однозначно указывает в качестве места рождения Мюнден. (Это, впрочем, ни о чем не говорит. В метрической книге Мюнден мог быть указан в качестве родного города, а не географического места рождения.)

Bodungen, Carl Friedrich Wilhelm von // Personendatenbank Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert...; Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1863 г. // РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 128. Л. 157 об. — 158.

⁹ Website: «574 Häuserspuren... Die Häuser in Hann. Mündens Kernstadt und ihre Bewohner seit 1730». URL: <http://spuren.lserver.de/cgi-bin/spaus.cgi?nr1820=345> (дата обращения: 16.12.2017).

¹⁰ Lotze S. Op. cit. S. 82–83.

Происхождение Фридриха Вильгельма фон Бодунгена тоже не вполне ясно. Согласно немецкой википедии, он был внебрачным сыном капитана Франца фон Бодунгена, законного представителя древней династии. Судя по всему, имеется в виду Франц Христиан Людвиг Вильгельм фон Бодунген (1756–1792), служивший капитаном в полку фон Коспota (Jahrbuch des Deutfchen Udens. Berlin, 1896. S. 237).

¹¹ Lotze S. Op. cit. S. 82–83.

¹² Website: «574 Häuserspuren... Die Häuser in Hann. Mündens Kernstadt und ihre Bewohner seit 1730». URL: <http://spuren.lserver.de/cgi-bin/spaus.cgi?hochzbg=Bodungen> (дата обращения: 16.12.2017).

¹³ Ibid.

¹⁴ Bodungen, Carl Friedrich Wilhelm von // Personendatenbank Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert...

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Фон Бодунген, Карл // РГВИА. Ф. 316. Оп. 63. Д. 405. Л. 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Журнал заседаний собрания профессоров Императорской медико-хирургической академии // РГВИА. Ф. 316. Оп. 69. Д. 174. Л. 55.

¹⁹ Дипломная книга Императорской медико-хирургической академии с 1831 г. // РГВИА. Ф. 316. Оп. 69. Д. 3. Л. 4.

²⁰ Крылов-Тостикович А. Н. Русские врачи. А–К. Новая редакция // Сайт «Проза.ру». URL: <https://www.proza.ru/2017/06/11/309> (дата обращения: 01.03.2019).

²¹ Формулярный список о службе гоф-хирурга Бодунгена Карла Федоровича (1863 г.) // РГИА. Ф. 479. Оп. 6. Д. 1284. Л. 1 об. — 2.

²² Об учителе немецкого языка Общества благородных девиц фон Бодунгене Карле Карловиче // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9704. Л. 23.

²³ Формулярный список о службе гоф-хирурга Бодунгена Карла Федоровича (1863 г.) // РГИА. Ф. 479. Оп. 6. Д. 1284. Л. 2 об. — 4.

²⁴ Там же. Л. 2 об.

²⁵ Крылов-Тостикович А. Н. Указ. соч.

²⁶ Городской указатель, или Адресная книга присутственных мест, учебных заведений, врачей, художников и разных предметов торговой и ремесленной направленности на 1850 год / Сост. Н. И. Цылов. СПб., 1849. С. 74.

²⁷ Путеводитель: 60,000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочая, 1854: в 2 ч. / Сост. В. М. Матвеев. СПб., 1853. Ч. 1. С. 36.

²⁸ Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам / Сост. П. Нейдгардт. СПб., 1869. С. 43; Чертежи дома на участке, принадлежавшем Вольфу, Алимпиеву, В. И. Симонову, К. В. Эшу по Офицерской ул., 26, наб. Екатерининского кан., 97, и Львиному пер., 2 // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3450.

²⁹ По прошению окончившего курс наук в Пятой гимназии Густава фон Бодунгена — о принятии его в число студентов университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 147. Л. 2; По прошению окончившего курс в 5-й Санкт-Петербургской гимназии Фридриха фон Бодунгена о принятии его в число своеокаштных студентов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 404. Л. 1; О принятии в число студентов Карла фон Бодунгена // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1868. Л. 7.

³⁰ Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1863 г. // РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 128. Л. 157 об. — 158.

³¹ Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1888 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 2. Д. 6. Л. 148 об. — 149. Кадр 156.

Bodungen, Carl Friedrich Wilhelm von // Personendatenbank Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert zwischen...

³² Об учителе немецкого языка Общества благородных девиц фон Бодунгене Карле Карловиче // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9704. Л. 23.

Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1849 г. // РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 56. Л. 100 об. — 101.

³³ Духовное завещание петербургского купца 1-й гильдии Лаутона К. И. // РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

³⁴ Bodungen, Carl Friedrich Wilhelm von // Personendatenbank Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert...

³⁵ Von Bodungen Johanna Charlotte // Erik-Amburger-Datenbank. URL: <https://www.amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=10610&mode=1> (дата обращения: 01.03.2019).

³⁶ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. СПб., 1867–1868. Отдел III. С. 222.

³⁷ Kölln Christian Friedrich Thomas // Erik-Amburger-Datenbank. URL: <https://www.amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=27589&mode=1> (дата обращения: 01.03.2019).

³⁸ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1903 г. СПб., 1903. Разд. III. С. 296.

³⁹ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 г. СПб., 1903. Разд. III. С. 338.

⁴⁰ Формулярный список о службе гоф-хирурга Бодунгена Карла Федоровича (1863 г.) // РГИА. Ф. 479. Оп. 6. Д. 1284. Л. 2.

⁴¹ Фон Бодунген, Юлия Карловна // ЦГИА СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 3311. Л. 4, 6.

⁴² Северюхин Д. Я. Санкт-Петербургское общество вспомоществования учителяницам // Сайт «Энциклопедия Санкт-Петербургской благотворительности». URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2809083324> (дата обращения: 01.03.2019).

⁴³ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1914 г. СПб., 1914. Разд. III. С. 66.

⁴⁴ Фон Бодунген, Юлия Карловна // ЦГИА СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 3311. Л. 4.

⁴⁵ Там же. Л. 1–4, 11, 15–21.

⁴⁶ Формулярный список о службе гоф-хирурга Бодунгена Карла Федоровича (1863 г.) // РГИА. Ф. 479. Оп. 6. Д. 1284. Л. 2.

Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1912 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 124. Л. 140 об. — 141. Кадры 267–268.

⁴⁷ Алфавит захороненных (1911–1919 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 373. Оп. 1. Д. 35. Л. 5, 6 об. Кадры 6, 8.

⁴⁸ По прошению окончившего курс наук в Пятой гимназии Густава фон Бодунгена о принятии его в число студентов университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 147. Л. 1–3.

⁴⁹ О службе Директора Приюта Барона Штиглица надворном советнике Густаве Карловиче фон Бодунгене // ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 3. Д. 408. Л. 12 об. — 13.

⁵⁰ Письма доктора Г. К. фон Бодунгена к Г. В. Есипову // ГА РФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 624. Л. 1–3 об.

⁵¹ О службе Директора Приюта Барона Штиглица надворном советнике Густаве Карловиче фон Бодунгене // ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 3. Д. 408. Л. 1–9, 12 об. — 13.

⁵² Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1893 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 4–1. Л. 210 об. — 211. Кадр 218.

⁵³ О службе Директора Приюта Барона Штиглица надворном советнике Густаве Карловиче фон Бодунгене // ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 3. Д. 408. Л. 13.

⁵⁴ Дубисса-Крачак Ф. Ф. Из записок петербургского полицмейстера // Исторический вестник. Т. ХСI. СПб., 1903. С. 118–151, 488–511, 914–935.

⁵⁵ Саитов В. И. Петербургский некрополь: в 4 т. Т. I. СПб., 1912–1913. С. 249.

⁵⁶ Bodungen, Carl Friedrich Wilhelm von // Personendatenbank Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert...

⁵⁷ Об определении коллежского секретаря Бодунгена воспитателем // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3780. Л. 9 об. — 10.

По прошению окончившего курс в 5-й Санкт-Петербургской гимназии Фридриха фон Бодунгена о принятии его в число своекоштных студентов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 404. Л. 1–4.

⁵⁸ Об определении коллежского секретаря Бодунгена воспитателем // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3780. Л. 3.

⁵⁹ Бодунген Федор Карлович, надворный советник, учитель географии в Обществе // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9458. Л. 1 об. — 2.

⁶⁰ Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 15-е января 1871 года. СПб., 1871. С. 64.

⁶¹ Об определении коллежского секретаря Бодунгена воспитателем // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3780. Л. 9 об. — 13, 17–18.

⁶² Бодунген Федор Карлович, надворный советник, учитель географии в Обществе // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9458. Л. 8.

⁶³ Ешевская А. С. Воспоминания о Смольном институте // Сайт «Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rab/rab-352-.htm> (дата обращения: 01.03.2019).

⁶⁴ Бодунген Федор Карлович, надворный советник, учитель географии в Обществе // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9458. Л. 16.

⁶⁵ Об определении коллежского секретаря Бодунгена воспитателем // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3780. Л. 38.

⁶⁶ Там же. Л. 46–47 об., 58.

⁶⁷ Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1912 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 124. Л. 145 об. — 146. Кадры 277, 278.

⁶⁸ Алфавит погребенных (1910–1917 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 643. Оп. 1. Д. 51. Л. 17 об. Кадр 20.

⁶⁹ Саитов В. И. Указ. соch. С. 249.

⁷⁰ Метрическая книга православной церкви Свв. Константина и Елены при Доме воспитания Императорского человеколюбивого общества за 1870 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1072. Л. 244 об. — 245. Кадр 248.

⁷¹ Муравьева И. Б. «Техноложка» и Смольный институт // Технолог. 2014. № 8 (2697). С. 4.

⁷² Об учителе немецкого языка Общества благородных девиц фон Бодунгене Карле Карловиче // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9704. Л. 13, 24, 27.

⁷³ Там же. Л. 98 об. — 101.

⁷⁴ Ешевская А. С. Воспоминания о Смольном институте // Сайт «Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rab/rab-352-.htm> (дата обращения: 01.03.2019).

⁷⁵ Об учителе немецкого языка Общества благородных девиц фон Бодунгене Карле Карловиче // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9704. Л. 53.

⁷⁶ Там же. Л. 65 об. — 66, 98 об. — 101.

⁷⁷ Метрическая книга Петроградской лютеранской церкви Св. Анны за 1918 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 181. Л. 172 об. — 173. Кадры 334, 335.

⁷⁸ Фон Бодунген, Алексей Адольфович // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37534. Л. 8 об. — 9, 13 об. — 15.

⁷⁹ Там же. Л. 15 об. — 16.

⁸⁰ Бодунген Адольф Карлович // РГИА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 46. Л. 89.

⁸¹ Метрическая книга Санкт-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны за 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 112. Л. 143 об. — 144. Кадры 277, 278.

⁸² Метрическая книга православной Крестовоздвиженской церкви при Третьей Санкт-Петербургской гимназии за 1906 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1849. Л. 14 об. — 15. Кадр 17.

⁸³ Фон Бодунген, Алексей Адольфович // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37534. Л. 9–10.

⁸⁴ Саитов В. И. Указ. соч. С. 159.

⁸⁵ Архив Петришуле.

⁸⁶ Шкаровский М. В. Петербургский пастор Фердинанд Бодунген // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. Вып. 12. СПб., 2019. С. 325–329.

⁸⁷ Об Антоне Густавове фон Бодунген и Фердинанде Давидове Вейсман // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 120. Л. 2, 4–5.

Полным именем Фердинанда фон Бодунгена было Фердинанд-Франц-Антон.

⁸⁸ Архив УФСБ СПб и ЛО. Д. П-70715. Л. 3; Архив НИЦ «Мемориал». Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 320 (81.6).

⁸⁹ Метрическая книга православной церкви Штаба Варшавского военного округа за 1900 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 547. Л. 155 об. — 156. Кадр 158.

⁹⁰ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1899 г. Разд. III. С. 59, 204.

⁹¹ Послужной список полковника Ионы Николаевича Захарова за 1915 г. (с добавлением сведений по 1917 г.). // РГВИА. Ф. 409. С. 145–442.

В документах начала XX в. отчество Ионы Никоновича было изменено на Николаевич.

⁹² Формулярный список К. Г. фон Бодунгена // РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 409. Л. 103 об. — 104.

⁹³ Von Bodungen Karl Jakob // Erik-Amburger-Datenbank. URL: <https://www.amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=10611&mode=1> (дата обращения: 01.03.2019).

⁹⁴ Керзум А. П. Вестник Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям // Сайт «Энциклопедия Санкт-Петербургской благотворительности». URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853564300> (дата обращения: 01.03.2019).

⁹⁵ Бодунген Густав (сведения о награждении) // Сайт «Памяти героев великой войны (1914–1918)». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50209894/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BD%26groups%3Dawd%3Aptr%3Afrc%3Acmd%3Aptr%26types%3Dawd_nagrad%3Awad_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennopl%3Afrc_list%3Acmd_commander%3Aptrs_person%26page%3D1 (дата обращения: 01.12.2019).

⁹⁶ Бодунген Густав (карточка потерь) // Сайт «Памяти героев великой войны (1914–1918)». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital2122116/; https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie15967508/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BD%26groups%3Dawd%3Aptr%3Afrc%3Acmd%3Aptrs%26types%3Dawd_nagrad%3Awad_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennopl%3Afrc_list%3Acmd_commander%3Aptrs_person%26page%3D1 (дата обращения: 01.12.2019).

⁹⁷ Дело о службе и наградах секретаря конторы Бодунгена Ф. Ф. // РГИА. Ф. 552. Оп. 2. Д. 4. Л. 1 об. — 2.

⁹⁸ Дело касательно назначения состоящего при Втором департаменте Министерства юстиции, титулярного советника фон Бодунгена, чиновником особых поручений 6 класса при министре народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 810. Л. 1–1 об.

⁹⁹ Дело о службе и наградах секретаря конторы Бодунгена Ф. Ф. // РГИА. Ф. 552. Оп. 2. Д. 4. Л. 8 об. — 11, 23–24.

¹⁰⁰Фон Бодунген Ф. // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1542. Л. 1, 2 об.

¹⁰¹ Бодунген Анна (наградная картотека) // Сайт «Памяти героев великой войны (1914–1918)». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagradnaya_kartochka_45078761/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BD%26groups%3Dawd%3Aptr%3Afrc%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Awad_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Afrc_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1 (дата обращения: 01.12.2019); Дело о службе и наградах секретаря конторы Бодунгена Ф. Ф. // РГИА. Ф. 552. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

¹⁰² Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1917 г. СПб., 1917. Разд. III. С. 71.

¹⁰³ О службе Федора Федоровича Бодунгена // ЦГИА СПб. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 3-6, 11.

¹⁰⁴ Метрическая книга Санкт-Петербургской православной церкви Свв. Симеона и Анны за 1876 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1240. Л. 123 об. — 124. Кадр 128; Портрет экспериментатора: Николай Евгеньевич Алексеевский. Воспоминания. Статьи. Документы. М.: ACADEMIA, 1996. С. 6.

¹⁰⁵ Кадосов П. В. Петербургские немцы. История династии фон Бодунген // Сайт храма Св. пророка Божия Илии на Пороховых. URL: <https://ilya-prorok.org/information/iliinskij-vestnik/izbrannye-materialy/peterburgskie-nemtsy-istoriya-dinastii-fon-bodungen.html?start=2> (дата обращения: 01.03.2019).

¹⁰⁶ О разрешении вице-губернатору Амурской области Евгению фон Бодун-гену и его семье изменить фамилию на «Алексеевские» // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 166. Л. 6–7 об.

¹⁰⁷ Кадесов П. В. Указ. соч.

108 Tamko

¹⁰⁹ Портрет экспериментатора: Николай Евгеньевич Алексеевский. С. 2-21.

¹¹⁰ По прошению жены статского советника Ольги Васильевны Кильштедт об исправлении метрических записей о крещении ее детей от первого брака Ирины и Георгия фон Бодунгов. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 166. Л. 1, 3 об.

III Алексеевский Георгий // НГИА СПб. Ф. 58. Оп. 4. Д. 35. Л. 4

D1%83%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BD%26groups%3Dawd%3Aptr%3Afrc%3Ac
md%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_
poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_
voennoplen%3Afrc_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1 (дата обра-
щения: 01.12.2019).

¹¹³ Бодунген Микола Федорович // Сайт «Енциклопедія сучасної України». URL: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=35983 (дата обращения: 01.03.2019).

¹¹⁴ Алексей Адольфович фон-Бодунген // ЦГИА СПб. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 1852. Л. 1 об. — 2.

¹¹⁵ Новосад К. Історія центральної вулиці міста // Вінницька газета. 2014. URL: <http://vin-gazeta.net/moe-misto/2768-istoriya-tsentralnoji-vulitsi-mista> (дата обраще-
ния: 01.03.2019).

¹¹⁶ Бодунген Олексій Адольфович // Сайт «Бессмертный барак». URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/591661/> (дата обращения: 01.12.2019).

¹¹⁷ Социалистическая законность. Орган прокуратуры СССР. 1938. № 2. С. 107–108.

¹¹⁸ Бодунген Алексей Адольфович // Сайт «Возвращенные имена. Книги па-
мяти России». URL: <http://visz.nlr.ru/blockade/show/965614> (дата обращения:
01.12.2019).

Н. И. Иванова

**ГРАФЫ ФОН МОЛЬТКЕ И ЙОРКИ
ФОН ВАРТЕНБУРГИ В ПЕТЕРБУРГЕ:
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ**

В настоящее время недостаточно оценены такие источники, как дореволюционные газеты. В частности, это касается газеты «Русский инвалид», которая стала важным документом для данного исследования. В газете были обнаружены материалы о представителях родов фон Мольтке и Йорков фон Вартенбургов в Санкт-Петербурге. Имена фельдмаршалов фон Мольтке (Moltke) и Йорк фон Вартенбург (Yorck von Wartenburg) широко известны в Германии. На основе материалов газеты удалось определить, что представители фамилий были связаны со столицей России. Некоторые прибывали в составе делегаций из Германии, другие жили в ней. Ранее не публиковавшиеся материалы удалось установить по документам архивов и газет XIX в.

Ключевые слова: газета «Русский инвалид», Гельмут фон Мольтке-старший, Гельмут фон Мольтке-младший, Павел фон Мольтке, София фон Мольтке (Северина), Maximilian York von Wartenburg.

N. I. Ivanova

**COUNTS VON MOLTKE AND YORKS VON WARTENBURG
IN ST. PETERSBURG: UNKNOWN PAGES**

Today sources such as pre-revolutionary newspapers are undervalued. It is the newspaper “Russian invalid”. It became an important document for this study. The newspaper found materials about representatives of the von Moltke and York von Wartenburg in St. Petersburg. The names of Fieldmarshals von Moltke and Yorck von Wartenburg are known in Germany. Some arrived as part of delegations from Germany, while others lived in it. Previously, these materials were not published, the unknown pages of their stay in our city were identified by documents from archives and newspapers of the 19th century.

Keywords: newspaper “Russian invalid”, George von Moltke, York von Wartenburg, Helmut von Moltke Sr., Helmut von Moltke Jr., Paul von Moltke, Sophia von Moltke (Severin), Maximilian York von Wartenburg.

Исследователи подчас редко обращают внимание на такие источники, как дореволюционные газеты. Это в значительной степени относится к такому изданию, как «Русский инвалид». Газета не только дает возможность ознакомиться со сведениями о войнах России с другими странами, но и является богатым источником различных исторических данных.

Изучая присвоение военного ордена Св. Георгия Победоносца русским и иностранцам по свидетельствам газеты «Русский инвалид» за 1871–1873 гг., мне удалось обнаружить ранее не опубликованные материалы празднования 100-летнего юбилея учреждения ордена Св. Георгия Победоносца в залах Зимнего дворца и на Дворцовой площади в 1871 г.

Орден Св. Георгия Победоносца учредила в Российской империи в 1769 г. императрица Екатерина II. За период 1769–1917 гг. в России было награждено 25 кавалеров 1-й степени и 125 кавалеров 2-й степени. Среди получивших орден были иностранцы, в том числе прусские фельдмаршалы, графы Гельмут фон Мольтке-старший и Иоганн Давид Людвиг Йорк фон Вартенбург.

Учреждение ордена предполагалось отпраздновать в Санкт-Петербурге в 1869 г., куда должны были пригласить всех вновь награждаемых военных. Но юбилейный праздник перенесли из-за войны в Европе. В 1870–1871 гг. шла Франко-прусская война, в военных действиях принимали участие и русские военные в качестве волонтеров. После завершения войны прошло пышное празднование учреждения ордена Св. Георгия Победоносца в российской столице. Среди иностранцев, получивших орден 2-й степени, были прусские военные, в том числе фельдмаршал Гельмут фон Мольтке-старший (*Moltke der Ältere*, 1800–1891) (рис. 1). Его имя было широко известно в Германии. Мольтке неоднократно возглавлял прусские войска в военных походах, становясь героем-победителем.

Ранее он входил в состав прусских делегаций, посещавших Санкт-Петербург, а после объединения немецких земель в Германскую империю — в состав германской делегации. Исследуя петербургскую газету «Русский инвалид», а затем архивные материалы, я обнаружила, что Г. фон Мольтке неоднократно бывал в Санкт-Петербурге. По материалам исторического архива, в первый раз он

Рис. 1. Гельмут фон Мольтке-старший

прибыл в российскую столицу в качестве адъютанта принца Фридриха Вильгельма Прусского, чтобы присутствовать на коронации императора Александра II в 1856 г. При этом он получил в Петербурге коронационную медаль¹. Своим приездам в Российскую империю фон Мольтке посвятил книгу «Feldmarschall Graf Moltkes Briefe aus Russland» («Письма из России фельдмаршала графа фон Мольтке»)², изданную в Берлине в 1877 г. и не переводившуюся на русский язык.

В 1871 г. после завершения Франко-пруссской войны германская делегация прибыла в столицу Российской империи для участия

в праздничных мероприятиях. Здесь ее представителям, как военным высших рангов, так и солдатам, одновременно с русскими вручались ордена Св. Георгия различных степеней. 26 ноября состоялось орденское празднование, основные события проходили в залах Зимнего дворца. Газета «Русский инвалид» отмечала: «Было время, когда мы (делали. — Н. И.) вместе с пруссаками и вообще с германцами общее дело Европы — ее независимость в 1870–1871 гг.». Празднование началось в 11.30 утра с торжественного построения войск в Георгиевском, Александровском, Гербовом залах, в Пикетной комнате и Портретной галерее Зимнего дворца. Та же газета сообщала: «Нам особенно приятно было видеть на нашем военном торжестве покрытых свежей славою героев. Новыми георгиевскими кавалерами стали принцы Фридрих Карл Прусский, Август Вюртембергский, Павел Мекленбургский, фельдмаршал фон Мольтке. Праздничное шествие георгиевских кавалеров через залы замыкали князь Барятинский и граф фон Мольтке»³.

На Дворцовой площади прошел грандиозный парад, в котором приняли участие 45 батальонов, 34 эскадрона и 106 полков. Мольтке обратил внимание на отчетливый и беглый шаг, которым проходили стрелковые части и лейб-гвардии Егерский и Финляндский полки. После окончания всех мероприятий в 17.30 начался большой прием. В коридорах первого этажа Зимнего дворца для российских и прусских нижних чинов, имеющих орден Св. Георгия, был устроен обед, на котором присутствовали 543 человека. В Николаевском зале Зимнего дворца к императорскому обеденному столу были приглашены все кавалеры ордена Св. Георгия, имеющие золотое оружие. Парадный зал был залит огнем люстр и канделябров. Роскошно сервированный стол имел ослепительно блестящий, великолепный вид. На обеде присутствовали 416 человек. Украшением стола явился «Георгиевский сервиз» с изображениями орденских знаков и орденской ленты, изготовленный еще при Екатерине II в 1777–1778 гг. на заводе Гарднера специально для таких торжеств. Газета «Русский инвалид» так описывает это пышное событие: «Николаевское зало, залитое огнем люстр и канделябров и уставленное роскошно сервированными столами, представляло ослепительно блестящий, великолепный вид, многочисленность присут-

ствующих за обедом (416 человек), разнообразие мундиров, поочередная игра двух хоров музыки полков Лейб-гвардии Преображенского и Конного»⁴.

О пребывании прусской делегации 30 ноября в Санкт-Петербурге газета «Русский инвалид» сохранила подробные сообщения. Гости посетили Николаевскую военную академию. В газете писалось, что фельдмаршалу фон Мольтке в конференц-зале показали мраморные доски с именами офицеров, окончивших академию с медалями. При посещении читального зала библиотеки он рассматривал русские и иностранные журналы. Среди иностранных изданий Мольтке обратил особое внимание на экземпляр кладерададжа. На одной из стен академии он увидел большую стратегическую карту Средней Европы и на несколько минут остановился перед ней. Начальник академии познакомил прусских генералов с расписанием занятий. Он рассказал, что офицеры младших классов занимались черчением или верховой ездой, старших классов — решением задач по перемещению войск. Гости направились на показательные уроки в младший и старший классы, где один из офицеров доложил о проделанной картографической работе. Поскольку фон Мольтке в начале своей карьеры несколько лет проработал в топографическом бюро Генштаба, то он с пристрастием осмотрел некоторые чертежи и обратился к одному из офицеров, знает ли он немецкий язык. Вопрос этот был задан российскому немцу полковнику Фельдману, с которым Мольтке в дальнейшем состоял в переписке⁵.

1 декабря прусская делегация посетила Главный штаб, где ее члены сначала осмотрели библиотеку. Здесь принцу Фридриху Карлу Прусскому и фон Мольтке подарили 1–4-й выпуск «Военно-статистического сборника», составленного под редакцией свиты его величества генерал-майора Н. Н. Обручева, и книгу по истории франко-пруссских войн 1813 г., написанную генерал-лейтенантом Е. В. Богдановичем и переведенную на немецкий язык: «Geschichte des Krieges im Jahre 1813 für Deutschlands Unabhängigkeit...: aus dem Russischen». Фон Мольтке получил еще и десятиверстную карту России. Генерал-майор Г. А. Леер преподнес принцу Фридриху Карлу свои труды: «Опыт критико-исторического исследования

законов искусства ведения войны» и «Публичные лекции о войне 1870 г. между Францией и Германией». Из библиотеки они прошли в военно-топографический отдел, где познакомились с его деятельностью. По предложению Президента Академии наук на общем собрании 3 декабря 1871 г. фон Мольтке избрали ее почетным членом. В тот же день диплом с сопроводительным письмом был доставлен графу Мольтке. Во время пребывания в Петербурге делегация успела побывать в Александро-Невской лавре, Публичной библиотеке, Эрмитаже, Петропавловском соборе, вечерами гости знакомились с оперными спектаклями в Михайловском и Мариинском театрах⁶.

Газета «Русский инвалид» сообщала, что во время пребывания прусских гостей в столице России им несколько раз были показаны учения русских войск. Мольтке дважды присутствовал на ротном и эскадронном учениях и на занятиях по гимнастике в Михайловском манеже, в которых принимали участие стрелковые роты. Графа фон Мольтке поразило отношение военных к своей службе, как он выразился: «одиночное развитие людей, из которых каждый относился к своему делу вполне сознательно без всякой суеты и торопливости». По просьбе фон Мольтке прусские военачальники смогли побывать на военном заводе. Они осмотрели Васильевский отдел патронного завода. В то время в России уже было налажено производство металлических патронов, тогда как в Пруссии они еще не производились и лишь велась дискуссия об их применении. Гости посетили Пажеский корпус и 1-е Павловское военное училище. В Пажеском корпусе они побывали в младшем классе. Им представили пажа, начавшего ответ на вопрос по географии России на русском языке и закончившего его на немецком. На осмотр Павловского училища прибыл Александр II, они вместе осматривали училище, затем была показана строевая подготовка воспитанников⁷.

4 декабря в Берлин вернулись принц Фридрих Карл Прусский, принц Гогенлоэ, граф фон Мольтке, генерал фон Альфенслебен, генерал-лейтенант фон Будрицкий. 15 декабря приехали нижние чины прусских полков, принимавшие участие в праздновании учреждения ордена Св. Георгия в Петербурге. Вернувшись в Берлин,

фельдмаршал Мольтке направил в Петербург полковнику Генерального штаба Фельдману благодарственное письмо. Принц Фридрих Карл, посетив во время своего визита в столицу России немецкое консульство, передал приветственное письмо в немецкие колонии под Петербургом. В нем он указывал на необходимость создания немецкого клуба, где могли бы встречаться петербургские немцы⁸.

В 1873 г. российский император Александр II заказал для Зимнего дворца немецкому художнику А. фон Вернеру (1843–1915) портрет фельдмаршала Г. фон Мольтке-старшего. Картина писалась в Берлине и была закончена в 1874 г., в следующем году ее показали в Берлинской академии искусств. Портрет написан на холсте маслом, его размеры 268×163 см. На нем Мольтке изображен в русском общегенеральском мундире с эполетами фельдмаршала. В правой руке он держит прусский фельдмаршальский жезл. На его мундире прикреплены ордена: русские — Св. Андрея Первозванного, Св. Георгия 2-й степени, прусские — Железный крест, Pour le Mérite. В 1875 г. портрет и раму, тщательно упакованные в два ящика, доставили в Петербург и передали в канцелярию августейшего двора Александра II. Картина находилась в запасном фонде Зимнего дворца⁹.

У Гельмута фон Мольтке-старшего не было своих детей. Но он всячески заботился о своем племяннике — Гельмуте фон Мольтке-младшем (Moltke-Jüngere, 1848–1916) (рис. 2). Гельмут фон Мольтке-младший так же, как и его знаменитый дядя, стал военным. Он участвовал во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., служил в Генеральном штабе и с 1880 г. был адъютантом Мольтке-старшего. В 1891 г. он стал флигель-адъютантом кайзера Вильгельма II. С 1903 г. (по другим данным, с 1904 г.) Мольтке-младший начал службу в Генштабе, а в период 1906–1914 гг. возглавлял Генеральный штаб и штаб Ставки Верховного главнокомандующего (кайзера). Он принимал участие в Первой мировой войне, повысил значение сухопутных войск, изменив их соотношение и используя план Шлиффена¹⁰. Его отстранили от службы после поражения немецких войск в сражении на реке Марна в 1914 г.¹¹

Гельмут фон Мольтке-младший начиная с 1894 г. неоднократно бывал в Санкт-Петербурге в составе германской делегации

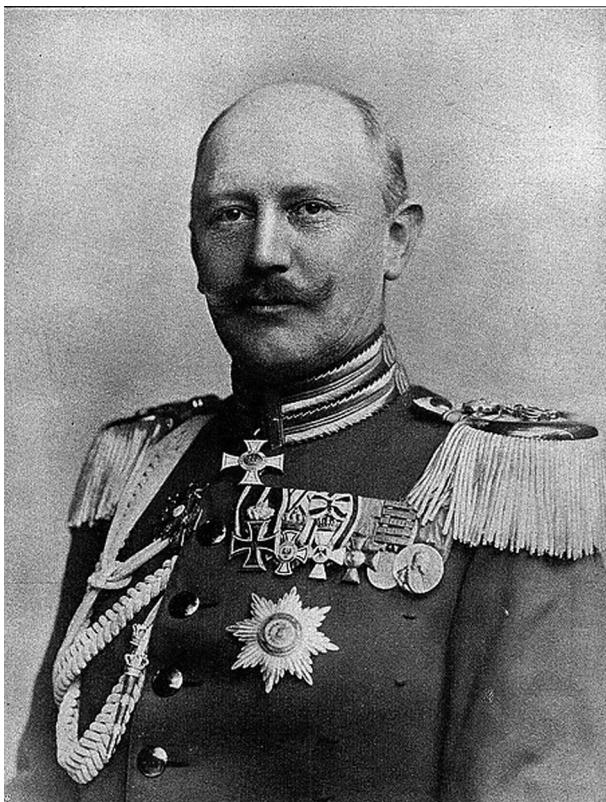

Рис. 2. Гельмут фон Мольтке-младший

и несколько раз приезжал один. В 1894 г. «Русский инвалид» сообщал в своем номере: «Подполковник фон Мольтке приезжал в составе свиты Е.И.В. принца Генриха Прусского», ему пожаловали орден Св. Анны 2-й ст.¹²

В следующий приезд Гельмут фон Мольтке-младший прожил в Санкт-Петербурге с 20 по 26 марта 1896 г. В имеющихся архивных документах я обнаружила счета за питание в гостинице «Европейская». Его скромный завтрак состоял из стакана чая, масла и двух яиц. 22 марта Мольтке-младший принимал гостей, в его счете появились коньяк, вино и водка, закуски. 26 марта он покинул столицу России. Завтрак в тот день — обычный, зато обед —

праздничный. Присутствовали кроме Мольтке трое гостей. О его прибытии в следующем, 1897 г. начальник канцелярии генерал-майор Мейендорф сообщал графу Бенкендорфу: «Прибывает в С.-Петербург командир Прусского гвардейского grenadierского № 1 императора Александра полка флигель-адъютант полковник фон Мольтке для представления государю императору Державному шефу означенного полка». Г. фон Мольтке прибыл в воскресенье 23 февраля 1897 г. на Варшавский вокзал. Здесь его ожидали три экипажа, приготовленные для него, камердинера и багажа. Отмечалось, что фон Мольтке останавливался в гостинице «Европейская» в № 17 стоимостью 18 руб., его камердинер жил в № 176 стоимостью 1 руб. 50 коп. В архивных документах указывалось, что для Мольтке-младшего должны готовить «завтрак из 4 блюд — 4 руб., обед из 5 блюд — 5 руб. Отпускать свежую икру, вина отпускать тех сортов, которые полковник укажет по прейскуранту — полбутилки (когда кушает один). Чай и кофе должны быть поданы не порциями, а стаканами. Подписал председатель правления (гостиницы «Европейская». — Н. И.) Мюллер»¹³.

В феврале 1897 г. Мольтке снова прибыл в Петербург. Архивные материалы свидетельствуют, что о его приезде начальник канцелярии генерал-майор Мейендорф 26 января уведомлял графа Бенкендорфа: «С Высочайшего соизволения прибывает в Санкт-Петербург командир Прусского гвардейского grenadierского № 1 императора Александра полка флигель-адъютант полковник фон Мольтке для представления государю императору Державному шефу означенного полка. Его Величеству благоугодно, чтобы флигель-адъютант фон Мольтке во время пребывания в Санкт-Петербурге пользовался довольствием и экипажем от Двора. Сообщая о сем Вашему Сиятельству к зависящему распоряжению присовокупляю, что к флигель-адъютанту фон Мольтке по Высочайшему повелению будет назначен состоять обер-офицер от Лейб-Гвардии Преображенского полка»¹⁴. Кроме него, при Мольтке должен был состоять и офицер Генерального штаба поручик барон Логгин (Людвиг) Логгинович Зедделер (Seddeler; 1831–1899), который в составе немецких войск принимал участие во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Они хорошо знали друг друга¹⁵.

Согласно документам архива, в воскресенье 23 февраля в 10.45 к платформе Варшавского вокзала были поданы три экипажа, которые и доставили в гостиницу «Европейская» высокого гостя и его багаж. На следующее утро в номер на завтрак, как ни странно, подали две порции закуски, два завтрака по четыре рубля каждый, две порции свежей икры, одну бутылку пива, одну «Леовиль» и пол-бутылки мадеры. Обед был праздничным. Таинственный гость, любитель мадеры по утрам, остался неизвестным. 28 февраля Гельмут Мольтке с сожалением покинул Россию, дав перед этим праздничный обед для четырех персон¹⁶.

Гельмут Мольтке-младший приезжал в Петербург и в следующем году и также останавливался в гостинице «Европейская». Он жил здесь с 21 марта по 2 апреля 1898 г. Об этом уведомлялось Управление гофмаршальской части: «Расходы по пребыванию графа Мольтке в гостинице высочайше повелено принять на счет гофмаршальской части»¹⁷. Пристрастие к мадере сохранилось у неизвестного гостя и в этот приезд графа.

Представители фамилии фон Мольтке были не только гостями Российской империи. Собирая материалы для своей книги «Немцы на дипломатической службе в Российской империи», я обнаружила еще одного представителя этой фамилии в Санкт-Петербурге — дипломата Павла (Paul) Федоровича (Адольфовича) фон Мольтке. Он находился на русской дипломатической службе, в России в течение многих лет жила и его младшая сестра, София фон Мольтке.

Гельмут фон Мольтке-старший, Пауль и София фон Мольтке имели общего деда — Фридриха фон Мольтке (Friedrich Kasimir Siegfried von Moltke, 1730–1785). Барон Павел Федорович (Адольфович) фон Мольтке (1786–1846) родился 23 августа 1786 г. в семье генерал-майора Адольфа фон Мольтке (1759–?) и его жены Фредерики фон Лютцов (?–1834). 15 февраля 1799 г. он был определен в государственную Коллегию иностранных дел, но приступил к службе лишь 1 января 1806 г. Мольтке причислили к канцелярии коллегии. 26 мая 1808 г. он определяется сначала сверх штата, затем, с 20 апреля 1809 г., становится канцеляристом в Кенигсбергской миссии. Через год Павел фон Мольтке переводится в той же должности в Штутгартскую миссию. При этом он получил повышение

по чину, став 31 декабря 1810 г. надворным советником. С 13 мая 1813 г. Павел Федорович находился у генерала от кавалерии Витгенштейна для переписки с иностранцами. Затем он принимал участие в заграничных походах России 1813–1815 гг., участвовал в битве при Лютцене, в феврале 1814 г. сражался при Бари, Лабри, Труа во Франции. 2 сентября 1814 г. фон Мольтке стал камер-юнкером в ведении Коллегии иностранных дел при Е.И.В. государыне цесаревне с получением чина коллежского советника. 4 марта 1816 г. Мольтке перевелся в Турин секретарем посольства. Павел Федорович фон Мольтке успешно продвигался по службе с повышением в чинах. С 22 августа 1826 г. он стал камергером, с 31 декабря того же года — действительным статским советником. С 10 января 1829 г. по 1836 г. фон Мольтке служил поверенным в делах в Карлсруэ.

Павел Федорович Мольтке был женат два раза. Его первой женой была Анна Наталья фон Берхгольц (Berckholtz) (1808–1836), второй — София фон Берхгольц (1810–?). Дочь Мольтке от первого брака, баронесса Ольга Павловна (1832–1906), вышла замуж за посла Австро-Венгрии в России графа А. Хотек фон Хотков (1822–1893). Павел Федорович Мольтке был награжден несколькими орденами: Св. Владимира 4-й ст. с бантом (1813), Св. Анны 2-й ст. (1814), Св. Анны 2-й ст. с алмазами (1820), знаком «За 30 лет беспорочной службы», прусскими Pour le Mérite (1819), «За достоинство» (1814) и «За заслуги», сардинским Маврикия и Лазаря 3-го кл. (1825). Умер фон Мольтке 17 февраля 1846 г. в Карлсруэ (Германия)¹⁸.

Материалов в Российском историческом архиве о Софии фон Мольтке немного, их приходилось собирать буквально по крупицам. Младшая сестра Павла Федоровича, баронесса София Федоровна Северина, урожденная фон Мольтке (30.03(12.04)1788, по другим данным, 1797–11.05.1882), проживала в Санкт-Петербурге и 15 апреля 1824 г. была пожалована во фрейлины¹⁹. Непродолжительное время она состояла фрейлиной великого князя Михаила Павловича. В 1824 г. великий князь Михаил Павлович (1798–1848) женился на принцессе Фридерике Вюртембергской (Friederike Charlotte Marie Prinzessin von Württemberg, рус. Елена Павловна) (1806–1873). Согласно указу придворной конторы императорского двора, после женитьбы великого князя Михаила Павловича София фон Мольтке

стала фрейлиной его супруги, великой княгини Елены Павловны, о чем было указано: «Девицу баронессу Софью Молтке Всемилостивейше жалую во фрейлины к Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Елене Павловне. Подписал: Санкт-Петербург 15 апреля 1824 г. Александр»²⁰.

София фон Мольтке вышла замуж за дипломата Д. П. Северина²¹ (1792–14.02.1865). Свадьба состоялась в 1824 г.(?) в Павловске, свидетелем со стороны жениха был великий князь Михаил Павлович, со стороны невесты — великая княгиня Елена Павловна. Венчались вначале в православной церкви, затем — в лютеранской.

8 (20) октября 1847 г. Софии пожаловали орден Св. Екатерины, о пожаловании в кавалерственные дамы ордена канцелярия сообщила ее супругу: «№ 104. Министерство императорского Двора. Канцелярия по части секретаря в Царском Селе 19/31 октября 1847 г. № 3642. Его превосходительству Д. П. Северину. Милостивый государь Дмитрий Петрович. Получив письмо Вашего превосходительства от 8 (20) октября, я приказал сообщить капитулу российских императорских и царских орденов для сведения имя и отчество супруги Вашей Софьи Федоровны, всемилостивейше пожалованной в кавалерственные дамы ордена Св. Екатерины, и вместе с тем покорнейше прошу Вас милостивый государь принять мое искреннее поздравление с сие новою монаршою милостью с ровно уверением в моем почтении и преданности. Подписал князь Волконский»²².

В 1837 г. Д. П. Северин стал чрезвычайным посланником и полномочным министром в Баварии, семья поселилась в Мюнхене. В своих письмах из Мюнхена в Петербург П. А. Сабурову и В. Д. Философову Северин рассказывал о своей жизни, занятиях жены. По всей вероятности, семьи Сабурова и Северина были в дружеских отношениях — 4 мая 1861 г. Сабуров сообщал «мадам Мольтке о предстоящей поездке по Германии» и встрече²³.

Д. П. Северин, жена София и сестра жены проживали в Мюнхене на Кенигштрассе, 10 (Königinstr., 10)²⁴. Северин скончался в Мюнхене в 1865 г., его вдова продолжала здесь жить и умерла 11 мая 1882 г. в возрасте 84 лет. Похоронена рядом с мужем на Старом Южном кладбище, Талькирхнерштрассе, 17 (Alter Südfriedhof, Thalkirchner Str., 17), участок 29, ряд 13. Могилы не сохранились.

Рис. 3. Максимилиан Йорк фон Вартенбург

Два известных германских рода, имевших владения в Шлезии недалеко друг от друга, породнились в XX в.: Давида Йорк фон Вартенбург вышла замуж за Адольфа фон Мольтке. Следы одного из представителей рода Йорка фон Вартенбурга, Максимилиана Йорка фон Вартенбурга, обнаружились в Санкт-Петербурге. Максимилиан (1850–1900) (рис. 3) родился в семье Людвига (Hans David Ludwig) Йорка фон Вартенбурга (1804–1865) и его второй жены Нины, урожденной Ольферс (Olfers, 1824–1901). Он был внуком фельдмар-

Рис. 4. Имение Самм (эст. Самма, Эстония) в настоящее время

шала Людвига Давида Йорка фон Вартенбурга (1759–1830). Максимилиан Йорк состоял на дипломатической службе в Германской империи, в разное время являясь военным атташе в Вене, Риме, Париже. Был известен и как военный писатель²⁵.

В 1885 г. Максимилиан Йорк фон Вартенбург начал службу в ранге военного атташе в Германском посольстве Санкт-Петербурга. М. Йорк фон Вартенбург прибыл в столицу Российской империи в то время, когда послом был Ганс фон Швайнитц (von Schweinitz, 1876–1892), затем его сменил Бернард фон Вердер (von Werder, 1892–1895).

Максимилиан Йорк фон Вартенбург проживал в доме Ф. Ф. Заремба на Невском пр., 51. Во время службы в Санкт-Петербурге он познакомился с дочерью Ивана Викентьевича Бронниковского²⁶ и его жены Марии Шарлотты Адельхайды Бронниковской — Жозефиной (Josefina Magdalena Carolina, 1859–1924). Жозефина в то время была женой барона Густава Адольфа Рамзи (Ramsay, 1842–1918), служившего в российской армии. Максимилиан Йорк фон Вартенбург влюбился в замужнюю женщину и сделал все возможное, чтобы жениться на Жозефине. Свадьба состоялась в 1889 г.

на северо-востоке Эстляндии (Эстонии), в имении Сямм (Samm, эст. Samma) (рис. 4), принадлежавшем семейству Сталь фон Хольштейн²⁷. Представители этой фамилии служили в Министерстве иностранных дел России и, по всей вероятности, знали Йорка фон Вартенбурга. В 1893 г. Максимилиан Йорк фон Вартенбург покинул Санкт-Петербург, вернулся в Генеральный штаб Берлина, где возглавлял 1-й отдел²⁸.

Имена фон Мольтке и Йорка фон Вартенбурга широко известны в Германии. Среди их потомков были военные, прославившие себя на поле сражений, философы, общественные и государственные деятели и т. д. Они не только бывали в столице Российской империи как гости (Гельмут фон Мольтке-старший и Гельмут фон Мольтке-младший), но и находились на дипломатической службе (П. Ф. фон Мольтке, М. Йорк фон Вартенбург) и проживали в России (С. фон Мольтке). О некоторых неизвестных страницах пребывания представителей этих родов в Санкт-Петербурге мне и хотелось рассказать.

Библиография

Архивные источники

Российский государственный исторический архив

- РГИА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 2238.
- РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 265.
- РГИА. Ф. 472. Оп. 33. Ед. хр. 73.
- РГИА. Ф. 472. Оп. 9 (2/886). Д. 70, д. 79.
- РГИА. Ф. 472. Оп. 37 (1280). Д. 12.
- РГИА. Ф. 472. Оп. 425/2185. Д. 93/95-б.
- РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 118.
- РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 144.
- РГИА. Ф. 495. Оп. 925/2235. Д. 18.
- РГИА. Ф. 1044. Оп. 1. Ед. хр. 286.
- РГИА. Ф. 1044. Оп. 2.
- РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 30. Ч. 1.

Опубликованные источники

- Русский инвалид. 1871. 27 нояб. № 265.
- Русский инвалид. 1871. 1 дек. № 268.
- Русский инвалид. 1871. 21 дек. № 284.

Литература

Иванова Н. И. Страницы истории Германии. СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004. 250 с., вклейка 11 с.

Aswarischtsch B. Deutscher Feldmarschall mit Vorliebe fuer Russland // Moskauer Deutsche Zeitung. 2001. April-Mai. № 8/9.

Интернет-источники

<http://www.mois.ee/pikknima.shtml> (дата обращения: 13.05.2021).

<http://www.rusdiplomats.narod.ru/moltke-pf.html> (дата обращения: 19.05.2021).

<http://www.rusdiplomats.narod.ru/severin-dp.html> (дата обращения: 19.05.2021).

<http://www.stael-von-holstein.de/Schloesser-20Baltikum.htm> (дата обращения: 19.05.2021).

https://de.wikipedia.org/wiki/Paul_Friedrich_von_Moltke (дата обращения: 23.05.2021).

* * *

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 9 (2/886). Д. 70, д. 79. Л. 1–4.

² *Иванова Н. И.* Страницы истории Германии. СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004. С. 94–98.

³ Русский инвалид. 1871. 27 нояб. № 265. С. 7.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Русский инвалид. 1871. 1 дек. № 268. С. 11.

⁶ Русский инвалид. 1871. 21 дек. № 284. С. 11–12.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ *Иванова Н. И.* Указ. соч. С. 122–129.

⁹ *Aswarischtsch B.* Deutscher Feldmarschall mit Vorliebe für Russland // Moskauer Deutsche Zeitung. 2001. April-Mai. № 8/9. С. 13; РГИА. Ф. 472. Оп. 37 (1280). Д. 12. Л. 3.

¹⁰ Стратегический план Шлиффена был рассчитан специально для проведения военных действий против Франции, а затем России. Использовался в скорректированном виде после правки Гельмутом фон Мольтке-младшим. Сайт: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/671169> (дата обращения: 02.08.2021).

¹¹ *Иванова Н. И.* Указ. соч. С. 138–139.

¹² РГИА. Ф. 472. Оп. 425 (2185). Д. 93, 956. Л. 70.

¹³ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–3.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ *Иванова Н. И.* Указ. соч. С. 138–139.

¹⁶ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.

¹⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 925 (2235). Д. 18. Л. 1–7.

¹⁸ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 144. Л. 1; Сайт: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/671169> (дата обращения: 02.08.2021).

¹⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 30. Ч. 1. Л. 1.

²⁰ РГИА. Ф. 464. Д. 2238. Л. 1–5.

²¹ Северин Дмитрий Петрович (1792–1865) — сын тайного советника П. И. Северина (1761–1830) и А. Г. Брагиной. С 1811 г. состоял в Коллегии иностранных дел. До 1821 г. находился в свите императора Александра I на конгрессах в Троппаве и Лайбахе. В 1825 г. — действительный статский советник. В 1826 г. — поверенный в делах в Швейцарии, с 1836 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Швейцарии, тайный советник. В 1837 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Баварии. С 1863 г. в отставке. Умер 14 февраля 1865 г. в Мюнхене. Первая жена — Елена Скарлатовна Стурдза (1794–1818). Вторая жена — баронесса Софья Федоровна Мольтке (1797–1882). Имел награды: орден Св. Александра Невского (1852 г., алмазные знаки к ордену — 1857 г.), ордена Португалии, Испании, Сардинии, Баварии, Гессен-Дармштадта, Бадена. Сайт: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/severin-dp.html> (дата обращения: 13.08.2021).

²² РГИА. Ф. 472. Оп. 33. Д. 73. Л. 32.

²³ РГИА. Ф. 1044. Оп. 2. Л. 3.

²⁴ РГИА. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 286. Л. 1.

²⁵ Перу Максимилиана Йорка фон Вартенбурга принадлежат произведения: Napoleon als Feldherr. 2 Bde. Berlin, 1885–1886 («Наполеон как военачальник»); Kurze Übersicht der Feldzüge Alexanders des Großen. Berlin, 1897 («Краткий обзор военных походов Александра Великого»); Weltgeschichte in Umrissen. Federzeichnungen eines Deutschen. Ein Rückblick am Schlusse des neunzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1897 («Контуры всемирной истории. Зарисовки одного немца. Взгляд из конца XIX в.») и др.

²⁶ Иван Викентьевич Брониковский (Bronikowski, Bronikovski) происходил из польских и галицийских шляхетских родов.

²⁷ Сталь фон Гольштейн, Стааль фон Гольштейн, Staаль — прибалтийский баронский немецкий род. В 1747 г. род внесен в матрикул Эстляндской губернии. Последним владельцем имения Сямм являлся барон Александр Борисович Сталь фон Хольштейн.

²⁸ Иванова Н. И. Указ. соч. С. 71.

З. Ю. Мазинг

БИБЛИОТЕКАРЬ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО ЭЛЬСГОЛЬЦ (ЭЛЬСХОЛЬЦ) ФЕДОР КОНДРАТЬЕВИЧ

Имя Эльсгольца Федора Кондратьевича практически неизвестно даже самым скрупулезным исследователям дома Ольденбургских. Собранная информация о главном библиотекаре принцев Петра Георгиевича и Александра Петровича — это первый шаг не только к возрождению имени самого Федора Кондратьевича, но и к осмыслению обстановки в доме принцев Ольденбургских, пониманию того, какие люди их окружали. Биография Федора Кондратьевича не изучена в полной мере. Встречается очень много несоответствий. Собрана информация о составе семьи, деятельности Ф. К. Эльсгольца как главного библиотекаря во дворце принцев Ольденбургских на Дворцовой набережной, д. 2., и его основных литературных трудах. При работе над биографией приходится опираться не только на официальные источники информации, но и на личные воспоминания современников.

Ключевые слова: Эльсгольц, принц Ольденбургский, библиотека.

Z. Yu. Mazing

ELSHOLTZ THEODOR — THE LIBRARIAN OF PRINCE ALEXANDER PETROVITCH OLDENBURGSKY

The name of Theodor Elsholtz is unknown even for scrupulous biographers of Oldenburgs' House. Collected information about chief librarian of Princes Petr Georgievitch and Alexander Petrovitch is the first step to revive the name of Theodor Kondratievitch and to understand Princes Oldenburgs' inner circle. The biography of Theodor Kondratievitch in not enough studied. There are many inconsistencies. The information about family, his activities as chief librarian in Princes Oldenburgs' palace on Dvortsovaya embankment, 2 and his main literary works are collected. Working on the biography one have to base not only on official information sources but on personal memories too.

Keywords: Elsholtz, prince Oldenburgsky, library.

Жизнь и деятельность Ф. К. Эльсгольца в Петербурге

Эльсгольц (вариант Эльсхольц) Федор-Эрнст Кондратьевич (Friedrich Ernst Theodor Elsholtz) — прусский подданный, находился на службе в России примерно с 1860 г. (рис. 1). По всей вероятности, господин Эльсгольц покинул Пруссию в поисках лучшей жизни и решил обосноваться в Санкт-Петербурге. В 1868 г., согласно справочнику «Весь Петербург», он сдавал меблированные комнаты на Владимирском проспекте¹. Но прошение о русском подданстве подал только в 1914 г.

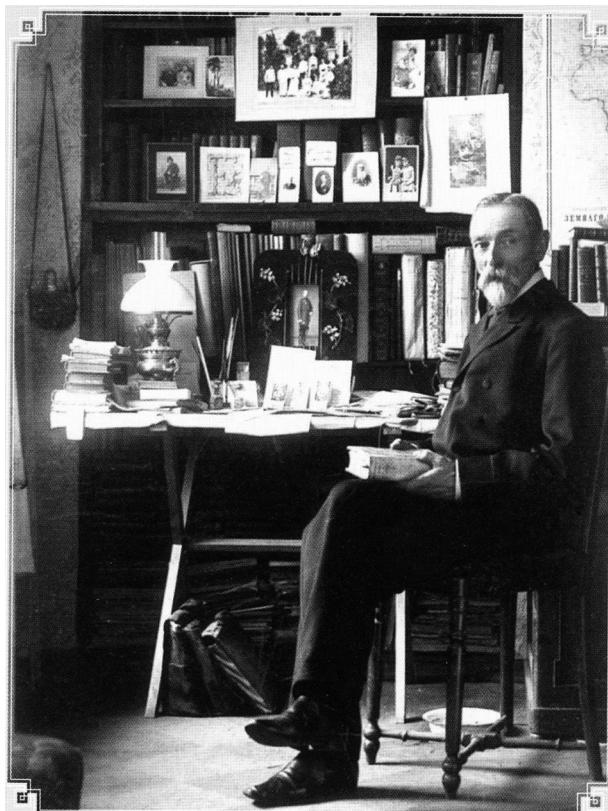

Рис. 1. Эльсгольц (Эльсхольц) Федор-Эрнст Кондратьевич (Friedrich Ernst Theodor Elsholtz)

Поскольку Федор Кондратьевич был человеком образованным, знал несколько языков (немецкий, французский, английский), ему удалось устроиться работать в Публичную библиотеку, хотя только в качествевольно трудящегося при читальном зале (рис. 2). В то время попасть на работу в Публичную библиотеку было непросто. Претенденты должны были быть людьми образованными, знать языки и, более того, внушать доверие. Федор Кондратьевич, по всей видимости, был таким человеком. Он проработал в библиотеке с 1870 по 1883 г. — эти данные опубликованы на сайте Публичной библиотеки со ссылкой на собственный архив. Исполнял обязанности помощника дежурного, дежурного в журнальном зале, а затем был старшим помощником заведующего читальным залом. Кроме того, занимался включением карточек на новые поступления в каталоги библиотеки. За долголетнюю и примерную службу был представлен библиотекой к награждению орденом Св. Станислава 3-й степени, но ордена так и не получил. Оставил работу в Публич-

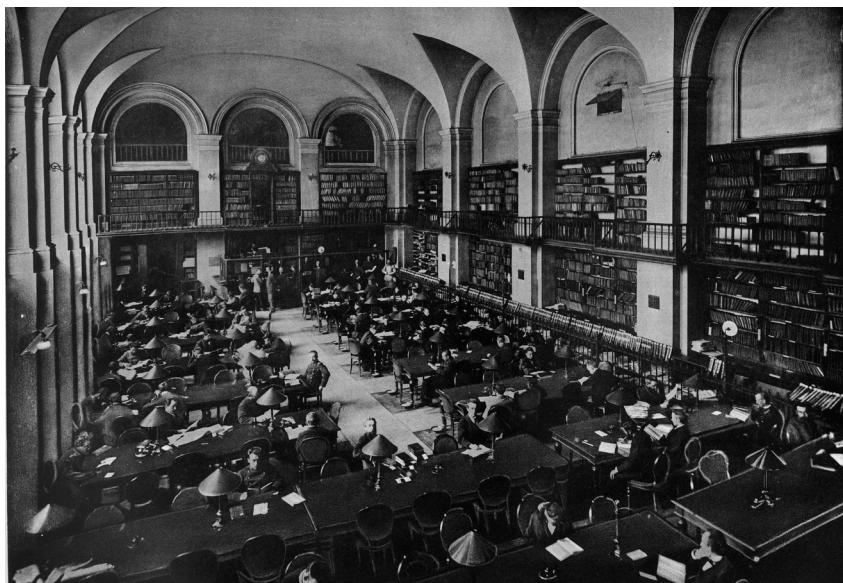

Рис. 2. Читальный зал Императорской Публичной библиотеки (ныне — Российская национальная библиотека), построенный в 1862 г.

ной библиотеке в связи с болезнью. По ходатайству библиотеки Министерство народного просвещения в 1882 г. выделило денежное пособие на его лечение².

Женился Федор Кондратьевич на Анне Марии Корне (Anna Maria Cornet, 11.08.1837, Мальмеди, Франция — 28.03.1903, Санкт-Петербург). У них родилось двое сыновей и пять дочерей. Все дети были крещены в Петербурге, в лютеранском приходе Петра и Павла, и окончили находящуюся по соседству при соборе Святых Петра и Павла Петришуле, хорошо известную в Петербурге школу. Можно предположить, что устроиться на работу в Публичную библиотеку ему помог кто-то из влиятельных прихожан Петрикирхе.

Старший сын, Евгений Федорович, родился после 1865 г. Более точную дату пока не удалось установить, также неизвестно, чем он занимался. Существуют воспоминания Натальи Ивановны Пудовкиной, правнучки Федора Кондратьевича, о старшем сыне: «Есть фотография... Евгения, почтенного господина, сидящего в коляске рикши в Японии. Есть фотография его комнаты с картинами, торшером, вазой и мягкими креслами...»³ Исходя из воспоминаний, можно допустить, что старший сын получил хорошее образование и смог получить достойную должность, связанную с разъездами.

Второй сын, Эрнст Федорович, родился в 1876 г., скончался 1940 г. в Москве. Крестным Эрнста Федоровича стал коллега Федора Кондратьевича по Публичной библиотеке Викентий Иосифович (Осипович) Белльельмо (Vecentius Johann Baptist Lazarus Belbelmo), сын лейтенанта итальянской службы, принявший российское подданство. Мать Белльельмо была русской.

Эрнст Федорович также получил прекрасное образование, окончил университет и устроился на должность губернского секретаря. Женился на шведке Сельме Олссон (Selma Maria Dagmar Olsson, 1880–1973). Она была дочерью Николаса Олссона (Nicolas Olsson, 1844–1929), генерального представителя кабельных заводов Siemens&Halske в Санкт-Петербурге (рис. 3).

К сожалению, пока неизвестны подробности рождения всех детей Федора Кондратьевича, в частности Марии Федоровны и Анны Федоровны. Считается, что старшей дочерью была Каро-

Рис. 3. Эрнст Федорович Эльсгольц с супругой Сельмой

лина Федоровна (Caroline Natale Therese Elsholtz). Она родилась в 1878 г. В 1883 г. родились две младшие дочери-двойняшки — Луиза Федоровна, в замужестве Дикгоф (Louise Dieckhoff (Elsholtz), и Матильда Федоровна.

Из воспоминаний Натальи Ивановны Пудовкиной о своей бабушке, Луизе Федоровне Эльсгольц: «Дедушке был 31 год, когда он женился на нашей бабушке, Луизе Федоровне Эльсгольц. Ей тогда было 19 лет. Это была девушка с ослепительным цветом лица, короной волос на голове и с осиной талией. Он влюбился в нее, когда услышал, как она играет на рояле. Отец бабушки, Теодор Эльсгольц, работал старшим библиотекарем принца Ольденбургского. В их роду текла бельгийская и немецкая кровь. Когда брат Саша был аспирантом биофака, он одновременно подрабатывал в рефе-

ративном журнале. Бабушка переводила ему статьи с французского языка.

Луиза и ее сестра Матильда были младшими, к тому же близнецами, очень похожими друг на друга, Лулу и Матильд.

Старшую сестру Анну в детстве учили играть на рояле. Однажды она не могла понять объяснения учителя. В комнате находились маленькие Лулу и Матильд, они наблюдали за занятием. Учитель обратился к ним: «А вам понятно?» Лулу села за рояль и сыграла правильно. С этого момента девочек тоже стали обучать музыке. И хоть образование у них было домашнее и они больше нигде не учились, бабушка прекрасно играла на рояле. Она свободно и бегло читала с листа, умела транспонировать ноты, то есть сразу переводить их в другую тональность, если это было необходимо для сопровождения голоса...»⁴

Все потомки семьи Эльсгольц продолжили традиции своей семьи, получили хорошее образование и стали высококлассными специалистами в различных областях.

Но вернемся к персоне основателя этого замечательного семейства — Федору Кондратьевичу. После 1883 г. основным местом службы господина Эльсгольца стала Контора двора принцев Ольденбургских, где он состоял в должности библиотекаря до 1917 г. Принц Петр Георгиевич (рис. 4) был почетным членом Публичной библиотеки (звание присвоено в 1850 г.). В 1880 г. состоялось чествование принца Петра Георгиевича по поводу его 50-летней служебной деятельности, и библиотека «преподнесла ему приветствие»⁵. После 1917 г. проследить судьбу Федора Кондратьевича пока не удалось.

Можно предположить, что Петр Георгиевич заметил Федора Кондратьевича в Публичной библиотеке и, возможно, узнал о том, что у него семеро детей и слабое здоровье. А так как Петр Георгиевич был человеком мягким и сострадающим, то, по всей видимости, он предложил Федору Кондратьевичу более спокойное место службы, располагавшееся ближе к месту жительства Эльсгольцев.

Федор Кондратьевич работал в личной библиотеке во дворце принцев Ольденбургских на Дворцовой наб., д. 2. Библиотека была очень обширна и разнообразна. В архиве сохранились многочис-

Рис. 4. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881). Худ. Франц Крюгер

ленные данные о работе Федора Кондратьевича, например записи, касающиеся библиотеки принцев Ольденбургских: списки книг и журналов, счета переплetchника, записи о выданных книгах и многое другое на русском, немецком и французском языках.

Самый интересный труд господина Эльсгольца — двухтомное рукописное сочинение «Aus vergangenen Tagen» («Из дней минувших»), хранящееся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге. Это летопись дома принцев Ольденбургских, которая еще тщательно не исследована⁶.

Сын Петра Георгиевича Ольденбургского, Александр Петрович, был попечителем многочисленных учреждений и состоял в обшир-

ной переписке. В лице Федора Кондратьевича принц получил незаменимого помощника, обладавшего обширными знаниями, а также знаниями европейских языков. Одним из разделов этой переписки было общение с видными европейскими медиками и биологами (в частности, с Л. Пастером и Р. Вирховом), несомненно, в данной переписке, в получении и изучении иностранной научной литературы ему помогал библиотекарь Федор Кондратьевич Эльсгольц. Принц Ольденбургский подарил 500 томов для научной работы организованному им Институту экспериментальной медицины. Такую скрупулезную работу, как отбор книг для вновь организованного института, выполнял Федор Кондратьевич. И можно себе представить, какова была библиотека принца, если он смог выделить такое количество книг для института.

Так, благодаря работе Федора Кондратьевича пополнялась не только библиотека принца, но и библиотеки учреждений, которым он покровительствовал.

Фонд Эльсгольца в Российской национальной библиотеке

Ниже приводятся сведения из архива дома Ольденбургских, хранящиеся в отделе рукописей РНБ и касающиеся работы Федора Кондратьевича Эльсгольца (Ф. 543. Ольденбургский Георгий Петрович, принц, Ольденбургский Петр Георгиевич и др.).

Основную часть фонда составляют рукописные книги, отражающие разные стороны деятельности принцев Ольденбургских: это атласы и описания Тверской и Новгородской губерний, юридическая литература начала XIX в. и 1860-х годов, материалы по истории Ольденбургского дома и Дома Романовых, в частности копия мемуаров императрицы Александры Федоровны (жены Николая I), очерк Д. П. Приклонского о последних днях императора Александра I, работы библиотекаря принцев Ольденбургских Ф. К. Эльсгольца по истории рода; подносные экземпляры произведений, например VII и VIII песни «Илиады» в переводе Кострова, «Меропа» Вольтера в переводе С. Н. Марина. Кроме того, в фонде содержатся письма принца Г. П. Ольденбургского к Н. П. Румянцеву и И. И. Сухтелену; письма великой княжны Екатерины Павловны к ее второму

мужу Вильгельму, королю Бюртембергскому; материалы служебной деятельности принца Петра Георгиевича Ольденбургского, в том числе его речь, произнесенная по случаю 25-летнего юбилея Училища правоведения, письма его к Ф. П. Аделунгу, А. А. Вагнеру, М. Ю. Виельгорскому, И. Д. Делянову, М. А. Корфу; походная канцелярия принца А. П. Ольденбургского в качестве начальника санитарной и эвакуационной части; счета имения принцессы Е. М. Ольденбургской «Рамонь» и др.

Следует также отметить рукописный сборник английской, французской и русской поэзии, содержащий автографы стихотворений А. Н. Апухтина, материалы к истории Александровского лицея — письма Ф. Ф. Матюшина к Е. А. Энгельгардту и воспоминания П. М. Кауфмана.

Фонд формировался в 1917–1938 гг. Часть единиц описана в Отчете ГПБ за 1914–1938 гг. Имеется краткая рукописная опись, составленная библиотекарем В. Г. Гейманом в 1957 г.

Наименование единиц хранения, в которых упоминается Эльсгольц Федор Кондратьевич⁷:

№ 56. **Приклонский Д[митрий Павлович], титулярный советник.** Taganrok ou Les derniers jours d'Alexandre I, Empereur de Russie. Перевод с русского языка с посвящением принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. 1-й вар. Каллиграфическим почерком. В переплете. Штамп принца П. Г. Ольденбургского и экслибрис принца А. П. Ольденбургского. На л. 1–2 запись рукой [Ф. К. Эльсгольца] на французском языке чернилами и карандашом, содержащая сведения об источнике. На французском языке. Источник: Oertel W. Die letzten Tage des unfergesslichen Monarchen Alexandre I. СПб., 1827; эта работа была переведена на русский язык неустановленным лицом, а затем переведена Д. П. Приклонским на французский язык; его перевод был издан в 1834 г. в Петербурге. См. отчет 1914–1938, с. 247.

№ 61. [Эльсгольц Федор Кондратьевич (Elscholz Theodor), библиотекарь принца А. П. Ольденбургского]. Voyage de Sa Majesté Impériale Maria Fèodorovna I à Stuttgard en 1818, 13–28 octobre. = Путешествие императрицы Марии Федоровны 1-й в Штутгарт в 1818, 13–28 октября. (О пребывании в Карлсруэ и Силезии).

Выдержка из работы под ред. Alexandre Duncker «Die ländlichen Wohnsitze, Schlösser und Residenzen der Ritterschaftlichen Grundbesitzer in der Preussischen Monarchie». Т. 4. Берлин, 1861–1862. Автограф.

№ 62. [Эльсгольц Федор Кондратьевич]. Quelques mots sur la legende et l'histoire de St. George et du Dragon. Несколько слов о легенде и истории Святого Георгия и Дракона. Перевод с немецкого языка на французский труда доктора Holland* “De la diète d’Augsburg l’année 1473” (Jugendblätter, 1862). Санкт-Петербург. Автограф. В переплете. На французском языке. *Holland Wilhelm Ludwig (1822–1891), немецкий филолог.

№ 63. Эльсгольц Федор Кондратьевич Aus vergangenen Tagen seit hundert fünfzig Jahren (Peter dem Dritten). I. Herzog Georg Ludwig. 1755–1785. = Из прошедших дней с 1750-х гг. (со времен Петра III). I. Герцог Георг Людвиг. 1755–1785. Исторический очерк. Автограф. В переплете. Экслибрис Центрального педагогического музея. На л. 4–6 — родословное древо принцев Ольденбургских с 1697 по 1910-е годы. На немецком языке. См. отчет 1914–1938, с. 255.

№ 64. Эльсгольц Федор Кондратьевич. Aus vergangenen Tagen. II. Peter Friedrich Georg von Holstein-Oldenburg. 1784–1812. = Из прошедших дней. II. Петр Фридрих Георг Гольштейн-Ольденбургский. 1784–1812. Исторический очерк. Санкт-Петербург. Автограф. В переплете. Вставки рукой автора карандашом 1913 г. Экслибрис Центрального педагогического музея. Л. 97–108 — вклеена печ. брошюра на нем. яз. 1829 г., изданная в Ольденбурге. На немецком языке. Цитируются документы на русском и французском языках. О жизни и деятельности принца Георгия Петровича Ольденбургского. Письма и стихотворения принца Г. П. Ольденбургского. См. отчет 1914–1938, с. 255.

№ 65. [Эльсгольц Федор Кондратьевич], составитель Recueil historique. Appendice. XIX ciecle. Catharine Pavlovna, Rein de Württemberg. 1816–1819. I. Mémoires intimes. II. Relation de Madame Drust sur la mort de Sa Majesté la Rein de Württemberg. = Исторический сборник. Приложение. XIX век. Екатерина Павловна, королева Вюртембергская. 1816–1819. I. [Неустановленное лицо]. Интимные воспоминания. II. Реляция мадам Друст о смерти ее величества королевы Вюртембергской. С примечаниями составителя. Рукоп.

В переплете. Чернилами и карандашом. Иллюстрации (фотокопии): 1) Портрет вел. кн. Екатерины Павловны. (л. 2); 2) Портреты Фредерики-Доротеи-Софии, герцогини Вюртембергской и Фридриха-Евгения, герцога Вюртембергского (л. 49); 3) вид г. Бранденбурга (л. 50); 5) печатное объявление на немецком языке (л. 79). На французском и русском языках. Жизнь вел кн. Екатерины Павловны в Вюртемберге; ее смерть в 1818 г.

№ 66. Эльсгольц Федор Кондратьевич. Письмо Ивану Григорьевичу Щегловитову. Карандашные пометы. На немецком, французском и русском языках. Конволют. Замечания по поводу уточнения даты венчания принца П. Г. Ольденбургского.

№ 101. [Эльсгольц Федор Кондратьевич], библиотекарь принца А. П. Ольденбургского. Подборка материалов для принца А. П. Ольденбургского об эпидемии чумы в России в 1910–1911 гг.: портрет врача-эпидемиолога Д. К. Заболотного, работы В. А. Боброва (фотокопия), вырезки из газет, правительственные распоряжения. Петергоф. Автограф и печать. На немецком, русском и французском языках.

№ 102. Эльсгольц Федор Кондратьевич. Chronologische Tabelle der Seuche und Pest seit der frühesten Zeit vor Christ. Хронологическая таблица эпидемий и чумы с древнейших времен до Христа. Составлена для принца А. П. Ольденбургского. Автограф. На немецком и французском языках.

№ 106. Эльсгольц Федор Кондратьевич. Письмо графу Георгию Павловичу де Сюзору. Санкт-Петербург. 2 вар. Черновой автограф. На французском языке. О желании принца А. П. Ольденбургского получить копию рисунка из книги «Athansei Kircheri Musurgia Universalis». Roma, 1650.

№ 114. Эльсгольц Федор Кондратьевич. Каталог книг, купленных в 1893 г. в Баден-Бадене у книготорговца Вильде: мемуары, работы по литературоисследованию, религии, философии и гастрономии. В переплете с золотым тиснением. Автограф. Пометы цветным кар. На французском языке.

№ 115. Эльсгольц Федор Кондратьевич. Записи, касающиеся библиотеки принцев Ольденбургских: списки книг и журналов, счета переплетчика, записи о выданных книгах и др. Черновой

автограф. Чернилами и простым, красным и синим карандашом. На русском, немецком и французском языках.

№ 116. Ольденбургская Евгения Максимилиановна, принцесса. Catalogue de mes livres précieux et rares von desen das älteste vom Jahre 1457. Schrank VII. Каталог моих редких и ценных книг с 1457 г. Шкаф VII. Переплет. Печ. бланк. Каллиграфическим почерком. Пометы чернилами и карандашом **библиотекаря Ф. К. Эльсгольца**. На латинском, немецком, итальянском и французском языках. Иностранные книги с 1457 по 1857 г., русские книги XVII–XVIII вв. [1894–1896].

№ 117. Эльсгольц Федор Кондратьевич. Списки (2) акварелей из собрания принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, отосланных по ее приказу в Москву в. кн. Сергею Александровичу. Автограф. Чернилами и карандашом. В 2-х вариантах. На французском языке. См. отчет 1914–1938, с. 257.

№ 118. Эльсгольц Федор Кондратьевич. Registre inventaire des dessins et aquarelles de la collection de S.A.I. Madame la Princesse Eugenie Maximilianovna d'Oldenbourg. Инвентарный список рисунков и акварелей из собрания ее императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. Автограф. На французском и русском языках. См. отчет 1914–1938, с. 257.

№ 119. Эльсгольц Федор Кондратьевич. Инвентарная опись медицинских сочинений, содержащихся в библиотеке принцессы Е. М. Ольденбургской. Автограф. В папке. Карандашные пометы.

Библиография

Источники

Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. СПб.: Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. 987 с.

Личные воспоминания Пудовкиной Натальи Ивановны. URL: www.geo.phys.spbu.ru/magnetosphere/people/pudovkin/.

Отдел рукописей РНБ. Ф. 543. Ольденбургский Георгий Петрович, принц, Ольденбургский Петр Георгиевич и др.

Литература

Анненкова Э. А. Принцессы Ольденбургские. М.: Изд. дом Тончу, 2014. 783 с.

Императорская Публичная библиотека за 100 лет. 1814–1914. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. 482 с.

Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь: в 4 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1995. 687 с.

* * *

¹ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. СПб., 1867–1868.

² Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь: в 4т. СПб., 1995.

³ Личные воспоминания Пудовкиной Натальи Ивановны.

⁴ Личные воспоминания Пудовкиной Натальи Ивановны.

⁵ Императорская Публичная библиотека за 100 лет. 1814–1914. СПб., 1914.

⁶ Анненкова Э. А. Принцессы Ольденбургские. М., 2014.

⁷ Отдел рукописей РНБ. Ф. 543. Ольденбургский Георгий Петрович, принц Ольденбургский Петр Георгиевич и др.

Н. Г. Кузьмина

ИСТОРИЯ ТИПОГРАФИИ Р. ГОЛИКЕ И А. ВИЛЬБОРГА

В статье рассказывается о деятельности двух крупных предпринимателей-типографов немецкого происхождения — Р. Голике и А. Вильборга, которые в 1902 г. объединили свои небольшие предприятия, создав Товарищество печатного дела. Описываются перестройка бывшего гвоздильного завода в типографию, пополнение машинного парка, увеличение количества рабочих, введение социальных льгот для работников типографии. Охарактеризована общественная деятельность Р. Голике, который стал одним из учредителей Первой русской школы печатного дела, был в числе организаторов Первой Всероссийской выставки печатного дела, Первого съезда деятелей печатного дела, участвовал в учреждении Русского общества деятелей печатного дела, в создании вспомогательной и похоронной касс наборщиков. Представлена издательская деятельность Р. Голике, выпускавшего юмористические журналы «Шут» и «Осколки». Товарищество Голике и Вильборга печатало высококачественную продукцию, оформленную художниками объединения «Мир искусства». Типография, издания которой были отмечены многочисленными наградами, удостоилась звания поставщика Двора Его Императорского Величества.

Ключевые слова: Р. Голике, А. Вильборг, типография, издательство, общественная деятельность.

N. G. Kuzmina

THE HISTORY OF THE PRINTING HOUSE OF R. GOLIKE AND A. VILBORG

The article presents the activities of two large entrepreneurs-typographers of German origin, R. Golike and A. Wilborg, who in 1902 merged their small enterprises, creating a Printing Business Partnership. The article describes the reconstruction of the former nail factory into a printing house, the replenishment of the machine fleet, the increase in the number of workers, the introduction of social benefits for the workers of the printing house. The article describes the social activities of R. Golike, who became one of the founders of the First School of Printing, was among the organizers of the First Exhibition of Printing, the First Congress of Printing workers, participated in the establishment of the Russian Society of Printing Workers, in the organization of the Auxiliary Cash Register of Typesetters and in the Funeral Cash Register of typesetters. The article presents the publishing activity of R. Golike, who published humorous magazines “The Fool” and “Shards”. The partnership of Golike and Wilborg printed high-quality products, designed by artists of the association “World of Art”. The printing works of the printing house are awarded numerous awards, including the title of suppliers of the Court of his Imperial Majesty.

Keywords: R. Golike, A. Vilborg, printing house, publishing house, social activity.

К началу XX в. в Петербурге насчитывалось около 400 типографий¹, литографий, фотоцинкографий и тому подобных заведений полиграфической отрасли. Среди наиболее крупных выделялись Сенатская типография (500 рабочих²), Товарищество издательского и печатного дела А. Ф. Маркса (588 чел.³), Товарищество Р. Голике и А. Вильборг (300 чел.⁴).

История типографии началась в 1902 г., когда Р. Голике и А. Вильборг (рис. 1) основали товарищество, объединив свои типолитографию и фотоцинкографию. К моменту объединения оба предпринимателя уже добились определенного положения в обществе, закрепив его званием поставщиков Двора Е.И.В. Звание давалось только на период поставок⁵. Всего на начало XX в. насчитывалось 83 компании с таким званием. Фирм, занимающихся полиграфией, издательской деятельностью, производством конторских книг, числилось всего семь, пять из них располагались в Санкт-Петербурге: фабрика конторских книг Отто Кирхнера, Товарищество М. О. Вольф (типография), типография братьев Глазуновых, а также Товарищество Р. Голике и А. Вильборга — издательство и полиграфия.

Рис. 1. А. Вильборг и Р. Голике.

Артур Иванович Вильборг (1856–?) — типограф-художник конца XIX — начала XX в. В 1890 г. в Санкт-Петербурге основал Художественное фотомеханическое ателье для печати высокохудожественных репродукций. В 1897 г. к своему заведению присоединил фотоцинкографическую мастерскую⁶. Здание не сохранилось. Купец 2-й гильдии, в купечестве состоял с 1899 г.⁷, потомственный почетный гражданин. Образование получил домашнее, вероисповедания лютеранского⁸. В 1897 г. он расширил свое предприятие, открыв мастерские для выполнения цинкографических работ. Затем присоединил типографию, находившуюся на 3-м участке Спасской части, по Екатерининскому (ныне — Грибоедова) каналу, д. 48, угол Мещанской (ныне — Гражданской) ул., 2⁹. Фирма стала называться «Художественное фотомеханическое заведение Вильборга» (рис. 2). Помимо цинкографии и типографии, заведение включало светопечатню, находившуюся в специальной надстройке, внутри которой располагался фотографический

Рис. 2. Заведение А. Вильборга. 1900 г.

павильон. В журнале «Фотографический вестник» так описывался фотопавильон А. Вильборга: «Вечерами вышка, озаренная электрическими огнями, освещала Демидов мост, набережные Екатерининского канала и прилегающие к нему районы»¹⁰. Впоследствии дом был перестроен.

Предприятие А. Вильборга в России пользовалось славой едва ли не единственного заведения, выполнявшего светопечатные работы, если не считать Экспедиции заготовления государственных бумаг, печатавшей лишь правительственные заказы. Дела Вильборга шли в гору. В заведении печатали художественные репродукции, качество которых было на высоком уровне. С 1895 г. А. И. Вильборг начал сотрудничество с М. Е. Романовичем по выпуску книги «Гражданская архитектура» (в 4-х томах). Михаил Евгеньевич Романович (1839–?) — художник, архитектор. В фундаментальном труде описываются основания зданий, арки и своды, крыши, системы отопления и водоснабжения и др. В приложении к изданию выпускался атлас чертежей. Книга пользовалась неизменным спросом, вышло три ее переиздания: в 1896, 1897 и 1903 гг. Она до сих пор представляет интерес и выставлена на продажу за 100 тыс. руб.¹¹ Проживал Артур Вильборг с женой Луизой-Доротеей рядом со своим заведением: на Мещанской (ныне — Гражданской) ул., д. 13¹². В отличие от своего соотечественника, Р. Голике проживал в Петербурге с рождения и продолжил дело отца — владельца типографии.

Роман Романович Голике (1849–1919) — российский издатель, владелец типографий¹³. Родился в Санкт-Петербурге в немецкой семье. Мать — Мари Луиза Вильгельмина Ленцинг (рус. Мария Федоровна) (?–1867). У Романа были две сестры: Мари Кэтрин (1850–?), впоследствии вышедшая замуж за типографа Г. Ф. Шредера¹⁴, и Елизавета Вильгельмина Доротея (1856–?), вышедшая замуж за инженера-технолога Юлия Богдановича Ганста, служившего в Товариществе Голике и Вильборг.

Отец семейства, Роман Богданович (1817, г. Дерпт (Юрьев), ныне Тарту, Эстония — 1873, Санкт-Петербург), — владелец типографской фирмы, происходил из остзейских немцев (рис. 3). В 1837 г. приехал в Петербург, работал в типографии Край, а затем

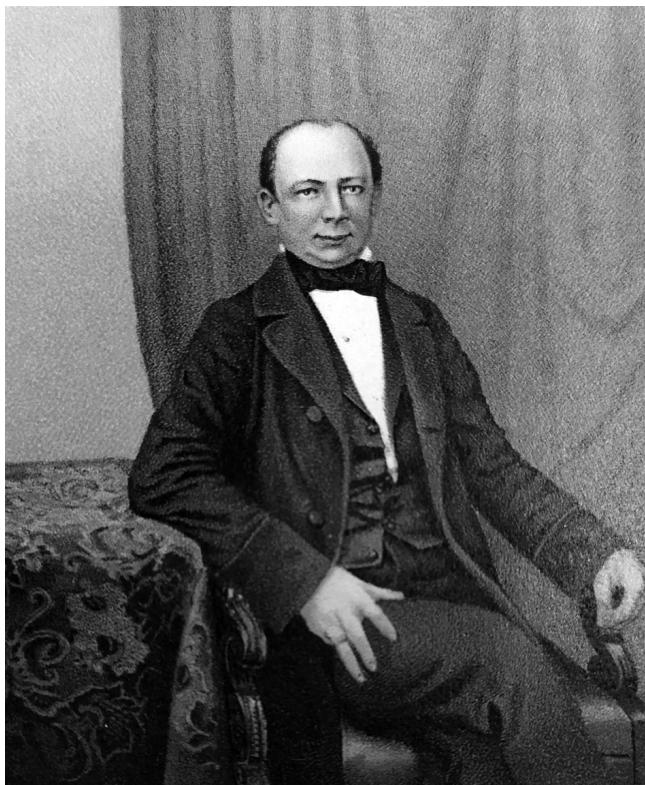

Рис. 3. Р. Б. Голике

в типографии Вингеберг, где сначала занял место метранпажа¹⁵, а потом фактора (управляющий технической частью)¹⁶. Редактор профессионального журнала «Обзор графических искусств» Р. К. Шнейдер так отзывался о деятельности Р. Б. Голике: «Большая энергия, знание дела, трудолюбие в связи с благоприятными условиями обеспечили в эпоху Крымской кампании широкий спрос на услуги»¹⁷, предоставляемые типографией. Крымская война 1853–1856 гг., или Восточная война, — война между Российской империей, с одной стороны, и коалицией Британской, Французской, Османской империй — с другой. Информирование населения о боевых действиях происходило через газеты «Сын отечества» и «Се-

верная пчела», которые печатались в типографии Н. И. Греча, имевшей немного печатных машин и не справлявшейся с увеличенными тиражами. В печатне Р. Б. Голике печатали «прикладные листы» или дополнительный тираж этих газет, для чего поставили вторую скоропечатную типографскую машину. Типография более 20 лет располагалась в Толмазовом переулке в доме Ильина (ныне — пер. Крылова, д. 5).

Вторая половина XIX в. — время проведения великих реформ Александра II, среди которых отмена крепостного права, реформа образования, военная реформа, судебная, цензурная реформы и др. Появляется спрос на газеты и книги, возникают новые типографии, растет конкуренция, из-за которой многие типографии, даже крупные, разорились. Впоследствии Р. Б. Голике к своей типографии присоединил еще три, и его заведение стало одним из крупнейших в Санкт-Петербурге.

Сын Романа Богдановича, Роман Романович, в 1869 г. «после окончания реального отделения Реформаторского училища прошел выучку типографского мастерства в типографии отца»¹⁸. Затем изучал типографское дело в Лондоне, Париже. В. Штейн в статье, посвященной 50-летней годовщине типографской фирмы Р. Голике, опубликованной в журнале «Печатное искусство», так описал развитие событий: «С 1871 г. расширяет типографию, принятую в заведывание от отца, приобретает последовательно несколько мелких типографий, сливает их со своею»¹⁹.

После перехода типографии к молодому хозяину начались перемены. Р. Р. Голике расширил машинный парк и купил третью скоропечатную машину, а в 1872 г. приобрел машину фабрики Кениг и Бауэр и ручной станок. Помещение типографии в Толмазовом переулке оказалось тесным, и в 1873 г. типография переехала на Владимирский пр. в дом Авдеева. При kontоре типографии открылись магазин и переплетная мастерская. Молодой предприниматель Р. Голике ввел некоторые меры, облегчающие труд рабочих. Рабочий день был сокращен с 12 до 10 часов, плата за набор 1000 букв повышенена с 15 до 16 коп.²⁰ Типография увеличивалась за счет приобретения нового оборудования и целых типографий. Так, были куплены типография Леске (бывш.

Метцига), которой заведовал фактор Иван Никифорович Плотников. Предприятие осталось на Лиговке как отделение, причем наборщиков перевели на Владимирскую, а на их место взяли наборщиц, но в течение трех лет многие вышли замуж, другие получили более выгодную работу, и вновь пришлось нанимать мужчин-наборщиков.

В 1877 г. фирма Р. Голике купила у Веллинга-сына литографскую машину и ручной станок к ней. Через год, в 1878 г., обе типографии соединили в одном помещении на Невском проспекте в доме Щербатских, д. 106²¹. Впоследствии докупили еще две литографские машины и три ручных литографских станка. В 1880 г. приобрели типолитографию Д. А. Есипова с литографской машиной и станком и типографской машиной. В 1884 г. вновь потребовалось расширение, и типографию перевели на Троицкую ул. в дом Жевержеева (д. 18, угол Графского пер., д. 5).

В 1890 г. на торгах в Главном обществе российских железных дорог печатные работы для Николаевской и Петербурго-Варшавской железных дорог были переданы по контракту типографии Р. Голике на пять лет. Получение такого заказа потребовало увеличения мощностей. С этой целью Р. Р. Голике купил типографию книгоиздателя Ф. С. Сущинского²², бывшего контрагента Петербурго-Варшавской железной дороги. К концу XIX в. оборудование этой типографии состояло «из одной паровой машины, четырех скоропечатных и двух ручных станков. В типографии имелось 182 реала и 917 пудов шрифта и было занято 23 рабочих»²³.

Типография Ф. С. Сущинского издавала, помимо заказов администрации железной дороги, художественную и просветительскую литературу. Наиболее плодотворный период работы типографии пришелся на 1864–1874 гг., когда было напечатано более 120 названий книг, среди них — работы по естественным наукам, по вопросам просвещения, беллетристике, справочные издания, календари, библиографические указатели. В качестве редакторов и переводчиков книг, печатавшихся в этой типографии, выступали Д. И. Писарев, М. А. Антонович, П. Д. Баллод, М. К. Цебриков, Н. Э. Сорокин и др. В 1869 г. здесь был напечатан роман А. К. Толстого «Князь Серебряный», в 1870 г. — «Царь Борис». С 1877 г.

Ф. Сущинский начал издавать ежедневную политico-литературную газету «Наш век», выходившую взамен приостановленной коммерческой и политической газеты «Биржа». Начиная с 1879 г. были напечатаны сочинения В. О. Михневича, В. И. Водовозова (в том числе «Биографический очерк» В. Семевского) (1888), драма М. И. Богдановича «Князь Курбский» (1882) и др.²⁴

Типография Ф. Сущинского располагалась в Петербурге по адресу: наб. Екатерининского канала, д. 168, у Аларчина моста. Так появилось Аларчинское отделение²⁵. Для выполнения государственного заказа железной дороги во вновь приобретенной типографии Р. Р. Голике приобрел несколько сотен пудов шрифта, новые машины, в том числе усовершенствованную ротационную скоропечатную типографскую машину, которую впервые применили к печати железнодорожных бланков, что дало возможность понизить себестоимость на 36 %. Дом 168 по набережной Екатерининского канала (с 1923 г. канал Грибоедова²⁶) и впоследствии был связан с типографским делом. Здесь в 1930-х годах располагался Техникум печати с учебной типографией²⁷.

В 1893 г. главная типография и Аларчинское отделение были переведены в собственный дом Р. Голике на Спасской улице (ныне — ул. Рылеева), д. 17. С течением времени устаревшее оборудование заменялось новейшими машинами. Так, к 50-летнему юбилею фирмы в 1902 г. типография Р. Голике, насчитывавшая свыше 400 рабочих и служащих, была оснащена мощным печатным оборудованием, включавшим одну ротационную машину, одиннадцать типографских, шесть литографских скоропечатных машин и свыше 5000 пудов разных шрифтов, а также литографскую машину и металлографский станок²⁸.

Приобретение литографской машины и металлографского станка связано с желанием Р. Р. Голике заняться издательской деятельностью. В 1877 г. совместно с владельцем Д. А. Есиповым Р. Р. Голике предпринимает издание юмористического журнала «Шут» (1879–1914). В 1891 г. журнал полностью перешел в собственность Р. Р. Голике, который издавал его до 1914 г.

В 1879 г. Р. Голике приступил к печати ежедневной газеты «Русская правда» Д. К. Гирса, а также газеты «Страна» Л. А. По-

лонского и ежемесячного издания «Русское богатство» С. Н. Бажиной.

В 1880 г. Р. Р. Голике утвержден редактором-издателем еженедельного журнала «Собрание картин». Через год, в 1881 г., журнал был переименован в «Осколки» (1880–1916) и стал художественно-юмористическим, его соиздателем стал известный писатель Н. А. Лейкин. Редакция журнала находилась на Надеждинской ул., 17. Также Р. Голике издавал журнал «Нувелист» (1840–1906)²⁹.

Р. Р. Голике, будучи расчетливым, как мы представляем себе немцев, решил вложить свои средства в недвижимость. Одним из самых выгодных вложений был доходный дом в Санкт-Петербурге. С 1894 г. Р. Р. Голике проживал с семьей в Литейной части по Спасской ул., д. 17–19³⁰ (ныне — ул. Рылеева). Там же находились контора и типография. Первый доходный дом он приобрел в 1895 г. — д. 17 и 19 на Надеждинской ул. (ныне — ул. Маяковского). В этом доме располагались редакция и контора журнала «Шут».

Строительство второго доходного дома началось в 1901 г. по адресу Тележная, д. 23, о чем было подано прошение в апреле того же года³¹. Архитектору В. В. Шаубу был сделан заказ на постройку пятиэтажного здания в стиле модерн. За два года архитектор возвел высокий, величественный и элегантный дом с дворовым флигелем. Справочник «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века» уделил внимание доходному дому Голике на Тележной: «красивое здание из красного кирпича обращает на себя внимание своей монументальностью»³². «Домоуправительные» дела вел управляющий Юл. Юл. Адамайтис, в прошлом помощник присяжных поверенных³³. В 1914 г. управляющим стал Арнгольд Генрих Эрнестович³⁴.

С 1903 г., через год после объединения с А. И. Вильборгом, семья Р. Р. Голике обосновалась на новом месте — в д. 66 по Николаевской улице, а в 1914 г. семья переехала в д. 71 по этой же улице³⁵ (ныне — ул. Марата).

У Романа Романовича Голике была большая семья: супруга Гульда Мартыновна Христиана³⁶ (нем. Йоханна Алвин Хульда фон Кристиани; 1853, Тартумаа — 1938, Хельсинки) и четверо детей: Вера Эмилия, Роман, Лидия Луиза, Лев. Роман Романович³⁷ (1879–

1960) окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1905 г. Известно, что в 1906 г. проживал отдельно от семьи Голике, в д. 22 по Ивановской ул., видимо, поближе к месту службы, так как он поступил работать в Товарищество Голике и Вильборга³⁸. В 1908 г. семья переехала на новую квартиру в д. 10 по Кабинетской ул. Сын стал чиновником особых поручений 8-го класса при Переселенческом управлении³⁹, одновременно продолжая служить в фирме отца. В 1910 г. Роман Голике-младший переехал в отдельную квартиру, расположенную в д. 35 на Большом проспекте В. О.⁴⁰ Переезд, скорее всего, был обусловлен его женитьбой на Маргарите Робертовне Дидерикс, которая происходила из семьи известных фабрикантов, владельцев фортепианной фабрики «Братья Дидерикс». Роман Романович-2, как его называли, чтобы не путать с отцом, имел дочь Маргарет Кароль и сына Роберта (1909–1981).

Старшая сестра Романа, Вера Эмилия (1876–1956), была замужем. Младшая сестра, Лидия Луиза⁴¹ (1882–1971), была замужем за архитектором, действительным советником, профессором Ричардом Георгом Берзеном⁴² и имела двух дочерей: Ренату (1909–?) и Инну (1905–1985), в будущем последняя стала известной финской художницей.

Типографские дела шли настолько хорошо, что у Р. Р. Голике появилась возможность осуществить свою мечту. Многие высокопоставленные люди были членами речного яхт-клуба. Это было престижно, поэтому Р. Голике в 1896 г. тоже стал членом яхт-клуба⁴³, а с 1900 г. принимал участие в организации мореходных классов⁴⁴.

В 1902 г. Р. Голике стал интересоваться художественной жизнью и вступил в Императорское общество поощрения художеств.

К началу XX в. типография Р. Голике была оснащена современным печатным оборудованием⁴⁵. В 1902 г. Р. Голике с большой пышностью отпраздновал 50-летие своего предприятия, на котором его отметили высочайшей наградой — ему был присвоен чин статского советника⁴⁶.

Вскоре после юбилея типографии Р. Р. Голике петербургские газеты сообщили новость, взволнившую весь полиграфический мир города: фирма Голике прекращала свое существование. Прак-

тически одновременно появилось и другое подобное сообщение о фирме А. Вильборга, также ликвидировавшего свое дело. «Неужели обанкротились?»⁴⁷ — злорадствовали конкуренты и злопыхатели-журналисты. Но все выводы были преждевременными.

Дальновидные обруссевшие немцы решили объединить свои заведения в одно крупное, хорошо оснащенное прогрессивной для того времени полиграфической техникой предприятие для выпуска главным образом роскошных изданий. Император Николай II лично утвердил устав нового товарищества, основной капитал которого составлял полмиллиона рублей.

В 1902 г. предприниматели Р. Голике и А. Вильборг объединили свои типографии (рис. 4), а через два года, 10 октября 1904 г., «открыла свои действия» ссудно-сберегательная касса служащих⁴⁸. Первоначально в кассу вступили 124 человека, через 10 лет в кас-

Рис. 4. Реклама типографии Голике и Вильборга

се состояли 157 человек. От членов кассы принимались взносы от 50 коп. до 2 руб. 50 коп. Год от года росли суммы выдаваемых ссуд: если в первый, 1902 г. было выдано 3 813 руб. 50 коп., то в 1914 г. — 50 050 руб. 50 коп.⁴⁹

Объединившись в 1902 г. в товарищество (рис. 5), Голике и Вильборг занялись поиском подходящего помещения для будущего предприятия. Вначале высказывалась мысль о постройке специального здания. Так поступил их соотечественник О. М. Леман,

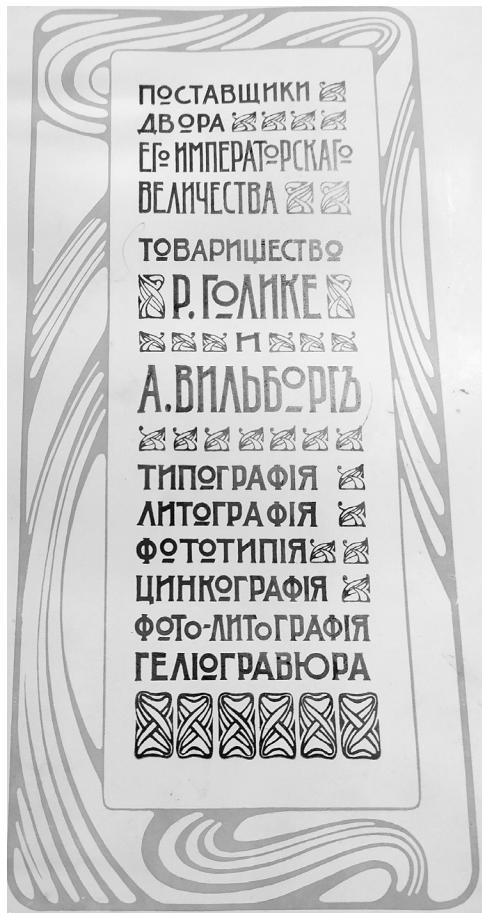

Рис. 5. Реклама товарищества Голике и Вильборга

построивший словолитню (шрифтотипейный завод) на Звенигородской ул., д. 20, на что были потрачены большие средства.

Вскоре предпринимателям стало известно, что на Звенигородской ул., на углу Глазовской ул., закрылся завод подковных гвоздей, принадлежавший Людвигу Посселью⁵⁰, у которого они и приобрели производственное здание. В 1902 г. архитектору Р. А. Берзену поручили приспособить бывший гвоздильный завод для нового типографского комплекса. Так на Звенигородской улице возникло одно из крупнейших печатных заведений, сыгравшее значительную роль в развитии отечественной художественной полиграфии (рис. 6, 7).

В 1904 г. правление типографии и лично Р. Р. Голике решили войти в правление АО «Ржевская писчебумажная фабрика» для бесперебойного обеспечения типографии расходными материалами: бумагой и картоном⁵¹. В 1875 г. на левом берегу Волги была построена и начала работу писчебумажная фабрика заводчика В. В. Образцова. Это было первое механизированное предприятие города Ржева⁵².

Рис. 6. Здание типографии на Звенигородской ул. 1903 г.

Среди полиграфических заведений Петербурга типография Голике и Вильборга значительно выделялась не только разнообразной техникой и оборудованием для выполнения самых сложных работ, но и высокой квалификацией рабочих. На должности мастеров Голике и Вильборг предпочитали нанимать своих соотечественников — немцев, которые обязаны были не только следить за работой, но и обучать русских рабочих.

Вначале товарищество выпускало афиши, рекламные плакаты, открытки, однако главным его назначением в уставе значились «подготовка и выпуск изящных художественных изданий»⁵³. Впоследствии на первоклассном немецком оборудовании в типографии производили лучшую книжную продукцию: печатали в цвете высокохудожественные издания, особую известность завоевали книги по искусству.

Фирме удалось привлечь к работе художников «Мира искусства», известного в России в 1898–1927 гг. художественного объединения. В объединение входили молодые художники А. Бенуа, С. Дягilev, Д. Философов и другие интеллектуалы, увлеченные поиском идеалов в искусстве прошлого, главным образом XVIII — начала XIX в. Работа с мири искусниками позволила «Голике и Вильборг» издавать книги на отличном полиграфическом уровне. Выходили подарочные фолианты, книги к знаменательным датам (100-летие начала Отечественной войны 1812 г., 200-летие Санкт-

Рис. 7. Здание типографии на Звенигородской ул., д. 11. 2000 г.

Петербург, 300-летие Дома Романовых и др.). Авторами текстов стали знаменитые историки книги, в том числе Иван Николаевич Божерянов (1852–1919) — известный историк, писатель, виднейший публицист своего времени. В Товариществе Голике и Вильборг был издан также ряд изящных малотиражных изданий, отличающихся высокохудожественным исполнением: «Невский проспект» Н. В. Гоголя с иллюстрациями Д. Н. Кардовского (1905), «Четыре басни И. А. Крылова» с рисунками А. Орловского (1907), «Казначайша» М. Ю. Лермонтова в оформлении М. В. Добужинского (1914), «Гравюра и литография» И. И. Лемана (1913). В число художников-миризкусников входили Л. Бакст, Е. Лансере, В. Нуель, К. Сомов, всех их объединяла идея приоритета эстетического начала в искусстве. С иллюстрациями участников художественного движения «Мир искусства» были напечатаны такие шедевры полиграфического искусства, как «Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны» А. Н. Бенуа (1910), «Горе от ума» А. С. Грибоедова (1913) в оформлении Д. Н. Кардовского и Г. И. Нарбута, «Пиковая дама» А. С. Пушкина (1911) с иллюстрациями А. Н. Бенуа, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (1911) с рисунками Е. П. Самокиш-Судковской, «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого (1916) в оформлении и с иллюстрациями Е. Е. Лансере, «Книга маркизы» Ф. Блэй (1918) с иллюстрациями К. А. Сомова.

В Товариществе Голике и Вильборга трудились такие известные деятели печатного дела, как Б. Г. Скамони (сын немецко-российского изобретателя в области типографского дела, исследователя истории полиграфии Г. Н. Скамони), художник книги, каллиграф, шрифтовик, автор первой печати Российской республики (1918) А. Н. Лео, фактор типографии И. Д. Галактионов⁵⁴, мастера, авторы учебных пособий по типографскому делу А. Е. Гордилей, А. У. Мисюлевич.

Полиграфическая продукция Товарищества Р. Голике и А. Вильборг неоднократно удостаивалась высших наград на отечественных и зарубежных выставках: в Дрездене (1909), Турине (1911), на выставке «Искусство в книге и плакате» в Петербурге (1912)⁵⁵.

После известных событий 1917 г. в управлении типографией произошли изменения. В 1972 г., вероятно, к 70-летию существова-

вания Типографии им. Ивана Федорова была составлена справка по истории типографии, в которой в духе времени помещена фраза о том, что в 1918 г., по мнению рабочих типографии, хозяева Р. Голике и А. Вильборг решили «отправиться в старый, давно покинутый фатерлянд»⁵⁶, и товарищество, которое называли «купелью санкт-петербургской школы книжной графики»⁵⁷, прекратило свое существование, а типография продолжила работать. В 1918 г. типография была национализирована и получила название 15-я Государственная типография, а с 1922 г. — Типография им. Ивана Федорова⁵⁸, а в 2006 г. прекратила свое существование, проработав, таким образом, в этом здании чуть больше ста лет.

Р. Р. Голике принимал активное участие в делах Первой русской школы печатного дела, совместно с другими типографами организовал Первую Всероссийскую выставку печатного дела, Первый съезд деятелей печатного дела, участвовал в учреждении Русского общества деятелей печатного дела, вспомогательной и похоронной касс наборщиков.

В 1878 г. на Всемирной выставке в Париже Р. Р. Голике был удостоен именной медали⁵⁹.

В 1881 г. Р. Р. Голике избран почетным членом вспомогательной кассы наборщиков, а через 10 лет, в 1891 г., — почетным председателем.

В 1881 г. Р. Р. Голике удостоен звания поставщика Двора Е.И.В.

В 1882 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве типография представила новинку «способ фотолитографии», за что получила признательность.

В 1884 г. Р. Р. Голике стал одним из организаторов и учредителей Первой русской школы печатного дела (1884–1922).

В 1884 г. Р. Р. Голике удостоился звания почетного гражданина⁶⁰.

В 1889 г. фирма участвовала в Международной выставке в Париже, где получила высшие награды.

В 1895 г. Р. Р. Голике был избран председателем распорядительного комитета находившейся под покровительством великого князя Константина Константиновича Первой выставки печатного дела в России, по окончании которой был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени⁶¹.

В 1898 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. (3-я степень: крест на шейной ленте; 150 руб. ежегодной пенсии)⁶².

В 1900 г. на Первом общем собрании похоронной кассы тружеников печатного дела Р. Р. Голике избран ее почетным членом.

В 1901 г. Русское общество деятелей печатного дела избрало Р. Р. Голике почетным членом.

1903 г. на средства Р. Голике и А. Вильборга под Сестрорецком была построена «Петровская санатория» для лечения и отдыха типографских рабочих⁶³.

В 1913 г. Р. Голике — действительный статский советник, коммерции советник⁶⁴.

Деятельность немецких предпринимателей, поставщиков Двора Е.И.В. и владельцев одной из крупнейших типографий города Романа Голике и Артура Вильборга на поприще издательского и типографского дела оставила заметный след в истории Санкт-Петербурга и России, о чем могут свидетельствовать общественное признание и многочисленные награды, которыми были отмечены герои этой статьи.

Библиография

Аренин Э. М., Ванюков М. С. Имени первопечатника: рассказ о типографии, носящей имя подвижника русской культуры Ивана Федорова. М.: Книга, 1967. 139 с.

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб.: Пилигрим, 1996.

Баренбаум И. Е. Книжный Петербург. Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: Культинформпресс, 2003. 440 с.

Баренбаум И. Е. Петербургский типограф-демократ 60-х гг. XIX в. и издания его типографии // История книги и издательского дела. Л., 1977.

Весь Петербург. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1896–1915.

Галактионов И. Д. Мои думы // Книгопечатник. 1918. № 5.

Галактионов И. Д. Петровская колония тружеников печатного дела в Сестрорецке: доклад И. Д. Галактионова, прочит. на общ. собр. чл. о-ва 27 апреля 1913 г. / О-во служащих в печ. заведениях. СПб.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1913. 24 с.

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы. Л.: Лениздат, 1985. 511 с.

Графическое искусство. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. 43 с.

История одной типографии // Обзор графических искусств. 1879. С. 14.

- Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века: учеб. пособие [по специальности 021400 «Журналистика»]. М.: Наука, 2002. 238 с.*
- Отчет Ссудно-сберегательной кассы Товарищества Р. Голике и А. Вильборга. Пг.: Т-во Голике и А. Вильборга, 1915.
- Печатня Р. Р. Голике. 1852–1902. СПб.: Печатня Р. Р. Голике, 1903. 8 с.
- Постройка нового дома // Зодчий. 1901. № 19.
- Путеводитель по Ленинграду. Л.: Тип. Ленингр. горисполкома, 1930. 263 с.
- Решетова О. И. Из истории создания и деятельности Товарищества Р. Голике и А. Вильборга // Букинистическая торговля и история книги. 1992. Вып. 2.*
- Русское акционерное о-во заводов Посселя. Заводы Посселя в С.-Петербурге: [Пр-во подков и кос]. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. 362 с.
- Сеславинский М., Тераканова О. Книги для гурманов: Библиофильские издания конца XIX — начала XX в.: альбом. М.: Изд. Белый город, 2010. 310 с.*
- Сенатская типография: альбом. СПб.: Сенатская тип., 1903. 24 с.
- Смесь // Фотографический вестник. 1887. № 23. С. 123.
- Смесь // Новое время. 1902. № 1234. С. 3.
- Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1931–1945 / редакт.: Л. А. Шилов (глав. ред.) и др. СПб.: РНБ, 2003. 720 с.
- Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия... с 1900 по 1914 г. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1900–1914.
- Типографская фирма // Обзор графических искусств. 1879. № 14–15. С. 93.
- Штейн Н. В. Юбилей в типографии // Печатное искусство. 1902.

Интернет-источники

- <http://www.auction-imperia.ru>(дата обращения: 13.07.2020).
- <https://www.geni.com/people/Paul-Robert-von-Golicke> (дата обращения: 14.07.2020).
- <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 14.07.2020).
- <https://spbarchives.ru>(дата обращения: 19.01.2020).
- <https://www.geni.com/people> (дата обращения: 19.01.2020).
- <http://rzhevcity.ru> (дата обращения: 14.01.2020).
- <https://rgali.ru> (дата обращения: 19.01.2020).
- <https://ru.wikipedia.org/wik> (дата обращения: 10.07.2020).

* * *

¹ Весь Петербург на 1914 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1914. С. 1296.

² Сенатская типография: альбом. СПб.: Сенатская тип., 1903. С. 7.

³ Список фабрик и заводов Российской империи. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. С. 124.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Скурлов В. В., Иванов А. Н. Поставщики Высочайшего Двора. СПб.: Б. и., 2002. С. 12.

⁶ Галактионов И. Д. Мои думы // Книгопечатник. 1918. № 5. С. 36.

⁷ Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия... [на 1900 г.]. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1900. С. 119.

⁸ Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия... [на 1902 г.]. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1902. С. 108.

⁹ Там же.

¹⁰ Смесь // Фотографический вестник. 1887. № 23. С. 123.

¹¹ <http://www.auction-imperia.ru> (дата обращения: 13.07.2020).

¹² Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия... [на 1903 г.]. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1903. С. 105.

¹³ Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 20: Письма 1887–1888. М.: Наука, 1975. С. 152.

¹⁴ <https://www.geni.com/people/Paul-Robert-von-Golicke> (дата обращения: 14.07.2020).

¹⁵ В 1848 г. Роман Богданович женился на Марии Федоровне Ленцинг (?–1867). В 1850 г. поступил в учрежденную доктором Ионсоном типографию на правах участника и управляющего, которую через два года выкупил в полную собственность с 20 служащими и рабочими при одной скоропечатной типографской машине и двух ручных станках.

¹⁶ Печатня Р. Р. Голике. 1852–1902. СПб.: Печатня Р. Р. Голике, 1903. С. 1.

¹⁷ Типографская фирма // Обзор графических искусств. 1879. № 14–15. С. 93.

¹⁸ История одной типографии // Обзор графических искусств. 1879. С. 14.

¹⁹ Штейн Н. В. Юбилей в типографии // Печатное искусство. 1902. С. 125.

²⁰ Печатня Р. Р. Голике. С. 4.

²¹ Там же. С. 5.

²² Баренбаум И. Е. Книжный Петербург. Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: Культинформпресс, 2003. С. 193.

- ²³ Баренбаум И. Е. Петербургский типограф-демократ 60-х гг. XIX в. и издания его типографии // История книги и издательского дела. Л., 1977. С. 97.
- ²⁴ <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 14.07.2020).
- ²⁵ Весь Петербург на 1894 г. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1894. С. 92.
- ²⁶ Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы. Л.: Лениздат, 1985. С. 445.
- ²⁷ Путеводитель по Ленинграду. Л., 1930. С. 99.
- ²⁸ Там же. С. 8.
- ²⁹ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2002. С. 123.
- ³⁰ Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1-5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия... [на 1900 г.]. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1900. С. 161.
- ³¹ Постройка нового дома // Зодчий. 1901. № 19. С. 132.
- ³² Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб.: Пилигрим, 1996. С. 326.
- ³³ Весь Петербург на 1911 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1911. О. 4. Стб. 449.
- ³⁴ Весь Петербург на 1914 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1914. О. 4. Стб. 395.
- ³⁵ Весь Петербург на 1915 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1915. С. 160.
- ³⁶ Весь Петербург на 1917 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1917. О. III. С. 168.
- ³⁷ Весь Петербург на 1904 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1904. С. 163.
- ³⁸ Весь Петербург на 1906 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1906. С. 168.
- ³⁹ Весь Петербург на 1908 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1908. С. 188.
- ⁴⁰ Весь Петербург на 1910 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1910. С. 211.
- ⁴¹ <https://spbarchives.ru> (дата обращения: 19.01.2020).
- ⁴² <https://www.geni.com/people> (дата обращения: 19.01.2020).
- ⁴³ Весь Петербург на 1896 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1896. С. 83.
- ⁴⁴ Весь Петербург на 1900 г. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1900. С. 149.
- ⁴⁵ Печатня Р. Р. Голике. С. 2.
- ⁴⁶ Юбилей в типографии // Печатное искусство. 1902. С. 125.
- ⁴⁷ Смесь // Новое время. 1902. № 1234. С. 3.
- ⁴⁸ Отчет Ссудно-сберегательной кассы Товарищества Р. Голике и А. Вильборга. Пг: Т-во Голике и А. Вильборга, 1915. С. 3.
- ⁴⁹ Там же. С. 13.
- ⁵⁰ Русское акционерное о-во заводов Посселя. Заводы Посселя в С.-Петербурге: [Пр-во подков и кос]. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, ценз. 1904. XXXVI, 362 с.
- ⁵¹ Весь Петербург на 1904 г. С. 163.
- ⁵² <http://rzhevcity.ru> (дата обращения: 14.01.2020).
- ⁵³ Сеславинский М., Тераканова О. Книги для гурманов: Библиофильские издания конца XIX — начала XX вв.: альбом. М.: Изд. Белый город, 2010. С. 89.

⁵⁴ Леликова Н. К. // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 3 / редкол.: Л. А. Шилов (гл. ред.) и др. СПб.: РНБ, 2003. С. 123.

⁵⁵ <https://rgali.ru> (дата обращения: 19.01.2020).

⁵⁶ Архив типографии им. Ивана Федорова. В начале века. С. 7.

⁵⁷ Графическое искусство. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. С. 13.

⁵⁸ Аренин Э. М., Ванюков М. С. Имени первопечатника: рассказ о типографии, носящей имя подвижника русской культуры Ивана Федорова. М., 1967. С. 123.

⁵⁹ Печатня Р. Р. Голике. С. 5.

⁶⁰ Решетова О. И. Из истории создания и деятельности Товарищества Р. Голике и А. Вильборга // Букинистическая торговля и история книги. 1992. Вып. 2. С. 13.

⁶¹ Там же. С. 7.

⁶² <https://ru.wikipedia.org/wik> (дата обращения: 10.07.2020).

⁶³ Галактионов И. Д. Петровская колония тружеников печатного дела в Сестрорецке: доклад И. Д. Галактионова, прочит. на общ. собр. чл. о-ва 27 апреля 1913 г / О-во служащих в печ. заведениях. СПб.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1913. С. 13.

⁶⁴ Весь Петербург на 1913 г. С. 154.

E. C. Соболева

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЭТАП НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ БРУНО ФРИДРИХОВИЧА АДЛЕРА

В статье раскрываются некоторые аспекты раннего этапа научной карьеры этнографа и географа Бруно Адлера. Он был штатным сотрудником Музея антропологии и этнографии им. императора Петра Великого ИАН с 1 марта 1902 г. по 1 января 1910 г. В 1910–1911 гг. работал хранителем Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. Помимо основной музейной работы, он успешно вел переговоры об обмене экспонатами и приобретении коллекций за рубежом. В эти годы Б. Ф. Адлер защитил диссертацию на звание магистра географии, читал лекции по антропологии и географии в различных учебных заведениях Петербурга, руководил Географическим бюро при Педагогическом музее военно-учебных заведений. Этот опыт пригодился ему при реорганизации музеев и кафедры географии и этнографии Казанского университета в 1911–1922 гг.

Ключевые слова: Б. Ф. Адлер, Музей антропологии и этнографии, коллекции, этнография, история, Этнографический отдел Русского музея Александра III.

E. S. Soboleva

THE ST. PETERSBURG PHASE OF BRUNO ADLER SCIENTIFIC CAREER

The article reveals some aspects of the early years of the scientific career of Bruno Adler, ethnographer and geographer. He was a full-time employee of the Emperor Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography IAS from March 1, 1902 to January 1, 1910. In 1910–1911 he worked as a Curator of the Ethnographic Department at the Russian Museum of Emperor Alexander III. In addition to the museum work, he successfully negotiated the exchange of exhibits and the acquisition of collections abroad. During these years B. Adler defended his thesis for the title of Master of Geography, lectured in anthropology and geography at various educational institutions of St. Petersburg, and headed the Geographical Bureau at the Pedagogical Museum of Military Educational Institutions. This experience was useful to him during the reorganization of museums and the Department of Geography and Ethnography at the Kazan University in 1911–1922.

Keywords: Bruno Adler, Museum of Anthropology and Ethnography, collections, ethnography, history, Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III.

В новейших публикациях, посвященных научной деятельности этнографа и географа Бруно Фридриховича Адлера (26 октября 1874 — 16 марта 1942), приводится мало сведений о начале его карьеры. А именно этот период, когда молодой ученый получал первые практические навыки работы в музеях Европы и Санкт-Петербурга, обеспечил дальнейший успех его музейных и прочих начинаний в Казани. Цель настоящей публикации — заполнить эту досадную лакуну в биографии Б. Ф. Адлера.

В личном деле Б. Ф. Адлера в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН сохранилась копия метрического свидетельства, выданного пастором Эд. Фере евангелическо-лютеранского прихода г. Воронежа за № 31 (1874 г.). Указано, что Бруно Вильгельм Карл Адольф Адлер родился в г. Воронеже 26 октября в ½ 8-го утра 1874 г. от законного брака и 30 декабря того же (1874) года крещен в квартире отца в Воронеже губернским проповедником пастором Эд. Фере. Родители: Фридрих Вильгельм Адлер, кондитер, либавский гражданин, и жена его, Елиза Наталья Шарлота, ур. Гаак; оба лютеранского исповедания. Восприемники: 1) Карл Эрнст, купец; 2) Амалия Диккерман, ур. Сироватка, жена купца¹.

Окончив местную гимназию, Б. Адлер в 1893 г. поступил на физико-математический факультет Московского университета, в 1894–1896 гг. набрал зачетное количество полугодий и удовлетворительно выдержал испытания. В 1900 г. он получил следующие оценки: «1) по сочинению — весьма удовлетворительно; 2) письменный ответ: география — весьма удовлетворительно; по устным ответам: по химии — удовлетворительно, по химии органической — удовлетворительно, по зоологии с сравнительной анатомией — весьма удовлетворительно, по физиологии — весьма удовлетворительно, по морфологии и систематике растений — весьма удовлетворительно, по гистологии и физиологии растений — удовлетворительно, по минералогии — удовлетворительно, по геологии с палеонтологией — весьма удовлетворительно, по физической географии и метеорологии — весьма удовлетворительно, по географии — весьма удовлетворительно». 31 мая 1900 г. удостоен диплома первой степени со всеми правами и преимуществами (диплом Московского университета № 25065²).

Учился он у Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923), заведующего кафедрой географии и антропологии Московского университета, который мотивировал студента к продолжению учебы в университетах Санкт-Петербурга и Лейпцига. В Лейпциге Б. Адлер учился геологии у профессора Генриха Креднера (1841–1913), метеорологии — у профессора Артура фон Эттингена (1836–1920), картографии — у Макса Экерта (1868–1938), этнографии — у Карла Вейле (1864–1926). Его научным руководителем стал географ и этнограф профессор Фридрих Ратцель (1844–1904), основатель антропогеографии, создатель теории диффузионизма, один из создателей теории культурных кругов.

В 1901 г. Б. Адлер защитил в Лейпцигском университете диссертацию на тему «Североазиатская стрела: вклад в познание антропографии Северной Азии»³ (см. его диплом (на латинском языке) на степень доктора философии⁴). Он стал первым иностранным специалистом, принятый на работу в Лейпцигский этнографический музей (ныне Музей Грасси — Grassimuseum) на должность помощника куратора по отделу сибирской этнографии (1901–1902)⁵. 7 марта 1902 г. Василий Васильевич Радлов (1837–1918) пригласил Б. Ф. Адлера для занятий в петербургском Музее антропологии и этнографии (далее — МАЭ).

После того как академик В. В. Радлов был избран директором МАЭ (1894), он реформировал направления деятельности и организационную структуру музея. В 1896 г. штатными сотрудниками МАЭ были сам директор, ученые хранители Федор Карлович Руссов (1828–1906) и Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914), служитель Прокофий Саминов (1860(?)–1901). Приватно занимались при МАЭ Евгения Львовна Петри (1858–1923) и Самуил Мартынович Дудин (1863–1929). В. В. Радлов приглашал специалистов для работы с имеющимися и вновь поступающими коллекциями. 8 декабря 1898 г. «на приведение в порядок коллекций по доисторической археологии и антропологии» был приглашен для приватных занятий кандидат Санкт-Петербургского университета Николай Михайлович Могилянский (1871–1933)⁶. Старшим этнографом МАЭ с 1 января 1899 г. был избран Д. А. Клеменц⁷. С 20 февраля 1901 г. в штатное расписание МАЭ была введена новая должность млад-

шего этнографа и увеличена сумма на коллекции и командировки с этнографическими целями⁸. С 1 февраля 1900 г. для разбора североамериканских коллекций был задействован Карл Карлович Гильзен (1864–1918) (за 30 руб. в месяц, выплачиваемых из сумм МАЭ)⁹. 11 января 1901 г. К. К. Гильзен был приглашен «приватно на постоянную службу в качестве постоянного вольнонаемного служителя на тех же основаниях, как г-жа Петри и г-н Могилянский», с вознаграждением в 50 руб. в месяц¹⁰.

6 июня 1901 г. Д. А. Клеменц был командирован в Германию, Швейцарию, Австрию на два месяца для обзора русской этнографической коллекции (Лейпцигский музей) в Русское отделение Парижской выставки 1900 г.¹¹ В 1902 г. Д. А. Клеменц и Н. И. Могилянский перешли на работу в Этнографический отдел Русского музея Александра III, МАЭ остался без штатных служащих, и на освободившиеся ставки были приняты Л. Я. Штернберг и Б. Ф. Адлер.

Л. Я. Штернберг 5 декабря 1898 г. обратился из Житомира с прошением к В. В. Радлову, предлагая свои услуги для обработки музеиных коллекций¹²; по отношению Департамента полиции от 9 июня 1900 г. ему было разрешено жить в Петербурге с 1 сентября¹³. Через год, с 1 января 1902 г., В. В. Радлов пригласил бывшего студента Л. Я. Штернберга временно исполняющим обязанности младшего этнографа по вольному найму (вместо Д. А. Клеменца) с жалованием 100 руб. в месяц¹⁴. На место Н. И. Могилянского с 1 марта 1902 г. по рекомендации профессора Д. Н. Анучина был приглашен его ученик Б. Ф. Адлер, как занимавшийся антропологией и знакомый с этнографией Северной Азии и Америки, с жалованием 60 руб. в месяц¹⁵. В дополнение к штату МАЭ, утвержденному 4 июня 1899 г. (Указ № 1068), с 16 февраля 1902 г. была учреждена вторая новая должность младшего этнографа¹⁶.

1 мая 1902 г. В. В. Радлов доложил Историко-филологическому отделению Императорской Академии наук (далее — ИФО ИАН), что Л. Я. Штернберг и Б. Ф. Адлер оказались не только опытными этнографами, хорошо знакомыми с ведением музеиной работы, но и весьма трудолюбивыми и интересующимися своим делом служащими. «Б. Ф. Адлер как окончивший курс высшего учебного заведения имеет право поступить теперь на государственную службу» на

должность младшего этнографа Музея АН по антропологии и этнографии с 1 мая 1902 г.¹⁷ Назначение же Л. Я. Штернберга отсрочили до представления им свидетельства об окончании вуза. Но оба были единогласно избраны служащими по вольному найму¹⁸. Поступая на службу, они дали клятвенные обещания и подписки о непринадлежности к масонским ложам и тайным обществам¹⁹.

За май 1902 г. Б. Ф. Адлеру причиталось жалование 81 руб. 60 коп. и столовых 28 руб. 58 коп., за июнь — столовых 28 руб. 58 коп., квартирных на майскую треть 50 руб., итого 188 руб. 82 коп. Удержано в государственный доход по случаю определения на службу 49 руб. 25 коп., 5 июня 1902 г. на руки выдано 79 руб. 57 коп.²⁰ Поскольку Л. Я. Штернберг и Б. Ф. Адлер особо потрудились в деле перевосовершенствования МАЭ, по итогам 1902 г. они получили награды по 165 руб. (с уплатой процентов в пользу инвалидной кассы), на руки выдано по 150 руб. каждому²¹.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 15 февраля 1903 г. за № 14 Б. Ф. Адлер утвержден по классу занимаемой должности в чине надворного советника со старшинством от 1 мая 1902 г.²²

В 1903 г. в МАЭ штатно работали директор В. В. Радлов, младшие этнографы Л. Я. Штернберг и Б. Ф. Адлер, приватно — Ф. К. Руссов, Е. Л. Петри, К. К. Гильзен, Ю. А. Людевиг, Е. М. Романова²³. В 1909 г. в МАЭ числились «3 штатные единицы: 2 младших и 1 старший этнограф. Он занимается администрированием, документами, экспедициями, посетителями, отделом русских инородцев и народами Америки (почти половина всех коллекций). Младший этнограф занимается славянскими народами России, Китаем, Японией, Индией, Сиамом, археологией. Другой младший этнограф — счетовод, занимается хозяйством, а также Индонезией, Океанией, Индией, Африкой, Австралией, Полинезией»²⁴. 1 января 1904 г. Л. Я. Штернберг утвержден на вакантную должность старшего этнографа МАЭ²⁵.

На новых сотрудников возлагались важные и сложные задачи. Их немедленно командировали за границу: Б. Ф. Адлера с 25 мая по 15 сентября 1903 г. для обозрения этнографических музеев Берлина и Лондона²⁶, Л. Я. Штернберга — в Берлин, Вену, Дрезден, Бремен, Будапешт с 25 мая по 1 сентября 1903 г.²⁷

Знание языков, связи и знакомства в Германии Б. Ф. Адлер использовал на пользу МАЭ. Он немало способствовал решению д-ра Германа Мейера, совладельца (1903) Библиографического института, пожертвовать МАЭ бразильские этнографические предметы. Герман Мейер (Herrmann August Heinrich Meyer; 1871–1932) изучал этнологию и антропологию в университетах Страсбурга, Берлина и Йены, в 1895–1896 и 1898–1900 гг. совершил экспедиции во внутреннюю Бразилию. В 1896 г. он работал в Лейпцигском этнографическом музее (Assistent am Museum für Völkerkunde in Leipzig). 7 октября 1903 г. Герман Мейер уведомил МАЭ о своем решении²⁸ и разъяснил детали письмом 8 октября 1903 г. (пер. с нем. яз. Н. М. Сысоевой):

«Уважаемый господин!

Я недавно имел удовольствие приветствовать господина д-ра Адлера и подробнее услышать от него о его предстоящих экспедициях. Осуществление его планов представляет большую ценность для науки, и я позволю себе заверить его о моей помощи в этой поездке. Одновременно я обещал ему передать ряд этнографических предметов из области Шингу, которую я посетил дважды, Этнографическому музею Академии наук. Одно подобное собрание я составил и позавчера с экспедицией “Гергард и Гей” просил отправить Этнографическому музею Академии. Это два ящика и один тюк. Я позволю себе следом переслать письменное заявление в Академию наук и был бы Вам с благодарностью обязан, если Вы направите это письмо Академии и ответите.

С выражением глубочайшего уважения,

преданный

д-р Германн Мейер»²⁹.

15 октября 1903 г. В. В. Радлов рапортовал ИФО ИАН, что младший этнограф Б. Ф. Адлер, командированный за границу, вступил в переговоры с известным путешественником по Южной Америке д-ром Германом Мейером относительно передачи его богатых коллекций в дар МАЭ (в том числе мумифицированной

головы индейцев хиваро). Коллекция, состоящая из 206 номеров, происходит с р. Шингу и является единственной в России. ИФО ИАН выразило особую благодарность Г. Мейеру за дар, «являющийся краеугольным камнем наших будущих южноамериканских коллекций»³⁰.

С 1 мая 1904 г. Б. Ф. Адлер вновь был экстренно командирован в Германию на три недели по такому же поводу³¹. Д-р Герман Майер и Оскар Менгельбир известили В. В. Радлова, «что собранные ими среди различных южноамериканских народов коллекции они жертвуют в Музей антропологии и этнографии им. императора Петра Великого с тем, чтобы последний командировал кого-нибудь для приема и упаковки коллекций, хранящихся в Ахене, причем расход по командировке лица и упаковке берет на себя д-р Майер». В. В. Радлов просил ИФО ИАН командировать на три недели Б. Ф. Адлера в г. Ахен для приема и доставления означенной коллекции³². 6 мая 1904 г. Герман Майер перевел в МАЭ телеграфом 500 марок, а чек на 8000 марок передал через д-ра Адлера³³. Этими деньгами дирекция оплатила покупку коллекций для МАЭ.

В ответ 2 мая 1905 г. император пожаловал д-ру Герману Майеру из Лейпцига орден Св. Станислава 2-й степени и инженеру Оскару Менгельбири из Ахена орден Св. Станислава 3-й степени за поднесенные в дар МАЭ южноамериканские коллекции. Орденские знаки и грамоты для названных лиц были препровождены в Императорскую миссию в Дрездене и Императорское посольство в Берлине для передачи по принадлежности³⁴. Позже д-р Герман Майер пожертвовал еще 6000 руб., и Попечительный совет МАЭ оплатил счета по омеблировке МАЭ за 1910–1911 гг.³⁵ 17 ноября 1910 г. ИФО ИАН утвердило Германа Майера в звании корреспондента МАЭ³⁶.

По представлению общества «Ясли» Б. Ф. Адлер был награжден болгарским орденом за участие в выставлении болгарских предметов МАЭ на Международной выставке исторических и современных костюмов и их принадлежностей в Таврическом дворце (1902–1903). Он просил у Правления ИАН разрешения на принятие и ношение пожалованного ордена, и 21 июня 1904 г. император дал разрешение на ношение надворным советником Б. Ф. Адлером

болгарского ордена «За гражданские заслуги» 5-й степени с короною; он получил грамоту на орден, что было отмечено в формулярном списке о службе³⁷. В. В. Радлов и Б. Ф. Адлер приняли участие в подготовке международной научно-промышленной выставки «Детский мир» и возглавили ее этнографический отдел (1903–1904).

Физически Адлер не отличался крепостью. Юный мещанин из г. Либавы Бруно Вильгельм Карл Адольф Фридрихов Адлер явился «к исполнению воинской повинности. Но по освидетельствованию признан совершенно неспособным к военной службе, а потому освобожден навсегда от службы. Гробинское уездное по воинской повинности присутствие 5 августа 1899 г.»³⁸. Поэтому когда лейпцигский профессор Ганс Майер предложил снарядить за свой счет экспедицию на три года в Полинезию во главе с младшим этнографом Б. Ф. Адлером для пополнения коллекций МАЭ, тот отказался (по болезни), и на эти 5 тыс. руб. была снаряжена экспедиция Б. О. Пильсудского на Южный Сахалин для изучения айнов и ороков (1902), в результате которой музей обогатился коллекцией предметов айнского быта³⁹.

3 июня 1904 г. в Петербургскую сыскную полицию поступило прошение Бруно Фридриховича Адлера, этнографа Императорской Академии наук, надворного советника, проживавшего по адресу: Васильевский остров, 12-я линия, д. 31А, кв. 21.

«Прошение.

1-го июня 1904 г. я собрался ехать в Москву со скорым поездом (8 ч^{асов} в^{ечера}). У входа во 2-й класс я не застал ни одного носильщика и должен был поневоле обратиться за помощью к лицу, одетому в форму служащего Николаевской железной дороги (черный кафтан с зеленой выпушкой и черный картуз с такой же выпушкой и буквой Н). Этот носильщик сдал мою корзину в багаж и понес за мной мой ручной багаж. Я вошел в вагон с вещами, бывшими у меня в руках. Носильщик же в минуту отхода поезда остался на платформе с моими вещами. У него остались черный кожаный старый чемодан с уголками, обитыми медными и жестянными пластинками, и оборванными багажными ярлыками (Leipzig–Москва). В чемодане находилось мое белье с метка-

ми В. А., 3 флакона одеколона в оригинальной кельнской упаковке, письменные принадлежности, письма на мое имя (много заграничных) и паспорт, выданный Правлением АН на имя Бруно-Вильгельма-Карла-Адольфа Фридрихова Адлер. В корзинке находились книги от 30–40 шт. Переплетенная имела штемпель АН и золотой герб-орел. Заявил об этом принять меры розыска и выдать копию с прошения для получения дубликата похищенной книжки»⁴⁰.

30 апреля 1905 г. Б. Ф. Адлер обратился в Правление ИАН о выдаче ему надлежащего свидетельства для представления в церковь, которое ввиду экстренности случая было выдано 2 мая 1905 г.:

«Свидетельство.

Дано сие на определение Правления Императорской Академии наук, от Канцелярии Правления младшему этнографу Музея Академии по Антропологии и Этнографии, надворному советнику Бруно-Вильгельму-Карлу-Адольфу Фридриховичу Адлеру, для вступления его в первый законный брак с девицей Верой Наумовной, ур. Горвиц, буде на то со стороны духовного ведомства препятствий не окажется. 5.05.1905 г. Правитель дел В. Кеппен»⁴¹. 1 июня 1905 г. Б. Ф. Адлера обвенчал «с девицей Евгенией Верой Горвиц, законной дочерью умершего купца Нафана Адольфа Горвица и умершей его жены Анны Софии ур. Левенсон, родом из Москвы, 28 лет от роду, евангелическо-лютеранского вероисповедания», в Москве пастор евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла Ф. Детерс. У супругов родились дочери Елизавета Глиkerия (5 июля 1906 г., при святом крещении наречена именем 4 августа в Москве), Анна Глиkerия (27 августа 1908 г., окрещена 28 февраля 1909 г. в Санкт-Петербурге в лютеранской церкви Св. Марии на Петербургской стороне пастором А. Мазингом), Вера Глиkerия (13 февраля 1910 г., окрещена 29 мая 1910 г. там же)⁴². 21 декабря 1905 г. Б. Ф. Адлер просил Правление ИАН выдать его жене Вере Евгении Наумовне Адлер, ур. Горвиц, отдельный вид на жительство⁴³.

Очевидно, Б. Ф. Адлер спешил заключить брак перед очередной рабочей поездкой. Академик В. В. Радлов счел необходимым коман-

дировать его для ознакомления с коллекциями музеев Мюнхена и Вены с 1 июня по 15 августа 1905 г.⁴⁴

В конце 1905 г. группа сотрудников МАЭ была представлена к наградам за служебные отличия. Правление ИАН премировало младшего этнографа Б. Ф. Адлера денежной суммой⁴⁵. Высочайшими приказами по гражданскому ведомству от 1 января 1907 г. № 1 Б. Ф. Адлеру пожалован орден Св. Станислава 3-й ст. и от 25 января 1907 г. № 5 произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством от 1 мая 1906 г.⁴⁶

В 1906 г. Б. Ф. Адлер выдержал магистерский экзамен по географии и этнографии. Он начал читать лекции по антропологии в Женском педагогическом институте, давать уроки географии в различных учебных заведениях Петербурга, в частности в Императорском Александровском лицее⁴⁷.

В МАЭ происходили масштабные перемены⁴⁸. Разворачивалась практика сбора профильных коллекций путем прямых полевых сборов и обмена с другими музеями. Летом 1906 г. на средства музея Е. Л. Петри, приватно исполнявшая обязанности младшего этнографа МАЭ, была командирована в музеи Берлина, Лейпцига и Вены для обозрения соответствующих отделов, а также для ведения переговоров о приобретении в Лейпцигском музее (в обмен) коллекций из жизни африканских народов⁴⁹. В Лейпциг тогда приехал Е. И. Александр, который начал частично финансировать экспедиции МАЭ и других музеев. Он принимал непосредственное участие в отборе экспонатов⁵⁰.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 25 января 1907 г. № 5 Б. Ф. Адлер произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 1 мая 1906 г.⁵¹ С 25 мая по 1 сентября 1907 г. Б. Ф. Адлер был командирован в Копенгаген и Париж для ознакомления с коллекциями музеев⁵².

Как и другие сотрудники МАЭ, Б. Ф. Адлер регистрировал новые поступления, вел переписку с коллекционерами, в том числе зарубежными, относительно покупки их коллекций⁵³. В его ведение поступали китайские, японские, тибетские, монгольские, бурятские, калмыцкие, индийские предметы, а также коллекции из разных районов России, в том числе археологические и антропологические.

В 1902–1909 гг. он зарегистрировал 294 коллекции, всего около 12 тыс. предметов МАЭ, в том числе дары от Г. Мейера, О. Менгельбира, С. Ф. Ольденбурга, передачи из ИРГО, Императорской археологической комиссии и др.

В 1909 г. решением Государственного совета был создан Попечительский совет при Музее антропологии и этнографии им. императора Петра Великого при Императорской Академии наук⁵⁴, который действовал до 1917 г. По инициативе директора МАЭ было введено звание члена-корреспондента МАЭ в отечественном и зарубежном вариантах. На средства Попечительского совета в 1911 г. была закончена надстройка третьего этажа здания МАЭ, где разместился новый Памятный отдел императора Петра Великого. Таким образом МАЭ реализовал знаковый проект к 200-летию Санкт-Петербурга.

В конце 1909 г. Д. А. Клеменц попросил об отставке и назначении ему пенсии⁵⁵. Русский музей императора Александра III отношением от 30 ноября 1909 г. № 356 ходатайствовал о переводе туда на должность хранителя Б. Ф. Адлера⁵⁶. Со стороны ИАН препятствий не последовало⁵⁷. Коллежский советник Б. Ф. Адлер, младший этнограф Музея Императорской Академии наук по антропологии и этнографии, 29 декабря 1909 г. был переведен на службу по ведомству императорского двора хранителем Этнографического отдела Русского музея императора Александра III с 1 января 1910 г. (во временный штат). Об этом было официально объявлено 1 мая 1910 г. в № 94 «Правительственного вестника», Отдел высочайших приказов по гражданскому ведомству от 26 апреля 1910 г. № 22. Б. Ф. Адлер был исключен из списка служащих в Академии наук лиц⁵⁸. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 1 января 1910 г. № 1 ему пожалован орден Св. Анны 3-й ст.; за этот орден со служащих в течение четырех месяцев удерживали 20 руб., и Б. Ф. Адлер 11 марта 1911 г. внес их в кассу Министерства Императорского двора для причисления к средствам Капитула российских императорских и царских орденов⁵⁹.

Согласно журналам заседания Совета Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (далее — ЭОРМИАИП) за 1910 и 1911 гг., Б. Ф. Адлер уже 9 января 1910 г. в присутствии

председателя Совета великого князя Георгия Михайловича представил составленный им план работ по собиранию коллекций в Сибири и смету расходов на 1910 г.⁶⁰ В 1910–1911 гг. велось строительство здания для Этнографического музея, и четверо его сотрудников — руководителей районов занимались обустройством новой экспозиции, собирали недостающие для будущей экспозиции предметы. На 1910 г. на район Б. Ф. Адлера осталось 3688 руб. капитала — наименьшая сумма⁶¹. Б. Ф. Адлер планировал: 1) командировать И. Л. Жапова (Жабэ) к бурятам и ассигновать на это 500 руб. (в ноябре 1910 г. вещи поступили⁶²); 2) 500 руб. ассигновать Логиновскому для пополнения сборов на Камчатке; 3) 700 руб. — Е. М. Луценко для сбора коллекций в Уссурийском крае (командировка не состоялась, но вещи, пожертвованные Обществом изучения Амурского края, поступили от него в декабре 1910 г.⁶³); 4) 100 руб. — К. Л. Волосовичу для сбора коллекций у чукчей и юкагиров. Также Б. Ф. Адлер предполагал приобрести коллекции у П. Е. Островских и осуществить сбор коллекций у обских осятков, эскимосов (как сравнительный материал), гиляков и сагайцев (хакасов). Одновременно «Б. Ф. Адлер согласен взять на себя труды по наблюдению и организации всей регистрации коллекций в отделе: а) наблюдение за ходом регистрационных работ, выдачей номеров для регистрации коллекций, б) вписания в Инвентарь зарегистрированных и просмотренных хранителями соответственных районов списков коллекций, в) наблюдение за печатанием регистрационных списков»⁶⁴. 30 января 1910 г. «район Д. А. Клеменца» переименовали в «район Б. Ф. Адлера»⁶⁵. В его отдел поступали коллекции от калмыков, из Монголии, Китая и других стран.

Как свидетельствуют документы, Б. А. Адлер продолжал работать по модели, практикуемой в МАЭ. Так, 3 апреля 1910 г. он обратился в Министерство финансов с просьбой о бесплатной присылке для библиотеки изданий министерства⁶⁶, пользовался льготными тарифами для доставки коллекций⁶⁷. Он ходатайствовал о награждении лиц, оказывавших содействие сотрудникам отдела во время экспедиций и делавших пожертвования предметов: благодарность августейшего управляющего, благодарность Совета Этнографического музея, награждение бронзовой или серебряной

медалью Русского музея. Он поддерживал контакты со многими собирателями, которые работали на МАЭ. Так, слушатель Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения А. И. Иванов, командированный для практических занятий в окрестностях г. Пекина, получил 300 руб. на сбор этнографических предметов⁶⁸. Н. Л. Гондатти просили принять в члены Амурской экспедиции регистратора коллекций Этнографического отдела А. А. Макаренко⁶⁹. Сам Б. Ф. Адлер передал в МАЭ археологическую коллекцию (*каменные стрелки и «lames»*) и в Зоологический музей — шкурки птиц из Енисейской губернии от П. Е. Островских⁷⁰. Поддержал А. А. Дунина-Горкавича, собиравшего в Западной Сибири экспонаты для музеев⁷¹.

«По району Б. Ф. Адлера» были приобретены в Гамбурге эскимосский каяк с веслом⁷², у Ротмана и г-жи О. М. Скордули — китайские коллекции, у Сокольникова — этнографические предметы из Анадырского края, у Д. А. Чупрова — самоедские и остыкские вещи, у Курочкина — 40 негативов, сделанных им в Якутской области в 1906–1909 гг., у г-жи Фаддеевой — гольдские костюмы, у А. В. Адрианова — костюмы из долины р. Уда, у А. М. Головачева — костюм свахи из Минусинского края, у Г. А. Борисова — предметы от оседлых чукчей. Он вел переговоры с П. Н. Козловым о покупке его коллекции из Монгол-Сычуанской экспедиции⁷³. Топографу переселенческого Красноярского управления И. И. Бердиникову, который ехал в экспедицию на среднюю Тунгуску (по рекомендации А. А. Макаренко), было выдано 50 руб. для пополнения в некоторых частях его коллекции⁷⁴; Д. К. Соловьеву — 10 дюжин фотопластинок, 500 руб. и удостоверение музея для собирания в Уссурийском крае⁷⁵.

В 1910 г. Б. Ф. Адлер решил проблему печатания регистрационных списков ЭОРМИАП. Типографии М. М. Стасюлевича и Академии наук не приняли их, поскольку не имели свободного шрифта⁷⁶. По выбору Б. Ф. Адлера заказ был передан в типографию «Энергия», принадлежавшую г-ну Шапиро⁷⁷. Под его руководством осуществлялась первичная обработка коллекций из Хара-Хото — реставрационные работы (склейка фарфора), составление описи⁷⁸.

Б. Ф. Адлеру пришлось решать непростые этические и юридические проблемы при отборе и приеме коллекций в фонд ЭОРМИАП. Так, крестьянин Томской губернии Зот Кузьмин прислал в дар предметы из раскопок. 6 февраля 1910 г. было принято решение их принять и ответить, что «раскопки регламентированы законом, а поэтому для него самое правильное прекратить раскопки, если он не желает подвергнуться ответственности»⁷⁹. Когда З. М. Кузьмин потребовал денег, коллекция была оценена в 2 руб.⁸⁰

В феврале 1910 г. Б. Ф. Адлер отказался продолжать отношения с К. М. Рычковым, так как «работа его не обещает результатов в будущем»⁸¹, потребовал вернуть деньги, полученные на экспедицию в Туруханский край. Управление Николаевской железной дороги 6 марта 1910 г. вернуло ЭОРМИАП 216 руб. 57 коп. в качестве возмещения убытков за утерянный в дороге ящик с вещами, собранными в Сибири А. А. Макаренко⁸². Несколько раз из-за недостатка средств пришлось отказать А. В. Адрианову, который предлагал собрать этнографические коллекции среди киргизов Семипалатинской области⁸³, остяков Нарымского края⁸⁴, калмыков⁸⁵. 12 марта 1911 г. Б. Ф. Адлер просил музей «войти в сношения с юрисконсультом Министерства Двора о возбуждении дела по взысканию долгов с гг. Рычкова, Ануцина, Оленина, Толстого, Бутурлина и Малова»⁸⁶.

20 марта 1910 г. Б. Ф. Адлер получил из Канцелярии ЭОРМИАП копию своего формулярного списка для представления в Московский университет⁸⁷. 26 мая 1910 г. Б. Ф. Адлер ездил в командировку в Москву на неделю⁸⁸ и защитил в университете диссертацию на соискание ученой степени магистра географии на тему «Карты первобытных народов», диплом выдан 27 июля 1910 г. за № 2925⁸⁹.

Задача воспитать кадры всестороннее образованных географов была очень актуальной. При университетах имелись только кафедры по отдельным разделам географической науки⁹⁰. 20 апреля 1910 г. с разрешения З. А. Макшеева, директора Педагогического музея военно-учебных заведений, состоялось организационное собрание учредителей, и при отделе географии и естествознания этого музея было создано Географическое бюро. Первым руководителем этого своего рода справочно-консультационного пункта для обслужива-

ния учителей географии в Петербурге стал профессор Б. Ф. Адлер⁹¹, а с осени 1910 г. — профессор Л. С. Берг. Активный организатор бюро Д. Д. Руднев исполнял обязанности секретаря. Бюро вело энергичную лекционную деятельность, ставя целью подготовку исследователей. Выдающихся ученых приглашали выступать с научными беседами по познанию преимущественно России⁹². Работа Географического бюро способствовала реализации проекта специального Географического института (1918), вошедшего в состав Ленинградского государственного университета в качестве факультета (1925).

В сентябре-октябре 1910 г. Б. Ф. Адлер был командирован в Сибирь и на Дальний Восток с целью посетить местные музеи и лично переговорить с собирателями этнографических коллекций о направлении их деятельности; ему было ассигновано 400 руб. из сумм района Сибири⁹³. По пути он остановился в Казани, ознакомился с музеями и географическим кабинетом Казанского университета⁹⁴.

Во Владивостоке Б. Ф. Адлер приобрел ряд предметов, оплатил из личных средств перевозку коллекций, пожертвованных Обществом изучения Амурского края во Владивостоке⁹⁵. От Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в Хабаровске и Чите он привез в ЭОРМИАП публикации и предложение обмениваться изданиями⁹⁶. По возвращении реализовал предложение председателя Приамурского отдела ИРГО передать в ЭОРМИАП дублеты орочской коллекции, собранной директором Гродековского музея В. К. Арсеньевым на средства отдела ИРГО⁹⁷. Причем пожертвованные В. К. Арсеньевым коллекции были приняты на условии неотчуждения⁹⁸.

Б. Ф. Адлер наладил контакты с Тобольским губернским музеем, куда была выслана в дар книга «Ковровые изделия Средней Азии» из собрания А. А. Боголюбова⁹⁹. Последовало предложение участвовать летом 1911 г. в экскурсии к инородцам северной части Тобольского и южной части Сургутского уездов, ЭОРМИАП ассигновано 450 руб. на сбор этнографических коллекций *по кропивному производству у остяков на р. Салым*¹⁰⁰.

По возвращении Б. Ф. Адлер доложил непременному секретарю ИАН просьбу И. Т. Савенкова о принятии Минусинского город-

ского Мартыновского музея под покровительство ИАН; вопрос этот впервые был поставлен в 1908 г.¹⁰¹

В 1911 г. возникла острая ситуация в связи с отчуждением экспонатов. По соглашению сторон частные лица, спонсировавшие музейные экспедиции, получали часть собранных предметов. Одним из них был антиквар, купец Евгений Иванович Александр, 1864 г. р., германский подданный лютеранского вероисповедания, проживавший в Петербурге с 1892 г., состоявший в должности VI класса, член Попечительного совета торговых школ при церкви Христа Спасителя и член Церковного совета при евангелическо-лютеранской церкви Христа Спасителя в Санкт-Петербурге. С 1905 г. он оказывал значительные услуги МАЭ, пожертвовал ряд ценных предметов китайского и японского быта, Африки и Америки¹⁰².

В феврале 1910 г. Б. Ф. Адлер ходатайствовал о командировании на о. Сахалин и в устье реки Амур В. Н. Васильева. Этого опытного собирателя он предлагал использовать для регистрации коллекций, выставления предметов, составления карточного каталога, но свободного места регистратора в ЭОРМИАП не было¹⁰³. Тем не менее В. Н. Васильеву платили ежемесячно за работу по району Б. Ф. Адлера 75 руб. из его районных сумм с 1 марта 1910 г.¹⁰⁴ по апрель 1911 г.¹⁰⁵ На экспедицию требовалось 7500 руб., но 3500 руб. выделяло частное лицо, которому будут принадлежать дублеты. Таковым лицом был Е. И. Александр, выделявший средства на собирание коллекций для МАЭ, в том числе *полностью оплативший сборы А. В. Журавского*¹⁰⁶. Для успеха экспедиции В. Н. Васильева требовалась помочь властей. Поэтому Совет ЭОРМИАП просил приморского генерал-губернатора поддержать экспедицию: дать двух солдат с палаткой, разрешение на приобретение пороха, оружия, съестных припасов из хозяйственных складов, открытые листы на право преимущественного пользования почтовыми лошадьми, а также сообщить об этом Управлению государственными имуществами в Хабаровске. Совет ЭОРМИАП выделил на экспедицию 6 тыс. руб. для В. Н. Васильева у Коллэна в Париже был приобретен набор антропометрических инструментов, подержанный объектив (за 50 руб.), выдан 1 том «Материалы по этнографии России»¹⁰⁷.

Е. А. Александр предложил ЭОРМИАП приобрести у него две этнографические коллекции — карагасскую и самоедскую¹⁰⁸. 11 декабря 1910 г. Б. Ф. Адлер высказался «о желательности приобретения от Е. И. Александера коллекции этнографических предметов, собранных В. Н. Васильевым среди карагассов, за 8000 руб.»¹⁰⁹ 16 декабря 1910 г. Александр предоставил выданный МАЭ документ, что эта коллекция является его личной собственностью¹¹⁰. В составе коллекций оказались два самоедских оленя, и одного из них г-н Александр предложил обменять на туркестанские металлические изделия с эмалью. Б. Ф. Адлер не возражал против такого обмена, «потому что оленей для одной самоедской упряжки не хватает, оставшегося же 1-го оленя для самоедской коллекции достаточно». Тем не менее 12 марта 1911 г. Совет ЭОРМИАП «ввиду того, что олени вошли в списки коллекции, приобретенной на средства Государя Императора от Е. И. Александера», признал все предметы этой коллекции неотчуждаемыми и от обмена, предлагаемого г. Александром, отказался¹¹¹. Туркестанские металлические изделия Совет ЭОРМИАП 19 марта 1911 г. согласился приобрести у Е. И. Александера за 50 руб., как и 19 манекенов, временно находившихся на годичной отчетной выставке, за 145 руб.¹¹² Для Е. И. Александера были отпечатаны 344 фотографии с негативов коллекций В. Н. Васильева (по 8 коп. за штуку, на сумму 27 руб. 52 коп.)¹¹³.

Молодой исследователь А. В. Журавский (1882–1914) с 1905 г. собирал в Приполярье коллекции для МАЭ¹¹⁴. Он обнаружил, что часть его самодийских предметов, «пожертвованных для музея на условиях неотчуждения», поступила купцу Е. И. Александеру для перепродажи, который предложил их в ЭОРМИАП¹¹⁵. А. Н. Самойлович, А. Д. Руднев (отказавшийся впоследствии от показаний), Н. И. Могилянский разделили возмущение Журавского, Б. Ф. Адлер же «требовал своей анонимности»¹¹⁶. Позже Б. Ф. Адлер утверждал, что атрибуция некоторых сибирских предметов была ошибочной: долганский шаманский костюм, привезенный Бакундом, был отдан из МАЭ Александеру как енисейско-остяцкий (кетский), попал в Гамбургский музей народоведения и был немедленно опубликован д-ром А. Биханом (*Dr. A. Byhan. Die Polarvölker. Leipzig: Quelle*

& Meyer, 1909) как шаманский костюм енисейских остыков, «чем в науку введена ошибка представителем высшего научного учреждения»¹¹⁷. В свою очередь, В. В. Радлов и Л. Я. Штернберг обвинили Б. Ф. Адлера в распространении ложных слухов.

Разногласия Б. Ф. Адлера и МАЭ рассмотрел третейский суд в составе академика А. А. Шахматова, профессора С. Ф. Платонова, суперарбитра заслуженного профессора И. А. Ивановского, секретаря приват-доцента М. Б. Горенберга¹¹⁸. Выяснилось, что на нужды Печорской естественно-исторической станции А. В. Журавского в Усть-Цильме через МАЭ шли средства от антиквара Е. А. Александера. Журавский «не был своевременно осведомлен о том, что сборы его, предназначенные для музея, частью поступают г. Александру для продажи»¹¹⁹, что «Журавского Александер финансировал полностью»¹²⁰, поэтому «самоедские коллекции от Журавского почти полностью поступили в собственность Е. А. Александера»¹²¹.

А. В. Журавский 15 апреля 1911 г. в газете «Новое время» опубликовал открытое письмо. 27 апреля 1911 г. В. В. Радлов просил правительственный ревизии для МАЭ. Решением Общего собрания ИАН 7 мая 1911 г. в состав Комиссии по обревизованию делопроизводства МАЭ вошли директора академических музеев академики К. Г. Залеман, Ф. Н. Чернышев, И. П. Бородин, Н. В. Насонов, В. В. Радлов, от ИФО ИАН — академик П. Н. Никитин, председатель, и М. А. Дьяконов, секретарь¹²². Состоялось 11 заседаний. 1 марта 1912 г. комиссия, увидев ошибки и недосмотры, не нашла ущерба казенным интересам и преднамеренного нарушения правил, признала деятельность академика В. В. Радлова бескорыстной¹²³.

30 апреля 1911 г. самоедская коллекция была отослана из ЭОРМИАП обратно Е. И. Александеру, за что по счету комиссационной конторы К. Бено и К° из хозяйственного капитала отдела заплачено 179 руб.¹²⁴ 21 мая 1911 г. Н. М. Могилянский констатировал:

«В ближайшее время в отсутствие Совета придется ликвидировать дело по экспедиции г. Васильева на о. Сахалин и в устье р. Амур, связанное со сбором дублетной коллекции для г. Александера. В настоящее время выяснено лишь, что условия, на

которых было разрешено приобретение дублетов и их выдача г-ну Александеру, не были соблюdenы. Во-первых, не все посылки отправлены В. Н. Васильевым прямо на музей, а часть пошла непосредственно на имя г-на Александера, хотя еще им с железной дороги не получены, и, во-вторых, что все посылки, до сих пор полученные музеем, доставлены по льготному тарифу, что также не соответствует поставленным отделом требованиям. Ввиду важности этого дела и возможных неприятных последствий неточного исполнения требований отдела Н. М. Могилевский находит желательным ликвидировать это дело при участии лиц, стоящих вне Этнографического отдела.

Постановили: Дело по экспедиции В. Н. Васильева, в той его части, которая касается отношений с г. Александром, выяснить в особом заседании небольшой комиссии под председательством П. Н. Шеффеля и в присутствии Г. В. Каховского. При этом необходимым условием выдачи дублетных коллекций г-ну Александеру поставить, во-первых, — передачу им всех накладных Этнографическому отделу, чтобы все сборы В. Н. Васильева поступили непосредственно в музей и, во-вторых, — чтобы весь материал, который может быть передан г-ну Александеру, был взвешен и за его доставку г. Александр должен уплатить по полному железнодорожному тарифу»¹²⁵.

В. Н. Васильеву 10 сентября 1911 г. уплачено 202 руб. 3 коп. за возмещение перерасхода по командировке¹²⁶ и выдано удостоверение о службе в ЭОРМИАШ на предмет представления в канцелярию Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения при поступлении слушателем в Академию¹²⁷. 18 октября 1911 г. прибыла коллекция В. Н. Васильева, за груз было уплачено 475 руб. из сумм запасного капитала отдела¹²⁸. 17 декабря 1911 г. от Е. И. Александера получено 261 руб. 85 коп. за возврат по уплате ЭОРМИАШ за провоз дублетных коллекций, собранных В. Н. Васильевым¹²⁹.

Последний раз Б. Ф. Адлер присутствовал на заседании Совета ЭОРМИАШ 2 апреля 1911 г. Он был командирован 7 апреля 1911 г. за границу для осмотра музеев¹³⁰. Дела по управлению районом

Сибири он передал князю Д. Э. Ухтомскому, наблюдение за печатанием регистрационных списков — К. К. Романову¹³¹. В ЭОРМИАШ Б. Ф. Адлер получил содержание по 240 руб. 10 коп. в месяц, за вычитанием в пенсионный и инвалидный капиталы¹³². 5 декабря 1911 г. «район Б. Ф. Адлера» переименован в «район Сибири»¹³³.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 16 мая 1911 г. № 34 Б. Ф. Адлер за выслугу лет произведен в статские советники со старшинством с 1 мая 1910 г.¹³⁴ Одновременно Канцелярия Министерства Императорского двора отношением от 6 апреля 1911 г. № 3689 осведомилась у управляющего Русским музеем императора Александра III графа Д. И. Толстого о том, не существует ли препятствий со стороны Русского музея по переводу хранителя Этнографического отдела, магистра географии Б. Ф. Адлера на службу по ведомству Министерства народного просвещения¹³⁵. Высочайшим приказом по ведомству от 24 июля 1911 г. № 52 Б. Ф. Адлер переведен на службу в Императорский Казанский университет на должность экстраординарного профессора по кафедре географии и этнографии¹³⁶. Казанская и дальнейшие страницы его жизни (работа в Московском университете и пр.) изучены лучше¹³⁷ и находятся вне темы статьи.

В сентябре 1925 г. Б. Ф. Адлер приезжал в Ленинград на празднование 200-летия Академии наук. В МАЭ уже работал антрополог Б. Н. Вишневский — его бывший ученик. Супруги А. М. и Л. А. Мертварт вспоминали, что Л. Я. Штернберг не любил Б. Ф. Адлера, который после революции 1917 г. бывал в Лейпциге в командировках; д-ра Плишке, заведующего отделом Австралии и Океании удивило предложение МАЭ об обмене музейными коллекциями, поскольку Б. Ф. Адлер говорил, что научная работа в СССР в полном застое и музеи не пополняются: «Чем же тогда обмениваться?». Ганс Плишке, профессор Лейпцигского университета, близкий к Notgemeinschaft der deutscher Gelehrter¹³⁸, был товарищем д-ра Адлера по университету, они находились в постоянной переписке. «Б. Ф. этим моим разговором был недоволен»¹³⁹.

28 марта 1928 г. Управление делами АН СССР удостоверяло, что гр. Адлер Бруно Федорович состоял на службе в АН в должностях сотрудника МАЭ с 1 марта 1902 г. по 1 января 1910 г., с это-

го числа уволен с занимаемой должности в связи с переходом на службу в Русский музей¹⁴⁰.

В интересующий нас период практический опыт Б. Ф. Адлера нашел отражение в серии статей, опубликованных в 1900–1913 гг. в журналах, редактором которых был Д. Н. Анучин: «Землеведение»¹⁴¹, «Русский антропологический журнал»¹⁴². Его заметки вошли в «Отчет Императорского Русского географического общества»¹⁴³, «Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете»¹⁴⁴. Отдельными изданиями вышли его книги «Возникновение одежды»¹⁴⁵ и «Карты первобытных народов»¹⁴⁶.

Практический опыт, полученный в ведущих этнографических музеях Германии и Санкт-Петербурга, пригодился Б. Ф. Адлеру при реорганизации в 1911–1922 гг. кафедры географии и этнографии Казанского университета¹⁴⁷ и создании там единого университетского Музея археологии и этнографии, а также при попытке организовать в Москве Центральный этнографический музей¹⁴⁸ и др.

Библиография

Архивные источники

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1900). Д. 147.
- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1901). Д. 148.
- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1902). Д. 149.
- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1903). Д. 150.
- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1906). Д. 153.
- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1907). Д. 154.
- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1908). Д. 155.
- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1909). Д. 156.
- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1910). Д. 157.
- СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1910). Д. 54.
- СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1911). Д. 8.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Д. 76.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1901). Д. 86.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1905). Д. 99.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8.
- СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 31.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 49.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 50.

- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51.
 СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 53.
 СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 55.
 СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57.
 СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 58.
 СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 60.
 СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 63.

Прочие архивы

- Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63.
 Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72.
 Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу Ленинградской обл. Архивное уголовное дело № П-65245. Т. 13. Дополнительные показания.
 ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4.

Литература

- Адлер Б. Ф. Бременский этнографический и торгово-географический музей // Землеведение. М., 1902. Кн. 1–2.
- Адлер Б. Ф. Возникновение одежды. СПб.: Типолит. А. К. Вейерман, 1903. 84 с.
- Адлер Б. Ф. Географический семинарий в Лейпцигском университете // Землеведение. М., 1902. Кн. 3–4.
- Адлер Б. Ф. Географическое бюро при Педагогическом музее военно-учебных заведений в Петербурге // Землеведение. М., 1911. Кн. 3.
- Адлер Б. Ф. Диспут Б. Ф. Адлера // Землеведение. М., 1910. Кн. 2.
- Адлер Б. Ф. К вопросу о происхождении человека // Русский антропологический журнал. М., 1905. Кн. 1–2.
- Адлер Б. Ф. Кабинет географии и этнографии при имп. Казанском университете // Землеведение. М., 1913. Кн. 3–4.
- Адлер Б. Ф. Карты барона Торнау // Землеведение. М., 1900. Кн. 2–3.
- Адлер Б. Ф. Карты первобытных народов. СПб.: Тип. А. Г. Розена, 1910. 350 с.
- Адлер Б. Ф. Лейденский этнографический музей // Землеведение. М., 1901. Кн. 1–2.
- Адлер Б. Ф. Луки и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. М., 1903. Кн. 3–4.
- Адлер Б. Ф. Музей этнографии и антропологии имени имп. Петра Великого при Академии Наук // Землеведение. М., 1904. Кн. 1–2.
- Адлер Б. Ф. Отзыв о трудах А. А. Ивановского Отчет ИРГО за 1905 г. СПб., 1907, прил. С. 31–37.
- Адлер Б. Ф. Происхождение европейских народов // Русский антропологический журнал. М., 1901. Кн. 3–4.
- Адлер Б. Ф. Происхождение и переселение народов с географической точки зрения // Русский антропологический журнал. М., 1901. Кн. 1.

Адлер Б. Ф. Рибенсдорф // Русский антропологический журнал. М., 1904. Кн. 3–4.

Адлер Б. Ф. Рихард Андрэ // Землеведение. М., 1913. Кн. 1–2.

Адлер Б. Ф. Северогерманская низменность // Землеведение. М., 1900. Кн. 1–3.

Адлер Б. Ф. Фридрих Ратцель // Землеведение. М., 1904. Кн. 3.

Адлер Б. Ф. Эмиль Шмидт (1837–1906): некролог // Ежегодник Русского антропологического общества. 1908. Т. 2. —С. 175–177.

Барсков Я. Л. Педагогический музей военно-учебных заведений 1864–1914: ист. очерк / под ред. Я. Д. Барскова. СПб., 1914. 346 с.

Бруно Фридрихович Адлер. URL: <http://libweb.kpfu.ru/z3950/ubiz/adler.pdf>.

Итолитова А. Б. История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

Музей антропологии и этнографии Академии наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова: 1894–1906 / А. Я. Штернберг, Б. Ф. Адлер, С. Ф. Ольденбург и др. // Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. СПб., 1907. С. 29–107.

Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 202–206.

Руденко К. А. Музейная деятельность Б. Ф. Адлера (Казанский период) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. Вып. 3. С. 29–35.

Соболева Е. С. В. В. Радлов и система транспортировки в МАЭ (конец XIX — начало XX в.) // Primus inter parus (к 175-летию со дня рождения В. В. Радлова) / сост. и отв. ред. П. А. Матвеева, Е. А. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 155–184.

Терюков А. И. Андрей Владимирович Журавский и его коллекции по русским старообрядцам в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. Каталоги. Исследования / отв. ред. Т. А. Бернштам, А. И. Терюков. СПб., 2008. С. 88–108.

Adler B. Der nordasiatische Pfeil. Ein Beitrag zur Kenntnis der Antropogeographie des asiatischen Nordens. Inaugural-Dissertation. Leiden: Brill, 1901.

Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. XL. Leipzig: Verlag Münster-Hamburg, 1994.

* * *

¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

³ Adler B. Der nordasiatische Pfeil. Ein Beitrag zur Kenntnis der Antropogeographie des asiatischen Nordens. Inaugural-Dissertation. Leiden: Brill, 1901.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 8.

⁵ Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. XL. Leipzig: Verlag Münster-Hamburg, 1994. С. 30.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 53. Л. 49–50.

⁷ Там же. Д. 51. Л. 45.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1901). Д. 86. Л. 4.

- ⁹ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 53. Л. 179–180.
- ¹⁰ СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1901). Д. 148. Л. 259.
- ¹¹ Там же. Л. 299.
- ¹² СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 53.
- ¹³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1900). Д. 147. Л. 307 об.
- ¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1902). Д. 149. Л. 248.
- ¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 1.
- ¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 92–93 об.
- ¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 3.
- ¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1902). Д. 149. Л. 282 об.
- ¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 11–12.
- ²⁰ Там же. Л. 15, 17.
- ²¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Д. 76. Л. 64–65.
- ²² ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 8 об.
- ²³ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 55. Л. 1.
- ²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 31. Л. 93 об.
- ²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1903). Д. 150. Л. 326.
- ²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 13.
- ²⁷ Там же. Л. 14.
- ²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 50. Л. 226.
- ²⁹ Там же. Л. 224–225.
- ³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1903). Д. 150. Л. 311 об.
- ³¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 22–23.
- ³² Там же. Л. 37.
- ³³ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 50. Л. 270–271 об.
- ³⁴ Там же. Д. 57. Л. 13.
- ³⁵ Там же. Д. 63. Л. 83.
- ³⁶ Там же. Д. 57. Л. 183.
- ³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 27–35.
- ³⁸ Там же. Л. 7.
- ³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 53. Л. 445–447.
- ⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 38–39.
- ⁴¹ Там же. Л. 40–42.
- ⁴² ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 22–23.
- ⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 48.
- ⁴⁴ Там же. Л. 43–47.
- ⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1905). Д. 99. Л. 68.
- ⁴⁶ ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 9 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 3–4.
- ⁴⁸ Музей антропологии и этнографии Академии наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова: 1894–1906 / А. Я. Штернберг, Б. Ф. Адлер, С. Ф. Ольденбург и др. // Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. СПб., 1907. С. 29–107.

- ⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1906). Д. 153. Л. 349 об.
- ⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 58. Л. 75–77 об., 78–81 об.
- ⁵¹ ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 35 об.
- ⁵² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1907). Д. 154. Л. 339.
- ⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 50. Л. 304–304 об.; Д. 49. Л. 69; Д. 49. Л. 70; Д. 60. Л. 48–49; Д. 49. Л. 70–71.
- ⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1910). Д. 157. Л. 362.
- ⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1909). Д. 156. Л. 354.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 54–56.
- ⁵⁸ Там же. Л. 57.
- ⁵⁹ ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 10 об., 40.
- ⁶⁰ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.
- ⁶¹ Там же. Л. 10.
- ⁶² Там же. Л. 61.
- ⁶³ Там же. Л. 72.
- ⁶⁴ Там же. Л. 4.
- ⁶⁵ Там же. Л. 9.
- ⁶⁶ Там же. Л. 28 об.
- ⁶⁷ Соболева Е. С. В. В. Радлов и система транспортировки в МАЭ (конец XIX — начало XX в.) // Primus inter parus (к 175-летию со дня рождения В. В. Радлова) / сост. и отв. ред. П. А. Матвеева, Е. А. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 155–184.
- ⁶⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 28.
- ⁶⁹ Там же. Л. 31.
- ⁷⁰ Там же. Л. 71.
- ⁷¹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 20.
- ⁷² Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 5.
- ⁷³ Там же. Л. 26 об.
- ⁷⁴ Там же. Л. 14 об.
- ⁷⁵ Там же. Л. 28 об.
- ⁷⁶ Там же. Л. 37.
- ⁷⁷ Там же. Л. 65 об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 23.
- ⁷⁹ Там же. Л. 11.
- ⁸⁰ Там же. Л. 70 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 10.
- ⁸² Там же. Л. 17 об.
- ⁸³ Там же. Л. 37.
- ⁸⁴ Там же. Л. 63.
- ⁸⁵ Там же. Л. 65 об.
- ⁸⁶ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 14 об.
- ⁸⁷ ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 14.
- ⁸⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 37.

- ⁸⁹ ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 50.
- ⁹⁰ Адлер Б. Ф. Карты барона Торнау // Землеведение. М., 1900. Кн. 2–3.
- ⁹¹ Адлер Б. Ф. Географическое бюро при Педагогическом музее военно-учебных заведений в Петербурге // Землеведение. М., 1911. Кн. 3.
- ⁹² Барсков Я. Л. Педагогический музей военно-учебных заведений 1864–1914: ист. очерк / под ред. Я. Д. Барского. СПб., 1914. С. 271.
- ⁹³ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 46 об.
- ⁹⁴ Бруно Фридрихович Адлер. URL: <http://libweb.kpfu.ru/z3950/ubiz/adler.pdf>.
- ⁹⁵ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 58 об.
- ⁹⁶ Там же. Л. 61.
- ⁹⁷ Там же. Л. 59.
- ⁹⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 10 об.
- ⁹⁹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 70 об.
- ¹⁰⁰ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 21.
- ¹⁰¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1910). Д. 157. Л. 53.
- ¹⁰² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1906). Д. 153. Л. 371.
- ¹⁰³ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 13 об.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 14 об.
- ¹⁰⁵ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 66 об.
- ¹⁰⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1910). Д. 54. Л. 35–36, 43–44.
- ¹⁰⁷ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 22 об. — 23.
- ¹⁰⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1910). Д. 54. Л. 7.
- ¹⁰⁹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 71 об.
- ¹¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1910). Д. 54. Л. 7.
- ¹¹¹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 15 об.
- ¹¹² Там же. Л. 20.
- ¹¹³ Там же. Л. 46 об.
- ¹¹⁴ Терюков А. И. Андрей Владимирович Журавский и его коллекции по русским старообрядцам в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. Каталоги. Исследования / отв. ред. Т. А. Бернштам, А. И. Терюков. СПб., 2008. С. 88–108.
- ¹¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1910). Д. 54. Л. 34 об.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 65.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 34 об.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 34.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 34 об.
- ¹²⁰ Там же. Л. 43.
- ¹²¹ Там же. Л. 35 об.
- ¹²² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1911). Д. 8. Л. 10–12.
- ¹²³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1910). Д. 54. Л. 89 об.
- ¹²⁴ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 28.
- ¹²⁵ Там же. Л. 36–36 об.
- ¹²⁶ Там же. Л. 43 об.

- ¹²⁷ Там же. Л. 44 об.
- ¹²⁸ Там же. Л. 54.
- ¹²⁹ Там же. Л. 66 об.
- ¹³⁰ ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 42.
- ¹³¹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 21 об.
- ¹³² ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 52.
- ¹³³ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 63.
- ¹³⁴ ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 4. Л. 10 об.
- ¹³⁵ Там же. Л. 45.
- ¹³⁶ Там же. Л. 51–51 об.
- ¹³⁷ Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 202–206.
- ¹³⁸ Правильно: Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft — «Чрезвычайное сообщество немецкой науки». Организация основана в Берлине в 1920 г.
- ¹³⁹ Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу Ленинградской обл. Архивное уголовное дело № П-65245. Т. 13. Дополнительные показания. Л. 317.
- ¹⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 8. Л. 65.
- ¹⁴¹ Адлер Б. Ф.: 1) Северо-германская низменность // Землеведение. М., 1900. Кн. 1–3; 2) Лейденский этнографический музей // Землеведение. 1901. Кн. 1–2; 3) Бременский этнографический и торгово-географический музей // Землеведение. 1902. Кн. 1–2; 4) Географический семинарий в Лейпцигском университете // Землеведение. М., 1902. Кн. 3–4; 5) Музей этнографии и антропологии им. имп. Петра Великого при Академии наук // Землеведение. М., 1904. Кн. 1–2; 6) Фридрих Ратцель // Землеведение. М., 1904. Кн. 3; 7) Диспут Б. Ф. Адлера // Землеведение. М., 1910. Кн. 2; 8) Рихард Андрэ // Землеведение. М., 1913. Кн. 1–2.
- ¹⁴² Адлер Б. Ф.: 1) Происхождение и переселение народов с географической точки зрения // Русский антропологический журнал. 1901. Кн. 1; 2) Происхождение европейских народов // Русский антропологический журнал. 1901. Кн. 3–4; 3) Луки и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. М., 1903, № 3–4; 4) Рибендорф // Русский антропологический журнал. 1904. Кн. 3–4; 5) Луки и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. 1903. Кн. 3–4; 6) К вопросу о происхождении человека // Русский антропологический журнал. 1905. Кн. 1–2.
- ¹⁴³ Адлер Б. Ф. Отзыв о трудах А. А. Ивановского // Отчет ИРГО за 1905 г. СПб., 1907, прил. С. 31–37.
- ¹⁴⁴ Адлер Б. Ф. Эмиль Шмидт. (1837–1906): некролог // Ежегодник Русского антропологического общества. 1908. Т. 2. С. 175–177.
- ¹⁴⁵ Адлер Б. Ф. Возникновение одежды. СПб.: Типолит. А. К. Вейерман, 1903. 84 с.
- ¹⁴⁶ Адлер Б. Ф. Карты первобытных народов. СПб.: Тип. А. Г. Розена, 1910. 350 с.
- ¹⁴⁷ Руденко К. А. Музейная деятельность Б. Ф. Адлера (Казанский период) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. Вып. 3. С. 29–35.
- ¹⁴⁸ Ипполитова А. Б. История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

C. V. Шевчук

АЛЬБЕРТ РЕГЕЛЬ (JOHAN ALBERT REGEL, 1845–1908) — ВРАЧ, ПУТЕШЕСТВЕННИК, ОХОТНИК ЗА РАСТЕНИЯМИ

Статья посвящена биографии путешественника, охотника за растениями, врача по образованию Альберта Регеля (1845, Цюрих — 1908, Одесса). Рожденный в швейцарском Цюрихе, в 1855 г. он с родителями и старшей сестрой Елизаветой переехал в Петербург, куда его отец был назначен на пост старшего ботаника Императорского Ботанического сада. Несмотря на решение изучать медицину в Медико-хирургической академии, страсть к путешествиям предопределила тот род деятельности, которой прославился Регель в истории науки, — исследование неизведанных территорий и сбор растений. В статье рассказывается о жизни Регеля в качестве окружного врача в городе Кульдже на южных рубежах Российской империи (Туркестанский край). За 10 лет, проведенных в Туркестане, А. Регель совершил целый ряд путешествий по разным областям Средней Азии. Множество собранных растений вошло в состав Туркестанского гербария Императорского Ботанического сада.

Ключевые слова: Альберт Регель, ботаник, Санкт-Петербург.

S. V. Schevchuk

ALBERT REGEL (JOHAN ALBERT REGEL, 1845–1908) — DOCTOR, TRAVELER, PLANT HUNTER

The article contains information about the life of the traveler, plant hunter, doctor by education Albert Regel. He was born on December 12, 1845 in Zurich (Switzerland). There, on January 31, 1846, he was baptized. In Zurich, his father, Eduard Regel, worked as a senior gardener in a local botanical garden. Together with his parents and elder sister Elizabeth, Albert arrived in St. Petersburg in 1855, where his father was appointed to the post of senior botanist of the Imperial Botanical Garden. At the age of 19, Albert chooses medicine and enters the Medical-Surgical Academy. However, the passion for travel, perhaps, predetermined the fact that not medical practice, but the exploration of uncharted territories, collecting plants will become his predominant activity. This became possible after Albert received an appointment as a district doctor in Gulja, a city on the southern borders of the Russian Empire, in the distant Turkestan region. From the time of his appointment in 1876 as the Kuldzhin district doctor and up to 1885, that is, within 10 years, A. Regel made a number of travels in different regions of Central Asia. Many collected plants were included in the Turkestan Herbarium of the Imperial Botanical Garden. He passed away on July 6, 1908 in Odessa, where his grave was located.

Keywords: Albert Regel, botanist, St. Petersburg.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
 Тот сам себя не испытал,
 Пусть даже внизу он звезды хватал с небес.
 Внизу не встретишь, как не тянись,
 За всю свою счастливую жизнь
 Десятой доли таких красот и чудес.

В. Высоцкий

Эдуард Людвигович Регель (Eduard August Regel, 1815–1892) был не только знаменитым на весь мир ботаником, но и отцом большого семейства, где помимо дочери было пятеро сыновей. Все сыновья нашли свое место в жизни и проявили себя как талантливые и трудолюбивые люди (рис. 1).

Среди сыновей Эдуарда Людвиговича было трое так или иначе связавших свою жизнь с ботаникой. Но в исследовании дикой растительности преуспел самый старший из них, а именно Альберт, хотя по образованию он был врачом (рис. 2). Именно ему посвящена эта статья. В жизнеописании А. Регеля я старался уделить

Рис. 1. Семья Регелей

Рис. 2. Портрет Альберта Эдуардовича Регеля

основное внимание его деятельности как исследователя флоры Средней Азии.

До сих пор об этом человеке известно неоправданно мало, хотя тот вклад, что он внес своим служением в историю России и научный прогресс, значителен. Много загадок таит его удивительная судьба. Здесь представлено лишь то, что на данный момент мне удалось собрать в архиве и других публикациях. Надеюсь, представленная статья инициирует дополнительный интерес читателей и даст толчок к дальнейшему поиску материалов, связанных с жизнью Альберта Регеля.

Альберт (полное имя: Иоанн Альберт Эдуардович) Регель (Johann Albert Regel) родился 12 декабря 1845 г. в Цюрихе (Швейцария). Там же 31 января 1846 г. он был крещен¹. В Цюрихе его отец был старшим садоводом, весьма успешным, в местном ботаниче-

ском саду. При этом следует отметить, что Эдуард Регель не был швейцарцем, а в Швейцарию приехал из Германии. Его родиной был г. Гота в Тюрингии. Швейцаркой была жена Эдуарда Регеля, мать Альберта — Регула Елизавета Регель, в девичестве Лохер (Regula-Elisabeth Locher, 1822–1893)².

Вместе с родителями и старшей сестрой Елизаветой (Elisabeth Julia, 1842–1925) Альберт в 1855 г. приехал в Петербург, куда его отец был назначен на пост старшего ботаника Императорского Ботанического сада (а еще через 20 лет, в 1875 г., Э. Л. Регель станет там директором).

О детских годах Альберта мне, к сожалению, известно немного. Учился Альберт в немецкой гимназии Анненшуле. Полное название данного образовательного учреждения — Училище Св. Анны. Указом Николая I от 3 ноября 1852 г. школе был присвоен статус государственной гимназии. После этого ее выпускникам предоставлялось право поступать в университет. В училище было раздельное обучение для мальчиков и девочек. Для самых маленьких мальчиков предусматривалось обучение в двухлетнем элементарном училище, а более старшие дети выбирали реальное отделение с пятилетним обучением или гимназию с семилетним обучением. Многие предметы для реального училища и гимназии были общими: Закон Божий, русский язык, немецкий язык, французский язык, география, история, естественная история, физика, арифметика, геометрия и алгебра, чистописание и рисование. В гимназии, помимо этого, изучали греческий и латинский языки и было начальное обучение, но не преподавали английский язык и химию, которые, соответственно, изучались в реальном отделении. Было выделено также разное число часов на занятия по одноименным предметам. Для гармоничного развития учеников предусматривались также гимнастика, танцы и пение. В гимназии количество учеников в старших классах, начиная с 3–4-го года обучения, было значительно больше, чем учеников младших классах. В начальных классах порой было всего несколько учеников. Это было связано, по-видимому, с начальным домашним образованием. Альберт также, вероятно, вначале обучался на дому, а влился в коллектив учеников гимназии в 1860 г. сразу в 4-й класс. Обучение там продолжалось до 1864 г.³

В четверг 11 июня в 11 часов утра того далекого 1864 г. проходил торжественный выпуск учеников, окончивших полный курс наук. В торжественной программе прозвучала и речь на латинском языке окончившего курс Альберта Регеля «*De ratione Stoicorum*»⁴ (в переводе на русский — «На стоиков»), соединенная с прощальными словами к училищу. В завершение программы был исполнен Русский народный гимн.

Здание школы, где учился А. Регель, сохранилось до наших дней. Оно находится по двойному адресу: Кирочная ул., д. 8, лит. И или Фурштатская ул., д. 7–9. Фасад этого здания выходит на Фурштатскую улицу. Его официальное название — жилой и учебный дом евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны. Построено оно в 1840 г. (по другим данным, в 1836 г.)⁵.

В возрасте 19 лет Альберт выбрал медицину и поступил в Медико-хирургическую академию (сейчас — Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова), которую окончил в 1869 г.⁶, получив специальность врача. В период детства и учебы он жил в большом доме отца, расположеннном на территории Императорского Ботанического сада (рис. 3). Известен такой факт, иллюстрирующий его

Рис. 3. Дом Регелей в Санкт-Петербургском ботаническом саду

отношения с родственниками: А. Регель стал одним из восприемников на крещении младшего брата Роберта, родившегося 15 апреля 1867 г. Крещение состоялось 27 мая того же года⁷.

С 25 января 1870 г. Регель состоял на военной службе⁸. После окончания учебы в Петербурге Альберт в течение нескольких лет проходил практику в ряде учреждений, расположенных в Геттингене, Вене и Дерпте⁹. В Дерптском университете он получил степень доктора медицины¹⁰.

Жизнь этого высокообразованного интеллигентного человека вскоре пойдет совсем в другом русле. Она будет сопровождаться немалыми трудностями, которые в то же время принесут радость от знакомства и познания прекрасной природы Средней Азии — российского Туркестана. Альберт Регель получил назначение окружным врачом в Кульджу, город на южных рубежах Российской империи, в далеком Туркестанском крае. Страсть к путешествиям, возможно, предопределила то, что не врачебная практика, а исследование неизведанных территорий, сбор растений станут его преобладающей деятельностью. Состоя на службе в военном ведомстве, он, надо полагать, выполнял ряд возложенных на него задач по изучению определенных территорий в районе, где сталкивались geopolитические интересы России, Китая и Афганистана. Желание увидеть новые, порой неизведанные места на нашей планете не оставляло его и после того, как он, выйдя в отставку, покинул пределы Туркестанского края. Тяга к путешествиям была свойственна ему до конца жизни.

В 1876 г. А. Регель стал членом Московского общества испытателей природы (МОИП)¹¹ и в том же году отправился служить в Кульджу.

В. И. Липский¹² в 1902 г. опубликовал некоторые сведения о ботанических путешествиях Альберта Регеля, которые проходили после завершения учебы и практики¹³. Он писал, что со времени своего назначения в 1876 г. кульджинским окружным врачом и вплоть до 1885 г., то есть в течение 10 лет, А. Регель совершил целый ряд путешествий по разным областям Средней Азии. За это время он постепенно объехал не только почти весь русский Туркестан, но и Бухару, был в пределах Китая, в Бадахшане, Шунганде,

Закаспийской области. Многие его маршруты пролегали вне пределов Российской империи начала XX в. Множество собранных растений вошло в состав туркестанского гербария Императорского Ботанического сада. Сам А. Регель, к сожалению, не опубликовал целиком очерков своих путешествий, кроме сравнительно небольших заметок.

В. И. Липский описывает, как долго добирался А. Регель до места своего назначения. В том далеком 1876 г., 24 апреля, он выехал из Петербурга и через Москву и Нижний Новгород прибыл в Оренбург. Оттуда он выехал 11 мая и, проехав через Казалинск вдоль Сырдарьи до г. Туркестана (при этом везде собирая растения), совершил отсюда поездку на север, в горы Карагату. В Чимкент он прибыл 7 июня, откуда отправился в Ташкент, где провел июнь и июль. В начале августа выехал из Ташкента в долины рек Чоткала и Таласа до села Кара-бура (22 августа). Затем — прямо на восток — Куянь-Тогай, Акчи в Мерке. 1 сентября по равнинной обыкновенной дороге он двинулся в Иссык-Куль, а затем — на Верный (ныне — Алма-Ата), куда прибыл 16 сентября. На конечный пункт в Кульджу А. Регель добрался лишь 4 октября.

Более пяти месяцев Регель провел в пути к месту работы. Правда, как уже отмечалось, этот неблизкий путь был проделан весьма продуктивно для ботанической науки. А. Регель ботанизировал у подножия Мынжылкы, у селения Турчи, в горах Боралдая. Собрал 521 вид растений, что составило 10 тыс. экземпляров. По дороге А. Регель осматривал и описывал встречающиеся ему деревья и растения, не забывая при этом любоваться неповторимыми красотами¹⁴. В путешествии, помимо сухих растений, А. Регель собрал для Императорского Ботанического сада обширную коллекцию лукович и семян, для Музея Академии наук — зоологические коллекции, для Горного института — небольшую коллекцию горных пород и окаменелостей. В поездке А. Регель сталкивался с опасностями и учился такту в общении с местными жителями¹⁵. Растения, которые собрал Альберт, в дальнейшем обрабатывались и описывались его отцом, Э. Л. Регелем, назвавшим многие из них именем своего сына. Одним из таких растений, собранных в том путешествии, был очень красивый тюльпан Альберта (*Tulipa alberti Regel*).

Родиной этого описанного в 1877 г. Э. Регелем вида являются горы Казахстана, где сегодня он занесен в Красную книгу как исчезающий вид. Образец для описания Э. Регелем вида был собран Альбертом, судя по его записям, в долине р. Чирчик. В настоящее время это место находится на юге Казахстана, вблизи границ с Киргизией и Узбекистаном. По всей видимости, в районе прилегающего к нижнему поясу гор Карагату. Тогда же и был найден еще один замечательный декоративный вид растений — ирис Альберта (*Iris alberti Regel*).

В упомянутой выше публикации В. И. Липского кратко, но емко описаны дальнейшие путешествия А. Регеля до их окончания в 1885 г.

В конце того же 1876 г. А. Регель совершил исследовательскую поездку («экскурсию») к востоку от Кульджи.

Путешествия в 1877 г. относятся главным образом к Кульджинскому району. Регель добирался до озера Иссык-Куль возле Верногого, озера Сайрам, объехал вокруг всего Иссык-Куля. Из Пржевальска затем по реке Темерлик он дошел до Чунши, Борохуджира. Остаток года провел в Кульдже.

Маршрут путешествий 1878 г. также относился главным образом к Кульджинскому району и сопредельным местам. В марте-апреле он исследовал западную часть Джунгарии до города Шихо. Май был посвящен южному склону хребта Борохоро. В июне Регель изучал окрестности Борохуджира и северных склонов Алтын-Эмельского хребта и прилегающих районов. Вернувшись в Кульджу в конце августа, он совершил путешествие по реке Каш и дошел до развалин Аккургана на реке Текес.

В 1879 г. А. Регель совершил интересное и сопряженное с большими трудностями и неприятностями со стороны китайцев путешествие из Кульджи в Турфан. Пройдя китайский пикет Тату и пикет Койтунь у высохшей реки Таллик (Талды), затем Сыгашу, он дошел до Шихо. Здесь ему не удалось получить дозволения идти в Турфан, поэтому он вынужден был вернуться¹⁶. Но Альберт решил проникнуть в Турфан хитростью. Вернувшись в Сыгашу (1 мая) и Койтунь, он свернул с дороги и направился к югу вдоль реки Таллик (Талды) в горы Иренхабирга (3 мая), почти до верховий. Дву-

кратная попытка (8 дней) перейти через Иренхабирга не удалась из-за ледников и выпавшего глубокого снега. Пришлось двигаться по горам на запад. Перейдя реку Кум-бель (или Кум-дабань), он одолел перевал в 9 тыс. фут. (16 мая), а затем другой перевал, Улан-дабань, в 10 тыс. фут., спустился к реке Джинь. 23 мая Регель спустился к озеру Куку-норх и, пройдя далее к югу, пересек другую боковую долину Джина Байнамунь и, наконец, достиг Джина (26 мая). В процессе дальнейшего путешествия он перешел через перевал Чункурь-дебань (10 тыс. фут.) и затем перевал Нилки. Спустился к реке Нилки и прошел по ней до впадения в Каш (7 июня). Оставив здесь караван, он поехал в Кульджу и 16 июня вновь направился вверх по реке Каш с целью пройти по ней к Турфанду.

Вторая часть путешествия была весьма трудной. Он следовал вверх по реке Каш, потом ее притоку Боргаты, перешел реку Хорголь (Караголь) и по чрезвычайно трудной дороге, строя мосты и прорубая дорогу по лесу, добрался до слияния Кама с Арыслином. Следуя далее по реке Каш, он поднялся вверх по реке Мэнгутэ до одноименного перевала через горы Иренхабирга (16–23 июля). Истоки реки Каш (28–31 июля) оказались непроходимыми вследствие снегопадов, перейти на Малый Юлдуз не удалось и пришлось вернуться. Дойдя до левого притока реки Каш Аристан-дабань, он прошел до его истоков (11–12 августа) и случайно, найдя невысокий перевал, попал к реке Кунгесь с роскошной растительностью.

Спустившись к реке Одинкур, Регель прошел Одинкурский перевал 19 августа и вышел на Малый Юлдуз; по правым притокам Сагастая (Цзагысты), перевалив через Сагастай-дабань (25 августа) по реке Алго, он вошел в Турфан в начале сентября. Здесь он задержался неделю на пять и лишь в конце октября смог совершить несколько экскурсий в ближайшие окрестности (Кара Ходжа, Мазар). Обратный путь из Турфана был через Токсун, Дабаншанский перевал в 4 тыс. фут. (30 октября), городок Дабань-шань, Урумчи, Санджи (5 ноября), Шихо (14 ноября). В Кульджу Альберт Регель вернулся 19 ноября.

29 февраля 1880 г. А. Регель выехал из Кульджи. Ранней весной он собирал растения от Чимкента до Ходжента и далее до Джизака, Ура-Тюбе и Заамина, проехал Самарканд, а в мае оказался в Фер-

ганской области (в городах Маргелань, Чзгент, Яссы). В начале июня он пересек реку Алабугу и пробрался на реку Нарын. В начале июля пришел в Верный. Затем совершил еще одну исследовательскую поездку («экскурсию») в Талгарь (Залилийский Алатау) и вернулся в Кульджинский район.

В 1881 г. А. Регель задумал попасть в Гиндукуш через бухарские владения. Проехав в мае через киргизские степи и пустыню Каракум, 2 июня он прибыл в Ташкент, где исследовал окрестности, но поняв, что в Гиндукуш уже ехать поздно, он остался изучать Карагетин и Дарваз. В конце октября ученый отправился на Термез, в начале ноября — на Ширабад и Гузар.

В 1882 г. по инициативе Императорского Русского географического общества и Императорского Ботанического сада А. Регель предпринял путешествие в Шунган. Экспедиция снаряжалась в Ташкенте до 19 мая, а затем пробыла в Самарканде до середины июня. Оттуда Регель с экспедицией направился к Гиссарскому хребту. По реке Карадачу он добрался до г. Карадыг, где 10 дней ждал от эмира разрешения продолжить путь. Затем двинулся по направлению к реке Вахш и перешел ущелье р. Вахш через мост в селе Туткауль. Переийдя через перевал Гули-зиндань, Регель вышел в Бальджуан. Здесь он заболел дизентерией, и ему пришлось месяц лежать. В августе ученый продолжил путешествие на Ховалинг, затем уже в пределах Дарваза он направился на Сагирдашт и через Дарвазский перевал спустился в Калаи-кум.

Оставив здесь часть вещей, Регель за три дня прошел ущелье реки Пянджа, переплыл на мехах в Джумар, откуда отправил гонца к шунганско му шаху за позволением продолжить путешествие. Получив от хана удовлетворительный ответ, А. Регель с огромным трудом перешел через Рошанский хребет (16 тыс. фут.), представлявший большие трудности на южном склоне, и спустился в Рошан. Переправившись через реку Бартанг, он в итоге прошел в Барпяндж.

Отсюда он первым из европейцев посетил высокогорное озеро Шива диаметром 40 верст на высоте 11 тыс. футов. Флора на озере альпийская, и только на южном склоне встречаются скучные можжевельники и шиповник. Затем А. Регель совершил еще одну

поездку — на Шах-дере: «Эта долина оказалась поросшей в верхних пространствах дремучими лесами ивы, по которой вились огромные лианы из рода *Clematis*». Также он посетил долину реки Хунд (Гунт), а в конце декабря — горнопромышленный округ Бадахшана Горан, пройдя через Уярв и Дерморохт (Дармарак) в село Шахбег.

В январе 1883 г. афганцы потребовали, чтобы обратный путь пролегал по прежней дороге, что и было сделано в феврале с необычайными трудностями и опасностями. Вернувшись в Дарваз и пройдя чрезвычайно трудный в это время года перевал Гушхонь, Регель вышел к Тевильдара (Таби-дара), затем в долину Аксу, где его испытания окончились.

По возвращении из Шунгана ранней весной 1883 г. А. Регель занялся собираением весенних растений: в конце февраля — в Дарвазе по реке Пяндж, в марте — в Дарвазе по реке Хингоу (Тевиль-Дара) и в Бальджуане, в конце марта и начале апреля — в Кулябе, затем — в Курган-Тюбе и Кабадиани, в мае — в горах Баба-таг и Гази-Майлик, в середине и конце мая — опять в Курган-Тюбинском бекстве и Кабадиани. Этот столь ранний сбор особенно интересен, так как в указанных местах раннюю весеннюю флору, столь богатую и разнообразную, собирали впервые.

Июнь А. Регель провел в болезненном состоянии в Бальджуане. Во время болезни некоторые растения собирали его люди. Следующие месяцы (июль-август) были проведены в тех же местах: Бальджуане, Кабадиане, Куган-Тюбе.

1884-й был, в сущности, последним годом путешествий. В конце апреля А. Регель выехал из Самарканда. Быстро проехав бухарские владения, он в начале мая добрался до Каракуля. Пере-правившись через реку Аму-Дарью, принял участие в военной рекогносировке вместе с двумя офицерами, стараясь пройти от Чарджуя до Мерва. Это было довольно тяжелое и однообразное путешествие по песчаной пустыне (из Чарджуя они выехали 6 мая). В дневнике одного из офицеров (Синицына) просматривается не совсем доброжелательное отношение к спутнику. Путешественники прошли через Репетек и 16 мая прибыли в Мерв. В обратный путь из Мерва офицеры отправились 21 мая, а А. Регель остался

в Мервском оазисе до конца июня. В Россию А. Регель вернулся в 1885 г.

Так писал о путешествиях Альберта Регеля В. И. Липский, который не только был известным ботаником, но и внес ценный вклад в изучение истории Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада и судеб связанных с ним людей.

Сам же А. Регель тоже опубликовал записи о своих путешествиях, в том числе на русском языке. Как настоящий путешественник, он мало писал об усталости, а больше — о красотах тех мест, где побывал, порой первым из европейцев.

В его отчетах редко, но все же просматривается поэтичность природы. Так, в конце отчетной публикации «Поездка в Каратегин и Дарваз», посвященной путешествиям 1881 г., он живописует старинную легенду об одном из мест, которое находилось по пути следования: «Основание крепости Кала-и-хумб приписывается царю Соломону и Александру Великому. В 8 верстах выше Кала-и-хумба на скалах находятся развалины. Здесь, говорит предание, жил в немилости вассал Багдадского царя, волшебник Какай. Призванный Искандером, он помог ему занять Багдад; затем же, очаровав его, увез в Кара-и-хумб. Через много лет Диова Пери, дочь Искандера, превратившись в птицу, узнала о местопребывании отца и, сломав его цепи, убедила волшебника снять с него чары, и после того немедленно накинула на волшебника шлейф и задушила его. Искандер овладел целой страной Ирана и обратил жителей в мусульманство»¹⁷.

Стоит отметить, что в отчетных публикациях А. Регель не придавал особого значения описанию испытаний и опасностей. Так, в статье «Путешествие в Турфан»¹⁸ «он довольно сдержанно описывает ситуацию, связанную с вооруженным противостоянием с дунганами¹⁹: “В Сигашу ко мне присоединился почетный конвой из 60 человек со знаменами, но который удалился по ту сторону Джинхо, когда ожидалось нападение от дунган. Когда мы с 4 берданками, оставшимися в целости, и сопровождаемые 30 невооруженными купцами, дошли до средины Борборогуссунской щели, то дунгANE в числе 30 человек, вооруженных по большинству ружьями, заряжавшимися с дула, и с большим резервом, в продол-

жение 20 минут продолжали против нас на близком расстоянии перестрелку, но благодаря тому обстоятельству, что я успел занять господствующую позицию, несколько дунганов и лошадей остались на месте. Перевалив через покрытый глубоким снегом перевал Турсу, я вернулся в Кульджу 1 декабря»».

Неимоверные трудности все же оказались на здоровье А. Регеля, в том числе психическом. По сведениям историка В. И. Гончарова²⁰, экспедиция 1882–1883 гг., позволившая сделать важные географические открытия, существенно подорвала здоровье Регеля вследствие переутомления, которое вылилось в расстройство нервной системы. Фатальные последствия для здоровья ученого имели тяжелые испытания, выпавшие на его долю во время последнего путешествия весной 1884 г. Российский ботаник Ольга Федченко отмечала, что «после последнего путешествия в Мевр он неизлечимо заболел и был вынужден возвратиться в Петербург»²¹.

Я проанализировал газетные заметки в «Туркестанских ведомостях» о последнем путешествии А. Регеля, которое он совершил с двумя офицерами. Они представляют особый интерес, так как одна написана самим А. Регелем²², а другая — офицером Синицыным²³.

Признаюсь, я не нашел в статье Синицына выраженного недоброжелательного отношения в адрес А. Регеля, о котором упоминалось выше. Проскальзывало лишь несколько скептическое удивление офицера Синицына по поводу отсутствия у А. Регеля чувства брезгливости при коллекционировании животных. Так, в № 11 газеты «Туркестанские ведомости», в частности, Синицын пишет о поведении А. Регеля во время вечернего чаепития на привале: «Доктор был очень доволен: он уже собрал порядочное количество разных трав, а насекомых стал ловить тут же на кошме, куда они во множестве слетались, попадая в чай и на свечку. Доктор с непонятным для меня отсутствием брезгливости вылавливал насекомых из своей чашки руками, которыми за минуту перед тем потрошил ящерицу. Нас немало удивлял его способ ловли насекомых; он просто придавливал их рукой, а затем прятал, то в жилетный карман, то в записную книжку, говоря, что они достаточно сохранятся для определения их вида. Впоследствии мы убедились,

что д. Регель только растения собирал тщательно, а насекомых же и ящериц, которых здесь масса, всевозможных цветов и величин он собирал только между делом, в свободное время. Так закончился наш первый день в песках»²⁴.

Интерес представляют и другие дневниковые записи Синицына, опубликованные в том же номере. Они в какой-то мере отражают проявление симптомов болезненного нервного состояния А. Регеля, вызванного пережитыми трудностями: «14 мая, понедельник. Утром холодно. Через некоторое время после выступления заметили, что идем не той дорогой, а целиной; не было видно ни малейшего следа, который бы указывал, что здесь кто-нибудь проходил, только видны были во множестве следы больших ящериц. Спросили проводника, но он уверяет, что дорога здесь, и что мы идем верно.

Вдруг увидели, что к нам скачет д. Регель, что-то кричит и отчаянно машет рукой.

Он подскакивает к нам и со словами: “Это изменник, предатель, продал нас сарыкам”, доктор выхватил револьвер и направил его на проводника. Мы едва успели схватить Р. за руку и убедить успокоится, но доктор ничего не хотел слушать и только повторял, что туркмена нужно расстрелять, так как он, наверное, предупредил какую-нибудь шайку о нашем приезде и нарочно повел не по дороге. После долгих споров и криков удалось успокоить доктора и узнать кое-что.

Оказалось, что вечером многие видели, как проводник куда-то уезжал; это он объяснил тем, что “грел воду”, то есть гонял лошадь после водопоя, как имеют обыкновение делать туркмены.

Вероятно, так и было, повел же он нас не по дороге, думая сократить путь. Между верблюдовожатыми нашелся старик, который знал настоящую дорогу и вечером еще, как потом узнали, долго спорил с проводником о том, что не следует изменять принятого направления. Когда это услышал доктор, он опять заволновался, приказал своим казакам связать проводника и только тогда успокоился, когда мы выехали на дорогу, а связанный и обезоруженный туркмен поехал между двумя казаками. Узнав, наконец, в чем его обвиняют, туркмен испугался и всю дорогу чуть не плача доказывал свою невиновность...»

Надо сказать, что непосредственно перед этим событием, с 12 по 13 мая, отряд шел, испытывая острую нехватку воды, и к тому же 13 мая поднялся горячий ветер. Возможно, такие сложные погодные условия вызвали обострение нервного расстройства у А. Регеля.

Еще 25 января 1881 г. А. Регель получил чин коллежского советника²⁵ (что давало право на личное дворянство), а 12 мая того же года стал членом-сотрудником ИРГО²⁶.

Вернувшись в Санкт-Петербург в 1885 г., Альберт Регель вышел в отставку. Причитающая пенсия и доходы от его доли в выручке от деятельности садового предприятия Регеля и Кессельринга, которая оговаривалась в завещании его отца, давали возможность безбедно существовать.

Ольга Федченко в своей публикации кратко повествует о дальнейшей жизни А. Регеля после того, как он в 1885 г. покинул Туркестанский край: «Отправившись от первых сильнейших натисков болезни, Альберт Эдуардович продолжал путешествовать и экскурсировать по старой привычке. За последние годы своей жизни он объездил почти весь мир, посетил всю Западную Европу, Египет, Сирию, Палестину, Турцию, Кавказ, Сибирь, Маньчжурию (Порт-Артур, откуда выехал за два дня до начала Русско-японской войны), Японию, Индию, Соединенные Штаты Северной Америки, Мексику, где поднялся на гору Попокатепетль (прим.: высота 5426 м н. у. м.), и, наконец, Персию.

В Персии он пробыл несколько месяцев и между прочим поднялся на году Демавенд (прим.: высота 5610 м н. у. м.). Из Тегерана он отправился в Исфаган, Шираз и Бушир, а далее морем в Одессу. На море простудился и в Одессе в госпитале скончался 6 июля от воспаления легких»²⁷.

В РГИА сохранилась копия из метрической книги одесской Свято-Троицкой церкви, расположенной в районе Кривая Балка, с записью: «Умер 6 июля 1908 г. в Одесской новой городской больнице. Похоронен 12 июля 1908 г. в г. Одесса на 1-м городском кладбище»²⁸.

Один из братьев Регель, Роберт Эдуардович, утверждал, что только он и его братья — Арнольд, Василий и Карл — являются единственными законными наследниками Альберта Регеля²⁹. Из этого следует, что детей и жены у А. Регеля не было.

История кладбища, где был похоронен А. Регель, повторяет печальную судьбу многих других, подвергшихся разорению. Оно имело несколько названий. Первое (Старое, Преображенское) городское кладбище Одессы — комплекс кладбищ: 1-е христианское кладбище, 1-е еврейское кладбище, мусульманское кладбище, караимское кладбище, впоследствии слившихся воедино. Очевидно, что Альберт Эдуардович Регель мог быть похоронен именно на 1-м христианском кладбище. Находилось Первое городское кладбище в самом конце Преображенской улицы. На месте христианского кладбища в 1937 г. открыли парк культуры и отдыха — «Парк Ильича» (впоследствии «Парк Преображенский») и зоопарк. На месте еврейского кладбища построена школа; на месте мусульманского, караимского и частично еврейского — стадион и хозяйствственные постройки. При этом были уничтожены или убраны памятники и могилы. В условиях жизни советского общества 1930-х годов одесситы не могли заниматься перенесением останков своих родственников на другие кладбища; достоверно известно лишь о перенесении останков двух художников. На Первом городском кладбище нашли последний приют более 200 тыс. человек, в том числе многие основатели города, известные личности: генерал Федор Радецкий, сподвижник Суворова бригадир Рибопьер, генерал Сабанеев, брат Иосифа де Рибаса Феликс, негоциант и меценат Марзли, Санценбахер и Александр Ланжерон, Вера Холодная и многие другие.

Славное имя А. Регеля манифестом 11 января 1900 г. было внесено в именной список героических походов и успешных экспедиций, что приравнивалось к награждению военной медалью «За походы в Средней Азии. 1853–1895»³⁰.

Ученая общественность довольно высоко оценила деятельность А. Регеля. В. И. Гохнадель в ходе архивных поисков обнаружил представление в Департамент земледелия и сельской промышленности 1885 г., подписанное известными ботаниками К. И. Максимовичем, А. О. Баталиным, Ф. И. фон Кайзером, о награждении А. Регеля орденом Св. Владимира 4-й степени: «Свидетельством трудов путешественника Регеля служат весьма значительные коллекции животных и громадные коллекции растений. Ботанический

сад трудами А. Э. Регеля обогащен не только гербарием в 180 тыс. экземпляров сухих растений, из которых весьма большое количество оказалось новым для науки и уже описано Директором Ботанического сада или другими учеными, другая же и даже более интересная часть (из Бухары и ее соседства) ждет еще разработки, но и весьма большим количеством живых растений в виде семян (13 тыс.), луковиц и корневищ (67 тыс. экземпляров), так что, можно сказать, что почти все более выдающиеся, найденные путешественником Регелем [неразб.] уже введены в культуру и составляют отныне достояние наших садов...»³¹

В. И. Гохнадель приводит также высказывание А. Н. Краснова (1862–1915), российского ботаника и основателя Батумского ботанического сада, который охарактеризовал результаты деятельности А. Регеля в своей магистерской диссертации, посвященной флоре Восточного Тянь-Шаня (1888 г.): «По количеству маршрутов в нашем kraю первое место занимает Альберт Регель. Будучи уездным врачом в Кульдже, он за несколько лет до ее отдачи китайцам делал экскурсии на восток Бурхан-Тау, в долины Иссык-Куля и Текеса, к верховьям реки Музарт, был в верховьях Нарына, в ущелье Баум и в долине Или, между Верным и Илийском, Кельджатом и Дубуном»³².

По мнению О. Федченко, из всех поездок А. Регеля наиболее выдающимся является зимнее (октябрь–ноябрь) путешествие в Шунганд. В конце статьи, посвященной памяти А. Регеля, она дает такую оценку личности ученого: «Мир праху его, и дай Бог, чтобы больше было таких неутомимых тружеников»³³.

К этим словам трудно что-либо добавить. Хотелось бы, чтобы общественность больше знала о такой личности, как А. Э. Регель. Для этого можно предпринять некоторые конкретные шаги.

Игорь Архангельский в своей публикации «Анненшule. Сквозь три столетия» отметил известных ему выдающихся выпускников этого заведения. Это П. Ф. Лесгафт, А. Ф. Кони, Н. Н. Миклухо-Маклай, Э. Э. Эйхвальд, Р. Р. Бах, В. В. Струве, К. А. Люгебиль, Е. М. Грановская, С. А. Мартинсон³⁴. Безусловно, все они выдающиеся люди, но среди них нет Альберта Регеля. Одним из возможных способов увековечения памяти ученого могло бы стать созда-

ние при музее этой школы своеобразной «Доски почета», на которой среди имен бывших учеников было бы помещено и славное имя Альберта Регеля.

То же касается и бывшего кладбища в Одессе, где был похоронен Регель. В настоящее время культурная общественность Одессы предложила концепцию развития историко-мемориального парка на месте Первого христианского кладбища. Это предполагает организацию религиозной, культурно-просветительской и музейной деятельности. Предлагается оформить территорию парка (планировка, благоустройство, озеленение), воссоздать некоторые разрушенные сооружения (ворота, аллеи, храм Всех Святых), создать мемориальные сооружения, проводить на территории парка краеведческие исследования и историко-мемориальные мероприятия. Уже была предпринята попытка обозначить место упокоения Федора Федоровича Радецкого (1820–1890), выдающегося русского полководца, героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На Первом христианском кладбище установлен стенд, посвященный похороненным там видным общественным и политическим деятелям, людям, оставившим яркий след в культуре, искусстве, военном деле Одессы, и тысячам известных и неизвестных людей, любивших этот город. На стенде имеется краткая информация о 15 известных личностях, похороненных на этом кладбище. В музее создаваемого Историко-мемориального парка или же на упомянутом стенде в список наиболее известных похороненных там личностей весьма желательно внести и имя А. Э. Регеля с краткой биографией и перечислением заслуг.

Приложение 1

Список видовых имен растений,

найденных Альбертом Регелем и названных в его честь

1. *Acantholimon albertii* Regel.
2. *Astragalus albertii* Bunge.
3. *Campanula alberti* Trautv. (является синонимом принятого названия *Campanula stevenii* subsp. *alberti* (Trautv.) Victorov).
4. *Chamaecerasus alberti* (Regel) Carrière (является синонимом принятого названия *Lonicera spinosa* (Decne.) Jacq. ex Walp.).

5. *Chloris albertii* Regel (является синонимом принятого названия *Chloris virgata* Sw.).
6. *Colchicum alberti* Regel (является синонимом принятого названия *Colchicum kesselringii* Regel).
7. *Cirsium albertii* Regel & Schmalh.
8. *Cousinia alberti* Regel & Schmalh.
9. *Cousinia albertoregelia* C.Winkl.
10. *Dracocephalum albertii* Regel (является синонимом принятого названия *Dracocephalum imberbe* Bunge).
11. *Draba alberti* Regel & Schmalh.
12. *Draba alberti* var. *fedtschenkoi* Pohle.
13. *Gagea albertii* Regel.
14. *Hieracium alberti* Schljakov.
15. *Helicophyllum albertii* Regel (является синонимом принятого названия *Eminium albertii* (Regel) Engl.).
16. *Heteropappus alberti* (Regel) Novopokr. & Tamamsch. (является синонимом принятого названия *Kalimeris altaica* (Willd.) Nees ex Fisch.Mey. & Avé-Lall. (статус до конца не определен)).
17. *Haplophyllum alberti-regelii* Korovin (статус до конца не определен).
18. *Iris alberti* Regel.
19. *Lonicera albertii* Regel (является синонимом принятого названия *Lonicera spinosa* (Decne.) Jacq. ex Walp.).
20. *Leontice alberti* Regel (является синонимом принятого названия *Gymnospermium albertii* (Regel) Takht.).
21. *Oxytropis alberti* B. Fedtsch. (статус до конца не определен).
22. *Pedicularis albertii* Regel (статус до конца не определен).
23. *Polypodium albertii* Regel (является синонимом принятого названия *Lepisorus albertii* (Regel) Ching).
24. *Poa albertii* Regel (является синонимом принятого названия *Poa attenuata* Trin.).
25. *Ranunculus albertii* Regel & Schmalh.
26. *Rosa albertii* Regel.
27. *Restella alberti* (Regel) Pobed. (является синонимом принятого названия *Wikstroemia alberti* (Regel) Domke).
28. *Salix alberti* Regel (является синонимом принятого названия *Salix tenuijulis* Ledeb.).

29. *Salix albertii* Regel (статус до конца не определен).
30. *Statice albertii* Regel (статус до конца не определен).
31. *Stellera alberti* Regel (является синонимом принятого названия *Wikstroemia alberti* (Regel) Domke).
32. *Saxifraga alberti* Regel & Schmalh. (статус до конца не определен).
33. *Sedum albertii* Regel (является синонимом принятого названия *Pseudosedum affine* (Schrenk ex Fisch. & C.A. Mey.) A. Berger).
34. *Saussurea alberti* Regel & Schmalh.
35. *Scorzonera albortoregelia* C. Winkl.
36. *Scariola albortoregelia* (C. Winkl.) Kirp.
37. *Scutellaria albertii* Juz. (является синонимом принятого названия *Scutellaria sieversii* Bunge).
38. *Tulipa albertii* Regel.

Приложение 2

Публикации, посвященные А. Регелю

Лучшая публикация, отражающая маршруты путешествий и их хронологию принадлежит, безусловно, В. И. Липскому (см. библиографию к статье).

Наверное, лучшая в отношении представленных первоисточников работа, посвященная А. Регелю, написана историком В. И. Гохнаделем — старательным исследователем биографий известных немцев, в том числе естествоиспытателей (см. библиографию к статье). Исследователям жизни А. Регеля следует обратить на нее пристальное внимание. В то же время в ней есть некоторые неясности, которые следует учитывать. Так, дата рождения А. Регеля у В. И. Гохнаделя указана 30 ноября, а не 12 декабря (последние данные взяты из копии оригинального свидетельства о рождении)³⁵. Возможно, что данные, указанные В. И. Гохнаделем, были выписаны им из российской публикации, написанной до перехода на григорианский календарь. Кроме того, некоторые растения, указанные В. И. Гохнаделем в числе названных в честь А. Регеля, могли быть все же именованы в честь его отца — Э. Л. Регеля. Небольшие недоработки связаны с огромным объемом проделанной поисковой работы и в общем не умаляют ценности публикации. Следует отме-

тить, что В. И. Гохнадель среди перечисленных первоисточников отмечает и весьма ценные для исследователя архивные данные из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. Р-IV. Оп. 1. Д. 473–475; Ф. 151. Оп. 1. Д. 503), где хранятся газетные публикации «Туркестанских ведомостей» со статьями самого А. Регеля и о его награждении.

Из статей, посвященных памяти А. Регеля и написанных в год ухода его из жизни, можно назвать лишь публикацию О. А. Федченко — одной из первых женщин, исследовавших флору Средней Азии в ее труднодоступных местах (см. библиографию к статье). По сведениям В. И. Гохнаделя, смерть ученого-путешественника прошла незамеченной для широкой общественности, даже ИРГО не опубликовало сообщения о его смерти³⁶.

Из художественно обработанных статей последнего времени, предназначенных для широкого круга читателей, достоин внимания совместный труд Г. И. Родионенко и И. А. Макаровой, опубликованный в 1998 г.³⁷

Приложение 3

**Печатные труды,
опубликованные А. Регелем на русском языке**

1876

Ботаническая экскурсия от Ташкента до Кульджи // Туркестанские ведомости. № 10–13.

Ботаническая экскурсия в горы Карагатай // Туркменские ведомости. № 31 (по другим данным: № 3).

Садоводство в Ташкенте // Туркменские ведомости. № 33–34.

1881–1884

Отчет о географических результатах поездок к верховьям Аму-Дарьи за 1881–83 гг. С приложением маршрутов 1882–1884 гг. // Архив РГО. Р. 65. Оп. 1. № 7. 77с.

1881

Путешествие в Турфан // Оттиск из Известий ИРГО. 17 с.

1882

Поездка в Карагетин и Дарваз // Известия ИРГО. Т. 18. Вып. 2. С. 137–141.

1883

Путешествие на Памир // Отчет ИРГО за 1882 г. СПб. С. 32–33.

1884

Путешествие в Шугнан // Известия ИРГО. Т. 20. Вып. 3. С. 268–274.

Краткое письмо А. Регеля из Мерва // Туркестанские ведомости. № 28.

С номерами «Туркестанских ведомостей», содержащими статьи А. Регеля, можно ознакомиться в газетном отделении Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 36).

Хочу выразить слова глубокой благодарности А. В. Регелю за предоставление семейной фотографии Регелей, а также всем тем, кто помогал мне в поиске исходного материала для этой публикации.

Библиография***Архивные источники***

РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 129.

СПбФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 503.

Литература

Архангельский И. Анненшule. Сквозь три столетия. СПб.: Звезда, 2004. 240 с.

Гохнадель В. И. Регель (Regel) Альберт Эдуардович (Johann-Albert) фон (30 ноября 1845, Цюрих, Швейцария — 6 июля 1908, Одесса). Врач, ботаник, путешественник // РБЭ «Великая Россия». Т. XII, кн. 2. СПб.: Гуманистика, 2014.

Летопись училища // Годовой отчет училища Св. Анны. СПб.: Тип. ИАН, 1864. С. 31–42.

Липский В. И. Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. I: Литература по флоре Средней Азии. СПб., 1902. 841 с.

Офицер Синицин. Поездка в Мерв (из записной книжки) // Туркестанские ведомости. 1885. № 9, 11.

Поездка в Каратегин и Дарваз // Оттиск из Известий ИРГО. Т. XVIII. СПб., 1882. 5 с.

Путешествие в Турфган // Оттиск из Известий ИРГО. 1881. 17 с.

Регель А. Краткое письмо А. Регеля из Мерва // Туркестанские ведомости. 1884. 17 июля. № 28.

Родионенко Г. И., Макарова И. А. Семья Регелей в России // Немцы в России: Люди и судьбы: сб. статей / отв. ред. Л. В. Славогородская. СПб., 1998. С. 238–249.

Федченко О. Памяти А. Э. Регеля // Туркестанские ведомости. 1908. 12 дек. № 267.

Интернет-источник

Namenliste. Erik-Amburger-Datenbank. Ausländer im vorrevolutionären Russland.

URL: Erik-Amburger-Datenbank — Namenslisten (ios-regensburg.de) (дата обращения: 01.06.2021).

* * *

¹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 129. С. 180.

² Namenliste. Erik-Amburger-Datenbank. Ausländer im vorrevolutionären Russland. URL: Erik-Amburger-Datenbank — Namenslisten (ios-regensburg.de) (дата обращения: 01.06.2021).

³ Ibid.

⁴ Летопись училища // Годовой отчет училища Св. Анны. СПб.: Тип. ИАН, 1864. С. 31–42.

⁵ Этот адрес мной указывается после предварительной выверки и выявления удовлетворительной достоверности информации.

⁶ Erik-Amburger-Datenbank — Namenslisten (ios-regensburg.de).

⁷ Свидетельство о рождении и крещения Роберта Регеля // РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 129. С. 35.

⁸ Erik-Amburger-Datenbank — Namenslisten (ios-regensburg.de).

⁹ Гохнадель В. И. Регель (Regel) Альберт Эдуардович (Johann-Albert) фон (30 ноября 1845, Цюрих, Швейцария — 6 июля 1908, Одесса). Врач, ботаник, путешественник // РБЭ «Великая Россия». Т XII, кн. 2. СПб.: Гуманистика, 2014.

¹⁰ Федченко О. Памяти А. Э. Регеля // Туркестанские ведомости. 1908. 12 дек. № 267.

¹¹ Гохнадель В. И. Указ. соч.

¹² Владимир Ипполитович Липский (1863–1937) с 1894 по 1917 г. работал в Императорском Санкт-Петербургском ботаническом саду. Помимо основной работы, связанной с изучением растений, он внес колоссальный вклад как популяризатор исторических сведений, связанных как с самим Ботаническим садом, так и с людьми, в нем работавшими. В 1917 г. уехал на Украину и принимал активное участие в создании Украинской академии наук, президентом которой

являлся с 1922 по 1928 г. С 1928 по 1933 г. был директором Одесского ботанического сада.

¹³ Липский В. И. Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. I: Литература по флоре Средней Азии. СПб., 1902. 841 с.

¹⁴ Гохнадель В. И. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В отчете А. Регеля (см. сноска 17) это объясняется тем, что дэянь-дзюнь чувствовал себя обиженным тем, что русские не возвращают ему Кульджи.

¹⁷ Поездка в Карагедин и Дарваз // Оттиск из Известий ИРГО. Т. XVIII. СПб., 1882. 5 с.

¹⁸ Путешествие в Турфган // Оттиск из Известий ИРГО. 1881. 17 с.

¹⁹ По сведениям «Википедии», дунганды — это народ, родственный китайцам, исповедующий ислам и говорящий на собственном дунгандском языке.

²⁰ Гохнадель В. И. Указ. соч.

²¹ Федченко О. Указ. соч.

²² Регель А. Краткое письмо А. Регеля из Мерва // Туркестанские ведомости. 1884. 17 июля, № 28.

²³ Офицер Синицин. Поездка в Мерв (из записной книжки) // Туркестанские ведомости. 1885. № 9, 11.

²⁴ Там же.

²⁵ Namenliste. Erik-Amburger-Datenbank.

²⁶ Гохнадель В. И. Указ. соч.

²⁷ Федченко О. Указ. соч.

²⁸ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 129. С. 128.

Отмечу, что новая городская больница в Одессе была построена в 1870 г. Она была оборудована по последнему слову медицинской науки и техники. Сейчас это городская клиническая больница № 11, расположенная по адресу: Одесса, ул. Академика Воробьевого, д. 5. Больница территориально расположена недалеко от Свято-Троицкого храма, находящегося по современному адресу на ул. Неждановой, д. 28 (в юго-западной части Одессы). Храм был закрыт во время воинствующего атеизма, но в феврале 1942 г. его снова открыли для прихожан.

²⁹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 129. С. 131.

³⁰ Гохнадель В. И. Указ. соч.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 503.

³² Гохнадель В. И. Указ. соч.

³³ Федченко О. Указ. соч.

³⁴ Архангельский И. Анненшule. Сквозь три столетия. СПб.: Звезда, 2004. 240 с.

³⁵ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 129. С. 180.

12 декабря записано в копии свидетельства о рождении, сделанной с оригинала, хранящегося в Цюрихе. Как известно, там в то время использовался григорианский календарь, а в России — юлианский календарь. Эта копия была получена 15 ноября 1917 г. из Цюриха по запросу родственников Альберта Регеля.

Таким образом, даты рождения А. Регеля, приводимые В. И. Гохнаделем, соответствуют старому стилю, то есть юлианскому календарю.

³⁶ Гохнадель В. И. Указ. соч.

³⁷ Родионенко Г. И., Макарова И. А. Семья Регелей в России // Немцы в России: Люди и судьбы: сб. статей / отв. ред. Л. В. Славогородская. СПб., 1998. С. 238–249.

E. V. Smirnova

НЕМЕЦКИЕ ДАЧНИКИ НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Статья посвящена немецким дачникам, жившим в Санкт-Петербурге и имевшим дачи на северном побережье Финского залива. Период конца XIX — начала XX в. — время интенсивного дачного строительства в этой местности. Статья построена по территориальному принципу, начиная от Тарховки-Сестрорецка, затем через границу с Финляндией, Оллила (Солнечное), Куоккала (Репино), Келломяки (Комарово), Терийоки (Зеленогорск), Тюрисевя (Ушково). Некоторые дачи были возведены по проектам архитекторов немецкого происхождения, иногда для себя и своей семьи. Так, например, архитектор Шауб построил дачу для своего родственника Мюзера, архитектор Лумберг — для себя. Отдельная часть статьи посвящена садоводу Герману Фридриху Эйлерсу и его усадьбе в Тюрисевя (Ушково). Отмечено также, что именно в Ушково было сосредоточено много немецких дачников, часть которых сохранилась до настоящего времени.

Ключевые слова: дачники, Сестрорецк, Терийоки, Финский залив, Эйлерс.

E. V. Smirnova

GERMAN COTTAGERS ON THE NORTHERN SIDE OF THE FINISH GULF

This article is dedicated to German cottagers, who lived in Saint-Petersburg had country houses on the northern coast of the Finish Gulf. The time period from the end XIXth till the beginning XXth centuries is the time of active cottages building in this terrain. The article is made on the territorial principle startin from Tarchovka to Sestroretsk, then going through the border with Finland — Solnechnoe (Ollila), Repino (Kuokkala), Komarovo (Kellomjki), Zelenogorsk (Terijoki), Ushkovo (Turisevya). Some cottages were built by German architects and sometimes they built them for themselves. For example, the architect Shaub built cottage for his relative Muzer, and Lumberg one built it for himself. The other part of the article is dedicated to the gardenkeeper Herman Fridrih Eilers and his estate in Tyrisevya. Also this terrain had lots of German cottagers whose country houses have been kept. Some of these country houses have been kept until nowadays.

Keywords: Cottager, Sestroretsk, Terijoki, Finnish Gulf, Eilers.

Статья посвящена дореволюционным дачникам на территории Великого княжества Финляндского, которые использовали дома в основном в летний период, обычно с начала мая по конец сентября. Некоторые из них после революции, покинув Советскую Россию, были вынуждены поселиться в дачах круглогодично.

Материалы для написания этой статьи черпались из базы данных сайта Terijoki.spb.ru, одним из авторов которого я являюсь. База данных сайта пополняется за счет различных документов, обнаруженных и представленных частными лицами — авторами этого сайта. Работа сайта Terijoki.spb.ru поддерживается инициативной группой, которая занимается поиском и изучением старых дач, расположенных на северном побережье Финского залива, по собственной инициативе и на свои средства. В процессе работы мною очень подробно были изучены парки и руины дач; прочую информацию приходилось заказывать в архивах Финляндии, очень редко случалось контактировать с потомками дачников.

Масштабное дачное строительство на северном побережье Финского залива началось после постройки в 1870 г. железной дороги Санкт-Петербург — Рийхимяки. Благодаря транспортной доступности стали формироваться дачные структуры на территории Великого княжества Финляндского. Открытие в 1894 г. Приморской железной дороги, сначала до Сестрорецка, затем продление ветки до станции Курорт и конечной станции Дюны, позволило районам, прилегающим к этой железной дороге, также стать крайне востребованными. Постепенно на всем побережье расположились многочисленные разнообразные дачные усадьбы. Но следует отметить, что регламентирующие строительство нормативы и общий эстетический уровень дачников создали некую единую жилую среду. Кроме того, тон в общем дачном вкусе задавали, конечно, ансамбли южного берега Финского залива, прежде всего императорские резиденции, хотя на финской территории ощущалось влияние местной специфики.

Ближе всего к Петербургу располагались дачные районы Лахты и Лисьего Носа, но их формирование происходило несколько позднее, поскольку только в 1907 и 1909 гг. в Строительный комитет на утверждение были поданы планы создания и разбивки нескольких

дачных поселков на землях графа Стенбок-Фермора. Казенные земли Сестрорецкого лесничества в Тарховке и Сестрорецке были распланированы под дачное строительство в 1895–1898 гг. Среди тарховских дачников следует отметить, пожалуй, только Германа Сергеевича Беренштама — купца, корабельного маклера при Санкт-Петербургском порте, вице-председателя Сестрорецкого яхт-клуба. Его сын, Борис, учился в гимназии Карла Мая. В настоящее время дача представляет собой практически остав, хотя хорошо видны качественный сруб и «родная» вагонка. Сестрорецкие дачники района Канонерки (современный Курорт) — это несколько фамилий. Гвидон Адамович фон Гук и его семья арендовали два участка, на одном из них сохранилась дача, возможно, построенная его сыном Борисом, архитектором. Г. А. фон Гук — представитель фамилии Вильгельма Николауса фон Гука — основателя фабрики по обработке тканей на Выборгской набережной, д. 27. Фабрику унаследовал, а затем продал старший брат Гвидона Адамовича — Роман Генрих.

Соседями фон Гук были барон Василий Николаевич Лёвендаль и его жена, Каролина Елизавета. В. Н. Лёвендаль был членом Кронштадтского коммерческого собрания, представителем славного морского семейства Лёвендаль. К сожалению, ни одна из построек не сохранилась, вероятно, все они были утрачены во время Второй мировой войны. Можно только увидеть на архивном плане, как располагались строения на их участке № 85 на плане разбивки канонерской дачной местности. Каролина Елизавета держала при даче небольшой магазин. В процессе изучения материалов о дачах барона в связи с именем его брата, Лаврентия II Николаевича Лёвендаля, неожиданно выяснилось, что его племянник, Георгий, обучавшийся живописи у профессора С. М. Зейденберга в Санкт-Петербурге и уехавший в 1918 г. в Бессарабию, волею судьбы стал одним из знавших художников Румынии. Еще один купец, Герман Роберт Франц Павел Олоф, держал в собственном доме в Петербурге по Нюстадтской ул., д. 4, фабрику белья. Он построил в Сестрорецке собственную электростанцию для освещения небольшого дачного района. В аренде у семьи Олоф находилось несколько участков. Арендованный им дачный участок № 69 Герман Роберт передал детям, Павлу и Марии, а сам переселился на соседний участок № 67, дачный дом

на котором был построен архитектором В. Н. Пясецким. Дача семьи Олоф была утрачена в начале 2000-х годов. В аренде у сына Виктора находился дом на набережной реки Сестры, частично сохранившийся до наших дней. В аренде Владимира Олофа — дом на Сосновой улице. Дача была выявленным объектом культурного наследия, но в 2015 г. этого статуса ее лишили, и теперь некогда замечательный дом, верой и правдой служивший своим обитателям много лет, скорее всего, обречен на разрушение.

Напротив станции Курорт располагался большой участок Вильгельма Федоровича Фомана. На участке находились кондитерская и пансионат «Немецкий». Еще одно славное семейство среди сестрорецких дачников — Игнациус. Всего в аренде у Игнациус в разное время было семь участков. Первый петербургский Игнациус был Отто Фридрих — живописец, поэт, музыкант. Говоря о дачниках побережья Финского залива, следует остановиться на персоне Василия Васильевича Игнациуса, капитана 1-го ранга, командира броненосца «Князь Суворов», художника-мариниста, получившего художественное образование в Париже. Им были выполнены литографии для альбома «Русский флот. Издание Великого князя Александра Михайловича». В. В. Игнациус погиб в Цусимском сражении. Дачи унаследовала его жена, затем дочь. Одна из дач сохранилась в перестроенном виде.

Не могу не упомянуть о директоре Императорского Ботанического сада А. А. Фишере фон Вальдгейме Именно им была спланирована вся территория дачной местности в Сестрорецке, известная теперь как Курорт. По его рекомендации был выделен участок для обслуживавших дачи лесничих. На участке был построен дом, современный адрес: Сестрорецк, Зоологическая ул., д. 19. Возможно, он не раз бывал в этом доме, снесенном весной 2019 г. В настоящее время новым владельцем дом реконструируется для современного использования.

Теперь пересечем границу с Финляндией и заглянем в дачные местности Куоккала (Репино) и Оллила (Солнечное). Здесь хотелось бы подробнее остановиться на даче П. Э. Бартмера и самом хозяине. Петр Эдуард Александрович Бартмер, будучи выпускником Анненшule и инженером-механиком, занимал различные должности во

многих коммерческих структурах, а к 1917 г. был кандидатом на должность директора правления АО «Машиностроительный завод “Людвиг Нобель”». От всего комплекса построек осталась лишь подпорная стенка участка, защищавшая территорию от штормов Финского залива, дачи на участке не сохранились.

В дачной местности Келломяки (Комарово) расположена дача архитектора Виктора Федоровича Габерцеттеля, которая является памятником культурного наследия регионального значения.

Много немецких дачников проживало в местности Терийоки (Зеленогорск). Из ныне сохранившихся усадеб прежде всего за-служивает упоминания дача Генриха Вильгельмовича Мюзера, объявленная объектом культурного наследия регионального зна-чения (рис. 1, 2). Финские открытки с изображением пансионатов, открытых в дореволюционных дачах на побережье залива, позво-ляют увидеть, что на участке была еще одна дача с высокой башней, откуда можно было смотреть закаты. Сохранились следы аллеи,

Рис. 1. Дача Г. В. Мюзера. 1941 г.
Архив Сил обороны Финляндии. Сайт: Terijoki.spb.ru

Рис. 2. Дача Г. В. Мюзера. 2012 г.
Фото А. Е. Браво, администратора сайта Terijoki.spb.ru

проходившей мимо этой дачи, и следы фундамента. Г. В. Мюзер был известен как совладелец оптовой мануфактурной фирмы «Генрих Мюзер». Сын Генрих учился в гимназии Карла Мая, дочь была замужем за братом архитектора Василия Васильевича Шауба, по проекту которого, возможно, и была построена дача, известная также своими уникальными каминами, ныне утраченными. Несмотря на то что сохранившаяся дача является памятником, ее состояние таково, что реставрация уже невозможна.

Здесь же следует упомянуть великолепную дачу Роберта Андреаса (Роберта Робертовича) Кинга, выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Его жена, Елизавета фон Хаузен, в 1920-х годах работала в немецком культурно-просветительском обществе. В 2016 г. дача получила статус памятника регионального значения.

Заслуживает упоминания также дача Отто Францевича Кирхнера, о котором известно, что им было основано крупнейшее предприятие на Петербургской стороне, включавшее типографию, календарное, футлярное, брошировочное и другие отделения, — фабрика «Отто Кирхнер», известная в советское время как фабрика «Светоч». Внук Отто Францевича, Лео Борхард, после войны возглавлял Берлинскую филармонию. Дача долгое время сохранялась в хорошем состоянии, но, будучи покинутой, пережила пожар, хотя и сейчас выглядит достойно. На участке до сих пор читаются изначальные ландшафтные работы, и он производит целостное впечатление.

Дача архитектора Федора Федоровича Лумберга, выпускника Института гражданских инженеров, находится на берегу Финского залива и является сегодня объектом культурного наследия регионального значения (рис. 3).

Даже в небольшой статье охвачены довольно большие территории и упомянуты многие фамилии. Достоверной информации о дачной жизни этих людей крайне мало, но хотелось бы, чтобы у читателя появился интерес к посещению пока еще сохранившихся дач. По странному стечению обстоятельств наибольшее количество немецких дач фиксируется в Тюрисеве (Ушково). Почему-то именно эта местность оказалась наиболее привлекательной для немецких дачников. Из сохранившихся здесь следует отметить небольшую дачу архитектора Эдуарда Эдуардовича Крюгера, а также дачу семьи Шванк. Эта дача числилась за Эмилией Федоровной Шванк. Семья Шванк была связана с военно-морской деятельностью и Кронштадтом. Отец Эмилии, Теодор Фердинанд Шванк, был выпускником Дерптского университета, военным врачом, а братья — военными моряками. Дача семьи Шванк хорошо сохранилась. В 2017 г. инициативной группой авторов сайта Terijoki.spb.ru

Рис. 3. Дача Ф. Ф. Лумберга. Сайт: Terijoki.spb.ru

подавались документы о присвоении даче статуса выявленного объекта культурного наследия, но был получен отказ.

Заслуживает упоминания дача Эдмунда Генриховича Вагнера, почетного гражданина, акционера фирмы «Русский Ллойд». Известно, что дача в 2014 г. была предназначена к сносу в процессе строительства нового корпуса детского санатория «Жемчужина». Рядом с Приморским шоссе сохранился дачный участок фон Дорн с домом и подсобными постройками. С 2016 г. он имеет статус памятника культурного наследия регионального значения. Участком владел Иоган Генрих Лудольф (Рудольф) фон Дорн, заслужен-

ный профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре римского права, сын Иогана Альбрехта фон Дорна, востоковеда, действительного члена Императорской Академии наук. В 1891 г. Иоган Генрих Лудольф (в русифицированном варианте Лудольф Борисович (Рудольф Борисович)) уехал в Ригу лечиться от душевной болезни, но вскоре покончил жизнь самоубийством. Известно, что с 1910 г. участком владела Анна Елена Августа Бернгард с детьми, вдова архитектора Эрвина Рудольфовича фон Бернгарда.

На гребне уступа природного парка «Корниш» сохранилась дача В. К. Рогенгагена, являющаяся объектом культурного наследия регионального значения. Фасад дачного дома выполнен предположительно по эскизу Григория Крескентьевича Лукомского (1884–1952), историка архитектуры, исследователя предметов старины. Из несохранившихся дач упомяну дачу Вольдемара Вильгельмовича Гrimma — купца, занимавшегося продажей граммофонов, фонографов, пластинок и музыкальных инструментов. Дача находилась в Тюрисеве и была построена по тогдашней новой технологии — из термолитовых кирпичей.

Совсем рядом с Приморским шоссе пока еще сохраняется фундамент большой дачи и некоего интересного сооружения. Этот участок принадлежал Эрнесту Петровичу Гамбсу, внуку Генриха Даниэля Гамбса, основателя известной мебельной фирмы. Именно здесь, на даче в Тюрисеве, в 1916 г. скончалась жена Эрнеста Петровича, Каролина Анна. Несколько дальше, в местечке Расватту (Сопки), находилась усадьба Эрнеста Эрнестовича Эндерса, сына старшего садовника Императорского Ботанического сада Эрнеста Эдуарда Эндерса. Известно, что в 1930-е годы его жена и три дочери жили в Тюрисеве, где на вилле «Эйлерс», принадлежавшей семье Эйлерс, Марго Эндер держала пансионат «Немецкий», который есть в списке финских курортов 1930-х годов.

Более подробно хотелось бы остановиться на усадьбе Германа Фридриха Эйлерса, знаковой личности в садовом искусстве конца XIX — начала XX в. (рис. 4). В 1894 г. Эйлерс приобрел вдоль Тюрисевского (Ушковского) ручья 9,6 га земли, а в 1914 г. — еще один участок на другом берегу ручья, между ручьем и Приморским шоссе, и начал обустройство усадьбы на угловом участке между

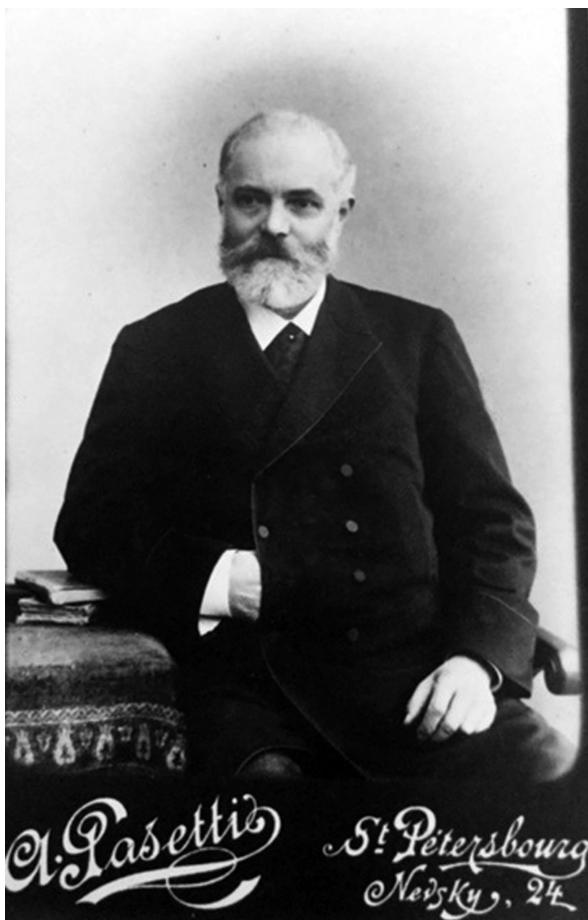

Рис. 4. Герман Фридрих Эйлерс. Из архива Ингрид Лидваль, внучки Г. Ф. Эйлерса. Предоставлено Пией Лидваль. Сайт: Terijoki.spb.ru

современными Детской улицей и Уютной аллеей поселка Ушково (уч. 16–27).

Здесь была построена вилла, получившая впоследствии название «Эйлерс». О ней известно больше, нежели о других упомянутых дачах побережья Финского залива. Благодаря любезности правнучек Германа Фридриха, внучек его дочери Маргариты и архитектора Федора Лидвала, проживающих в Швеции, мы получили

возможность идентифицировать виллы, располагавшиеся на территории усадьбы. В 1913 г. вилла значится в списке дач, сдававшихся в наем на лето. Основная усадьба семьи располагалась на противоположной стороне дороги (Детской ул.). Главным домом усадьбы была вилла «Эмма», названная в честь жены Германа Фридриха, Эммы Гезине, урожденной Остертун (рис. 5). Здесь же были еще три виллы, предназначенные для детей Германа Фридриха и их семей, а также подсобные здания. Все они были вписаны в парк исключительной красоты, который не потерял своего очарования и теперь, несмотря на варварское отношение к нему последующих обладателей, поселившихся на землях имения после Второй мировой войны, и передел границ. Основная аллея, которая вела от дороги, оформлена вязами, но, к сожалению, нарушение дренажной системы, устроенной при закладке усадьбы по всей близлежащей территории, привело к большому увлажнению территории, что пагубно влияет на эти деревья. Перед виллой «Эмма» также росли вязы и дубы, а дренажный канал был оформлен липовой кулисой. На развилке дорог, одна из которых вела к вилле зятя Эйлерса, Альфреда Зевига, мужа его дочери Эммы, а другая —

Рис. 5. Вилла «Эмма». Опубликовано в кн. «Из Петербурга в Кивеннапу» («Saarijrvi», Финляндия, 2008 г.)

в верхнюю часть участка к двум другим виллам, сохранилась вековая липа. В верхней части парка просматриваются небольшая дубовая рощица, посадки вязов и лип около вилл. Сохранились посадки бересклета. По территории протекал еще один ручей, впадавший в Тюрисевский, вдоль него шла другая дорожка к вилле Зевига, которая, вероятно, была самой красивой и необычной постройкой усадьбы (рис. 6). Перед виллой был фонтан, вокруг множество роз, сирень и другие декоративные кустарники, судя по всему, также цветочный партер с вазами, поскольку сохранились фундаменты постаментов. От виллы Зевига к Тюрисевскому ручью вела аллея кленов, скорее всего приречных, мелкой формы. В парке вообще были высажены только элитные деревья, но при этом бережно сохранены вековые сосны и ели. По мосту через ручей можно было попасть в другую часть усадьбы, приобретенную позднее. Здесь, в сосновом лесу, стояла «Белая вилла». В самой высокой части усадьбы было садоводство, где находилась рабочая территория для выращивания различных садовых растений младшего сына

Рис. 6. Вилла Альфреда Зевига. 1927 г. Автор неизвестен. Из архива Ингрид Лидваль, внучки Г. Ф. Эйлерса. Предоставлено Пией Лидваль. Сайт: Terijoki.spb.ru

Эйлерса, Августа. Из садоводства открывался красивый вид на верхний парк. Члены семьи Эйлерс в разное время проживали в усадьбе. Одна из знаковых фотографий семьи была сделана здесь в 1913–1914 гг.: Г. Ф. Эйлерс на крыльце виллы с восемнадцатью из своих двадцати двух внуков. Именно здесь, в своей усадьбе, Герман Фридрих и умер летом 1917 г. В годовщину его смерти члены семьи собирались в усадьбе вплоть до 1939 г.

После 1918 г. Август Эйлерс проживал в Териоках постоянно. Он и ухаживал за парком (рис. 7), садоводство усадьбы стало его делом, он женился вторым браком на дочери местного подрядчика Любови Петровой и покинул Териоки осенью 1939 г., с началом Зимней войны. Вновь в усадьбу Август приехал лишь раз — в ноябре 1941 г. После он написал своей сестре Маргарет об этом приезде: «И вот настал самый прискорбный момент моего двухнедельного пребывания там, когда я в 2 часа 40 минут 15 ноября 1941 года стоял перед большим пустым заснеженным участком, где когда-то располагался старый дом родителей, позднее наш дорогой любимый дом, который, вероятно, пал жертвой пламени уже 30 ноября 1939 года в начале нашей первой зимней войны. От дома не осталось ничего, даже пристроек, и похоже, что вся территория была полностью расчищена. Это теперь лишь мертвая белая, покрытая снегом и оттого кажущаяся неописуемо огромной непривычная территория, от вида которой содрогается сердце». «Белая вилла» на другой стороне ручья погибла вместе с виллой «Эмма». Время утраты одной из вилл в верхнем парке неизвестно. Вилла Зевига и вторая вилла верхнего парка в перестроенном виде сохранялись до 90-х годов, затем сгорели, остались только фундаменты. Покинутая вилла «Эйлерс» тихо разрушилась в начале 2000-х, но пока еще видны нижние венцы.

И в заключение несколько слов о Лахте, о которой упоминалось в начале статьи. Здесь в 1914 г. была сделана последняя общая фотография членов семьи на крестинах Георгия фон Высоцкого, сына старшей дочери Эйлерса, Елены Элины. Возможно, это была собственная дача Высоцких, а может быть, съемная. Безусловно, дачное строительство конца XIX — начала XX в. на Северо-Западе не ограничивалось Тюрисевя (совр. Ушково).

Рис. 7. Старые вязы в парке усадьбы Г. Ф. Эйлерса. 2017 г.

Фото Е. В. Смирновой

Достоверной информации о дачной жизни крайне мало, а поиск информации сложен. В наших изысканиях нам особенно повезло с историей семьи Эйлерс благодаря контактам с их потомками, поэтому об этой семье и ее жизни на дачах нам известно больше.

Постепенно весь Карельский перешеек застраивался дачами, появлялись большие и малые усадьбы, обустраивались парки, и дачная жизнь развивалась во всем своем обаянии. Иногда, приезжая теперь, казалось бы, на лесную территорию, вдруг встречаешь остатки липовой аллеи, пройдя по которой нередко можно найти уже не цветущую, но еще живую сирень, а рядом с ней старый фундамент. И начинается поиск историй участков и биографий их владельцев и — если повезет — описаний и изображений дачи. А пока вот такая «дачная история» от Лахты до Ушково.

A. С. Лисицына

«ПАСТОР ИЗ ПАРИЖА»: К 190-ЛЕТИЮ ПАСТОРА ПЕТРИКИРХЕ ОТТО АРМИНА ФИНДЕЙЗЕНА (1831–1903)

Биографический очерк, основанный на малоизвестных мемуарных источниках, архивных материалах и периодике второй половины XIX — начала XX в., знакомит с Отто Армином Финдейзеном (1831–1903), который свыше 30 лет прослужил проповедником главного лютеранского храма Санкт-Петербурга и всю жизнь посвятил пасторскому служению и христианской просветительской деятельности. Описан жизненный путь Финдейзена — начиная с детства в маленькой немецкой деревушке и заканчивая служением в приходах двух крупнейших столичных городов Европы. Предпринимается попытка не только нарисовать картину карьерного развития и профессиональной деятельности Армина Карловича как богослова и священнослужителя, но и дать представление о нем как человеке, каким его знали коллеги, друзья и многочисленные духовные чада. Особое внимание уделяется его педагогическому вкладу и деятельности основанного им в Петербурге Евангелического общества юношей.

Ключевые слова: Отто Армин Финдейзен, протестантское духовенство, иноверческие общины Петербурга, лютеранская церковь Св. Петра (Петрикирхе), евангелические общества юношей, приходская благотворительность, душепопечительство.

A. S. Lisitsina

“A PARISIAN PREACHER”: MARKING THE 190TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PETRIKIRCHE PASTOR OTTO ARMIN FINDEISEIN (1831–1903)

Drawing on little-known archival sources, memoirs and newspaper accounts, the study examines the life and work of Otto Armin Findeisen (1831–1903), a German Lutheran churchman whose career in Saint-Petersburg spanned more than three decades. Findeisen rose from humble beginnings in a small village in present-day Thuringia to an important preacher, mentor, and founder of Christian social enterprises in Europe's major cities. Educated at Jena and Berlin, Findeisen began his life-work in 1860 as auxiliary pastor of a Lutheran church in Paris, moving to Saint-Petersburg in 1866 to become a minister of St. Peter and Paul's church (known as Petrikirche), the largest and most significant non-Orthodox Christian congregation in the Russian Empire. The study addresses his role in pastoral care and Christian education, with a special focus on aspects of in- and out-of-parish youth ministry such as confirmation classes and activities within the Saint-Petersburg Lutheran Young Men's Society (*Jünglingsverein*) — Findeisen's beloved brainchild. Apart from providing general biographical facts, the paper offers a glimpse into his personality, personal life and views.

Keywords: Otto Armin Findeisen, Protestant churchmen, non-Orthodox Christian congregations in Saint Petersburg, Lutheran Church of St. Peter (Petrikirche), German Young Men's Christian Associations, church charity, pastoral care.

Отчий дом и гимназия (1831–1850). Отто Армин Финдейзен родился 13 (25) октября¹ 1831 г. в герцогстве Саксен-Альтенбург (нынешняя Тюрингия), в деревушке Гёльниц, что в 10 км от Альтенбурга, и был младшим из пяти детей пастора местной церкви Иоганна Карла Готлоба Финдейзена и его жены Амалии Кристины.

Первым учителем мальчика стал отец. Человек серьезный и образованный, он пользовался известностью как педагог, и родители охотно отдавали ему сыновей для подготовки к поступлению в гимназию и религиозно-нравственного воспитания. Пасторский дом представлял собой своеобразный пансион. Пастор бывал резок и вспыльчив, а в детях превыше всего ценил богобоязненность и добросовестность. Армин рос в довольно напряженной обстановке и к тому же отличался замедленным психическим и физическим развитием. Отчасти спасала известная легкость характера, помогавшая и в детстве, и в дальнейшем переносить всевозможные тяготы: «Если ты заработал *всего* две оплеухи, то мог считать, что день прошел *удачно*². К тому же рядом была мать — женщина добрая и отзывчивая. Впоследствии Финдейзен признавал, что жизнь между двумя «полюсами» — такими непохожими родителями — оказалась исключительно благотворной для его духовного становления.

Основательная домашняя подготовка позволила Армину поступить в классическую гимназию в Альтенбурге (причем сразу в класс *Sekunda*³), где он обучался с 1846 по 1850 г. Успешно справляясь с учебой, юноша находил время и для расширения кругозора: самостоятельно осваивал французский, прилично изучив Расина, Мольера, Шатобриана (кто бы мог подумать, что это увлечение сыграет немаловажную роль в его карьере!), посещал кружок любителей немецкой литературы, с пользой проводил время в домах родительских знакомых (рис. 1).

В 1848 г., на волне революции во Франции, Европу захлестнули либеральные настроения. Не остались в стороне и жители Альтен-

Рис. 1. Пасторский дом в Гёльнице. Рубеж XIX–XX вв.

бурга. Впрочем, до реального противостояния с властями дело не дошло, и хотя герцог был вынужден на время сложить полномочия, порядок быстро восстановили. Тем не менее «весна народов» не прошла даром: она многое изменила в сознании людей, в том числе представителей духовенства, увидевших, что в новых условиях требуется нечто особенное, чтобы возродить и укрепить в народе веру и христианские ценности. Заметный резонанс получило выступление в Виттенберге (1848) богослова И. Х. Вихерна, стараниями которого было основано движение «Внутренняя миссия», объединившее разрозненные благотворительные и просветительские христианские инициативы германских земель. В дальнейшем в собственной пасторской практике Финдейзен станет активно продвигать идеи внутреннего миссионерства.

Университеты (1850–1855). По окончании гимназии Армин поступил в Йенский университет на юридический факультет, но право оказалось слишком абстрактной и однообразной наукой. Куда больше его увлекала деятельность студенческой корпорации *Burschenschaft Teutonia Jena*, проникнутой духом юношеского романтизма и свободомыслия. Финдейзен с удовольствием участвовал

в студенческих шалостях, чаще всего вполне безобидных: воспитанный в строгом благочестии, он тем не менее знал толк в веселых забавах и добром юморе. Неповторимую атмосферу того времени Финдейзен будет с теплотой вспоминать до самой старости. А на лбу у него — как знак причастности к студенческому братству — навсегда останется дуэльный шрам⁴.

Разочаровавшись в правоведении, Финдейзен принял с особым энтузиазмом посещать семинары двух выдающихся ученых — Гёттлинга по классической филологии и Дройзена по истории. Но это не могло заменить и заглушить его интереса к богословию, и тогда Финдейзен принял решение сменить специальность. Однако в Йене не остался. Прославленный теологический факультет к середине XIX в. превратился в оплот богословского рационализма, который отталкивал Армина «сухостью и пустотой»⁵ (хотя именно к этому направлению принадлежал его отец).

В 1852 г. Финдейзен начал обучение на теологическом факультете Берлинского университета. Это переломный момент в его жизни. Исключительное влияние на Армина оказали лекции и проповеди профессора практической теологии К. И. Нича, который освободил его от «оков рационализма», показав путь от рассудочного богословия к живому христианству, гармоничному соединению догматики и этики, к пониманию церковной жизни как процесса преобразования окружающего мира. Из других своих наставников Финдейзен с особой благодарностью вспоминал профессора Э. В. Генгстенберга. Важную роль в духовном развитии Финдейзена сыграл также прославленный историк — и страстный поклонник Лютера — Л. фон Ранке.

Желая придать общению с единомышленниками более организованный характер, в 1853 г. Финдейзен становится соучредителем Академического богословского общества⁶. В числе тех, кто входил в это студенческое объединение и вместе с Армином за кружкой пива горячо обсуждал проблемы теологии, следует особо назвать его близкого приятеля, друга на всю жизнь Германа Дальтона (в скромном времени — пастора реформатской общины в Петербурге⁷). По воспоминаниям Дальтона, Финдейзен был душой этого тесного кружка, но не за счет теологических познаний (по этой части еще

предстояло много работы), а благодаря заразительному энтузиазму, «чистой незыблемой вере, стройному образу мыслей, мягкосердечной серьезности и твердой решимости жить согласно своим религиозным убеждениям»⁸.

«Педагогическая практика» (1855–1860). Финдейзен окончил обучение кандидатом богословия в 1855 г. Научно-педагогическая деятельность университетского преподавателя его не привлекала: для этого он был слишком деятельным, «некнижным» человеком. Призвание Армина явно состояло в практической пасторской работе.

По обычаю того времени прежде, чем приступить к пасторскому служению, полагалось пройти «стажировку» в качестве наставника юношества. Финдейзену удалось устроиться домашним учителем в аристократическое семейство, главой которого был О. фон Арним-Крёхлендорф, женатый на сестре будущего канцлера фон Бисмарка. Финдейзен быстро заслужил любовь воспитанников, и у него сложились дружеские отношения с хозяевами. Летом все вместе выезжали в горы; однажды целый месяц гостили у Бисмарка во Франкфурте.

Три года спустя Финдейзен переехал в Лейпциг, где нашел место учителя в известном частном воспитательном заведении. Преподавать приходилось чуть ли не все предметы, причем почти во всех классах и отделениях, но общение с детьми доставляло большую радость, да и начальство было им довольно. Пребывание в Лейпциге оказалось ценным для будущего пастора еще и потому, что здесь работали выдающиеся лютеранские богословы и проповедники⁹, благодаря которым Финдейзен смог яснее осознать и обогатить свои теологические воззрения. Особое значение имело общение с пастором церкви Св. Николая Ф. Альфельдом и директором Евангелическо-лютеранской миссии К. Граулем, которые пробудили в Финдейзене интерес к миссионерству.

Париж (1860–1865). Финдейзен уже всерьез подумывал о миссионерской поездке в Афирику, когда в 1859 г. освободилось место адъюнкта в Альтенбурге. Почти одновременно поступило предложение занять вакансию в небольшом лютеранском приходе в парижском квартале Маре¹⁰. Выбор между провинциальным, но

почти родным Альтенбургом и неведомым мегаполисом, имевшим среди достопочтенных немецких бургеворов репутацию «города грехов», оказался непростым, и после долгих раздумий Финдейзен решил довериться воле прорицания: занять то место, откуда раньше поступит призывающая грамота. Бумага из Парижа пришла на день раньше. Ординация Финдейзена состоялась 19 (31) января 1860 г. в Альтенбурге, после чего новоиспеченный пастор отправился в столицу Франции.

Финдейзен называл Париж «благословенной станцией» на своем жизненном пути¹¹. Шесть неполных лет, что он провел в должности второго пастора (*pasteur auxiliaire*) лютеранской церкви Бийет (*Billettes*)¹² (рис. 2), имели огромное значение для его профессионального роста и стали залогом дальнейшей успешной работы в Петербурге.

Тридцатилетний пастор читал проповеди, заботился о малоимущих, оказывал духовную поддержку многочисленным немецким рабочим, проживавшим в Сент-Антуанском предместье. О моральном облике сына родители могли не беспокоиться: среда, в которой оказался Армин, отличалась гипертрофированной строгостью

Рис. 2. Парижская церковь Billettes. 1901 г.

нравов — коллеги Финдейзена вели спартанский образ жизни и не позволяли себе даже минимальных развлечений. За эти годы ему не удалось ни разу побывать в театре или на концерте! Единственной отдушиной оставалось посещение Лувра и других музеев. Позднее, переехав в Россию, Финдейзен сможет оценить разницу: петербургские пасторы были людьми с достатком, не стеснялись обустраивать свой быт и не отказывали себе в светских удовольствиях.

К основным обязанностям Финдейзена вскоре добавились побочные, связанные с лютеранским Обществом юношей, которое существовало с 1848 г., но имело крайне ограниченный круг задач и минимальные ресурсы. Благодаря усилиям Финдейзена общество превратилось в полноценную просветительско-благотворительную организацию¹³: не только появился гораздо более вместительный приют для нуждающихся, но и стали проводиться собрания, призванные приобщить молодежь к Евангельскому слову.

Через некоторое время Финдейзен взял на себя заботы о Доме призрения и проводил там богослужения. Кроме того, он вступил в Союз немецкой внутренней миссии и принимал участие в попечении о бедных. Занимался он и внутрицерковным строительством: провел литургическую реформу, убедив коллег из лютеранских приходов перестроить порядок немецких богослужений и перейти на новый хоральный сборник.

Пребывание Финдейзена в Париже также было отмечено участием в конференциях, на которые съезжалось евангелическое духовенство со всей страны. Такие съезды оказались исключительно плодотворны для молодого пастора: он смог изучить аргументы своих идеологических сторонников и противников, приобрел опыт общения с такими знаменитыми проповедниками-реформатами, как Моно и Берсье. Его риторическое мастерство и полемическая решительность заметно окрепли. Оказавшись в 1864 г. на церковном съезде в Альтенбурге, Финдейзен единственный посмел выступить с критикой в адрес авторитетного профессора Бейшлага. В ответ на речь последнего он изложил свое понимание религии, защищая веру, основанную на Писании, в противовес отрицательно-критическому отношению к богочеловеческой личности Спасителя.

Парижский период принес с собой изменения и в личной жизни пастора. В 1861 г. он связал себя узами брака с Фридерикой Вильгельминой Брунариус (*Friederike Wilhelmine Brunnarius/Brunnarius*) (1841–1917) — дочерью местного купца, уроженца Штутгарта¹⁴. Молодожены совершили свадебное путешествие в Германию, используя поездку еще и как возможность собрать средства на нужды немецкой миссии в Париже. В следующем году Финдейзен побывал с целью сбора пожертвований в балтийских провинциях и российской столице. Он и не подозревал, что город на Неве станет его второй родиной.

Призвание на север (1865). В 1865 г. Армин Карлович неожиданно получил приглашение от совета немецкого лютеранского прихода Св. Петра в Петербурге (Петрикирхе) принять участие в конкурсе на вакансию пастора. Хотя у Финдейзена не было намерения оставлять Париж, он никогда не думал связывать судьбу с этим городом, чувствуя себя в этой среде «слишком немцем»¹⁵.

Вот уже несколько лет в Петрикирхе служили три пастора, что было просто необходимо для удовлетворения духовных нужд крупнейшего иноверческого прихода российской столицы: в общине насчитывалось 17 тыс. членов¹⁶. Приход делился на три исповедных округа, каждый со своим пастором. В 1865 г. пастор Фроманн заявил о намерении вернуться на родину, и совет приступил к поиску возможных преемников¹⁷. Задача стояла непростая: требовалось найти достойного человека с хорошей репутацией, сильного богослова, который вдобавок обладал бы ораторским талантом и необходимыми нравственными качествами¹⁸. К марта определился примерный перечень кандидатов, среди которых был и Финдейзен¹⁹. Официально его кандидатуру предложил член церковного совета купец Людвиг Гитшов²⁰, хотя первоначальная, неофициальная, рекомендация исходила от Германа Дальтона.

Приказом Генеральной консистории парижскому пастору разрешалось прочитать в Петрикирхе пробную проповедь, что и произошло 16 мая²¹ (рис. 3). «Проповедовал я с большим воодушевлением, — вспоминал он, — и, пожалуй, с чрезмерной горячностью»²². Необычная эмоциональная проповедь запомнилась. К тому же

Рис. 3. Пастор Финдейзен в Петербурге. Предположительно 1865 г.

Финдейзену удалось познакомиться с некоторыми членами церковного руководства.

Между тем Фроманн покинул Россию раньше, чем предполагалось, и стало ясно, что с выбором преемника лучше поторопиться²³, тем более что из двух остальных пасторов, Штирена и Таубенгейма, служить фактически мог один — второму не позволяло здоровье²⁴. На основании общего перечня кандидатов путем голосования составили итоговый короткий список. Финдейзен как вошедший в этот «шорт-лист» получил приглашение на пробную проповедь²⁵. Ему было трудно снова оставить парижскую общину и беременную жену с детьми, но пришлось опять ехать в далекий Петербург²⁶.

Собственно выборам было посвящено пленарное заседание приходского правления 9 сентября 1865 г. Голоса разделились поровну между Финдейзеном и его будущим коллегой Ферманом²⁷, но предпочтение по решению президента церковного совета было отдано последнему²⁸.

Однако Финдейзен оставался в поле зрения церковного руководства: в августе ушел из жизни Таубенгейм, и открылась еще одна вакансия. 16 сентября был составлен общий перечень кандидатов²⁹, а 23 сентября определен финальный список, в который вошли Финдейзен, пастор Латышской церкви генерал-суперинтендент фон Рихтер и адъюнкт петербургской церкви Св. Екатерины Марпург³⁰. От пробной проповеди Финдейзена теперь все-таки освободили. Избрание нового проповедника состоялось 14 октября 1865 г.: давляющее большинство голосов было отдано за Финдейзена³¹. Вскоре из Парижа прибыло письмо с выражением согласия занять предложенную должность и приложением свидетельства об ординации.

В последующие месяцы Финдейзен хлопотал о том, чтобы в церкви Бийет ему нашли преемника, и готовился к отъезду. В конце декабря он рас прощался с парижской общиной³².

Пастор Петрикирхе (1866–1900). Финдейзен переехал в Петербург в начале 1866 г. Для официального вступления в должность ему как иностранцу требовалось принять российское подданство. Церковный совет заранее принял меры для ускорения этой процедуры и, кроме того, ходатайствовал перед министром финансов об освобождении переправляемого имущества нового пастора от таможенных пошлин³³.

В конце января Финдейзен стал российским подданным³⁴, а 6 февраля 1866 г.³⁵ состоялся обряд введения в должность. В этот воскресный день в вестибюле Петрикирхе собрались представители петербургского духовенства, члены церковного совета, учителя Петришуле (Главного немецкого училища при церкви Св. Петра), а также сам Армин Карлович и двое его коллег. Во главе с вице-президентом Генеральной консистории епископом Ульманом и петербургским генерал-суперинтендентом фон Рихтером шествие направилось в церковный зал. Церемония началась с речи фон Рихтера и приветственных слов Штирена и Фермана. После введения в должность наложением рук старших служителей и праздничной молитвы Финдейзен произнес проповедь. По окончании официальной части перешли в сакристию, где введенный в должность принимал поздравления от духовных лиц и многочисленных прихожан³⁶.

В выданной Финдейзену церковным советом призывной грамоте³⁷ были изложены его основные обязанности. Оговаривалось, что ему надлежит проповедовать христианское учение во всей его чистоте, сообразно с книгами и правилами, признанными Евангелическо-лютеранской церковью, совершать положенные таинства, наставлять, увещевать, утешать, участвовать в попечении о бедных и, наконец, личным благочестием и делами христианской любви служить образцом для прихожан. Отмечалось, помимо прочего, что простое чтение проповедей не дозволяется: произносить их можно только по памяти³⁸. Со своей стороны приход обеспечивал пастора просторной квартирой площадью 50–55 кв. саженей³⁹ и годовым жалованьем в размере 1285 руб. В дополнение были выделены средства на первоначальное обзаведение хозяйством (857 руб.)⁴⁰.

Исповедный округ, перешедший к Финдейзену от предшественника, был численно меньше двух остальных, но вскоре заметно вырос: к его духовным подопечным примкнул целый ряд семей, принадлежавших ранее к другим округам, а также новые члены прихода, недавно прибывшие в Петербург. Объем обязанностей также постепенно увеличивался: Финдейзен совершал богослужения и таинства, оказывал душепопечительскую помощь и посещал больных, занимался с конфирмантами, участвовал в заседаниях церковного совета; позднее добавились библейские и миссионерские часы, детские богослужения, вечерни. Нагрузка распределялась по возможности равномерно между тремя пасторами⁴¹.

У каждого из трех была своя манера проповедовать. Финдейзен лучше других умел произносить прочувствованные речи по особым случаям, а вот его проповедям подчас не хватало логической завершенности: увлекаясь, он мог отклониться от темы, из-за чего следить за его мыслью было затруднительно⁴². Впрочем, это не помешало ему стать одним из самых популярных проповедников Петербурга. Искренность, пылкость и убедительность вкупе с благозвучным голосом завоевали массу почитателей. Знавшие Финдейзена люди отмечали, что во всем его облике (благообразная внешность, пристальный взгляд голубых глаз и какая-то моложавость, несмотря на рано поседевшую шевелюру) было нечто своеобразно притягательное.

Даже будучи опытным проповедником, Финдейзен продолжал тщательно готовиться к каждому богослужению. Но особого самоотречения и ответственности требовало пастырское служение вне стен храма. Члены общины проживали во всех, в том числе отдаленных, районах Петербурга, и при слабой развитости транспорта посещение духовных чад отнимало немало сил и времени. Кроме того, в семьях высших сословий некоторые таинства, особенно крещение, а иногда также венчание и отпевание⁴³, проходили на дому, что, разумеется, тоже требовало личного присутствия пастора. Сюда добавлялся бесконечный поток страждущих, которые ежедневно приходили к Армину Карловичу в приемные часы за советом и помощью, обращаясь иногда с совершенно нелепыми просьбами. Истинно нуждающиеся и назойливые попрошайки, побитые жизнью страдальцы и неприкаянные чудаки — многие из них со временем становились чуть ли не членами пасторской семьи, иногда всерьез испытывая терпение пастора на прочность. Случалось, Финдейзена посещали и высокие гости, например великая княгиня Елизавета Маврикиевна (принцесса Саксен-Альтенбургская не только была духовной дочерью пастора, но и ценила возможность дружеского общения с земляком).

Если произнесение проповедей было для Финдейзена почетной, но все же обязанностью, то музыкальная часть богослужений доставляла ему чистое удовольствие. В этой области пастор был по-настоящему одарен: обладал отменным слухом и до старости имел «превосходный голос, полновзвучный и серебряно-чистый»⁴⁴. Прекрасно исполняя духовные песни сам, он одновременно отличался широкими познаниями в области гимнологии, играл на фисгармонии, занимался изучением старинных протестантских хоралов и стремился развивать у прихожан интерес к церковному пению, считая необходимым уделять равное внимание музыке и текстам. Армин Карлович выпустил «Книгу для домашнего пения хоралов» (*Zum häuslichen Choralgesang*, 1888) и «Разъяснения по поводу некоторых наших песен» (*Einige unserer Lieder erläutert*, 1889), где продемонстрировал еще и литературный дар и тонкое понимание духовной поэзии⁴⁵. Кроме того, в 1890-х годах Финдейзен участвовал в работе комитета по составлению нового собрания церковных песен для

лютеранских приходов Российской империи. Как большой ценитель музыки Финдейзен часто посещал концерты, на которых звучали оратории великих немецких композиторов. Какая это была радость после парижского «голодания»!

Помимо исполнения прямых обязанностей священнослужителя Финдейзен занимался делами приходских благотворительных учреждений: сиротского дома, Общества призрения бедных и детского отделения Александровского приюта. Поочередно с коллегами он проводил богослужения в Александровской богадельне, где призревались нетрудоспособные прихожанки⁴⁶, а кроме того, на протяжении всей своей службы в Петрикирхе отчислял 10 % личных доходов в пользу беднейших членов прихода⁴⁷. Просветительскую и благотворительную работу Финдейзен вел и за пределами общины: долгие годы состоял членом комитета Евангелической городской миссии⁴⁸ и Центрального комитета Кассы взаимопомощи лютеранских приходов России (рис. 4).

Финдейзен всегда любил и умел работать с молодежью. Большое внимание он традиционно уделял конфирмационным занятиям, которые продолжались в Петрикирхе 4–5 месяцев, причем количество конфирмантов обоих полов достигало 150 человек. Кабинет пастора украшали фотографии с конфирмантами разных лет, и с некоторыми выпускниками он поддерживал дружеские отношения.

Этим «педагогическая нагрузка» пастора не ограничивалась. Как и его коллеги, он преподавал богословие в Петришуле и участвовал в работе учительского совета, а также являлся членом директората Петришуле (Управления училищ Св. Петра) — органа, занимавшегося решением важнейших вопросов жизни этого разветвленного учреждения, где к тому времени обучалось около 1 тыс. человек⁴⁹. Помимо этого, с 1875 г. Финдейзен вел уроки Закона Божия для воспитанниц евангелическо-лютеранского исповедания в Николаевском сиротском институте⁵⁰.

Но главным и самым любимым детищем Финдейзена являлось основанное им в 1868 г., отчасти по парижскому образцу, петербургское Евангелическое общество юношей (*Evangelischer Jünglingsverein*), направленное на просвещение и нравственную поддержку молодежи мужского пола. Это было первое подобное общество

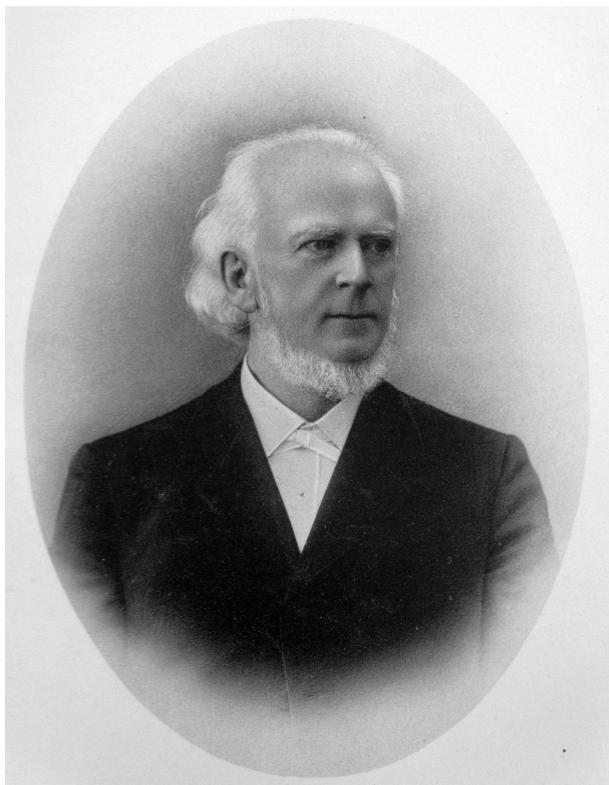

Рис. 4. Пастор Финдейзен в зрелом возрасте

в России. Согласно уставу, утвержденному властями в 1870 г., цель общества заключалась в том, чтобы предохранять молодых людей «от опасных для нравственности влияний» и содействовать их «нравственному и умственному развитию»⁵¹. Служить этой цели были призваны занятия, состоящие в изучении Священного Писания, чтении назидательных книг и сообщении полезных сведений. В члены принимались юноши евангелического исповедания любых сословий.

Может сложиться впечатление, что деятельность общества носила однообразный доктринерский характер. Однако материалы, которые мы находим в печатных отчетах учреждения и на страни-

цах ведущих немецкоязычных газет того времени, убеждают в обратном. Хотя в первую очередь общество служило центром духовного общения и религиозно-нравственного воспитания, здесь заботились и об активном творческом досуге участников: устраивались экскурсии и выезды на природу, познавательные лекции, литературные и музыкальные вечера, «семейные» и «развлекательные» программы. Даже библейские семинары завершались неформальным общением за чаем и настольными играми. Особенно весело, с сюрпризами и шуточными номерами, проходило празднование Рождества.

Общество развивалось само и способствовало созданию подобных же союзов в других городах страны. Нередко его членами становились молодые люди из числа бывших конфирмантов Финдейзена и молодежь других приходов. В 1881 г. появилось отделение для женатых лиц. В 1883 г. была создана гимнастическая секция, в 1884 г. — духовой оркестр. Особенно активно общество росло в 1880-е годы: за период с 1885 по 1887 г. количество членов увеличилось с 40 до 120 человек⁵². На 1897 г. организация насчитывала 129 человек (из них 31 относился ко «взрослому» отделению, остальные к «юношескому»)⁵³. В 1900–1910 гг. численность колебалась в пределах 100–150 человек⁵⁴.

Первоначально общество собирало своих членов на Мойке, д. 40, «для назидательной беседы и упражнения в пении» под руководством Финдейзена⁵⁵. В 1893 г., сменив несколько помещений, организация переехала в постоянную просторную «квартиру» — дом Евангелической городской миссии на Ново-Исаакиевской ул., д. 24. Здесь были устроены помещения для дешевого ночлега, а затем и комнаты для сдачи внаем по доступным ценам; гимнастический зал и библиотека; начали работать вечерние курсы⁵⁶.

С первых лет существования при обществе действовал мужской хор, основанный Теодором Кале. С 1882 г. бессменным руководителем коллектива стал Вольдемар Фогель⁵⁷. Хор пел не только на внутренних праздниках, но и на публичных «семейных вечерах», участвовал в торжествах в протестантских храмах и выступал с духовными концертами. Билеты чаще всего либо раздавались бесплатно, либо по принципу добровольных пожертвований

каждый слушатель платил ровно столько, сколько считал возможным. Осенью 1896 г. хор, объединявший на тот момент свыше 40 певцов, отметил свое 25-летие, по слухам чего был устроен концерт духовной музыки в Немецкой реформатской церкви, «семейный вечер» в зале Петришулe и, наконец, праздник в «квартире» общества. Хор вел активную концертную жизнь и в последующие годы⁵⁸.

Юношеское общество занималось также благотворительной деятельностью: устраивало собрания для солдат и матросов, посредничало в поиске работы, имело свою вспомогательную кассу⁵⁹. Средства общества складывались из членских взносов, добровольных пожертвований и процентов с небольшого собственного капитала. Для сбора средств на нужды организации применялись разнообразные способы — от упомянутых концертов до рождественских ярмарок и летних экскурсий по Неве на специально арендованном теплоходе. В 1897 г. общество начало издавать ежемесячный журнал для евангелической молодежи — *Evangelische Blätter für junge Männer in Russland*. Главным редактором был сам Финдейзен.

* * *

У Финдейзенов был гостеприимный дом и девять детей⁶⁰, шестеро из которых появились на свет в Петербурге⁶¹. Летом 1884 г. родился последний ребенок — Теодор Эдуард. В сентябре того же года Финдейзен перенес инсульт. Его сознание оставалось ясным, но речь оказалась полностью нарушена. Восстановление шло очень медленно. Состояние организма дополнительно усугубило заболевание тифом в феврале 1885 г. Армин Карлович чудом выздоровел, и в марте церковный совет не только предложил ему отпуск для поездки за границу на полгода⁶², но и выделил средства на дорогу⁶³. Отдых на горных курортах пошел пастору на пользу, и осенью он вернулся к работе. Впервые после долгого перерыва он поднялся на кафедру в октябре 1885 г., в день своего рождения.

Финдейзен теперь отказался от преподавания в Николаевском институте и Петришулe, но основная нагрузка сохранялась. Отдыхать удавалось только в летние месяцы, когда пастор проводил

время у себя на даче в поселке Пиккирукки (ныне — Выборгский), собирая букеты полевых цветов и гуляя по парку Монрепо.

В феврале 1891 г., когда отмечалось 25-летие службы Финдейзена в Петрикирхе, прихожанами, принадлежавшими к его исповедному округу, был собран капитал номиналом 5000 руб., составивший неприкосновенный «фонд Финдейзена», средства которого с тех пор шли на поддержку детского отделения Александровского приюта. От церковного руководства юбиляр получил ценный подарок⁶⁴. 20 июля 1896 г. Армин Карлович принял участие в церемонии закладки первого камня нового здания приюта для бедных приходских девочек, входившего в состав названного детского отделения. Финдейзен произнес торжественную речь, после чего к собравшимся обратился, уже на русском языке, его старший сын Герман, пастор церкви Св. Елизаветы в Кронштадте⁶⁵.

В 1897 г. семью постигло горе: в 12-летнем возрасте скончался младший сын Теодор Эдуард⁶⁶. Этот год стал для Армина Карловича своего рода рубежом. Силы начали его оставлять. Несмотря на все усилия врачей и поездки на воды, все сильнее мучила подагра. Осенью 1899 г. Финдейзен подал прошение об уходе, однако продолжал отправлять должность до тех пор, пока не был найден преемник⁶⁷. 30 апреля 1900 г. он в последний раз поднялся на кафедру, рас прощался с общиной и коллегами и выслушал в свой адрес множество слов благодарности. С мая его место занял пастор Вальтер.

Финдейзен отдал церкви Св. Петра 34 года. По закону ему полагалась пожизненная пенсия в размере полного жалованья, однако церковным советом еще ранее было признано, что такая сумма (1285 руб.) недостаточна для обеспечения безбедной старости. Совет принял решение выплачивать Финдейзену по 3000 руб. ежегодно⁶⁸.

Последние годы (1900–1903). Последние годы жизни Финдейзен провел в статусе «почетного пастора», в кругу близких. Время от времени его навещали друзья и коллеги⁶⁹. Летом семья выезжала в Европу, один раз удалось наведаться в любимый Пиккирукки. По мере сил Финдейзен не оставлял и религиозно-просветитель-

скую деятельность: продолжал издавать *Evangelische Blätter*, занимался исследованиями, оставался почетным президентом Общества юношей (функции президента с 1894 г. выполнял пастор Вальтер, а с 1900 г. — старший сын основателя, Герман Арминович). В декабре 1902 г. в зале Петришулे прошел рождественский вечер общества, ставший для 71-летнего Финдейзена последним.

Смертельный инсульт случился с ним воскресным февральским утром. Через две недели, 10 марта 1903 г., Армина Карловича не стало.

Церемония прощания началась в доме усопшего 12 марта. Тело перенесли в Петрикирхе, где его принял коллега усопшего, пастор Кейслер. Литургия погребения и похороны состоялись на следующий день, 13 марта⁷⁰. Огромный церковный зал не мог вместить всех желающих. Многие прихожане стояли в проходах, остальные столпились во дворе снаружи храма. Траурное богослужение началось с исполнения любимого хорала Финдейзена *Jesu, meine Freude*, после чего на кафедру взошел пастор Вальтер и произнес надгробную речь, призвав всегда помнить наставников, проповедующих слово Божие (Евр. 13:7). Далее последовал еще один хорал, а затем речь петербургского генерала-суперинтендента Пенту и благословляющие напутствия коллег усопшего, которые перемежались духовными произведениями в исполнении Петропавловского общества хорового пения. Когда смолкли звуки заключительного хорала, многолюдная процесия направилась на кладбище. У могилы произнес речь друг и коллега покойного, московский генерал-суперинтендент Ферман; за ним погребальное слово сказали пастор Кейслер, епископ Фрейфельд и старший сын Финдейзена. Речи чередовались с песнями в исполнении хора Евангелического общества юношей⁷¹. В завершение выступил с речью бывший конфирмант покойного — один из многих, для кого Финдейзен стал настоящим духовным отцом.

Армин Финдейзен покоятся на Смоленском лютеранском кладбище (рис. 5). Эпитафия на надгробии, выбранная самим покойным еще в 1884 г., — *Aus Gnaden!* — отсылает к Посланию к Ефесянам: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» (Еф. 2:8).

Рис. 5. Надгробие О. А. Финдейзена на Смоленском лютеранском кладбище.
2021 г. Фото автора

Библиография

Архивные источники

Российский государственный исторический архив
РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1358.
РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1366.

*Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга*

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37485.
ЦГИА СПб. Ф. 578. Оп. 1. Д. 375.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 209.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 211.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 226.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 257.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 269.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 275.

Опубликованные источники

2. Beiblatt der St. Petersburger Zeitung. 1903. № 79.
29. Bericht des St. Petersburger Evangelischen Jünglings-und Männer-Vereins. St. Petersburg, 1897.
40. Jahresbericht des St. Petersburger Evang. Vereins junger Männer. St. Petersburg, 1908.
- Evangelische Blätter für junge Männer in Russland. 1898. № 3, 11, 12.
- Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1885. St. Petersburg, 1886.
- Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1885. St. Petersburg, 1886.
- Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1903. St. Petersburg, 1904.
- Rechenschafts-Bericht des Kirchenvorstandes der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1866. St. Petersburg, 1867.
- St. Petersburger Zeitung. 1903. № 74.
- St. Petersburger Zeitung. 1903. № 80.

Литература

Вернер А. В. Общественные евангелические учреждения в Санкт-Петербурге // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 225–244.

Петербургское евангелическое общество юношей. Устав Евангелического общества юношей в С.-Петербурге. СПб., 1889. 4 с.

Современная благотворительная деятельность протестантских общин в С.-Петербурге // Православное обозрение. 1877. Т. III. С. 171–179.

Уманец С. И. Помощь лицам, нуждающимся в нравственной поддержке // Общественное и частное признание в России. СПб., 1907. С. 90–100.

Borel E. Statistique des Associations protestantes religieuses et charitables de France. Paris, 1864.

Busch M. Das deutsche Vereinswesen in St. Petersburg vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges // Deutsche in St. Petersburg und Moskau vom 18. Jahrhundert bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte. Bd. 3. 1994. S. 29–64.

Dalton H. Jugenderinnerungen an den heimgegangenen Pastor Findeisen // 1. Beiblatt der St. Petersburger Zeitung. 1903. № 75. S. 1.

Dalton H. Lebenserinnerungen. Bd. 1: Aus der Jugendzeit. 1833–1858. Berlin: M. Warneck, 1906. 504 S.

Die Beerdigung des Pastors emer. Armin Findeisen // St. Petersburger Zeitung. 1903. № 74. S. 2.

Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeindelebens in St. Petersburg. 1710–1910. I. Die Kirche. St. Petersburg, 1910. 348 S.

Otto Armin Findeisen. Ein Gedenkblatt // Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1903. St. Petersburg, 1904. S. 1–25.

Pastor Armin Findeisen: 1831–1903: Eine biographische Skizze von einem alten Confirmanden. St. Petersburg, 1903. 72 S.

Schoop J. Der St. Petersburger Evangelische Verein junger Männer (Jünglingsverein) // Mitteilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland. Bd. 66. 1913. S. 115–117.

Thüringer Pfarrerbuch: Band 6: Das Herzogtum Sachsen-Altenburg / Hrsg. Gesellschaft für Thüringische Kirchengeschichte. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2013. 736 S.

* * *

¹ Указанные даты приводятся в большинстве печатных и архивных источников, а также обозначены на надгробии Финдейзена. В редких случаях, однако, в качестве даты рождения называется 12 октября (или 24 октября по новому стилю). См., например: Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeindelebens in St. Petersburg. 1710–1910. I. Die Kirche. St. Petersburg, 1910. Стб. 312; St. Petersburger Zeitung. 1903. № 70. S. 1.

² Pastor Armin Findeisen: 1831–1903: Eine biographische Skizze von einem alten Confirmanden. St. Petersburg, 1903. S. 4.

³ В немецких гимназиях классы принято было называть латинскими числительными, только в обратном порядке, так что самый старший класс именовался первым. Полный курс обучения продолжается от 8 до 10 лет (в последнем классе обучение длится 2–3 года).

⁴ Речь идет о шраме от сабельного удара, полученного в результате студенческого поединка — «мензуры». Мензуры представляли собой даже не столько дуэли, сколько состязания в силе и ловкости. Оставшиеся шрамы ценились как признак мужества.

⁵ Pastor Armin Findeisen: 1831–1903... S. 10.

Богословие в Йене преподавали такие видные богословы, как Л. И. Рюккерт и К. фон Хазе, но Финдейзен был не лучшего мнения об их лекциях.

⁶ В 1903 г. общество отметило юбилей. Финдейзен на торжества не попал, хотя и собирался: он скончался за несколько месяцев до этого.

⁷ Герман Дальтон (1833–1914) — немецкий реформатский пастор, с 1858 по 1888 г. жил в Петербурге.

⁸ *Dalton H. Jugenderinnerungen an den heimgegangenen Pastor Findeisen* // 1. Bei-blatt der St. Petersburger Zeitung. 1903. № 75. S. 1.

⁹ В том числе Э. Лютардт, К. Канис и В. Фольк.

¹⁰ На это место Финдейзена рекомендовали Ф. Альфельд и К. Грауль.

¹¹ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1903. St. Petersburg, 1904. S. 11.

¹² Название связано со странноприимным орденом, который был известен в народе как *Billettes*, так как его члены носили на одежде небольшие квадратные

скапулярии, «бирки». Этому ордену церковь была передана в 1299 г. В XV в. орден реконструировал церковь и пристроил клуатр. С XVII в. храм принадлежал кармелитам. Нынешнее здание датируется XVIII в. В 1808 г. Наполеон передал его лютеранам.

¹³ Финдейзена иногда даже называют основателем этого общества (*Borel E. Statistique des Associations protestantes religieuses et charitables de France. Paris, 1864. P. 20.*)

¹⁴ *Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1903.* S. 14; ЦГИА СПб. Ф. 578. Оп. 1. Д. 375. Л. 4 об., 5; Ф. 14. Оп. 3. Д. 37485. Л. 4-4 об.

¹⁵ *Pastor Armin Findeisen: 1831–1903...* S. 35.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 209. Л. 227 об.

¹⁷ Там же. Л. 8, 22, 49, 55, 59 об.

¹⁸ Там же. Л. 24 об., 56.

¹⁹ Там же. Л. 58 об.

²⁰ Там же. Л. 59, 100 об.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1358; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 209. Л. 77, 95. Здесь и далее все даты по старому стилю.

²² *Pastor Armin Findeisen: 1831–1903...* S. 37.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 209. Л. 92.

²⁴ Там же. Л. 80, 125.

²⁵ Там же. Л. 101 об., 105 об., 118–119, 121.

²⁶ Проповедь была прочитана 22 августа. Прихожанам о пробных проповедях сообщалось с кафедры, кроме того, размещались объявления в газетах (см.: *St. Petersburger Zeitung. 1865. № 174.* S. 4).

²⁷ Финальный список по правилам состоял из трех пасторов, но в данном случае выбор осуществлялся между двумя: третий к тому времени сообщил, что уже нашел подходящее место (ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 209. Л. 119, 146 об.).

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 209. Л. 148.

²⁹ Там же. Л. 172.

³⁰ Там же. Л. 193–194.

³¹ Там же. Л. 221–223.

³² Деятельность Финдейзена в Париже не прошла бесследно. В частности, Общество юношей продолжало работать еще долгие годы.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 209. Л. 259, 296.

Общая сумма причитающихся сборов составила 424 руб., однако от уплаты 300 руб. пастора освободили (ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 211. Л. 109 об.).

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 211. Л. 17; РГИА. Ф. 821 Оп. 5. Д. 1366.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 211. Л. 16.

Объявление о предстоящей церемонии было размещено в городских газетах (например: *St. Petersburger Zeitung. 1866. № 26.* S. 4).

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 211. Л. 17–17 об.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 209. Л. 229 об. — 231.

³⁸ Таково было требование, установленное высочайше утвержденным наказом, данным в руководство духовенству и начальствам Евангелическо-лютеранской церкви в России (1832).

³⁹ 227–250 кв. м.

⁴⁰ Rechenschafts-Bericht des Kirchenvorstandes der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1866. St. Petersburg, 1867. S. 9.

⁴¹ Общим собранием общины 31 октября 1865 г. было принято решение о том, что все три проповедника должны *поочередно* совершать *как утренние, так и полуполуденные* богослужения (ранее, с 1860 г., третий пастор проводил лишь дневную литургию) (ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 209. Л. 9, 11, 20, 23, 249; Д. 211. Л. 30–35).

⁴² Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1903. S. 17–18; Dalton H. Lebenserinnerungen. Bd. 1: Aus der Jugendzeit. 1833–1858. Berlin: M. Warneck, 1906. S. 413; Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte... Стб. 313; Pastor Armin Findeisen: 1831–1903... S. 50.

⁴³ Сохранились, например, воспоминания известного музыканта Н. Финдейзена о том, как пастор Финдейзен — его однофамилец — отпевал в 1872 г. у них дома его сестру, умершую от скоротечной чахотки, а еще через несколько лет, когда другая сестра выходила замуж, тот же пастор венчал молодых (Финдейзен Н. Ф. Из моих воспоминаний. СПб.: РНБ, 2004. С. 64–65).

⁴⁴ Dalton H. Lebenserinnerungen... S. 411.

⁴⁵ Theologisches Literaturblatt. 1889. №. 43. Стб. 406–407.

⁴⁶ Богадельня на 17-й линии В. О., 12, являлась «старшим» отделением названного приюта (Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte... Стб. 212–214).

⁴⁷ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1903. S. 19; Pastor Armin Findeisen: 1831–1903... S. 49.

⁴⁸ Организована по инициативе пастора Дальтона в 1876 г. Подробнее см.: Современная благотворительная деятельность протестантских общин в С.-Петербурге // Православное обозрение. 1877. Т. III. С. 178–179.

⁴⁹ Pastor Armin Findeisen: 1831–1903: Eine biographische Skizze... S. 41.

⁵⁰ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1903. S. 17; ЦГИА СПб. Ф. 578. Оп. 1. Д. 375. Л. 2–3.

⁵¹ Петербургское евангелическое общество юношей. Устав Евангелического общества юношей в С.-Петербурге. СПб., 1889. С. 1; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 226. Л. 2.

⁵² Busch M. Das deutsche Vereinswesen in St. Petersburg vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges // Deutsche in St. Petersburg und Moskau vom 18. Jahrhundert bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Bd. 3. 1994. S. 39.

⁵³ 29. Bericht des St. Petersburger Evangelischen Jünglings- und Männer-Vereins. St. Petersburg, 1897. S. 13.

⁵⁴ Уманец С. Помощь лицам, нуждающимся в нравственной поддержке // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 91. См. также печатные отчеты общества за указанные годы.

⁵⁵ Современная благотворительная деятельность... С. 175.

⁵⁶ В обществе действовали курсы английского и французского языков, курсы бухгалтерии, а также уроки русского языка, необходимого для приезжающих в Россию молодых немцев (Уманец С. Указ. соч. С. 91; 29. Bericht des St. Petersburger Evangelischen Junglings-und Männer-Vereins. S. 14).

⁵⁷ В 1907 г. его сменил Ф. Лоренцсон (40. Jahresbericht des St. Petersburger Evang. Vereins junger Männer. St. Petersburg, 1908. S. 18).

⁵⁸ Например, за один только 1898 г. хор организовал несколько заметных выступлений: концерт духовной музыки в Немецкой реформатской церкви в марте, семейный музыкальный вечер в зале Петришуле в ноябре, Рождественский духовный концерт при участии приглашенных солистов в Шведской церкви в декабре (Evangelische Blätter für junge Männer in Russland. 1898. № 3. S. 8; № 11. S. 10; № 12. S. 12).

⁵⁹ Уманец С. Указ. соч. С. 91; Вернер А. Общественные евангелические учреждения в Санкт-Петербурге // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 233.

⁶⁰ Pastor Armin Findeisen: 1831–1903... S. 63.

⁶¹ Сохранились сведения о четырех сыновьях Финдейзена. Герман Арминович (1865–1909) служил пастором церкви Св. Елизаветы в Кронштадте, затем пастором Евангелической больницы в Петербурге; был женат на дочери известного врача, тайного советника Карла Лингена. Карл Рудольф Арминович (1874–1937) до революции был банковским служащим, в советское время — столяром чемоданной мастерской Ленгорсо; расстрелян в годы Большого террора. Иоганн Арминович (1879 — ок. 1921) служил пастором в евангелическо-лютеранских приходах Поволжья, затем в лютеранском приходе Кавказа. О Теодоре см. ниже.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 257. Л. 64 об.

⁶³ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1885. St. Petersburg, 1886. S. 13.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 269. Л. 12, 17; Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte... Стб. 313.

⁶⁵ Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte... Стб. 221–222.

⁶⁶ Теодор Эдуард Финдейзен (1884–1897) скончался от воспаления мозга. Похоронен рядом с отцом.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 275. Л. 59, 62 об. — 63; Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte... Стб. 78, 314.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 275. Л. 62 об.

После смерти пастора его вдова получала из церковной кассы пенсию в размере 1935 руб. (см.: ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 275. Л. 74 об., а также печатные отчеты церковного совета).

⁶⁹ Согласно адресным книгам, оставив пост пастора, Финдейзен проживал уже не в церковном доме на Б. Конюшенной, д. 10, а по адресу Средний пр. В. О., д. 33.

⁷⁰ St. Petersburger Zeitung. 1903. № 74. S. 2; 2. Beiblatt der St. Petersburger Zeitung. 1903. № 79; St. Petersburger Zeitung. 1903. № 80. S. 2.

⁷¹ После смерти Финдейзена общество и все его секции продолжали плодотворно работать (см., например: *Schoop J. Der St. Petersburger Evangelische Verein junger Männer (Jünglingsverein) // Mitteilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Rußland*. 66. Bd. 1913. S. 115), а в память об основателе в главном зале установили его бюст (см.: 40. Jahresbericht des St. Petersburger Evangelischen Vereins junger Männer. S. 5).

P. M. Валеев, A. V. Эрдман, R. Z. Валеева

ПРОФЕССОР-ОРИЕНТАЛИСТ ФРАНЦ ЭРДМАН В ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ (1818–1845)^{*}

Важное место в истории российского и европейского востоковедения, в культуре и науке России занимают Казанский и Санкт-Петербургский университеты, Азиатский музей и другие институты — ключевые центры с богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями изучения Востока, в формировании которых большую роль сыграли выдающиеся отечественные ученые и практики, в том числе немцы по происхождению (Г. З. Байер, Г.-Я. Кер, Г. Ю. Клапрот, Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, Ф. И. Эрдман, И. Ф. Готвальд, В. В. Радлов и др.), окончившие университеты в Германии и связавшие свою судьбу с Россией. Выпускники университетов Германии, несомненно, внесли значимый вклад в становление и развитие востоковедения в России. Так, профессора Х. Д. Френ, Ф. И. Эрдман, И. Ф. Готвальд, В. В. Радлов подняли уровень казанского востоковедения на принципиально иной уровень и оставили значимый след в истории не только Санкт-Петербурга и его институций, но и Казанского университета и самой Казани.

Статья посвящена краткому обзору основных вех биографии Федора Ивановича Эрдмана (Friedrich Franz Ludwig Erdmann) (1795–1862), особое внимание при этом уделено этапам его педагогической и научной деятельности в Казанском университете (1818–1845). После Х. Д. Фrena (1782–1851) он стал вторым приглашенным германским профессором восточной словесности в университете и одним из последних учеников известного немецкого ориенталиста О. Г. Тихсена (1734–1815). В 1819 г. Ф. И. Эрдман в возрасте 24 лет переселился в Россию, в Казань.

Ключевые слова: Россия, Восток, Германия, востоковедение, Казанский университет, Ф. И. Эрдман (Франц Людвиг Эрдман).

R. M. Valeev, A. V. Erdman, R. Z. Valeeva

PROFESSOR-ORIENTALIST FRANZ ERDMANN IN THE HISTORY OF KAZAN ORIENTAL STUDIES (1818–1845)

Kazan and Saint Petersburg Universities, Asiatic Museum and other institutes, being key centers with rich research and humanistic traditions of studying the East, hold pride of place in the history of the Russian and European Oriental studies, as well as in the culture and science of Russia.

* Исследование проведено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-09-00385.

An important role in forming such traditions was played by outstanding Russian scholars and practitioners, including those of the German origin (G. S. Bayer, G. J. Kehr, J. H. Klaproth, Ch. M. J. Frähn, J. A. B. Dorn, F. F. L. Erdmann, J. F. Gottwaldt, F. W. Radloff), who graduated from German universities and later cast lot with Russia, making a valuable contribution to the development of Oriental Studies in Russia. This was exemplified by professors Ch. M. J. Frähn, F. F. L. Erdmann, J. F. Gottwaldt, and F. W. Radloff, who raised Oriental studies in Kazan to a fundamentally new level and left a lasting mark not only in the history of Saint Petersburg and its scientific institutions, but also in history of Kazan University and Kazan.

This article offers a brief overview on the main milestones of biography of Friedrich Franz Ludwig Erdmann (1795–1862), paying a special attention to the stages of his academic and scholarly activity in Kazan University (1818–1845). After Ch. M. J. Frähn (1782–1851), he was the second visiting professor of Oriental studies from Germany to work in the University and one of the last students of the famous German Orientalist O. G. Tychsen (1734–1815). In 1819, being 24 years old, F. F. L. Erdmann settled in Russia, in Kazan.

Keywords: Russia, East, Germany, Oriental studies, Kazan University, F. I. Erdmann (Friedrich Franz Ludwig Erdmann).

Профессор Императорского Казанского университета Франц Фридрих Людвиг Эрдман (Эрдман Федор Иванович) (16 марта 1795 — 14 ноября 1862)¹ родился в г. Людвигслюст (Великое герцогство Мекленбург-Шверин).

Его отец, Иоганн Эрнст Фридрих Эрдман, и мать, Луиза Шарлотта Ульрика Абель, обвенчались 30 мая 1794 г. в г. Гросс Тессин. Иоганн Эрнст Фридрих Эрдман, сын Иоганна Иова Эрдмана, богослова и преподавателя, служил до 1798 г. преподавателем в педагогической школе в Людвигслюсте, а затем пастором в Шверине. Мать, Луиза Шарлотта Ульрика Абель, — дочь композитора, скрипача и капельмейстера Леопольда Абеля², племянница композитора Карла Фридриха Абеля, внучка скрипача и композитора Христиана Фердинанда Абеля.

Франц Эрдман до 1808 г. получал домашнее образование. С 1808 по 1812 г. вместе со своим кузеном Иоганном Леопольдом Абелем учился в Катаринеуме, Любекской гимназии. В 1813 г. они вместе поступили в университет Ростока на богословский факультет. В числе преподавателей был Тихсен, который и увлек Франца Эрдмана востоковедением.

В декабре 1813 г. у Эрдмана умерла мать, а в апреле 1814 г. от лихорадки — отец. Опекуном стал его дядя, брат отца. По окончании Ростокского университета Франц Эрдман продолжил образо-

вание в Гётtingенском университете, а его кузен вернулся в Людвигслюст и пошел по стопам своего отца — возобновил занятия музыкой (в 1818 г. он уехал в Лондон навсегда, стал там известным исполнителем, как и Фердинанд Абель, у него родился сын, Фредерик Август Абель, известный на весь мир химик). После окончания Гётtingенского университета Франц защитил теологическую диссертацию и получил место помощника преподавателя. С 1818 г. он переписывался с Френом, который рекомендовал его в Казанский университет.

В первых своих письмах Ф. И. Эрдман писал академику Х. Д. Френу о своем желании занять должность профессора восточной словесности Казанского университета. Например, в первом письме из Ростока от 20 июля 1818 г. он сообщил: «Мне было не менее приятно узнать от Вас, что, возможно, небольшой план моего начатого исследования может способствовать моему переводу в Казань». В письме от 9 сентября 1818 г. из Ростока же он просил: «Теперь, пожалуйста, позвольте попросить Вас в Вашем следующем письме, которое Вы мне любезно обещали, сообщить мне некоторую информацию о состоянии библиотеки университета Казани, чтобы я мог организовать покупку недостающих для меня книг. Кроме того, было бы кстати, если бы я также мог получить от Вас краткую картину образа жизни в Казани»³.

Франц Эрдман был приглашен в Казанский университет и 4 сентября 1818 г. утвержден ординарным профессором, но приехать в Казань и приступить к работе он смог только в августе 1819 г. Таковы некоторые важные этапы детства и молодости Ф. И. Эрдмана до его приезда в Казань, начальной и профессорской деятельности в Императорском Казанском университете в 1819–1845 гг.

В перспективе особого внимания исследователей заслуживают семейные традиции и известные потомки профессора Ф. И. Эрдмана.

Начало функционирования в Казанском университете в 1807 г. первой кафедры восточных языков с приглашенным профессором Х. Д. Френом обозначило новый рубеж в истории казанского научного востоковедения, который завершился в 1854–1855 гг. в связи с переводом разряда восточной словесности в Северную столицу

и образованием на его основе Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Казанский период деятельности Ф. Эрдмана связан с важными институциональными переменами в истории формирования востоковедения в Казанском университете. При нем были введены основные востоковедческие курсы и дисциплины, образованы ключевые кафедры восточных языков, сформировался состав профессоров и преподавателей и т. д.

Кратко обозначим личностные и профессиональные рубежи биографии Ф. И. Эрдмана в университете. С августа 1819 г. по май 1845 г. он занимал следующие административные и научно-педагогические должности в Казанском университете: с 1819 г. — ординарный профессор восточных языков, с 1825 г. — заведующий кафедрой арабской и персидской словесности разряда восточной словесности. Одновременно с 1824 г. — заведующий нумизматическим кабинетом и кабинетом редкостей; в 1822–1832, 1835–1836 гг. — декан отделения словесных наук философского факультета, в 1841–1845 гг. — философского факультета; в 1822–1826 гг. — преподаватель арабского и персидского языков в Казанской первой мужской гимназии. В 1828–1845 гг. Ф. И. Эрдман — «отдельный цензор» восточных сочинений⁴. В 1832–1835 гг. — инспектор студентов и директор педагогического института. С 23 августа 1839 г. приказом министра народного просвещения он был утвержден проректором, а в 1843 г. — заслуженным профессором университета⁵.

В 1825 г. по поручению попечителя Казанского учебного округа Ф. Эрдман совершил научную экспедицию в г. Оренбург и Прикамье с целью исследования древностей Казанской, Оренбургской и Вятской губерний. В 1820-е годы перед Советом университета он неоднократно ставил вопрос о необходимости подготовки грамматики и словаря татарского языка, в 1829 г. представил «Программу для составления полного татарского словаря».

В 1836 г. Ф. И. Эрдманом был составлен проект «Распределения преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков» в Казанской первой гимназии. Этот проект не был напечатан, но сохранился в архивных фондах⁶. В своем распределении Ф. Эрдман при изучении мусульманских языков ориентировался на известные

учебники и хрестоматии А. Сильвестра де Саси, Е. Розенмюллера, В. Джонеса, Ф. Вилькена, М. Лимсдена, А. Болдырева по арабскому и персидскому языкам, которые были изданы в Европе и России в 1818–1833 гг. Среди грамматик и учебных пособий по тюркскому языкоznанию выделяются издания А. Давидса (грамматика турецкого языка, Лондон, 1833), П. Жобера (турецкая грамматика, Париж, 1823), А. Троянского (татарская грамматика, Казань, 1824) и хрестоматия И. Хальфина («Жизнь Джингиз-хана и Аксак Тимура», Казань, 1822). Распределение преподавания мусульманских языков в Казанской первой гимназии было составлено Ф. Эрдманом на основе его практики преподавания в гимназии.

К периоду увольнения Ф. И. Эрдмана из университета (1845 г.) по «Положению о преподавании азиатских языков в I-й Казанской гимназии» в преподавании восточной словесности выделялось пять разрядов: 1) арабско-персидский; 2) арабско-турецкий; 3) армянско-турецкий; 4) китайско-маньчжурский и 5) монгольско-маньчжурский.

В период работы Ф. И. Эрдмана ориенталистика в Казанском университете претерпела крупные научно-организационные, учебные и исследовательские изменения. 1807–1840-е годы — значимый этап институционализации и оформления дисциплинарного статуса казанского университетского востоковедческого образования и науки.

Впервые целевая программа формирования и развития университетского востоковедения в Казани была изложена попечителем учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным 14 апреля 1833 г. в письме в Министерство народного просвещения. Выделяя общественный интерес к Востоку и трудности в его исследовании, оценивая состояние востоковедения в университете, он писал, что студенты «многие изъявляют желание обучаться восточным языкам, и многие из них с значительным успехом занимаются оными. Но трехлетнего академического курса при многообразности предметов, в оный входящих, недостаточно для усовершенствования в восточных языках. Сверх того, казенномкоштные студенты, занимавшиеся прилежно восточными языками, при окончании курса определяются наравне с прочими в старшие учители гимназии.

И так все их труды, все их успехи, все их познания в языках восточных остаются совершенно бесполезными как собственно для них, так и для государства, и они, не имея в виду никакой цели, побуждающей их к усовершенствованию и распространению сведений, оставляют наконец совершенно свои занятия»⁷.

По твердому убеждению М. Н. Мусина-Пушкина, именно «Казань, соединяя Европейскую Россию с Азиатскою, служа складочным местом для товаров восточных, привлекая обширною торговлею своею азиатцев, заключая много татар, а в числе их довольно образованных, обучавшихся в Бухарии, есть... то место, где весьма легко соединено быть может без больших издержек теоретическое и практическое изучение языков восточных»⁸.

В 1828 г. в Казанском университете на базе кафедры восточной словесности были образованы первые две самостоятельные специализированные кафедры: турецко-татарской словесности, возглавляемой до 1846 г. А. К. Казем-Беком (1802–1870), с 1846 г. — экстраординарным и с 1854 г. — ординарным профессором И. Н. Березиным (1818–1896), и арабо-персидской словесности, руководимой до 1845 г. Ф. И. Эрдманом, в 1846–1849 гг. — А. К. Казем-Беком, в 1849–1855 гг. — ординарным профессором И. Ф. Готвальдом (1813–1897).

25 июля 1833 г. в Казанском университете была учреждена первая в России и Европе кафедра монгольского языка. Ординарные профессора кафедры монгольского языка О. М. Ковалевский (1800–1878) и А. В. Попов (1808–1865) стали основателями научного университетского монголоведения в Казани и России и в целом в Европе.

11 мая 1837 г. впервые в России была открыта кафедра китайского языка и словесности, в 1844 г. преобразованная в китайско-маньчжурсскую кафедру. Первым профессором китайского языка в Казанском университете стал архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов (1798–1871), который преподавал в 1837–1844 гг. Преемником архимандрита Даниила в Казанском университете стал И. П. Войцеховский (1793–1850), в 1844–1850 гг. заложивший основы научного маньчжурovedения в Казани. В 1851–1855 гг. кафедру возглавлял В. П. Васильев (1818–1900).

Активная институционализация и специализация университетского востоковедения была связана также с тем, что в Казанском университете в 1842 г. были созданы две новые кафедры — армянского языка и санскрита. В 1842–1849 гг. кафедрой армянского языка руководил С. И. Назарянц (Назарян, Назариянц) (1812–1879). В 1841–1851 гг. санскритский язык преподавал П. Я. Петров (1814–1875), возглавлявший в 1842–1852 гг. кафедру санскритологии. Традиции санскритологии в Казани в 1852–1856 гг. были продолжены Ф. Ф. Боллензеном (1809–1896), получившим образование в Гётtingенском университете. Библиотекарь гидрографического департамента Морского министерства Ф. Ф. Боллензен 6 февраля 1852 г. был определен ординарным профессором кафедры санскритского языка университета. После закрытия разряда восточной словесности Казанского университета и увольнения Ф. Ф. Боллензен в 1858 г. уехал в Германию.

После увольнения Ф. И. Эрдмана (1845) в 1846 г. в университете открылась кафедра калмыцкого языка, которую возглавил монголовед и калмыковед А. В. Попов. Эта кафедра не получила в дальнейшем организационного, научно-методического и исследовательского развития.

В 40-е годы XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр — индустанского, тибетского и еврейского языков⁹. Таковы примечательные факты развития научных дисциплин университетского востоковедения в России в период работы Ф. И. Эрдмана в Казанском университете. Такая широкая специализация отечественной ориенталистики была продиктована не только внутренним ходом развития науки о Востоке, но также внешними политическими и социальными процессами во взаимоотношениях России, Востока и Запада.

Основные работы Эрдмана, опубликованные на латинском, немецком, английском и русском языках в Европе и России в период деятельности в Казанском университете, были посвящены истории, этнографии, нумизматике, литературе, языкам мусульманских народов и арабо-мусульманским источникам.

Выделяя конкретную тематику исследований профессора Ф. И. Эрдмана, отметим ключевые направления: изучение и ката-

логизация монет средневековых арабо-мусульманских династий тюрко-монгольского и персидского происхождения; разбор и описание арабо-мусульманских письменных источников (хроника Искандера Мунши, рукописи «Сабатул аджизин» («Стойкость слабых») Суфи Алаяра, «Монголы в Персии» по сборнику летописей Рашид ад-Дина (издание Этьенн-Марка Катрмера в Париже (1836)); генеалогия тюрок и монголов и биография Темучина; древняя история Персии на основе древнегреческих источников и сказаний «Шахнаме» Фирдоуси и др.

В целом наследие профессора Ф. И. Эрдмана отразило модель институционального развития востоковедения в университете в частности и в Казани в целом. Эта модель была тесно связана с такими направлениями преподавания восточных языков и комплексных исследований письменных и материальных памятников Востока, как поиск рукописей, каталогизация¹⁰, издание и перевод оригинальных текстов; изучение и публикация отдельных памятников и извлечений из разных исторических и литературных источников и в целом формирование и систематизация рукописной и книжной коллекции народов Востока¹¹.

Ф. И. Эрдман также был избран членом-корреспондентом и действительным членом известных научных обществ Европы и России: Парижского азиатского общества (1825), Московского общества истории и древностей российских (1829), Лондонского азиатского общества (1829), Копенгагенского общества северных древностей (1833), Королевской академии наук истории и древности в Стокгольме (1844), Германского общества ориенталистов (1847), Санкт-Петербургского археологическо-нузиматического общества (1849), Императорского Русского географического общества (1850).

10 мая 1840 г. Ф. И. Эрдман принял присягу на подданство России, но при этом сохранил лютеранское вероисповедание.

После увольнения из Казанского университета 11 мая 1845 г. начался новый этап биографии Ф. И. Эрдмана. Высочайшим приказом он был назначен директором училищ Олонецкой губернии (7 февраля 1847 г.), через два месяца (8 апреля 1847 г.) переведен на должность директора училищ Новгородской губернии, которую занимал до 20 августа 1855 г., был уволен от службы «за выслугу

срока, с мундирем, присвоенным должности профессора университета». Ученый умер 14 ноября 1862 г. в возрасте 67 лет, похоронен на лютеранском кладбище в Казани. Его супруга и дети ранее приняли православие.

Педагогическая и научная деятельность Ф. И. Эрдмана не получила подробного и тщательного освещения в отечественной довоенной, советской, современной российской и европейской востоковедческой литературе. В российской и германской специальной литературе сформировался следующий схематичный образ востоковедческой деятельности Ф. И. Эрдмана в Казанском университете в частности и в России в целом и его роли в истории казанского университетского востоковедения. Академик В. В. Бартольд писал: «Как ученый Эрдман не имел успеха ни в своей родине, ни в России...»¹² Далее, сравнивая двух ведущих представителей разряда восточной словесности университета 1820–1840-х годов, он писал: «Несомненно, что создателем казанской школы ориенталистов с гораздо большим правом может быть назван Казем-Бек, чем Эрдман»¹³. К сожалению, подобная оценка роли Эрдмана до настоящего времени сохраняется в историографии российского востоковедения. Также излишне категоричным представляется вывод о том, что, «проработав вместе более 35 лет в Казанском университете, ни Френ, ни Эрдман не оставили преемников»¹⁴.

Сегодня не сформирована полная библиография основных работ Ф. И. Эрдмана и не дана подробная комплексная оценка его исследований в казанский и последующий периоды педагогической, научной и административной деятельности ученого. Сегодня в различных справочных и энциклопедических изданиях России и Европы, каталогах библиотек университетов Европы (например, в Германии в университетах Ростока и Гёттингена) можно найти списки печатных и электронных статей и работ, опубликованных Эрдманом в 1820–1862 гг.¹⁵

Нам представляются важными дальнейшие поиски рукописных материалов, посвященных биографии ученого, отдавшего свою жизнь педагогическим и научным изысканиям по истории и культуре мусульманского Востока, в архивных и библиотечных центрах России и Германии.

Первая работа Ф. И. Эрдмана «*Descriptio quarundam drachmarum...*» («Описание некоторых драхм...») была связана с переводом с арабского на латинский язык известного труда Х. Д. Френа, посвященного описанию 17 саманидских и буйидских монет (1806). Перевод был опубликован в Гётtingене в 1816 г. Эту работу следует считать важным рубежом в востоковедческой деятельности ученого, которая получила свое развитие в Казанском университете в 1819–1845 гг. Нам еще предстоит изучить и опубликовать 94 письма Ф. И. Эрдмана на немецком языке, начиная с 1818 г., написанных академику Х. Д. Френу из Ростока, Москвы и Казани¹⁶.

В биографии Ф. И. Эрдмана и истории востоковедения в Казанском университете заслуживают внимания переписка и взаимоотношения ученого с ханом Букеевского ханства Джангиром (1801–1845). Их взаимоотношения сыграли важную роль в пополнении университетской библиотеки «драгоценными рукописными сочинениями». Профессор Ф. И. Эрдман в своем донесении в Совет Казанского университета (от 27 мая 1844 г.) писал: «Все сии приношения¹⁷, отзыв и пожертвования в пользу как Казанского университета, так и Ученого совета, доказывающие и любовь к наукам, и покровительство ученым сословиям и заведениям, а в особенности восточным языкам и их словесности со стороны... хана, дают мне смелость спросить снова почтеннейший Совет университета: не благоугодно ли будет оному избрать хана Чегангира Букеева в почтенные члены Императорского Казанского университета?»¹⁸ 19 июля 1844 г. попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин сообщил Совету университета об утверждении министром народного просвещения хана Джангира в звании почетного члена Императорского Казанского университета и предложил «внести хана Букеева в список почетных членов университета и доставить ему на звание диплом»¹⁹. Проректор университета Ф. И. Эрдман (с 17 декабря 1844 г.) сообщил об исполнении данного поручения 28 октября 1844 г. и написал: «...вместе при том составленный мною список арабским, персидским и турецким рукописным сочинениям, из которых хан желает приобрести по возможности для Казанского университета от

бухарцев, покорнейше прошу... Совет утвердить этот список, позволить мне войти в сношение с ханом по этому столь полезному делу для университета»²⁰. Это список включал 60 оригинальных арабо-мусульманских исторических, филологических, религиозных рукописей²¹.

Одной из больших последних работ Ф. И. Эрдмана, обнаруженных нами (не представленных в энциклопедических и справочных изданиях), является «Temudschin der Unerschütterliche...» («Темучин непоколебимый...»), изданная в 1862 г. также на немецком языке в известном востоковедческом центре Европы — Лейпциге²². Между этими рубежами Ф. И. Эрдман подготовил и издал более 20 статей и полноценных работ, представленных как в «Обозрениях...» первых историков востоковедения в университете О. М. Ковалевского и К. К. Фойгта²³, так и в дальнейшем в различных справочных и энциклопедических публикациях.

Наши комплексные историко-архивные исследования и собранные материалы позволяют написать очерк и критически пересмотреть устоявшийся стереотип о вкладе Ф. И. Эрдмана в формирование ориенталистики в Казанском университете в 1819–1845 гг. в частности и в российскую ориенталистику первой половины XIX в. в целом.

Творческое наследие ординарного профессора Ф. И. Эрдмана периода деятельности в Казанском университете отличается комплексностью, характеризуется широтой междисциплинарного подхода, органичным сочетанием филологии, истории, литературы, культуры, религии народов арабо-мусульманского Востока. Профессор Ф. И. Эрдман внес организационный и исследовательский вклад в формирование университетского востоковедения в Казани и в России в целом в первой половине XIX в.

Академик Х. Д. Френ, оценивая публикации Франца Эрдмана начала 1820-х годов, писал в своем отзыве: «Притом всякий беспристрастно судящий человек должен согласиться, что оные три сочинения г. Эрдмана ясно свидетельствуют о его быстрой деятельности, его неутомимом прилежании, его великом упражнении в сочинениях по его части и его ревности быть полезным также сочинениями»²⁴.

В заключение хотелось бы отметить, что неизученное востоковедческое наследие Ф. И. Эрдмана имеет большое историческое, историографическое и источниковедческое значение и является важным свидетельством научных и культурных связей России и Германии.

Приложение

**Из мнения профессора университета Х. М. Френа
в Конференцию Академии наук — о переводе
профессора Ф. И. Эрдмана персидской рукописи
о правлении шаха Аббаса I**

11 декабря 1822 г.

В следствие предписания Его сиятельства господина министра, князя Александра Николаевича Голицына, подать мое мнение на три сочинения г. профессора Эрдмана, изданные в Казани, имею честь представить оное ныне в помянутую конференцию. [...]

Что касается до третьего малого сочинения, изданного г. профессором Эрдманом для торжественного собрания бывшего 7 июля 1822 г. под названием «*De manuscrito Persico kenderi Menesii, eruditis hucusque incognito*», то оно относится ко второй части рукописной персидской истории жизни и деяний Аббаса I или Великого, известного шаха из рода Сафи в Персии. Г. Эрдман предполагает, что бывшая у него рукопись есть часть тарихи Алем-арай Аббаси, коей автор был Искендер Садег, служивший при Аббасе I тайным статсекретарем, а потому и назывался Мунши, а не Менези. Мнение о тождестве рукописи с помянутой историей может быть справедливо, но на чем оно собственно основывается, того еще недосказано. Г. Эрдман сообщает нам в сей программе латинский перевод только с кратких по персидскому обыкновению мистически раскрашенных содержаний всех глав, находящейся у него второй части, и только там, где упоминается о посольстве царя Михаила Феодоровича к Аббасу (1618) приводит он краткий отрывок подлинника с переводом. Желательно бы было, чтоб сие случалось чаще и при других известиях, могущих способствовать

к пояснению истории того времени, и чтоб содержание сочинений, признанные им нужными к изданию, сообщаемы были короче и проще.

Хотя на сии три сочинения, как относительно выбора предмета, так и обрабатывания, или языка и проч[ие] можно сделать некоторые примечания, то при сем надобно также принять в рассуждение и состояние автора. У него нет в Казани многих из важнейших и необходимейших пособий, нет для него по его части, по крайней мере, несколько удовлетворительной публичной библиотеки, да и тамошний университет, сколько мне известно, никаких хороших восточных рукописей не имеет. Притом всякий беспристрастно судящий человек должен согласиться, что оные три сочинения г. Эрдмана ясно свидетельствуют о его быстрой деятельности, его неутомимом прилежании, его великому упражнении в сочинениях по его части и его ревности быть полезным также сочинениями. Такая в литературе деятельность, им доказуемая, везде снискала бы похвалу, да и заслуживает оной, сугубо в таком месте, как Казань, где не только (как выше сказано было) писатель, по неимению вспомогательных средств, находит себя в трудах своих ограниченным и остановленным, но и вообще, где рвение к наукам еще, как кажется, мало укоренилось.

В заключение сего должен я еще признаться, что сообщение моего мнения относительно трудов профессора Эрдмана, судя по моей с ним связи, было для меня весьма отяготительно, ибо, сколько они должны были бороться со злоупотреблением или порицанием, столько могут они похвалу мою легко представить в виде пристрастия.

Доктор Х. М. Френ

В верности перевода: титулярный советник Миллер²⁵.

Библиография

Архивные источники

Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1428.

Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833.

РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86.

СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 388.

Центральный архив Нижегородской области. Ф. 639. Оп. 126. Д. 10854.

Литература

Бартольд В. В. Работы по истории востоковедения // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. 966 с.

Валеев Р. М. Казанское востоковедение: Истоки и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.). Казань, 1998. 380 с.

Валеев Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 — 20-е гг. XX в.). Lambert, 2019. 303 с.

История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов. Алматы: Дайк-пресс, 2002. 1118 с.

История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 435 с.

Ковалевский О. М. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842.

Фойгт К. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год // Ученые записки Казанского университета. 1852. Кн. III.

* * *

¹ В биографических словарях и энциклопедиях (например, в Русском биографическом словаре) даны неточные и неполные сведения о конкретных датах рождения и смерти Ф. И. Эрдмана. Работа в ряде архивных центров Германии и Великобритании позволила уточнить биографические сведения и систематизировать архивные факты и материалы для более полного очеркового изучения научного наследия Ф. И. Эрдмана.

² Абель Леопольд Август [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Абель,_Леопольд_Август (дата обращения: 01.03.2021).

³ СПБ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 388. Л. 40, 60.

⁴ Проф. Ф. И. Эрдман исполнял должность цензора после Ибрагима Хальфиана (1801–1828). В XIX в. цензуру арабо-мусульманских книг в Казани проводили профессора-ориенталисты университета: Мирза А. К. Казем-Бек (1845–1850), И. Н. Березин (1850–1855), И. Ф. Готвальд (1855–1874).

⁵ Центральный архив Нижегородской области. «Дело Нижегородского дворянского депутатского собрания о внесении Эрдман О. П. ... в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии за 1884–1885 гг.». Ф. 639. Оп. 126. Д. 10854. Л. 2–5.

Эти основные должности и этапы административной и научно-педагогической деятельности Ф. И. Эрдмана записаны в выданном ему аттестате. В иллюстрациях читателям представлены первый и последние листы этого документа.

⁶ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 135–140 об.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 1–1 об.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5529. «Об учреждении при Казанском университете кафедры индустанского языка. 15 января 1844 г.». 5 л.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5256. «Об открытии при Казанском университете кафедры еврейского языка. 29 января 1843 г.». 12 л.; и др.

¹⁰ В этом направлении важной преемственной работой Ф. И. Эрдмана стало издание каталога восточных монет «Numi Asiatici Musei Universitatis Caesareae Literarum Casanensis quos recensuit et illustravit Franciscus Erdmann» («Азиатские монеты Музея Казанского Императорского университета, описанные и иллюстрированные Францем Эрдманом»). Казань, 1834.

Мирза А. К. Казем-Бек в своем письме академику Х. Д. Френу в июне 1845 г. писал: «Завтрашней почтой я отправляю Вашему превосходительству труд г-на Эрдмана *Numi Asiatici* в двух томах; поскольку Вы пожелали отправить его в Германию, согласно Вашему последнему письму г-ну Пушкину». См.: Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846) / отв. ред. Р. М. Валеев; пер. с англ. Т. И. Зяппарова, М. В. Поникаровской; подготов. к изд., предисл., comment. Р. М. Валеева, Т. И. Зяппарова, Т. В. Костиной, О. А. Кириковой; вступ. статьи Н. Н. Дьякова, И. Ф. Поповой, И. В. Тункиной. Казань, 2015. С. 126.

¹¹ Зайцев И. В. О книжном собрании Ф. Эрдмана, находящемся в отделе редких книг Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2003. № 1/2. С. 227–231.

¹² Бартольд В. В. Работы по истории востоковедения // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 47.

¹³ Там же.

¹⁴ История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 121.

¹⁵ <https://opac.sub.uni-goettingen.de/DB=1/SET=1/TTL=22/MAT=/NOMAT=T/REL?PPN=528668358>.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 388.

¹⁷ В 1839 и 1844 гг. хан Джангир преподнес в дар шесть оригинальных арабо-мусульманских рукописных сочинений. См.: История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов. Алматы, 2002. С. 416.

¹⁸ История Букеевского ханства... С. 417.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 432.

²¹ Там же. С. 433–434.

²² После увольнения из Казанского университета в 1845 г. Ф. И. Эрдман подготовил и издал в Германии и России следующие работы, опубликованные в основном на немецком языке: «Ueber die historische Wichtigkeit des Namens der Stadt Dorpat» («Об исторической важности названия города Дерпт», 1849); «Ueber Muhammed's Geburt und Abraham's Untergang» («О рождении Мухаммада и гибели Авраама», 1852); «Zur muhammedanischen Münzkunde Sendschreiben an

P. von Saweljew» («К мухаммеданской монете...», 1856); «Ueber einige Münzen Tamerlans» («О некоторых монетах Тамерлана», 1857).

²³ Ковалевский О. М. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842; Фойгт К. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год // Ученые записки Казанского университета. 1852. Кн. III.

²⁴ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1428. Л. 29 об. (Полный текст документа в приложении к статье.)

²⁵ Там же. Л. 26, 28–29 об. Копия.

XX век

E. V. Lebedeva

РАЗНЫЕ РОЛИ В ОБЩЕЙ ДРАМЕ: СУДЬБЫ СЕМЕЙ БРЕЙНЕР И ШТОРЦ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ НОВОСАРАТОВСКОЙ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИИ (1910–1940-е годы)

В статье на примере судеб двух семей, занимавших разные позиции по отношению к советской власти, рассказывается о жизни крупнейшей из немецких колоний под Петербургом–Ленинградом в годы «военного коммунизма», НЭПа, коллективизации, а также о депортации ее жителей в северные регионы страны в 1942 г.

В первой части статьи («Семья Брейнер: строители новой жизни») прослежена трагическая судьба семьи первого председателя исполнкома Новосаратовского волостного совета коммуниста Ивана Брейнера, пытавшегося найти компромисс между защитой интересов колонистов и реализацией партийной политики в немецких колониях и ставшего жертвой сталинского режима. Во второй части («Семья Шторц: хранители старых традиций») на примере главы крестьянского хозяйства Амалии Шторц показаны возможности и границы пассивного сопротивления новой власти со стороны последнего дореволюционного поколения колонистов. В третьей части, посвященной судьбе обеих семей в военные и послевоенные годы, приводятся примеры личных стратегий выживания бывших колонистов в условиях депортации, Трудармии и спецпоселения.

При подготовке статьи использованы материалы интервью автора с потомком семей Шторц и Брейнер А. Шторцем, архивные документы, исследования по истории немецких колоний под Петербургом–Ленинградом.

Ключевые слова: немецкие колонии под Петербургом–Ленинградом, Ленинградская область, Новосаратовка, «военный коммунизм», коллективизация, депортация, история семьи.

E. V. Lebedeva

DIFFERENT ROLES IN THE OVERALL DRAMA: THE FATE OF THE BREINER AND STORZ FAMILIES IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE NOVOSARATOVSKAYA GERMAN COLONY (1910s–1940s)

Using the example of the fate of two families who held different positions in relation to the Soviet regime, the article tells about the life of the largest of the German colonies near St. Petersburg–Leningrad during the years of war communism, NEP, collectivization, and also about the deportation of its inhabitants in 1942.

The first part (“The Breiner family: builders of a new life”) traces the tragic fate of the first chairman of the Novosaratovsky Council, communist Ivan Breiner, who tried to find a compromise between protecting the interests of the colonists and implementing Soviet policy in the German colonies, and became a victim of Stalin’s terror. In the second part (“The Storz family: keepers of old traditions”), using the example of the head of the peasant farm Amalia Storz, the possibilities and limits of passive resistance to the authoritarian power from the last pre-revolutionary generation of colonists are shown. The third part, which tells about the fate of both families in the war and post-war years, provides examples of personal survival strategies of former colonists in the harshest conditions of deportation, “Labor Army” and “special settlement” in the northern regions of the country.

The article uses the memoirs of members of the Storz and Breiner families, archival materials, as well as research on the history of the German colonies near St. Petersburg–Leningrad.

Keywords: German colonies near St. Petersburg–Leningrad, Novosaratovskaya German colony, Leningrad region, war communism, collectivization, deportation, Russian Germans, family history.

Введение

Основой для данной статьи послужили материалы письменного интервью автора с Анатолием Шторцем — потомком жителей Новосаратовской немецкой колонии, существовавшей под Петербургом–Ленинградом с 1765 по 1942 г.¹ В отличие от многих семей советских немцев, переживших репрессии и депортацию, в семье Шторц–Брейнер говорили обо всех, даже самых трагических, моментах ее прошлого. Детальные ответы на вопросы интервью, основанные прежде всего на рассказах бабушки, Амалии Шторц, и матери, Христины Брейнер, были дополнены Анатолием Шторцем материалами из фамильного архива, а также собственными размышлениями об истории своей семьи и малой родины.

Для исследователя эта семья примечательна тем, что Брейнеры и Шторцы были представителями двух разных групп внутри колонистского сообщества, интересы которых столкнулись в бурное время политических преобразований первых десятилетий XX в.: тех, кто внедрял эти преобразования в жизнь, и тех, чей мир был ими разрушен. Центральными фигурами изложенной Анатолием Шторцем семейной истории являются его дед по линии матери, Иван (Иоганн) Брейнер (1891–1938), и бабушка по линии отца, Амалия Шторц (1885–1970). Знакомство с трагической судьбой интеллигента–революционера Ивана Брейнера, принесшего советскую власть в крупнейшую из петербургских колоний, со временем

осознавшего ошибки этой власти и в конце концов уничтоженного ею, позволяет глубже понять сложность социальных отношений в немецкой деревне на переломе эпох. А рассказ о главе крестьянского хозяйства Амалии Шторц помогает дополнить представления о возможностях и границах пассивного сопротивления власти со стороны последнего дореволюционного поколения колонистов. Воспоминания членов семьи о драматических событиях военных и послевоенных лет содержат примеры личных стратегий выживания в тяжелейших условиях депортации, Трудармии и спецпоселения.

Наиболее ранние эпизоды из приводимых А. Шторцем семейных воспоминаний относятся к поколению его прадедов (к концу XIX в.). В обеих семьях не сохранилось точных сведений о более отдаленных предках, а также о местах, откуда они выехали в Россию (в качестве родины называлась Швабия — исторический регион на юго-западе современной Германии). Ныне эта информация может быть частично восстановлена на основании архивных данных. В числе шестидесяти глав семейств, подписавших летом 1765 г. в Ораниенбаумском переселенческом лагере под Санкт-Петербургом договор с российскими властями о поселении в Новосаратовской колонии, были Готфрид Брейнер и Иоганн Георг Шторц². О последнем известно, что он происходил из Вюртемберга (д. Кляйнгартах) и, прежде чем отправиться в Россию, с 1761 по 1765 г. был колонистом в Дании (колония Христиансхайде, округ Фленсбург). Другие предки А. Шторца (по линии отца — семьи Райх и Финк из Курpfальца, по линии матери — Эйкстер из Вюртемберга и Фогельгезанг из Бранденбурга) также первоначально попытали счастья в датских колониях, откуда весной 1765 г. выехали по морю в порт Кронштадт³.

К началу XX в. семьи Шторц и Брейнер были достаточно далеки друг от друга как в социальном, так и в географическом отношении, и вряд ли бы их судьбы пересеклись, если бы не революционные события 1917 г., которые свели их вновь в Новосаратовке.

Семья Брейнер: строители новой жизни

Семья Брейнер — прадед А. Шторца Христофер с женой Христиной (ур. Эйкстер) и детьми — жила до революции в г. Острове

Псковской губернии. Христофер, не будучи наследником семейного хозяйства (в колониях оно, как правило, в нераздельном виде передавалось старшему из сыновей), в свое время покинул Новосаратовку и стал управляющим имением у псковского помещика, с семьей которого у Брейнеров сложились дружеские отношения. Иван и его брат Александр вместе с сыновьями помещика посещали гимназию в г. Острове, а после ее окончания вчетвером поехали в Петербург продолжать учебу (рис. 1).

В студенческие годы Иван Брейнер увлекся социалистическими идеями, вступил в партию большевиков. По заданию партийного кружка он, оставив университет, поступил на работу корректором в одну из городских типографий, что позволило организовать в ней печать листовок и прокламаций. Его взглядов не разделяли ни старший брат, ни тем более друзья юности — сыновья псковского помещика.

В 1917 г. Иван Брейнер, как пишет А. Шторц, был участником «октябрьских событий», и впоследствии у него остались «товарищи по этому времени в Петроградском совете, которые занимали там определенные должности». В семье упоминалось, в частности, имя

Рис. 1. Иван Брейнер — студент университета. 1910-е годы.

Фотография из архива семьи Шторц–Брейнер,
предоставлена автору статьи Анатолием Шторцем

председателя совета Григория Зиновьева. В 1918 г. Брейнер был направлен Петроградским советом в Новосаратовку устанавливать советскую власть в немецких колониях. Он возглавил исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Новосаратовской волости, в которую входили в том числе колонии Веселый Поселок и Уткина Заводь. Отец Ивана, Христофер, после революции тоже переехал в Новосаратовку, в дом родственников жены Эйкстер, и открыл слесарную мастерскую по ремонту сельскохозяйственного инвентаря.

В колонии Иван Брейнер встретил свою будущую жену — Варвару (Барбару) Фогельгезанг (рис. 2), семья которой незадолго до этого вернулась туда из Петрограда. Эта семья, как и Брейнеры, до революции была довольно обеспеченной, ее глава Генрих Фогельгезанг служил в бюро компании «Зингер». Дети получили образование в учебных заведениях столицы, приобщились к городскому образу жизни и русской культуре (в обеих семьях, помимо диалекта, свободно владели немецким литературным и русским языками).

Рис. 2. Варвара Фогельгезанг. 1910-е годы. Фотография из архива семьи Шторц-Брейнер, предоставлена автору статьи Анатолием Шторцем

Жена и ее родственники стали единомышленниками и соратниками Ивана по переустройству жизни в колонии. Варвара со временем вступила в большевистскую партию. В период Гражданской войны она и ее отец последовали за Брейнером на фронт и принимали участие в обороне Петрограда от белогвардейцев (рис. 3). В саму же семью Брейнер революция внесла раскол. «В то время как Иван устанавливал и отстаивал советскую власть, Александр воевал на стороне белых. В одном из боев под Петроградом Алекс попал в плен к красным, и лишь фамилия спасла его от расстрела: он оказался братом их командира», — рассказывает А. Шторц. Александра отпустили в Петроград под поручительство Ивана Брейнера, взяв с него обязательство не оказывать больше противодействия советской власти.

В послереволюционные годы исполкому волостного совета под руководством И. Брейнера пришлось решать первоочередные задачи по организации жизни немецких колоний. В то же время вместе с советской властью в колонии пришли и меры «военного коммунизма», самой ненавистной из которых являлась продразверстка — принудительное изъятие «излишков» продовольствия

Рис. 3. Иван Брейнер, Варвара Брейнер и Генрих Фогельгезант (стоит справа) перед отправкой на фронт в годы Гражданской войны. Фотография из архива семьи Шторц–Брейнер, предоставлена автору статьи Анатолием Шторцем

для снабжения города и армии. В этих условиях перед Брейнером и его товарищами — членами исполкома — стояла трудноразрешимая задача: с одной стороны, им было необходимо завоевывать поддержку колонистов, с другой — обеспечивать выполнение распоряжений вышестоящих партийных и государственных органов.

В фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга автором статьи был выявлен ряд свидетельств о работе Ивана Брейнера на посту председателя исполкома волостного совета⁴. Документы говорят о том, что на протяжении всего периода «военного коммунизма» исполком не прибегал к жестким мерам по изъятию продовольствия у колонистов и, насколько это было возможно, противодействовал применению таких мер со стороны представителей власти, направлявшихся в немецкие колонии из Петрограда. В результате в 1919 г. хозяйствами Новосаратовки было сдано только 17 тыс. пудов продукции вместо предписанных 100 тыс., а в 1920 г. — 28 тыс. вместо 65 тыс. пудов⁵. По мнению руководивших немецкими колониями Петроградской губернии государственных органов, причины невыполнения Новосаратовкой проразверстки коренились «в до сих пор еще не исчезнувшей в колонии жажде к спекуляции и наживе у колонистов и в полной бездеятельности Волсовета, зачастую поддерживавшего своей “итальянской забастовкой” отрицательный для общего дела свой местный авторитет»⁶. Ивану Брейнеру вменялось в вину преднамеренное занижение показателей излишков продовольствия у колонистов. Так, к примеру, в официальной переписке указывалось, что «тов. Брейнер, произведя сугубо неправильный теоретический учет урожая у колониста Лаутеншлегер, определил недостаток картофеля в 171 пуд, в то время как за этим колонистом числится излишек в 181 пуд», так что «подсчет тов. Брейнера, вероятно, дал повод колонисту своих излишков не сдавать». Попытке же силой изъять у Лаутеншлегера картофель сверх обнаруженного «излишка» Брейнер воспрепятствовал⁷. Кроме того, говорилось об отказе исполкома арестовывать колонистов, уклонявшихся от трудовой мобилизации, а также о том, что Новосаратовская колония являлась «крайне упорной... не только в деле реализации излишков ее урожая, но и вообще в смысле проведения тех или иных начинаний

руководящего центра»⁸. С саботажем новосаратовцев решено было бороться «путем контрибуций», а также «реорганизацией состава Волсовета»⁹. В 1921 г. Иван Брейнер был отстранен от должности председателя исполкома.

Тем не менее, оставаясь членом большевистской партии, он должен был способствовать проведению в жизнь ее политики, находясь, таким образом, в центре конфликта между разными группами колонистов вокруг послереволюционного передела земли в колонии. По приведенным А. Шторцем воспоминаниям родственников, однажды на жизнь Брейнера было совершено покушение, которое, к счастью, не удалось довести до конца: когда он возвращался из города в Новосаратовку поздним зимним вечером, «его схватили, натянули на голову мешок и потянули к Неве. Видно, хотели утопить в проруби. Но кто-то помешал (шаги, разговор), и его бросили, скрылись».

Дочь Ивана, Христина, вспоминала, что после поездок в город «дома отец рассказывал о встречах с бывшими знакомыми по партии, о новой политике. Считал, что, если бы Ленин оставился у власти, все было бы иначе. Сталинскую политику воспринимал трудно». «Вероятно, он делился своими мыслями и взглядами не только в кругу семьи», — добавляет А. Шторц.

Особое неодобрение вызывали у Ивана Брейнера меры по раскулачиванию и методы проведения коллективизации, активно начавшейся в немецких колониях с 1930 г. Вынужденный как член партии принимать участие в этих мероприятиях, он, как и в период «военного коммунизма», пытался, насколько мог, смягчить их последствия для колонистов. «В начале коллективизации все было еще не так жестко поставлено: агитировали за колхозы, поощряли... Мама говорила, — пишет А. Шторц, — что к ее отцу обращались колонисты за разъяснениями. Он сам (как говорил маме позже) был сторонником НЭПа, считал, что надо было оставить частное кустарное производство, не загонять крестьян в колхозы, а создавать для этого условия. Но когда все ужесточилось, то он уже давал советы не игнорировать колхозы, понимая, к чему это приведет. В крайнем случае, чтобы избежать раскулачивания, сдать все “излишки”, чтобы не числиться зажиточным». К советам Брейнера

прислушивались, поскольку «хотя он и был тем, кто принес сюда советскую власть, но как человек пользовался уважением у большинства колонистов». В последней фразе проявляется как отношение колонистов к советской власти, так и их способность проводить различие между личностными качествами и формальным статусом человека.

Самому же Ивану Брейнеру компромисс между собственными убеждениями и партийными установками давался все сложнее. Яркий пример тому — его подпись под открытым письмом колхозников Новосаратовки, опубликованным в рамках пропагандистской кампании в числе других подобных писем в центральной газете «Известия» летом 1933 г., в котором, в частности, говорилось: «Колхозники-немцы колхоза “Красный механизатор” Новосаратовской колонии... прочитав в “Известиях” телеграмму об организуемом в Германии сборе пожертвований для якобы голодающих немцев СССР, считают своим долгом заявить: нам не нужно помочь президента Германской республики Гинденбурга и рейхсканцлера Гитлера... Немцы-колхозники не голодают». Далее в письме описывались успехи новосаратовского колхоза и высокий уровень благосостояния колхозников, а также выражался призыв к властям Германии накормить голодающих пролетариев собственной страны и освободить из тюрьмы Эрнста Тельмана¹⁰. «Моя мама рассказывала, — вспоминает А. Шторц, — что ее отец после собрания, которое обязало его в числе других подписать это обращение, вернулся домой удрученным: пришлось снова сделать то, что не соответствовало правде и его чувству совести. Ведь было известно, что голод был и на Украине, и в Заволжье, в том числе и в немецких колониях». К этому следует добавить, что реальное положение «Красного механизатора» в тот момент было плачевным, и по итогам 1933 г. была проведена очередная смена его руководства¹¹.

В 1936 г., после процесса «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», был расстрелян Г. Зиновьев, с которым Брейнера связывала работа в Петроградском совете в годы революции и о котором он и позже «высказывался положительно», утверждая, что «в некоторых вопросах, которые он ставил перед партией и та их не приняла, он, вероятно, был прав». Самого Ивана

Брейнера во время очередной «чистки» исключили из партии, обвинив среди прочего в проявлениях «мягкотелости» при проведении коллективизации. В обстановке развернувшихся репрессий Брейнер, по словам А. Шторца, «знал, предчувствовал, что его ожидает». Не скрывая своих предчувствий от дочери Христины, он попросил ее не верить тому, что будут говорить о нем, «если с ним что-нибудь случится», но при этом, если потребуется, не портить себе жизнь и отказаться от него.

В марте 1938 г. Брейнера арестовали. Ему был вменен целый ряд преступлений по четырем пунктам печально известной ст. 58 УК РСФСР, включая п. 2 (подготовка вооруженного восстания и захвата власти). 9 июля 1938 г. Иван Брейнер был расстрелян¹².

Семье Ивана Брейнера пришлось пережить и другие трагические события: «Варвара не выдержала такого испытания: случился нервный срыв, помешательство. Она попала в клинику, что, возможно, спасло ее от ареста. Вернулась она домой с периодическими приступами душевной болезни». Вскоре семья потеряла старшего из сыновей, Александра. Он не смог смириться с арестом отца и открыто выражал свое несогласие с предъявленными тому обвинениями, «говорил, что отец ни в чем не виноват, что старых коммунистов сажают...» Когда в начале войны Александр пропал без вести на строительстве укреплений на подступах к Ленинграду, близкие предполагали, что он тоже мог быть репрессирован, поскольку, по словам работавших вместе с ним односельчан, «часто критично высказывался по поводу всего, что происходило». Все попытки Христины впоследствии что-либо узнать о судьбе брата не дали результата.

Для самой Христины Брейнер арест отца означал невозможность осуществления жизненных планов. Она — комсомолка, с отличием окончившая школу, — должна была продолжить учебу в педагогическом техникуме в Ленинграде. Однако вместо учебы ей пришлось занять место помощника счетовода в конторе новосаратовского колхоза, где до ареста работал и ее отец. К этому времени Христина уже была невестой своего бывшего одноклассника Андрея Шторца, возвращение которого со срочной военной службы планировалось на осень 1941 г.

Семья Шторц: хранители старых традиций

Генрих и Амалия Шторц происходили из бедных новосаратовских семей, выросли в колонии, учились в приходской школе. В брак они вступили относительно поздно. Фактическим и признанным главой семьи Шторц являлась Амалия, что было необычно для патриархальной немецкой деревни. Взять на себя ответственность за благополучие родных ей пришлось уже в юности. Ее отец, Генрих Финк, был ранен на Русско-японской войне 1904–1905 гг. и недолго прожил после возвращения в колонию. Заботы о большом огороде и четырех младших сестрах легли на плечи Амалии и ее матери, Регины Финк (ур. Райх) (рис. 4). Лишь обеспечив сестер приданым и выдав их замуж, Амалия смогла создать собственную семью.

Рис. 4. Регина Финк. Новосаратовка, 1910-е годы. Фотография из архива семьи Шторц–Брейнер, предоставлена автору статьи Анатолием Шторцем

Традиционно наиболее уважаемым и желанным в немецких колониях считался статус домохозяина — владельца земельного надела и обширного хозяйства, стоявшего на социальной лестнице выше работавших батраками, занимавшихся промыслами либо переселявшихся в город безземельных колонистов. Молодые годы семьи Шторц прошли в борьбе за создание, а затем расширение собственного хозяйства. В течение нескольких лет Амалия и Генрих (рис. 5) ездили батрачить в Финляндию, что позволило им купить участок земли в Новосаратовке и построить дом. Семейные отно-

Рис. 5. Генрих и Амалия Шторц. 1930-е годы. Фотография из архива семьи Шторц–Брейнер, предоставлена автору статьи Анатолием Шторцем

шения строились вокруг нужд хозяйства, по вкладу в него оценивались члены семьи, о чем свидетельствует и приведенная А. Шторцем характеристика Амалией своего мужа Генриха: «Муж ей достался не хозяин (ее слова), человек хороший, но физически некрепкий и довольствовавшийся тем, что есть; себя не хотел (или не мог) утруждать особо». Родившиеся в семье четверо сыновей воспринимались прежде всего как «будущая помощь в хозяйстве».

В рассказе А. Шторца, записанном со слов бабушки, содержится детальная характеристика колонистского хозяйства 1920-х — начала 1930-х годов. Его основу составляло выращивание овощей — картофеля и капусты. Собранный урожай возили через Неву на особый «немецкий рынок». Важную роль играли и другие источники дохода: «Амалия развела гусей, они хорошо продавались. Она набивала подушки пером для продажи. Генрих оказался хорошим столяром. Он делал мелкую мебель на продажу, колеса, бочонки». Старшие сыновья работали на огороде, младшие — пасли гусей, корову, ухаживали за свиньей. «Моя мама говорила, — пишет А. Шторц, — что Амалия была очень крепкой женщиной и работящей, ни себя не жалела, ни мужа, ни сыновей — все должны были работать с полной отдачей». Взятая на себя ответственность за семью и многолетняя борьба за выживание сказалась на характере Амалии: «Властная, бескомпромиссная, привыкшая решать семейные проблемы по своему представлению, она никогда не просила помощи и сочувствия — выстраивала жизнь сама. Поэтому сочувствие к другим у нее тоже было мизерное...»

Усилия семьи принесли свои плоды: «Амалия стала зажиточной, нанимала помощницу по дому, людей в помощь для сбора урожая овощей». Подобно Амалии Шторц, большая часть новосаратовских колонистов вела в годы НЭПа ориентированное на рынок хозяйство и прибегала к найму сезонной рабочей силы, положение которой регулировалось трудовыми договорами. Согласно одному из таких договоров, сохранившемуся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, в летний сезон 1927 г. в хозяйстве Шторц работала крестьянка Анна Чикулева, двадцати лет. Наниматель предоставлял ей жилье и четырехразовое питание (кофе, обед, чай и ужин). Трудясь «не более 12 часов в день» при шестидневной рабочей неделе, она получала 32 руб.¹³ Сопоставимые условия труда были и у работников других колонистов.

Такими людьми, как Амалия Шторц, — добившимися благосостояния упорным трудом и привыкшими к независимости в принятии решений, — принудительная коллективизация была воспринята как утрата всего достигнутого. Нависла над семьей Шторц и угроза раскулачивания и ссылки (раскулаченных колонистов ссылали на Кольский полуостров). Здесь на помощь Амалии, как, вероятно, и другим односельчанам, пришел Иван Брейнер, которому она была благодарна за это всю последующую жизнь. Брейнеру удалось убедить принимавших решение о раскулачивании, что хозяйство Шторц не является кулацким и основано прежде всего на труде членов семьи. В то же время он объяснил Амалии, что сопротивление вступлению в колхоз опасно. «По совету Брейнера бабушке пришлось уступить, — пишет А. Шторц. — Дедушку она “отдала” в ненавистный ей колхоз. Он работал там на лошадях». В колхоз были переданы земельный участок за колонией и корова, за которую Амалия особенно переживала: «Такой коровы не было ни у кого в колонии, потом, в колхозе, она уже не давала столько молока, была не так ухожена». В частном владении остался только мелкий скот. Для самой Амалии работа в колхозе была абсолютно неприемлема. Чтобы избежать ее, она, по словам А. Шторца, «добилась врачебного свидетельства, не знаю какого», и продолжала с сыновьями-подростками заниматься своим уменьшившимся в размерах хозяй-

Рис. 6. Дом семьи Шторц в Новосаратовке. 1930-е годы.
Фотография из архива семьи Шторц–Брейнер,
предоставлена автору статьи Анатолием Шторцем

ством, которое весь довоенный период оставалось для семьи основным источником доходов (рис. 6).

Амалия Шторц — пример того, как в условиях советской власти, несмотря на вносимые извне перемены, колонисты ее поколения сохраняли свою идентичность, базировавшуюся прежде всего на трех основаниях: принадлежности к крестьянству, лютеранской религии и немецкой народной культуре (конкретнее — культуре той местности, откуда происходила семья).

Крестьянский труд был для Амалии не только средством обеспечить пропитание семье, но и самостоятельной ценностью: «Как крестьянка, она не признавала тех, кто не работает физически, а работает умственно». И отстояла для себя возможность свободного труда вне колхозной системы. Закрытие церкви и запрет на проведение богослужений не мешали поддерживать в душе усвоенную в детстве религиозную веру. Всю жизнь Амалия берегла и перечитывала напечатанный готическим шрифтом сборник церковных

песен, подаренный пастором при конфирмации. Сохранила она и позже передала своим внукам и память о немецких корнях. «Бабушка говорила, — вспоминает А. Шторц, — что ее бабушка собирала детей возле себя и рассказывала о том, как было на их старой родине, в Швабии. О религиозной войне, о том, как протестантов преследовали католики. О бегстве многих семей. О тяжелой дороге на север Германии, о плавании в Санкт-Петербург (многие болели и многие умерли в дороге), о тяжелом труде на болотистых берегах Невы, где сейчас располагалась их колония»¹⁴. Основным языком общения в семье Шторц был швабский диалект. Дети уже владели и русским языком, но сама Амалия знала по-русски «лишь два-три десятка слов и выражений, необходимых ей для продажи своих овощей на рынке в городе». Русскоязычные источники информации о происходивших в окружающем мире событиях были ей недоступны, ее жизненные интересы в основном ограничивалась пределами колонии, а общение — кругом односельчан.

Жизнь сыновей Амалии Шторц должна была, по ее мнению, тоже пройти в родной Новосаратовке в заботах о хозяйстве. «Бабушка сетовала, что из-за постоянной занятости у нее времени не было на детей», — пишет А. Шторц. Его отец, Андрей (Генрих), пошел в школу на год позже положенного срока и не окончил ее, хотя проявлял способности к точным наукам. По словам его одноклассницы Христины Брейнер, «он мог бы учиться лучше, но нередко пропускал занятия: то надо было сопроводить маму на рынок, то что-то срочное сделать дома по хозяйству. И — огород...» Нужды хозяйства были важнее учебы. Семейную жизнь сыновей Амалия также предполагала устроить по своему усмотрению. Старшего сына Федора (Фридриха) она женила на дочери своей сестры (такие браки не были в немецких колониях редкостью).

Однако сыновья — первое поколение колонистов, выросшее при советской власти, — предпочли пойти другой дорогой. Федор развелся с женой, ушел из колонии в город, приобрел специальность электрика. И вновь женился на женщине с ребенком. Амалия этот брак не одобряла: «Нарушены все традиции. Новая жена — русская, с ребенком. В те времена (да еще в немецкой консервативности

колоний) это было осуждаемо. Да и потеряла она помощника на своей усадьбе». Примечательно, что получение сыновьями «городской» профессии являлось для родителей предметом не гордости, а разочарования: «Вторым ударом для Амалии было то, что и второй ее сын ушел в город учиться». Андрей Шторц «устал от постоянной работы в огороде и взбунтовался. Видел, что его старший брат, получив специальность электрика и находясь в городе, живет совсем по-другому». Окончив фабрично-заводское училище, он начал работать слесарем на Обуховском заводе в Ленинграде, а когда немцев стали снимать с оборонных предприятий, перешел на вагоноремонтный завод. В 1938 г. Андрей был призван на трехлетнюю армейскую службу, по окончании которой планировалась его свадьба с Христиной Брейнер. Однако встретиться вновь им довелось только в 1946 г., когда они, казалось, уже навсегда потеряли друг друга из виду.

Семьи Брейнер и Шторц в военное и послевоенное время: стратегии выживания

Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны некоторые из располагавшихся в окрестностях Ленинграда немецких колоний стали местами боевых действий. В конце августа 1941 г. в связи с опасением проявления коллаборационизма властями было принято решение о выселении немецкого населения из Ленинграда и его пригородов, однако его реализации помешала начавшаяся 8 сентября блокада¹⁵.

Отвечая на вопрос о настроениях в кругу его родных в период наступления немецко-фашистских войск на Ленинград, А. Шторц говорит о четком разграничении в их сознании «тех» и «наших» немцев и приводит ряд подтверждающих это примеров: «Наша родственница Тереза Ладе (Ульрих) вышла замуж из Новосаратовки в Колпино. Когда вермахт стал подходить к этой колонии, они с мужем и грудным ребенком обходными путями пробрались к своим близким в Новосаратовку, опасаясь прихода «фашистов». В доме Брейнер временно останавливались красноармейцы. Офицер звал маму покинуть еще не замкнутое кольцо блокады: «Ведь ты комсомолка, отец и мать — коммунисты, вас всех немцы расстре-

ляют". И семья мамы не отождествляла себя с теми, чужими, немцами, и этот офицер (русский) — тоже». «Я отца спрашивал об этом, — продолжает А. Шторц. — Он говорил, что и мысли не возникало, что это тоже немцы, как он. Это — враги. Он не хуже других проявил себя на фронте с июня по сентябрь 1941 г. Если бы немцев не сняли с фронта, то так и продолжал бы воевать». Примечательна в этом отношении позиция Амалии Шторц, негативно воспринимавшей новую действительность: «Да, Амалия не любила советскую власть. Но это не значило, что она не любила свою малую родину и что она могла довериться тем, кто придет сюда — чужим, хотя и говорящим на том же языке, что она».

Приход вермахта в Новосаратовку представлялся реальной перспективой. В связи с этим, в частности, при личном участии Христины Брейнер была сожжена практически вся документация колхоза «Красный механизатор». В сентябре 1941 г. Новосаратовка, лежавшая на границе города, оказалась внутри блокадного кольца. Голодную зиму 1941/42 г. обе семьи пережили благодаря имевшимся запасам продовольствия. Помогали они и городским родственникам.

В марте 1942 г. власти вернулись к планам депортации немецкого населения. Перевозка была организована по льду Ладожского озера — Дороге жизни. Семья Брейнер (Варвара, ее дочери Христина, Екатерина и сын Валентин) покинула Новосаратовку в составе первой партии депортированных. Христина запомнила слова шофера, везшего их на машине через Ладогу: «Видно, что у фашистов хорошо работают шпионы. В прошлые дни невозможно было проехать, так обстреливали. А сегодня совершенно тихо. Видно, знают, что везем немцев».

Основная часть новосаратовцев была отправлена в Красноярский край. Семья Брейнер попала в село Ермаковка Абанского района. «И мама, и ее сестра, — пишет А. Шторц, — по-доброму вспоминали год, проведенный в Ермаковке. Прибывших распределили по домам. Встретили их не враждебно, хотя жителям сообщили, что прибыли немцы. Скорее — с любопытством, а когда узнали, что они из блокадного Ленинграда — с сочувствием». Для Христины (как и всей ее семьи) определяющую роль в военные

годы сыграло наличие у нее среднего образования и опыта работы в конторе колхоза: «Христине обрадовались в сельсовете, которым руководил пожилой малограмотный мужчина. Она выполняла там уже знакомую по Новосаратовке работу — вела бухгалтерию». А когда осенью 1943 г. их вызвали в Абанск для мобилизации в Трудармию, она, располагая информацией и имея возможность заполнить в сельсовете «запрос-анкеты» на всю семью, увеличила возраст брату и уменьшила матери, что позволило Брейнерам остаться вместе. Они оказались в Нижнем Тагиле Свердловской области, на предприятиях, подведомственных Тагиллагу НКВД. Женщины работали на кирпичном заводе, почти полностью укомплектованном немцами-трудармейцами: Христина — снова в конторе, Варвара — в цехе глиняной посуды; тяжелее всего пришлось Екатерине — она вручную катала вагонетки с сырым кирпичом к печам. Валентин стал учеником сварщика на другом нижнетагильском предприятии.

Семья Шторц не выехала из Новосаратовки в назначенный властями срок. А. Шторц говорит о причинах, по которым Амалия воздержалась от выезда: «Бросить старую мать, дом? Ей было ничего не известно о судьбе сыновей. Да и особого голода, думаю, они не испытывали: она была запасливой и рассчитывала пережить блокаду». Оставшихся, по воспоминаниям Амалии Шторц, вывезли из Новосаратовки в принудительном порядке: «Работники НКВД собрали всех не выехавших из колонии (в основном — старики и дети), обвинили их в том, что они остались, ожидая прихода германцев. И уже под конвоем отправили в ссылку». Престарелую мать Амалии «чекисты заставили оставить в колонии», чем обрекли на смерть. То, что эта группа колонистов оказалась в ссылке в наиболее тяжелых условиях, в воспоминаниях семьи Шторц связывается со стремлением власти наказать их за неповинование: «Семью Амалии вместе с другими “неблагонадежными” выгрузили на берегу Ледовитого океана (устье реки Яна, Якутия) без шансов там выжить». В долгом пути до места ссылки их спасало от голода то, что Амалия меняла на еду взятые с собой ценные вещи, которые, как предполагает А. Шторц, она могла получать в блокадную зиму от приезжавших в Новосаратовку в поисках продуктов питания

ленинградцев. В Якутии депортированные были погружены на баржи, шедшие по р. Лене. По мере продвижения некоторые семьи высаживали: «Кадровики предприятий отбирали себе подходящих и работоспособных людей». Так, многие из новосаратовцев осели в п. Покровск под Якутском, где находился кирпичный завод. Пожилые же люди были не востребованы. Семья Шторц проделала путь до самого Ледовитого океана: «Бабушка говорила, что была возможность остановиться раньше, и обижалась на дедушку, который заявлял: “Все равно везут на смерть, так хоть мир посмотрю — пусть везут до конца”».

Они бы действительно не смогли выжить, оказавшись без всяких средств к существованию в селе Казачьем на берегу моря Лаптевых, если бы не помочь местного населения — якутов. «Бабушка, — вспоминает А. Шторц, — до конца жизни хорошо отзывалась о якутах». В ссылке Амалия освоила русский язык, это также стало условием выживания. Приехавшему вместе с родителями в Якутию младшему из сыновей — восемнадцатилетнему Александру — пришлось работать на рыбном промысле, часами стоя в ледяной воде (что на всю жизнь отразилось на его здоровье). Не выдержав, Александр пошел на нарушение режима — «сбежал вниз по Лене в Покровск». Риск оказался оправданным: он «без наказания прошел там, на кирпичном заводе, до освобождения». «Вероятно, — предполагает А. Шторц, — режим в Якутии был не так строг, как в других северных регионах».

Об остальных трех сыновьях у родителей не было сведений. До конца войны они надеялись, что жив старший сын, Федор, который находился летом 1941 г. на территории, занятой финскими войсками, и пропал без вести. Адольф, мобилизованный тогда же на оборонные работы под Ленинградом, как выяснилось позже, был направлен оттуда на строительство газопровода в Тамбовскую область. Он оказался единственным из родственников, кто не был ни трудармейцем, ни впоследствии спецпоселенцем, сохранив, таким образом, право на свободное передвижение — редкий случай среди советских немцев.

Гораздо тяжелее сложилась судьба Андрея — отца Анатолия Шторца. Война застала его в Бессарабии, откуда их зенитный

батальон отступал через Украину до Азовского моря. В сентябре 1941 г. начался отзыв немцев-красноармейцев с фронта и формирование из них строительных батальонов для работы на объектах НКВД. По воспоминаниям Андрея Шторца, в Мариуполе «их всех разоружили и уже под конвоем отправили на станцию для погрузки в эшелон. Объявили, что они отправляются в тыл на работы». Местом назначения эшелона стал Ивдельлаг НКВД на Северном Урале. Вместе с прибывшими тем же эшелоном украинскими немцами, а также находившимися в лагере уголовными и политическими заключенными бывшие красноармейцы работали на прокладке железной дороги от ст. Ивделя к марганцевому руднику в п. Полуночное, на котором под руководством эвакуированных из Днепропетровской области специалистов добывалось сырье, необходимое для производства броневой стали.

Много лет спустя, увидев сцены строительства комсомольцами узкоколейки в фильме «Как закалялась сталь», Андрей Шторц с горечью рассказал сыну Анатолию: «Вот так и мы в мороз, полураздетые, голодные, прокладывали дорогу от Ивделя к Полуночному, оставляя половину состава эшелона немцев-фронтовиков погребенными вдоль нее. Но есть и отличие: был конвой в полушибаках, валенках и шапках, обзывающий нас фашистами и нередко «угощавший» нас ударами прикладов винтовок». Лагерное начальство не препятствовало уголовникам, притеснявшим немцев и часто отбиравшим у них пайки. По словам Андрея Шторца, он выжил в лагере лишь благодаря тому, что встретил там своего односельчанина Федора Ладе, еще до войны осужденного по уголовной статье за драку с «пришлым» в Новосаратовке, который оказался комсомольским функционером. Федор раздобыл Андрею фуфайку, валенки и взял его под свою защиту. Кроме этого, Андрею помогли унаследованные от отца Генриха навыки столяра: он «наловчился в часы передышки от работы вырезать деревянные ложки и прочие вещи, что давало ему при раздаче пищи лишний черпак баланды».

Позже Андрей работал шахтером на руднике в Полуночном. После окончания войны он, как и все советские немцы, остался в месте депортации, на положении спецпоселенца. О том, что Андрей Шторц находится в той же, что и она, Свердловской области,

Рис. 7. Семья Шторц в п. Полуночное на Северном Урале. 1954 г.

Фотография из архива семьи Шторц–Брейнер,
предоставлена автору статьи Анатолием Шторцем

стало известно при случайной встрече с земляком Христине Брейнер. После восьмилетней разлуки Андрей и Христина, получившая разрешение на переезд к жениху, создали семью. В Полуночном родились их дети — Анатолий и Евгения, туда же Андрей вызвал из Якутии родителей (рис. 7).

Со временем в поселок (в основном через заключение браков и воссоединение с родственниками) переселился целый ряд новосаратовцев. Таким образом, в Полуночном сложилась сплоченная группа земляков, оказывавших друг другу помощь и поддержку в тяжелых условиях жизни на Северном Урале. В 1956 г. после снятия режима спецпоселения семья Шторц в числе других семей немцев-шахтеров переехала вслед за руководителями Полуночного рудника на место их довоенной работы, в Днепропетровскую область (г. Орджоникидзе).

Возвращаться же на свою малую родину бывшим жителям немецких колоний под Ленинградом было запрещено даже после

отмены большей части правовых ограничений. «Родители говорили, — вспоминает А. Шторц, — что то, что проделало с ними правительство во время войны, еще можно было как-то объяснить себе. Но послевоенное к ним отношение никакого оправдания не имеет... С окончанием войны они бы могли выстроить свою жизнь иначе. И могли бы достичь в ней чего-то другого, более значимого». Мать А. Шторца, обладавшая большими способностями к языкам, так и осталась бухгалтером. Отец — хороший техник, рационализатор — всю жизнь проработал в шахте. Главное, что угнетало членов семьи, — «моральное унижение, зарождение чувства изгоя в стране, в которой ты вырос, жил и трудился, которую любил». У отца особую горечь вызывало недоверие, проявленное властью к немцам-фронтовикам, и то, что о нем, как участнике войны, вспомнили лишь к старости: «Когда военкомат стал приглашать его на парад ветеранов, он не ходил и ни разу не надел присылаемых ему юбилейных медалей».

Сам Анатолий Шторц, получив профессию горного инженера, много лет работал преподавателем в техническом училище г. Орджоникидзе, за успехи в подготовке специалистов для горнодобывающих предприятий региона был отмечен званием «Отличник народного образования», награжден медалью «За трудовую доблесть». В годы перестройки, стремясь активно участвовать в судьбе своего народа, он принял предложение возглавить городское отделение Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение», был делегатом конференции общества в Москве, на которой обсуждались перспективы восстановления уничтоженной в 1941 г. немецкой национальной автономии на территории СССР. Когда стала понятна нереалистичность этих ожиданий, семья Шторц в числе других советских немцев, разочарованных позицией властей страны, приняла решение о переезде в Германию.

Активные шаги по интеграции в новое общество не препятствовали сохранению Анатолием Шторцем деятельного интереса к прошлому своей семьи и ее малой родине — Новосаратовки. Большой объем собранных в течение многих лет материалов и искреннее желание поделиться ими сделали возможным включение истории семьи Шторц–Брейнер в общий контекст научных иссле-

дований, посвященных немецким колониям под Петербургом–Ленинградом.

Библиография

Архивные источники

РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138.

ЦГА СПб. Ф. 472. Оп. 1. Д. 679.

ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730.

ЦГА СПб. Ф. 7081. Оп. 1. Д. 2, 7.

Литература

Бахмутская Е. В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII в. — начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: сб. науч. статей / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 233–245.

Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий / редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. Т. 10. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2009. 735 с.

Черказьянова И. В. Ленинградские немцы в годы войны: события 1941–1942 гг. // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 7. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 321–348.

Шмидт С. А. Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом: страницы истории XIX–XX веков. СПб.: [б. и.], 2013. 351 с.

Шрадер Т. А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сентября 1998 г. / отв. ред. А. А. Герман, И. Р. Плеве. М.: Готика, 1999. С. 156–173.

Clausen O. Chronik der Heide- und Moorkolonisation im Herzogtum Schleswig (1760–1765), Husum: Druck- und Verlagsgesellschaft Verlag, 1981. 894 S.

Eichhorn A. Die Einwanderung deutscher Kolonisten nach Dänemark und deren weitere Auswanderung nach Russland in den Jahren 1759–1766 / A. Eichhorn, J. a. M. Eichhorn. Bonn: A. Eichhorn; Midland, Mich.: J. a. M. Eichhorn, 2012. 767 S.

Lebedeva E. Deutsche Kolonie Nowo-Saratowka bei St. Petersburg 1765–1942: Erfolgsgeschichte mit tragischem Ende / Untergegangene Geschichte: Deutsche Kolonie Nowo-Saratowskaja bei Sankt Petersburg. Düsseldorf: Dialog + e. V., 2018. S. 5–21.

* * *

¹ Подробнее об истории Новосаратовки см.: *Lebedeva E. Deutsche Kolonie Nowo-Saratowka bei St. Petersburg 1765–1942: Erfolgsgeschichte mit tragischem Ende / Untergegangene Geschichte: Deutsche Kolonie Nowo-Saratowskaja bei Sankt Petersburg. Düsseldorf: Dialog + e. V., 2018. S. 5–21;* *Шмидт С. А. Немецкая колония в Ново-*

саратовке под Санкт-Петербургом: страницы истории XIX–XX веков. СПб.: [б. и.], 2013. 351 с.

² РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 14 об.

Подробнее о приеме колонистов см.: *Бахмутская (Лебедева) Е. В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: сб. науч. ст. / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 233–245.*

³ Архивные данные о немецких колонистах в Дании опубликованы, частности, в работах: *Clausen O. Chronik der Heide- und Moorkolonisation im Herzogtum Schleswig (1760–1765), Husum, 1981. 894 S.; Eichhorn A. Die Einwanderung deutscher Kolonisten nach Dänemark und deren weitere Auswanderung nach Russland in den Jahren 1759–1766 / A. Eichhorn, J. a. M. Eichhorn. Bonn: A. Eichhorn; Midland, Mich.: J. a. M. Eichhorn, 2012. 767 S.*

⁴ ЦГА СПб. Ф. 7081. Оп. 1. Д. 2,7; Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 280 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 280.

⁸ Там же. Л. 280 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Известия. 1933. 14 июля.

¹¹ Подробнее о хозяйственной жизни колоний см.: *Шрадер Т. А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сентября 1998 г. / отв. ред. А. А. Герман, И. Р. Плеве. М.: Готика, 1999. С. 156–173.*

¹² Сведения представлены в издании: *Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий / редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. Т. 10. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2009. С. 61.*

В электронном виде мартиролог опубликован на сайте центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке: <http://visz.nlr.ru>.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 472. Оп. 1. Д. 679. Л. 286–286 об.

¹⁴ Память о пребывании предков в Дании до переезда в Россию в семье Шторц не сохранилась.

¹⁵ Подробнее о депортации населения немецких колоний см., напр.: *Черказьянова И. В. Ленинградские немцы в годы войны: события 1941–1942 гг. // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 7. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 321–348.*

М. В. Шкаровский

ГЛАВНЫЙ ПАСТОР ПЕТРИКИРХЕ ГЕНРИХ БЕРЕНДТС

Статья посвящена биографии одного из главных пасторов Петрикирхе в послереволюционный период Генриха Берендтса. С 1929 г. он около четырех лет также работал доцентом на Ленинградских библейских курсах и служил настоятелем Петрикирхе. Осенью 1932 г. Г. Берендтс был арестован и приговорен к трем годам ссылки в Узбекистан. В 1933–1937 гг. он служил пастором лютеранской общины Ташкента. В 1937 г. Г. Берендтс был вновь арестован и погиб в заключении.

Ключевые слова: Евангелическо-лютеранская церковь, Ленинград, немцы, Петрикирхе.

M. V. Shkarovskiy

THE MAIN PASTOR OF ST. PETER'S CHURCH HENRY BERENDS

The Article is devoted to the biography of one of the main pastors of Petrikirche in the post-revolutionary period, Heinrich Behrendts. Since 1929, he also worked for about four years as an associate Professor of the Leningrad Bible courses and served as rector of the Petrikirche. In the autumn of 1932, Berendts was arrested and sentenced to 3 years of exile in Uzbekistan. In 1933–1937 he served as pastor of the Lutheran community of Tashkent. In 1937 G. Behrendts was again arrested and died in custody.

Keywords: Evangelical Lutheran Church, Leningrad, the Germans, St. Peter's Church.

Один из главных пасторов Петрикирхе в послереволюционный период, новомученик Генрих Генрихович Берендтс служил ее настоятелем лишь около трех лет — в 1929–1932 гг., но это был важный период в истории общины. Родился он 22 июля 1892 г. в Санкт-Петербурге в зажиточной немецкой купеческой семье. После окончания гимназии в 1914–1919 гг. Генрих Генрихович учился на юридическом факультете Петроградского университета, откуда был призван в армию, и в 1919–1921 гг. служил красноармейцем 10-го и 11-го запасных стрелковых полков. В 1921 г. он вернулся в Петроград и до 1925 г. зарабатывал тем, что давал частные уроки. В 1923 г.

Генрих Берендтс женился на Хедвиг Мальмгрен, дочери служившего в Ленинграде лютеранского епископа Артура Мальмгrena. С 1925 г. он учился на Ленинградских библейских курсах (семинарии), которые успешно окончил 14 июня 1928 г.

С конца 1928 г. Генрих Берендтс в течение года стажировался у своего тестя и в 1929 г. был орденирован (посвящен в сан пастора). 17 декабря 1929 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и обучении подростков катехизису главный пастор Петрикирхе Гельмут Ганзен, приговоренный 17 сентября 1930 г. тройкой полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе к 10 годам лагерей. Во второй половине декабря 1929 г. Генрих Берендтс заменил его на посту главного священника Петрикирхе. По мере возможности он продолжил прежнюю деятельность Ганзена по катехизации подростков, хотя и был вынужден существенно ограничить ее.

С начала 1929 г. Генрих Берендтс около четырех лет также работал доцентом на Ленинградских библейских курсах, где сначала преподавал древнееврейский язык, а затем и другие предметы. К весне 1929 г. из семи ранее преподававших на курсах профессоров и доцентов осталось только четыре — епископ Артур Мальмгрен, пасторы Генрих Берендтс, Пауль Рейхерт и преподаватель немецкого языка Зеевальд. В середине 1929 г. городские власти предприняли попытку ликвидировать студенческое общежитие, реквизировав его здание. После вмешательства Ленинградского ВЦС и предъявления заключенного на 2,5 года контракта об аренде помещение разрешили сохранить за семинарией. Однако 29 января 1930 г. студентам в категоричной форме было предписано в течение 48 часов выехать из Ленинграда. Сами курсы, напротив, не могли покинуть город, так как лицензия на их деятельность распространялась только на Ленинград. Еще 18 января предписание оставить город было дано епископу Артуру Мальмгрену. Правда, ему удалось получить квартиру в считавшемся экстерриториальным доме финского консульства. Но студенты должны были покинуть свои жилые квартиры. 5 февраля Мальмгрен написал в Центральный райисполком, «что райкоммунотделом общежитие... курсов было выселено 31 января с. г. из занимаемого им помещения по Кирочной, № 8,

кв. 48/49. Общежитие курсов с инвентарем переехало на ст. Мартышкино по Балт. жел. д., Лесная улица, 20»¹.

28 выселенных учащихся нашли временное прибежище на частных квартирах в удаленной за 30 км от Ленинграда деревне. Они были вынуждены ежедневно тратить на дорогу в семинарию и обратно около четырех часов. Лишь в сентябре 1930 г. с финансовой помощью МИД Германии и Густав-Адольф-союза удалось арендовать помещение под общежитие на Песочном острове. Число выпускников 1931 г. точно неизвестно, а 1 июня 1932 г. окончили полный курс и сдали итоговые экзамены шесть человек².

С рубежа 1920–1930-х годов развернулся широкомасштабный процесс закрытия лютеранских церквей. 14 июня 1930 г. административный отдел Леноблисполкома сообщил Президиуму ВЦИК, что в городе осталось 9 лютеранских церквей, а в Ленинградском округе — 33 (из более чем 100 существовавших до революции)³.

Параллельно по нарастающей разворачивались и репрессии священнослужителей. В апреле 1931 г. по требованию МИД Германии нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов передал список 32 лютеранских пасторов, арестованных и находящихся в лагерях и ссылках, пообещав оказать влияние на ГПУ для облегчения их участия. Переданный список был сверен с имевшимися у немецкой стороны сведениями и дополнен еще 25 фамилиями. Репрессии лютеран в СССР активно освещались в немецкой прессе, хотя сообщаемые в них сведения не всегда были достоверными. Например, газета «Гамбургские новости» в феврале 1932 г. писала: «В 1930 г. были арестованы 27 пасторов, двое из них расстреляны. В Петербурге все пасторы арестованы... Мальмгрен остался совсем один... Семинария проповедников почти прекратила свою работу, ее пять студентов сосланы»⁴. Это было преувеличением, но тенденция нарастания репрессий оказалась отражена верно.

В обстановке репрессий и прямых провокаций ОГПУ между пасторами порой возникали конфликты. В частности, неприятный конфликт произошел в 1932–1934 гг. между Артуром Мальмгреном, Генрихом Берендтсом и пастором Паулем Рейхертом. Епископ совершенно определенно обвинил этого священника в связях с ОГПУ. По его мнению, именно благодаря поддержке сотрудников послед-

него, якобы поставивших ультиматум общине Петрикирхе — в случае неповиновения закрыть церковь, Пауль Рейхерт стал пастором церкви без учета результатов выборов. На это место Артур Мальмгрен планировал поставить жениха своей младшей дочери — Э. Ганефельда. В феврале 1933 г. германское генеральное консульство, озабоченное высказываниями епископа, установило наблюдение за Рейхертом и общиной Св. Петра, даже приостановив на время выплату обычной финансовой помощи приходу. Немецким консульством было установлено, что Пауль Рейхерт действительно покинул прежнее место работы — общину в Новосаратовке — без соответствующего на то разрешения церковных органов (то есть лично Мальмгrena) и что при проведении выборов пастора в приходе Св. Петра имелись нарушения.

Дело Рейхерта подвергли тщательному расследованию. Еще в сентябре 1932 г. епископ уволил пастора из числа преподавателей семинарии. Между тем Пауль Рейхерт после ареста Генриха Берендтса стал главным пастором Петрикирхе и привлек к помощи в приходе своего сына Бруно — выпускника семинарии, который, к сожалению, не получил от ее руководителя Артура Мальмгrena хорошего выпускного аттестата. Священник даже сам ординировал сына 9 апреля 1933 г. Окончательное сообщение немецкого вице-консула Пфляйдерера о результатах секретного наблюдения за Рейхертом 26 апреля 1933 г. гласило: «Противостояние между епископом и пастором обосновано, скорее всего, личной неприязнью. Даже внешне они принадлежат к разным мирам...» В ходе конфликта на сторону Пауля Рейхерта стало большинство священников Ленинграда и выпускников семинарии. В сентябре 1934 г. они даже написали жалобу на действия Мальмгrena вправление Густав-Адольф-союза. Реагируя на нее, генеральный консул Р. Зоммер в начале 1935 г. пришел к выводу, что обе стороны не свободны от вины за случившееся. Полностью этот конфликт так и не был разрешен и прекратился лишь с отъездом епископа в Германию⁵.

К этому времени Генрих Берендтс уже давно был репрессирован. Осенью 1932 г. главный пастор Петрикирхе и отец его жены, епископ Артур Мальмгрен, оказались вовлечены в уголовный про-

цесс, связанный с незаконной продажей руководством Мурманской железной дороги ворованных дров для отопления. Со склада исчезло 160 тыс. кубометров дров, из которых церковь Св. Петра и Библейские курсы купили только 12–15 тыс. Епископу удалось избежать суда благодаря содействию полпреда СССР в Германии Л. М. Хинчука. В сентябре тайный советник Криге сообщил Мальмгрену: «Какая-нибудь опасность для Вашей собственной персоны полностью исключена. Хинчук уверил, что, как ему сообщило руководство ОГПУ, к процессу Вы привлечены не будете, Вас оставят в покое, а пастор Берендтс может отделаться денежным штрафом. Он говорил также о Вас, Вашей семинарии и местных церквях с Ленинградской партийной организацией и убедительно высказывался за то, чтобы Вам оказывали больше любезности, если не сказать доброжелательности. Первый и второй секретари ему это обещали». Вероятно, эта беседа не только освободила епископа от наказания, но и помогла еще на несколько лет сохранить деятельность семинарии и части лютеранских общин Ленинградской области⁶.

Однако пастор Генрих Берендтс 5 октября 1932 г. линейным судом Мурманской железной дороги по обвинению в участии в «расхищении» дров с кооперативного склада (что реально выражалось в покупке дров для церкви) был приговорен к трем годам лагерей с конфискацией личного имущества. После подачи кассационной жалобы, в которой пастор указал, что не знал о хищении приобретенных им дров, 15 октября 1932 г. приговор был заменен тремя годами ссылки. 31 декабря того же года Генрих Берендтс вместе с женой выехал в Узбекистан и с января 1933 г. по сентябрь 1937 г. служил пастором евангелическо-лютеранской общины г. Ташкента, оставив о себе добрую память⁷.

В воспоминаниях ташкентских прихожан отмечалось: «Берендтс и его жена были приняты общиной с большой радостью и любовью. Это была интеллигентная, хорошо образованная супружеская пара, которая в общине всегда являлась примером радушия, дружелюбия и супружеской любви. Г-н Берендтс был великолепным пастором, а г-жа Берендтс — дочь епископа Мальмгрена — прекрасной органисткой. У супругов Берендтс не было детей. Как и семья Юргенсен

[прежнего пастора], Берендтсы тоже давали частные уроки для поддержания необходимого уровня жизни⁸.

Пастор Генрих Берендтс был арестован в Ташкенте в период Большого террора, в сентябре 1937 г., и приговорен местной тройкой Управления НКВД к длительному сроку заключения в лагерь. Согласно воспоминаниям, «г-жа Берендтс с трудом переносила случившееся. Рассказывали, что она в истерике билась в тюрьме, чтобы быть вместе со своим мужем»⁹. Вскоре после ареста пастора в том же 1937 г. в Ташкенте закрыли евангелическо-лютеранскую церковь. Генрих Берендтс погиб в заключении.

В важный, во многом решающий период так называемого Великого перелома конца 1920-х — начала 1930-х годов, который имел существенное значение в истории Ленинграда, Генрих Берендтс был одной из главных фигур в лютеранской общине города: служил настоятелем Петрикирхе и преподавал на Ленинградских библейских курсах. В связи с резким ужесточением советской религиозной политики в этот период он стал одной из ее первых жертв.

Библиография

Архивные источники

ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 54.

Bundesarchiv Berlin. R 4902/11244.

Литература

Воспоминания о немецкой евангелическо-лютеранской общине в Ташкенте // Евангелическо-лютеранская церковь в Ташкенте и Узбекистане: Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. Т. 1. СПб.: Журнал “Der Bote”, 1996. С. 61–70.

Евангелическо-лютеранская церковь в Ташкенте и Узбекистане: Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. Т. 1. СПб.: Журнал “Der Bote”, 1996. 158 с.

Лель И. Евангелическо-лютеранские богословские курсы в Ленинграде // Наша Церковь. 1996. № 3–5. С. 58–61.

Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917–1938). М., 1999. 305 с.

Kahle W. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938. Leiden, 1974. 257 S.

* * *

¹ ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 54. Л. 63.

² Kahle W. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938. Leiden, 1974. S. 155–156; Лель И. Евангелическо-лютеранские богословские курсы в Ленинграде // Наша Церковь. 1996. № 3–5. С. 60.

³ ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 54. Л. 7, 118.

⁴ Bundesarchiv Berlin. R 4902/11244, Bl. 5; Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917–1938). М., 1999. С. 264–266.

⁵ Kahle W. Op. cit. 135–140; Лиценбергер О. А. Указ. соч. С. 271–273.

⁶ Там же.

⁷ Лиценбергер О. А. Указ. соч. С. 267–268; Kahle W. Op. cit. 133; Евангелическо-лютеранская церковь в Ташкенте и Узбекистане: Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. Т. 1. СПб., 1996. С. 3–5.

⁸ Воспоминания о немецкой евангелическо-лютеранской общине в Ташкенте // Евангелическо-лютеранская церковь в Ташкенте и Узбекистане: Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. Т. 1. С. 62.

⁹ Там же.

E. S. Шерстенникова

НЕМЦЫ СРЕДИ ПЕРВЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ МАЭ (по данным экскурсионного журнала МАЭ, 1899–1921 гг.)

В конце XIX в. российские музеи начали работать с публикой. Основанный в 1879 г. Музей по антропологии и этнографии Императорской Академии наук открыл свои двери для широкой аудитории в начале 1890-х годов, однако активная работа с разными категориями посетителей в МАЭ началась только с 1899 г., когда он стал доступен для посещения три дня в неделю. С 1899 г. в МАЭ велись экскурсионные журналы, в которых фиксировались группы и индивидуальные высокопоставленные посетители, приходившие в музей. Одними из первых МАЭ в 1899 г. посетили несколько групп высокопоставленных немцев, в том числе юные принцессы Ольга и Мария Саксен-Альтенбургские. Мачеха принцесс, герцогиня Елена Георгиевна Мекленбург-Стрелицкая, — известная меценатка, попечительница многих учебных и богоугодных заведений. Вплоть до 1917 г. музей на постоянной основе посещали группы воспитанников и учеников заведений, находившихся под патронатом герцогини Е. Г. Мекленбург-Стрелицкой, и количество их ежегодно увеличивалось. Визит принцесс Ольги и Марии Саксен-Альтенбургских и его последствия, несомненно, повлияли на развитие музеино-педагогической деятельности в академическом музее, появление в нем категории «объяснителей» — штатных и внештатных сотрудников.

Ключевые слова: Музей антропологии и этнографии (МАЭ), Саксен-Альтенбургские, Мекленбург-Стрелицкие, Российское общество защиты женщин (РОЗЖ), просветительская работа, благотворительность.

E. S. Sherstennikova

GERMANS AS THE FIRST VISITORS TO THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY (based upon the “Museums’ Excursions Register”, 1899–1921)

At the end of the XIX c. museums in Russia started to work with the audience. The Museum of Anthropology and Ethnography was founded in 1879. It was opened to the general public in the early 1890s. However, active work with different categories of visitors in the museum began only in 1899. At that time the MAE was opened to visitors three days a week. Since 1899, “Museums’ Excursions Register” have been held at the MAE, in which groups and individual high-ranking visitors were recorded. There were several German visitors to the MAE in 1899. Two young princesses Olga and Maria Sacksen-Altenburg obviously enjoyed the museum. Their stepmother the Dutchess Elena Georgievna Mecklenburg-Strelitskaya was a well-known philanthropist, trustee of many educational and charitable institutions. After the visit of Olga and Maria Sacksen-Altenburg

until 1917, the MAE was regularly attended by the pupils and students of the institutions under the patronage of E. G. Mecklenburg-Strelitskaya. Welcoming experience undoubtedly influenced the development of pedagogical activities in this academic museum, the category of “explanators” — full-time and part-time employees — was established in the MAE.

Keywords: Museum of Anthropology and Ethnography (MAE), Saxe-Altenburg, Mecklenburg-Strelitz, Russian Society for the Protection of Women, educational work, charity.

Конец XIX в. стал временем реализации проектов по созданию в России музеев различных профилей и ведомств. Музеи, подведомственные Академии наук, занимали ведущее место в музейной сети того времени. Они являлись одновременно и научными учреждениями, и хранилищами ценных коллекций, и популяризаторами знаний среди широкой публики¹. Во второй половине XIX в. начинает формироваться взгляд на музей как просветительский и образовательный институт. Теоретическое обоснование данные идеи получат в работах русских философов Н. Ф. Федорова² и М. В. Новорусского³ уже в начале XX в. На формирование их взглядов большое влияние оказала немецкая музееведческая школа. Посещение музеев в Германии считалось одним из обязательных пунктов прохождения образовательной программы в учебных заведениях, а также важным звеном в системе внешкольного образования. Работа с посетителями признается одной из составляющих деятельности музея⁴. Эти новые идеи нашли поддержку и закрепились в российской научно-просветительской мысли.

В 1879 г. в Петербурге на базе Анatomического и Этнографического музеев Императорской Академии наук (ИАН) создается объединенный Музей по антропологии и этнографии преимущественно России (далее — МАЭ), куда добавили и собрания Египетского музея. Первая экспозиция объединенного музея была подготовлена к началу 1890-х годов. Относящийся к ведению Академии наук и являющийся научным учреждением, МАЭ открыл свои двери и для неспециалистов, и для ученых. Экспозиция Музея по антропологии и этнографии занимала всего два зала на втором этаже флигеля по Таможенному переулку⁵. Ограниченностъ выставочных площадей в первые годы работы не позволяла МАЭ развернуть широкую просветительскую работу с публикой.

Известно, что в начале 1890-х годов МАЭ был доступен для публики два раза в неделю, но не пользовался особой популярностью⁶. Публика могла осматривать музей самостоятельно, бесплатно, а сведения о предметах можно было почерпнуть из путеводителя, изданного в 1891 г. под редакцией Ф. К. Руссова⁷. В середине 1890-х годов в ведение МАЭ было передано несколько комнат в главном здании Академии наук, что позволило переместить туда часть коллекций и провести реэкспозицию. После открытия обновленной экспозиции директор МАЭ академик В. В. Радлов добился разрешения руководства Императорской Академии наук с января 1899 г. открывать МАЭ для публики уже три раза в неделю. «Опыт последних месяцев, когда Музей был открыт для публики два раза в неделю, убедил меня, что публика весьма интересуется нашим Музеем, что выражается значительным наплывом посетителей. Принимая во внимание, что при вновь утвержденных штатах нашего Музея он располагает более значительным составом служащих, я нахожу возможным и желательным с 1 января 1899 г. открыть Музей для публики три раза в неделю — по пятницам, по примеру прошлых лет, по воскресеньям и понедельникам, чтобы удовлетворить высказываемым запросам любознательной публики»⁸. Объявление об этом было напечатано в газете «Новое время»⁹. Таким образом, можно констатировать, что с 1 января 1899 г. МАЭ был открыт для публики с 12 до 15 час. по воскресеньям, понедельникам и пятницам. Для лиц, являвшихся с какой-либо специальной целью, имевших особый научный интерес, сотрудники могли открывать музей и в другие дни в рабочее время, то есть с 10.00 до 17.00 по особому запросу. В помощь посетителям для облегчения осмотра коллекций был издан новый путеводитель, который можно было приобрести в часы работы МАЭ¹⁰.

Согласно архивным документам, именно в этот период на экспозиции МАЭ начинает разворачиваться музейно-педагогическая работа. По особой заявке отдельным группам посетителей представлялась возможность осмотреть экспонаты в сопровождении объяснителя, то есть сотрудника МАЭ, который рассказывал о выставленных коллекциях и значении того или иного предмета.

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) хранится экскурсионный журнал МАЭ, который велся с 1899 по 1921 г. Экскурсионный журнал — это специальная книга, в которой ежедневно фиксировались посетители, побывавшие в МАЭ. Это были в основном группы учащихся. Особый интерес представляют имена конкретных лиц, посетивших новые залы МАЭ.

На первых страницах экскурсионного журнала указывались дата посещения, количество человек в группе, название учреждения и имя сопровождавшего экскурсантов педагога. Так как все записи на страницах сделаны разными почерками, можно предположить, что заполняли журнал сами посетители. Данный документ является важным источником в изучении истории и опыта организации работы с посетителями в МАЭ. Записи позволяют установить, в частности, основные виды учебных и образовательных заведений России, состав и количество экскурсионных групп, посещавших музей в начале XX в., проследить динамику численности посещений по сезонам и годам. Также возможно выявить закономерности повторных посещений музея, типы тематических экскурсий, заявки на которые подавали те или иные заведения в зависимости от исторической, экономической, социальной и политической обстановки в стране.

Первая запись в экскурсионном журнале МАЭ датирована 21 января 1899 г. Первыми посетителями оказались К. К. Микин и П. К. Микин из Москвы. Следующая запись датируется 23 февраля 1899 г.: музей посетили Э. П. Францов из Николаева и барон К. А. Пиллар фон Пиллау¹¹.

Далее в журнале отмечено несколько групповых посещений музея, среди которых особо важны для темы данной статьи записи от 21 марта 1899 г. В этот воскресный день МАЭ посетили 62 работницы Литейно-Рождественского отдела Общества попечения о молодых девицах¹². Девушки были участницами воскресного собрания данного общества. В типовой план работы подобных благотворительных организаций обычно включались прогулки, посещение концертов, культурные мероприятия, устраиваемые с целью социализации девушек и «ограждения их от вовлечения в разврат».

Посещение экспозиций музея рассматривалось и как получение знаний, и как воспитательный маневр, и как приятное времяпрепровождение членов общества.

В следующее воскресенье, 28 марта, посетителями МАЭ стали ученицы двух классов Александровской женской гимназии¹³.

Через несколько дней, в среду, 31 марта 1899 г., в качестве гостей в экскурсионный журнал МАЭ записаны сестры Мария и Ольга Саксен-Альтенбургские. Запись в журнале сделана латиницей: Olga von Sachsen-Altenburg, Maria von Sachsen-Altenburg¹⁴. Ольга и Мария Саксен-Альтенбургские были дочерьми принца Альберта Саксен-Альтенбургского и принцессы Марии Прусской. Их визит, несомненно, повлиял на дальнейшее развитие просветительской и экскурсионной работы Музея антропологии и этнографии.

Отец Ольги и Марии, принц Альберт Генрих Иосиф (14 апреля 1843 — 22 мая 1902), был старшим сыном принца Эдуарда Карла Вильгельма Саксен-Альтенбургского и его второй супруги, принцессы Луизы Каролины Рейсс-Шлец¹⁵. Таким образом, принц Альберт был кузеном великой княгини Александры Иосифовны, жены великого князя Константина Николаевича. В 1864 г. принц поступил на службу в прусскую армию, принимал участие в Прусско-датской войне. В 1865 г. стал офицером русской армии, поручиком лейб-гвардии Конного полка. За годы службы в России принц Саксен-Альтенбургский состоял ординарцем у командующего Кавказской армией, командовал эскадроном Нижегородского полка, служил в лейб-гвардии Гусарском полку и в 1870 г. получил звание полковника. Во время Франко-прусской войны принц Альберт служил в рядах германской армии и получил от российского императора Александра II орден Св. Георгия 4-й степени. После окончания войны принц вернулся в Россию и продолжил службу в рядах российской армии, стал командиром Гродненского гусарского полка и флигель-адъютантом Его Императорского Величества. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был ранен и за боевую отвагу получил орден Св. Владимира 3-й степени¹⁶. В 1885 г. принц Альберт покинул русскую службу и вернулся в Германию, где 6 мая 1885 г. состоялась его свадьба с вдовой принца Генриха Нидерландского, Марией Луизой Прусской.

Мать Ольги и Марии, Мария Елизавета Луиза Фредерика, родилась в Потсдаме 14 сентября 1855 г. в семье Фридриха Карла Прусского и Марии Анны Ангальт-Дессауской. 24 августа 1878 г. Мария Луиза вышла замуж за сына Вильгельма II Нидерландского и великой княжны Анны Павловны Генриха Нассауского¹⁷. Однако не прошло и пяти месяцев со дня свадьбы, как Генрих скончался. Таким образом, брак с принцем Альбертом Саксен-Альтенбургским стал для Марии Луизы вторым. 17 апреля 1886 г. у них родилась дочь Ольга Елизавета, а через два года, 6 июня 1888 г., — Мария. Спустя две недели после рождения второй дочери, 20 июня 1888 г., принцесса Мария Луиза умерла от последствий родильной лихорадки¹⁸. Спустя три года после смерти первой супруги, 13 декабря 1891 г., принц Альберт женился во второй раз. Его женой стала принцесса Елена Георгиевна Мекленбург-Стрелицкая¹⁹.

Елена Георгиевна родилась в Санкт Петербурге 16 января 1857 г. в семье герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого и великой княгини Екатерины Михайловны²⁰. Таким образом, мачеха Ольги и Марии Саксен-Альтенбургских была внучкой великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны и правнучкой императора Павла I. Елена Георгиевна получила блестящее образование. До замужества Елена Георгиевна жила в России. Мекленбург-Стрелицким принадлежал Каменноостровский дворец в Санкт-Петербурге и Китайский дворец в Ораниенбауме²¹. Однако после свадьбы большую часть года Саксен-Альтенбургские проводили за границей, в имении Серран в Мекленбурге. На лето Елена Георгиевна с падчерицами переезжала в Петербург.

Детей в браке с принцем Саксен-Альтенбургским Елена Георгиевна не имела и воспитывала своих падчериц Марию и Ольгу как родных дочерей. Она наняла для них учителя русского языка и литературы, каждый год привозила их в Россию. После смерти принца Альберта в 1902 г. Елена Георгиевна, Ольга и Мария почти все время проводили в Санкт-Петербурге.

Елена Георгиевна оказывала огромное влияние на своих падчериц. Она получила широкую известность как общественный деятель и благотворитель. Мать Елены Георгиевны, великая княгиня Екатерина Михайловна, была действительным членом и председа-

телем Императорского женского патриотического общества, возглавляла организованное в 1873 г. Ведомство учреждений великой княгини Елены Павловны, в которое входили Мариинский женский институт, Училище Св. Елены, Елизаветинская больница и другие учреждения. Екатерина Михайловна также являлась попечительницей Екатерининского женского института, Литейной школы, женских гимназий М. Н. Стоюниной и Е. М. Геда²². Литейная школа впоследствии была переименована в Школу Императорского женского патриотического общества. Благодаря активной деятельности Екатерины Михайловны Елена Георгиевна с детских лет привлекалась к благотворительности и попечительской деятельности. Меценатством и благотворительностью также занимались братья Елены Георгиевны, Георгий и Михаил. Являясь близкой родственницей российских императоров, она привлекала для благотворительности членов императорской фамилии и высокопоставленных чиновников. Еще до замужества, в 1878 г., Елена Георгиевна вступила в Женское патриотическое общество, была действительным членом совета и попечительницей Школы в память принца Петра Ольденбургского для бедного заводского населения. Именно Елена Георгиевна выступила инициатором организации при школе ремесленного класса. Также она являлась попечительницей Дома призрения бедных в память императора Александра II в Ораниенбауме. В разное время состояла попечителем Училища Св. Елены для девиц всех сословий, 2-й Васильевской школы Императорского женского патриотического общества, Ораниенбаумской городской больницы, Приюта для детей заболевших родителей и других благотворительных заведений, почетным членом Общества школьных дач для Санкт-Петербургских средних учебных заведений и Крестового благотворительного общества²³.

Итак, сестры Мария и Ольга Саксен-Альтенбургские посетили Музей по антропологии и этнографии 31 марта 1899 г. На тот момент это были юные девушки 11 и 13 лет. Как было сказано выше, до визита сестер Саксен-Альтенбургских в МАЭ побывали воспитанницы Общества попечения о молодых девицах, которое находилось под патронатом Елены Георгиевны. Впоследствии воспитанники благотворительных учреждений и школ, участие в судьбе

которых принимала герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, становятся частыми посетителями музея. Эта связь сохранялась вплоть до революционных событий 1917 г. Если просматривать экскурсионный журнал, то буквально следующая запись после посещения МАЭ Ольгой и Марией — 9 апреля 1899 г.: визит 22 воспитанниц Училища Св. Елены для девиц всех сословий²⁴. Неоднократно посещали музей воспитанники Школы принца Ольденбургского, также находящей под покровительством Елены Георгиевны²⁵.

В 1900 г. Елена Георгиевна стала одной из основательниц и председательниц Совета Российского общества защиты женщин (РОЗЖ), целью которого было «содействовать предохранению девушек и женщин от опасности быть вовлеченными в разврат иозвращение уже падших женщин к честной жизни»²⁶. Это общество имело несколько отделений и ставило своей целью не только материальную и медицинскую помощь девушкам и женщинам, но и их духовное развитие. Был организован культурный досуг, совершились прогулки за город и проводились экскурсии в музеи. 1 мая 1900 г., согласно записи в экскурсионном журнале, Сарра Аркадьевна Штернберг привела 43 воспитанницы этого комитета в МАЭ²⁷. А 2 января 1901 г. МАЭ посетили 47 человек 3-го Воскресного собрания Общества попечения о молодых девицах²⁸.

Как видим, экспозиции МАЭ и комментарий объясnitеля вполне удовлетворил гостей, потому что впоследствии экскурсанты из вышеуказанных подшефных Елене Георгиевне учреждений нередко посещали музей.

На посещаемость МАЭ повлияло изменение его официального наименования: 21 декабря 1902 г. с соизволения императора «Музей по Антропологии и Этнографии Императорской Академии наук» был переименован в «Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого»²⁹. Высокий статус императорского музея способствовал росту его популярности и привлекал влиятельных попечителей.

В годы Русско-японской и Первой мировой войн Елена Георгиевна открыла несколько лазаретов для низших чинов. Находящиеся на излечении в лазаретах также посещали Музей антропологии и этнографии.

В феврале 1920 г. Елена Георгиевна выехала за границу. Умерла она 28 августа 1936 г. в Ремплине в Германии.

Что касается сестер Ольги и Марии, то записей о том, что они когда-либо вновь посещали музей, в экскурсионных журналах МАЭ не обнаружено. В середине 1910-х годов они покинули Россию.

20 мая 1913 г. Ольга Саксен-Альтенбургская вышла замуж за Карла Фридриха фон Пюклер-Бургхауса. В этом браке на свет появились трое детей: Элла Виола, Элеонора Рената и Карл³⁰. Семейство проживало в Германии. Муж Ольги, Карл Фридрих, 1 декабря 1931 г. поступил в ряды штурмового отряда (СА), то есть стал так называемым коричневорубашечником. С 1 мая 1937 г. — бригадефюрер, 1 июля 1940 г. перешел в ряды СС. В 1942–1943 гг. Карл Фридрих занимал должность высшего руководителя СС и полиции в Центральной России, именно он был главой отрядов, ответственных за карательные операции против мирных жителей в Ленинградской, Псковской, Смоленской областях РСФСР и Беларуси. В 1945 г. К. Ф. Пюклер-Бургхаус участвовал в подавлении Пражского восстания. После разгрома Советской армией отрядов карателей совершил самоубийство³¹. В ряде интернет-источников также встречается информация, что Ольга Саксен-Альтенбургская совершила самоубийство вслед за мужем. Однако эти сведения недостоверны. Ольга скончалась 13 января 1955 г. в возрасте 68 лет.

Вторая сестра, Мария Саксен-Альтенбургская, 20 апреля 1911 г. сочеталась браком с принцем Генрихом XXXV Рейсс-Кестрицким. Брак оказался неудачным и трагическим. Несмотря на рождение дочери Марии Елены в 1912 г., Мария и Генрих развелись в апреле 1921 г. Причиной развода стал адюльтер между Генрихом XXXV и женой его брата Генриха XXXII, Марией Аделаидой³². После развода Мария Саксен-Альтенбургская большую часть времени проводила со своей мачехой, Еленой Георгиевной Мекленбург-Стрелицкой, в Ремплине.

Экскурсионный журнал МАЭ свидетельствует, что две юные немецкие принцессы, Ольга и Мария Саксен-Альтенбургские, стали одними из первых посетительниц Музея по антропологии и этнографии. Поиск информации о том, кто были эти девушки и что

привело их во вновь реконструированный МАЭ, привел к неожиданным результатам. Посещение музея принцессам явно понравилось. Их мачеха, Елена Георгиевна Мекленбург-Стрелицкая, была попечительницей многих учебно-образовательных и просветительских учреждений. Она не позволила бы своим подопечным посещать неподобающие места. Вплоть до революции 1917 г. и даже позже учащиеся вышеуказанных и других подобных заведений посещали МАЭ регулярно, и количество заявок постоянно увеличивалось. Мнение герцогини Мекленбург-Стрелицкой, организовавшей визит принцесс Ольги и Марии Саксен-Альтенбургских в академический научно-исследовательский музей, как видим, заметно повлияло на развитие МАЭ в начале XX в. Доля посетителей из богоугодных и учебных заведений Петербурга, а затем и всей России заметно возросла.

Конец XIX в. — время, когда российские музеи еще только учились организовывать работу с разными категориями посетителей. Экскурсионный журнал, тщательно заполнявшийся в МАЭ руководителями экскурсий, представляет собой уникальный исторический источник. В нем систематизирована практическая информация о структуре экспозиций МАЭ и их востребованности у публики на протяжении почти трех десятилетий, содержится перечень организаций — заказчиков экскурсий, чьи интересы учитывали объяснители (штатные, а затем и внештатные сотрудники), разрабатывавшие темы занятий на экспозициях МАЭ, но эта тема требует особого изучения.

Библиография

Архивные источники

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1903). Д. 150.

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 36.

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 52.

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 53.

Литература

Васильева Т. Е. Роль музейной педагогики в формировании целостной личности // Вестник КрасГАУ. 2007. № 4. С. 251–255.

Елисеев А. Из истории культуры: очерк. Обзор Этнографического и Антропологического Музея Императорской Академии наук. СПб.: Тип. А. Ф. Маркса, 1895. 69 с.

Маньков С. А. Саксен-Альтенбургская Е. Г. // Три века Санкт-Петербурга. Девятнадцатый век: энциклопедия. Кн. 6. СПб., 2008. С. 43–44.

Мартыненко Н. К. Цели, задачи и структура российского общества защиты женщин в начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. Вып. 4 (60). С. 35–44.

Музеееведческая мысль в России в XVIII–XX веков: сборник документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 957 с.

Путеводитель по Музею Императорской Академии наук по антропологии и этнографии. СПб.: Тип. ИАН, 1891. 70 с.

Путеводитель по Этнографическому музею Императорской Академии наук. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. ИАН, 1898. 93 с.

Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома: сб. тр. Междунар. науч. конф., 16–18 октября 2001 г. / гл. ред. Е. В. Конюхова. СПб.: Лики России, 2005. 295 с.

Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / сост. А. Г. Гачева, С. Г. Семенова. М.: Издат. группа «Прогресс», 1995. С. 370–422.

Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике. М.: Рос. ин-т культурологии, 2001. 223 с.

Интернет-источники

Альберт, принц Саксен-Альтенбургский // Большая биографическая энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/2809 Альберт (дата обращения: 15.03.2019).

Екатерина Михайловна // Энциклопедия благотворительности. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853547324> (дата обращения: 15.03.2019).

Саксен-Альтенбургский Альберт // Дом Романовых. 1613–1617 гг.: электронный иллюстрированный библиографический справочник. URL: <http://nlr.ru/refer/romanov/article.php?num=310> (дата обращения: 15.03.2019).

Helene Herzogin von Mecklenburg-Strelitz // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p11097.htm#i110962> (дата обращения: 15.03.2019).

Karl Friedrich Graf von Pückler-Burghauss // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p11097.htm#i110968> (дата обращения: 15.03.2019).

Marie Adelheid Prinzessin zur Lippe-Biesterfeld // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p11147.htm#i111462> (дата обращения: 15.03.2019).

Marie Elisabeth Luise Friederike Prinzessin von Preußen // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p10583.htm#i105824> (дата обращения: 15.03.2019).

Olga Elisabeth Carola Prinzessin von Sachsen-Altenburg // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p11097.htm#i110967> (дата обращения: 15.03.2019).

* * *

¹ Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сборник документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 239.

² Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / сост. А. Г. Гачева, С. Г. Семенова. М., 1995. С. 370–422.

³ Васильева Т. Е. Роль музейной педагогики в формировании целостной личности // Вестник КрасГАУ. 2007. № 4. С. 253.

⁴ Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике / Рос. ин-т культурологии. М., 2001. С. 13.

⁵ Путеводитель по Музею Императорской Академии наук по антропологии и этнографии. СПб.: Тип. ИАН, 1891. 70 с.

⁶ Елисеев А. Из истории культуры: очерк. Обзор Этнографического и Антропологического Музея Императорской Академии наук / Отд. отт. Из журнала «Нива». СПб.: Тип. А. Ф. Маркса, 1895. С. 3.

⁷ Путеводитель по Музею...

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 53. Л. 51–52.

⁹ Там же. Д. 52. Л. 63–66.

¹⁰ Путеводитель по Этнографическому музею Императорской Академии наук. 2-е изд. Доп. СПб.: Тип.я ИАН, 1898. 93 с.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 36. Л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Саксен-Альтенбургский Альберт // Дом Романовых. 1613–1617 гг.: электронный иллюстрированный библиографический справочник. URL: <http://nlr.ru/res/refer/romanov/article.php?num=310> (дата обращения: 15.03.2019).

¹⁶ Альберт, принц Саксен-Альтенбургский // Большая биографическая энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/2809/Альберт (дата обращения: 15.03.2019).

¹⁷ Marie Elisabeth Luise Friederike Prinzessin von Preußen // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p10583.htm#i105824> (дата обращения: 15.03.2019).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Саксен-Альтенбургский Альберт...

²⁰ Helene Herzogin von Mecklenburg-Strelitz // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p11097.htm#i110962> (дата обращения: 15.03.2019).

²¹ Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома: сб. тр. Междунар. науч. конф., 16–18 октября 2001 г. / гл. ред. Е. В. Конюхова. СПб.: Лики России, 2005. С. 36.

²² Екатерина Михайловна // Энциклопедия благотворительности. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853547324> (дата обращения: 15.03.2019).

²³ Маньков С. А. Саксен-Альтенбургская Е. Г. // Три века Санкт-Петербурга. Девятнадцатый век: Энциклопедия. Кн. 6. СПб., 2008. С. 43–44.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 36. Л. 2.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 36.

²⁶ Мартиценко Н. К. Цели, задачи и структура российского общества защиты женщин в начале XX в. // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 4 (60). С. 37.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 36. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 6.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1903). Д. 150. Л. 253.

³⁰ Olga Elisabeth Carola Prinzessin von Sachsen-Altenburg // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p11097.htm#i110967> (дата обращения: 15.03.2019).

³¹ Karl Friedrich Graf von Pückler-Burghauss // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p11097.htm#i110968> (дата обращения: 15.03.2019).

³² Marie Adelheid Prinzessin zur Lippe-Biesterfeld // Портал “The Peerage”. URL: <http://thepeerage.com/p11147.htm#i111462> (дата обращения: 15.03.2019).

**Из истории
немецких родов**

M. T. Валиев

СЕМЬЯ ГРЕВЕ — ТРИ ВЕКА В РОССИИ (XVIII–XX вв.)

В статье описана фамильная история немецкой семьи Греве, шесть поколений которой верой и правдой служили России. Потомки выходцев из Австрии достойно проявили себя на военном поприще — в роду Греве два вице-адмирала, два контр-адмирала и генерал-майор. Уже третье поколение российской ветви Греве приняло православие, а один из потомков стал архиепископом Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Публикация основана на материалах российских и зарубежных архивов, периодических изданий, справочников и монографий. В статье приведены родословная роспись Греве и краткие биографии главных персонажей фамильной истории. К сожалению, формат публикации не позволяет дать более подробное описание родовой истории Греве. Заинтересованные лица могут обратиться к автору статьи для получения дополнительной информации.

Ключевые слова: немецкая диаспора России, генеалогия, фамильная история, Греве.

M. T. Valiev

GREVE FAMILY — THREE CENTURIES IN RUSSIA (XVIII–XX)

The article tells us about the history of the German family Greve, six generations of which served Russia faithfully and loyally. The descendants of immigrants from Austria showed themselves worthily in the military field — in the Greve's family there were two vice admirals, two rear admirals and a major general. Already the third generation of the Russian branch of Greve adopted Orthodoxy, and one of their descendants became the archbishop of the ROCOR. The publication is based on archival searches in Russian and foreign archives, the study of periodicals, reference books and monographs. The article contains the genealogy of Greve and brief biographies of the main characters in the family history. Unfortunately, the publication format does not allow for a more detailed description of Greve's family history. Interested persons can contact the author of the article for more information.

Keywords: German diaspora of Russia, genealogy, family history, Greve.

Описание фамильной истории Греве базируется на проведенных автором архивных исследованиях и родословной росписи Греве. При составлении росписи автор руководствовался только документально доказанными фактами (архивные дела, адрес-календари, дворянские родословные книги, справочники и пр.). Прилагаемая роспись потомков содержит информацию о родственных связях и датах жизни персоналий (см. рис.).

Герб рода Греве¹

Родословная роспись Греве 1-е поколение

1. Богдан Иванович Греве.

2-е поколение

1.1. Иван Богданович Греве (1744–?), ротмистр. 1-я жена — Екатерина Андреевна Греве, ур. Павлинова. 2-я жена — Елизавета Александровна Греве, ур. Фере.

3-е поколение

1.1.1. Богдан Иванович Греве (1768–1813), секунд-майор. Жена — Елена Греве.

1.1.2. Александр Иванович-первый Греве (1776–?).

1.1.3. Николай Иванович Греве (1784–?). Жена — Анна Александровна Греве, ур. Змиева.

1.1.4. Екатерина Ивановна Греве (1785–?).

1.1.5. Мария Ивановна Греве (1786–?).

1.1.6. Иван Иванович Греве (1794–?). Жена — Елена Ивановна Греве, ур. Драко.

1.1.7. **Александр Иванович-второй Греве** (09.08.1796–1846, Москва). Жена — **Наталья Александровна Греве** (?–1844, Москва).

1.1.8. **Петр Иванович Греве** (17.03.1802–17.07.1867, Москва), подполковник. 1-я жена — **Матильда Греве**, ур. фон Розенбах. 2-я жена — **Антонина Антоновна Греве**, ур. Грожан.

1.1.9. **Владимир Иванович Греве** (29.07.1803–?), штабс-капитан.

1.1.10. **Анна Ивановна Греве** (~1791–?).

1.1.11. **Александра Ивановна Греве** (~1792–?).

1.1.12. **Наталья Ивановна Греве** (?–1844).

4-е поколение

1.1.1.1. **Алексей Богданович Греве** (1796–?), подполковник. Жена — **Елизавета Александровна Греве**.

1.1.1.2. **Екатерина Богдановна Греве**.

1.1.2.1. **Николай Александрович Греве** (13.10.1810–?).

1.1.2.2. **Елизавета Александровна Греве**.

1.1.3.1. **Николай Николаевич Греве** (19.09.1822–?).

1.1.3.2. **Дмитрий Николаевич Греве** (28.04.1824–?).

1.1.3.3. **Иван Николаевич Греве** (04.05.1826–?).

1.1.3.4. **Варвара Николаевна Греве** (13.05.1827–?).

1.1.3.5. **Александр Николаевич Греве** (1828–?).

1.1.3.6. **Михаил Николаевич Греве** (1830–?).

1.1.3.7. **Анна Николаевна Греве** (06.03.1832–?).

1.1.6.1. **Александр Иванович Греве** (28.12.1819–1900, Батуми), вице-адмирал. Жена — **Мария Алексеевна Греве**, ур. Григорьева (15.08.1831–?).

1.1.6.2. **Иван Иванович Греве** (1820–?), контр-адмирал. Жена — **Ольга Николаевна Греве**, ур. Кумани.

1.1.6.3. **Владимир Иванович Греве** (1823–1842).

1.1.7.1. **Александр Александрович Греве** (18.03.1826–06.05.1834, Москва).

1.1.7.2. **Софья Александровна Греве** (1827–?).

1.1.7.3. **Варвара Александровна Греве** (1828–1895).

1.1.7.4. **Алексей Александрович Греве** (15.10.1829, Москва — ?).

1.1.7.5. **Сергей Александрович Греве** (1830–?).

1.1.7.6. Елизавета Александровна Греве (24.02.1832, Москва — 1902, Москва).

1.1.7.7. Екатерина Александровна Безобразова, ур. Греве (1834—?). Муж — Иван Сергеевич Безобразов (1812—25.11.1885). Брак — ~1864.

1.1.7.8. Анна Александровна Греве (1834—?).

1.1.7.9. Николай Александрович Греве.

1.1.7.10. Ольга Александровна Греве (?—05.08.1895).

1.1.8.1. Всеволод Петрович Греве (23.08.1826, Ревель — 08.05.1860), ученый лесничий. Жена — Болеслава Иосифовна Греве, ур. Соколинская.

1.1.8.2. Роман Петрович Греве (17.11.1827—18.01.1897), контр-адмирал. 1-я жена — Елизавета Ивановна Греве, ур. Соколова (1830?—04.04.1873, Гатчина, СПб. губ.). 2-я жена — Александра Яковлевна Греве, ур. Иванова (1871—?).

5-е поколение

1.1.1.1.1. Владимир Алексеевич Греве (1824—1846).

1.1.1.1.2. Адольф Алексеевич Греве (03.05.1825—10.04.1912), генерал-майор. Жена — Людмила Павловна Греве, ур. Матюнина.

1.1.1.1.3. София Алексеевна Греве (1830—?).

1.1.1.1.4. Александр Алексеевич Греве (1832—?).

1.1.1.1.5. Елена Алексеевна Греве (1833—?).

1.1.1.1.6. Евгений Алексеевич Греве (~1840—?).

1.1.1.1.7. Людмила Алексеевна Греве (?—~1842).

1.1.6.1.1. Алексей Александрович Греве (18.08.1853, Николаев — ?), капитан-лейтенант; Закавказ. ж/д. Жена — Мария Ивановна Греве, ур. Шарова.

1.1.6.1.2. Иван Александрович Греве (18.04.1855—?), подполковник.

1.1.6.1.3. Анна Александровна Греве (01.08.1858—?).

1.1.6.1.4. Татьяна Александровна Греве (05.01.1864—?).

1.1.6.1.5. Евгения Александровна Греве (02.10.1865—?).

1.1.8.1.1. Вячеслав Всеволодович Греве (07.08.1853, Царскосельский уезд — ?). Жена — Домника Семеновна Греве.

1.1.8.1.2. Евгений Всеволодович Греве (21.10.1855—16.11.1898).

Жена — Клавдия Михайловна Греве.

1.1.8.2.1. **Николай Романович Греве** (20.02.1853–28.05.1913, Ницца), *вице-адмирал*. Жена — **Ольга Александровна Греве**, ур. **Иванова** (1870–21.09.1941, Мюнхвайлер, Германия). Брак — 29.11.1892.

1.1.8.2.2. **Георгий Романович Греве** (27.10.1856–04.09.1909, Владивосток), *капитан по адмиралтейству*. Жена — **Елизавета Иоганновна Греве**, ур. **Кресс** (~1860–?).

1.1.8.2.3. **Михаил Романович Греве** (23.01.1859–?).

1.1.8.2.4. **Юлия Романовна Греве** (13.07.1861–?).

1.1.8.2.5. **Роман Романович Греве** (16.06.1863–?), *подпоручик*.

1.1.8.2.6. **Вера Романовна Греве** (19.08.1871–?).

1.1.8.2.7. **Григорий Романович Греве** (24.03.1892, Гатчина — 27.11.1937), *лейтенант*.

1.1.8.2.8. **Евгений Романович Греве** (1893, Гатчина — 1916), *лейтенант*.

6-е поколение

1.1.1.1.2.1. **Павел Адольфович Греве** (14.02.1857–?), *педагог*.

Жена — **Ольга Ивановна Греве**.

1.1.1.1.2.2. **Елизавета Адольфовна Греве** (14.02.1857–?).

1.1.1.1.2.3. **Александр Адольфович Греве** (15.04.1858–?). Жена — **Анастасия Александровна Греве** (1863–?).

1.1.1.1.2.4. **Екатерина Адольфовна Греве** (22.12.1861–?).

1.1.1.1.2.5. **Евгения Адольфовна Соболевская**, ур. **Греве** (07.11.1867–27.01.1951, Париж). Муж — **Юрий Иеронимович Соболевский** (15.02.1891–13.03.1947, Сент-Женевьев-де-Буа, Франция).

1.1.6.1.1.1. **Александр Алексеевич Греве** (06.07.1879–19.02.1917, Киев), *полковник*.

1.1.6.1.1.2. **Владимир Алексеевич Греве** (17.07.1882, Батуми — ?).

1.1.6.1.2.1. **Иван Иванович Греве** (31.08.1888–?), *чиновник Тифлисской таможни*. Жена — **Суссания Варфоломеевна Греве** (22.05.1892–?).

1.1.6.1.2.2. **Алексей Иванович Греве** (06.02.1895, Батуми — 12.06.1983, Нью-Йорк), *архиепископ, о. Никон*.

1.1.8.1.1.1. **Надежда Вячеславовна Греве** (12.12.1879, Владикавказ — ?).

1.1.8.1.1.2. **Валентин Вячеславович Греве** (06.07.1881, Владикавказ — ?).

1.1.8.1.1.3. **Сергей Вячеславович Греве** (05.01.1883, Владикавказ — ?).

1.1.8.1.2.1. **Константин Евгеньевич Греве** (25.03.1888–?).

1.1.8.1.2.2. **Мария Евгеньевна Греве** (20.09.1889–?).

1.1.8.1.2.3. **Маргарита Евгеньевна Греве** (10.01.1891–?).

1.1.8.1.2.4. **Лидия Евгеньевна Греве** (22.12.1894–?).

1.1.8.2.1.1. **Ольга Николаевна Греве** (29.10.1892–?).

1.1.8.2.2.1. **Елизавета Георгиевна Кожеурова**, ур. Греве (1883–?).

Муж — **Лука Павлович Кожеуров** (?; Дальний Восток — ?).

1.1.8.2.2.2. **Георгий Георгиевич Греве** (26.06.1883–?), капитан 2-го ранга. Жена — **Вера Иннокентьевна Греве**, ур. Галичанина (1889–?), дочь **Иннокентия Николаевича Галичанина**. Брак — 02.11.1908.

1.1.8.2.2.3. **Маргарита Георгиевна Греве** (1887–?).

1.1.8.2.2.4. **Вера Георгиевна Греве** (1889–?).

Первым документально зафиксированным в пределах Российской империи представителем семьи Греве является Богдан Иванович Греве (шифр 1)², которого мы можем считать родоначальником рода Греве в России. О Богдане Ивановиче известно немногое — из иностранцев, поступил в Российскую службу в начале XVIII в. Предположительно был родом из Австрии. В переводе с немецкого языка фамилия «Greve» означает «граф», а также «государственный служащий или государственный чиновник», «инспектор, смотритель», «смотритель»³. Так как графский титул нигде в фамильной истории даже не упоминается, можно предположить, что этимология фамилии восходит к роду занятий на государственной службе.

Фамильная версия об австрийском происхождении рода подтверждается описанием родового герба, полученного генерал-майором Адольфом Греве. В описании герба сказано: «В золотом щите, окаймленном черною каймою, черный одноглавый орел с золотым клювом и когтями, с червленым языком и глазами, обремененный двумя скрещенными серебряными с золотыми рукоятками мечами. Что означает: черный орел — эмблему благородства и указ на то, что род вышел из Австрии, меч — все в роде Греве служили в военной службе. Щит увенчен дворянским коронованным шлемом.

*Нашилемник: возникающий черный орел с золотым клювом и червлеными глазами и языком. Намет черный с золотым. Девиз: “Век живи, век учись”, черными буквами на золотой ленте*⁴.

Единственный известный нам сын Богдана Ивановича Греве, **Иван Богданович Греве** (шифр 1.1), родился в 1744 г. и поступил в службу как вольноопределяющийся иностранец в Кирасирский военного ордена полк в 1774 г. К 1786 г. имел звание поручика. Был в походе в Польше, Бессарабии и Валахии. В 1790 г. по болезни ушел в отставку с награждением чином ротмистра. В 1794 г. был внесен в дворянство Московской губернии⁵. К сожалению, дворянское дело Греве было уничтожено при пожаре Москвы в 1812 г.⁶, и в дальнейшем у потомков возникли сложности с доказательством дворянского звания.

В двух браках Ивана Богдановича Греве с Екатериной Андреевной Павлиновой и Елизаветой Александровной Фере родились двенадцать детей. Большой проблемой при изучении генеалогии Греве стал тот факт, что и в первом, и во втором браке Ивана Богдановича Греве зафиксированы сыновья с именем Александр: **Александр Иванович-первый Греве** (1.1.2) и **Александр Иванович-второй Греве** (1.1.7)⁷. Это обстоятельство породило большое количество ошибок в архивных делах и публикациях. Возможно, Александр Иванович-второй Греве имел два или три имени, что является традиционным для евангелическо-лютеранской конфессии. К несчастью для генеалогов, имя «Александр» было выбрано как основное. Для фамильной истории наиболее важными линиями являются:

- линия секунд-майора, коллежского советника, почтмейстера Тверской губернии Богдана Ивановича Греве (1768–1813)⁸;
- линия подполковника Петра Ивановича Греве (1802–1867);
- линия Ивана Ивановича Греве (1794–?).

Богдан Иванович Греве (1.1.1) — старший сын Ивана Богдановича Греве, внук и полный тезка основателя российского рода — родился в 1768 г., к 1790 г. дослужился до звания секунд-майора. Был вписан в дворянское сословие Тверской губернии⁹. В браке Богдана Ивановича и Елены Греве родились Алексей и Екатерина. После увольнения со службы Богдан Иванович вплоть до 1813 г.

служил почтмейстером в губернской почтовой конторе Твери¹⁰, дослужился до чина коллежского советника, был награжден орденами Св. Анны 2-й ст. и Св. Владимира 4-й ст.

Петр Иванович Греве (1.1.8) родился в 1802 г. во втором браке Ивана Богдановича Греве с Елизаветой Александровной Фере, dochерью архивариуса Иностранный коллегии. Воспитывался в Морском кадетском корпусе (МКК, 1815–1820), дальнейшую службу проходил в основном в Ревеле. От начальства ежегодно аттестовался «достойным и способным. Поведения хорошего, должность свою исправляет усердно»¹¹. В 1831 г. в чине лейтенанта¹² уволился с флота на гражданскую службу. После увольнения с военной службы с награждением чином коллежского асессора был определен чиновником для особых поручений по МВД при Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий (1831), членом во Временную комиссию в Астрахани для решения дел о банковых должниках (1833), окружным лесничим в Воронежской губернии (1836), окружным лесничим в Усть-Сысольский округ (1841). В 1845 г. переименован в майоры с зачислением в Корпус лесничих. Исполнял должность губернского лесничего в Тверской (1847), Херсонской (1850) и Могилевской (1856) губерниях. За отличие по службе получил звание подполковника (1849). В 1857 г. переведен в штат петербургской полиции с зачислением по армейской пехоте, исполнял обязанности следственного пристава. В 1860 г. переведен на службу в штат московской полиции смотрителем Скотопригонного и Мытного дворов в Москве (1861)¹³. Был дважды женат. В первом браке с dochерью эстляндского помещика Матильдой Греве (ур. фон Розенбах) родились будущий ученый лесничий, преподаватель лесных наук Всеволод Петрович Греве и будущий контр-адмирал Роман Петрович Греве¹⁴. Во втором браке с dochерью отставного майора Антониной Антоновной Грожан детей не было. Петр Иванович скончался в Москве в возрасте 65 лет¹⁵. Похоронен в Донском монастыре. Важно отметить, что во всех формуллярных списках Петра Ивановича Греве указано православное вероисповедание¹⁶ — автоматически все потомки Греве по этой линии принадлежат к православной вере.

Старший сын Петра Ивановича Греве, **Всеволод Петрович Греве** (1.1.8.1), родился в Ревеле¹⁷. В 1834 г. вместе с младшим братом

Романом был определен в МКК¹⁸. Однако, в отличие от младшего брата, морская служба не привлекала Всеволода и в 1839 г. он поступил в Лесной институт¹⁹, стал ученым лесничим, преподавателем лесных наук²⁰. По окончании курса в Лесном институте в 1845 г. Всеволод был отправлен в Лисинское учебное лесничество, в 1847 г. — лесничим в Волынскую губернию, в 1849 г. — в Ковельское лесничество, в 1859 г. — в Житомирское лесничество. В 1855 г. был назначен на должность преподавателя лесных наук в Лисинском егерском училище. В 1857 г. за отличие по службе был произведен в поручики и назначен 2-м ученым лесничим. На протяжении всех лет службы аттестовался начальством как достойный и старательный служащий. Умер, состоя на службе, 8 мая 1860 г. В браке Всеволода с дочерью коллежского асессора Болеславой Соколинской родились сыновья **Вячеслав** и **Евгений**²¹.

Вячеслав Всеволодович Греве (1.1.8.1.1) был служащим на Ростово-Владикавказской железной дороге. В браке Вячеслава с дочерью фельдфебеля Нальчикской команды Семена Петровича Петрова, Домникией Семеновной, родились²² **Надежда** (1879–?), **Валентин** (1881–?) и **Сергей** (1883–?).

У **Евгения Всеволодовича Греве** (1.1.8.1.2) в браке с Клавдией Михайловной Греве появилось многочисленное потомство: **Константин** (1888–?), **Мария** (1889–?), **Маргарита** (1891–?) и **Лидия** (1894–?).

Потомки Евгения и Вячеслава, скорее всего, эмигрировали за пределы России. Связь с ними установить не удалось.

Возвращаемся к линии Петра Ивановича Греве. Будущий контр-адмирал **Роман Петрович Греве** (1.1.8.2) родился 17 ноября 1827 г. в первом браке отца с Матильдой фон Розенбах²³. В 1834 г. Петр Иванович Греве подал прошение о записи Романа и Всеволода в МКК²⁴. Роман был принят в МКК только в 1839 г.²⁵ Дальнейшее прохождение службы зафиксировано в послужных списках (ПС)²⁶: гардемарин (1845), мичман (1847), лейтенант (1852), прикомандирован к МКК (1856), преподаватель географии в МКК (1858), помощник инспектора классов (1860), капитан-лейтенант (1862), флаг-капитан учебной эскадры, (1867), капитан 2-го ранга (1870), капитан 1-го ранга (1873), переведен в 8-й флотский экипаж (1873)²⁷, контр-адмирал (1879).

Следует отметить, что командование высоко ценило Романа Петровича Греве как ведущего специалиста по теории и пароходной механике, он неоднократно командировался в Англию и Францию для изучения зарубежного опыта. Вот как характеризовался преподаватель МКК при направлении ходатайства о командировании его в Европу²⁸: «*Морского кадетского корпуса лейтенант Греве, состоя в звании преподавателя МКК по теории и пароходной механике, приглашен как основательно знающий эти предметы преподавать их в специальный класс Инженерного и Артиллерийского училища морского ведомства, просил доставить ему возможность для усовершенствования себя по части паровой механики быть командированным в Англию и Францию в летнее время. Находя, что корпусу нужны знающие преподаватели, в коих училище имеет большой недостаток, просим дозволения отправить лейтенанта Греве за границу для означенной цели.*

За время службы Роман Петрович был награжден орденами Св. Станислава 3-й (1859) и 2-й (1872) ст., Св. Анны 3-й ст. (1865).

Роман Петрович Греве был дважды женат. В браке с дочерью титулярного советника Елизаветой Ивановной Соколовой (1830–1873)²⁹ родились дети **Николай** (1853–1913), **Георгий** (1856–1909), **Михаил** (1859–?), **Юлия** (1861–?), **Роман** (1863–?) и **Вера** (1871–?).

К 1875 г. Роман Петрович овдовел. После отставки в 1879 г. здоровье его сильно пошатнулось. В медицинском свидетельстве зафиксировано: «*Почти полная потеря зрения, истощение сил, общее истощение организма, воспаление легочных путей. Не может обходиться без постоянного постороннего особого ухода*³⁰».

Не позднее 1891 г. Роман Петрович женился вторым браком на Александре Яковлевне Ивановой³¹. Во втором браке Романа Петровича родились дети **Григорий** (1892–1937) и **Евгений** (1893–1916). Скончался Роман Петрович Греве 18 января 1897 г., оставил молодую вдову с двумя детьми в возрасте четырех и пяти лет.

Сын Романа Петровича, вице-адмирал **Николай Романович Греве** (1.1.8.2.1), по чинам и наградам, безусловно, является самой значимой фигурой в фамильной истории. После короткого периода учебы в Санкт-Петербургской гимназии Карла Мая (1862–1863)³² родители определили Николая в МКК³³, который он благополучно

окончил в 1872 г. Дальнейшая служба Николая Греве отражена в его ПС³⁴: воспитанник Морского училища (1868), гардемарин (1872), мичман (1873), лейтенант (1878), капитан 2-го ранга (1888), капитан 1-го ранга (1896), контр-адмирал (1902), уволен в отставку вице-адмиралом (1907).

С 1874 по 1892 г. Николай Романович служил на Дальнем Востоке. Выполнял важные гидрографические работы, береговые и морские астрономические наблюдения, магнитные измерения в Беринговом, Охотском и Японском морях. Был помощником командира Владивостокского порта (1890), позднее — старшим офицером мореходной канонерской лодки «Кореец» (1890–1892). После перевода на Балтийское море командовал броненосцем береговой обороны «Единорог» (1892), был младшим помощником капитана Кронштадтского порта (1893–1895). В 1895 г. был вновь переведен на Тихий океан, где служил командиром мореходной канонерской лодки «Сивуч» (1895), минного крейсера «Всадник» (1895–1896), флаг-капитаном штаба командующего эскадрой (1897–1898). В 1898 г. был назначен командиром эскадренного броненосца «Петропавловск», в 1900 г. привел броненосец «Петропавловск» на Дальний Восток. После производства в контр-адмиралы (1902) был назначен командиром порта Артур (1902–1904). В начале войны по ходатайству С. О. Макарова был удален от командования портом Артур: энергичный Макаров отмечал непорядок и медлительность в портовой организации. Адмирал Алексеев назначил Греве командром Владивостокского порта (1904–1906).

В дальнейшем Н. Р. Греве служил командром Санкт-Петербургского порта (1906–1907) и 19 ноября 1907 г. был уволен в отставку с производством в вице-адмиралы.

Во время службы аттестовался в основном хорошо и отлично: «Морскую службу знает хорошо. В строевом деле сведущ весьма. Имеет особую склонность и способности к административно-портовой службе... Прекрасно нравственен, отлично воспитан, характера немного мягкого, доброго, но в достаточной степени требователен к своим подчиненным» (1899)³⁵.

«При занятии Квантуна принимал порт Артур от китайского правительства и был первым Командиром Порта. Достаточно

образован, сведущ в морском деле. Нравственен. Исполнителен. К службе относится с усердием. В своих обязанностях проявляет достаточную настойчивость и в обращении с подчиненнымиющую требовательность. Обладает решительностью и инициативой. В общении с иностранцами держит себя с необходимым тактом. Знает французский, английский, немецкий и немного японский языки» (1903)³⁶.

Служба вице-адмирала была достойно оценена отечественными и иностранными наградами: Греве был награжден орденами Св. Владимира 3-й и 4-й ст. с бантом, Св. Анны 2-й и 3-й ст., Св. Станислава 1-й ст. с мечами, 2-й и 3-й ст., Священного Сокровища 3-й ст. (японский орден), Спасителя Командорского креста (греческий орден), Золотой звезды 1-й ст. (бухарский орден), Командора Креста (камбоджийский орден).

Впрочем, отличные характеристики и достойные награды не защитили адмирала от бесконечных бюрократических тяжб, связанных с начетами по неправильному расходованию выделенных средств в период 1904–1906 гг.³⁷

После выхода в отставку Николай Романович проживал во Франции. С 27 февраля 1911 г. был церковным старостой в православном соборе Ниццы, с 22 ноября 1911 г. — внештатным консулом России в Вильфранше (Франция)³⁸. Умер 28 мая 1913 г. в Ницце от болезни сердца³⁹, похоронен там же.

В браке с дочерью статского советника Ольгой Александровной (ур. Иванова, 1870–1941) 29 ноября 1892 г. родилась единственная дочь — **Ольга** (1892–?).

Жена Николая Романовича, Ольга Александровна Греве, пережила мужа на долгие 28 лет и скончалась в возрасте 71 года в Мюнхвайлере (Münchweiler), Германия⁴⁰.

Георгий Романович Греве (1.1.8.2.1) — второй по возрасту сын Романа Петровича Греве — родился 27 октября 1856 г. и, в отличие от своего старшего брата, «прославился» отрицательными характеристиками.

15 сентября 1872 г. Георгий поступил в МКК. Во время пребывания в корпусе аттестовался отрицательно⁴¹, характеризовался как «неспособный и малоразвитый», а также «был замечен в нетрезвом

виде». В последние два года имел средний балл в поведении 5,2 (из 10). Из училища был выпущен в 1877 г. последним по выпуску. Дальнейшее прохождение службы зафиксировано в ПС⁴²: гардемарин (1877), мичман (1878), Каспийская флотилия (1878–1879), Балтийский 2-й ФЭ (1880), Ревельский полуэкипаж (1881).

В 1882 г. был арестован по делу о противоправительственной деятельности⁴³ и был «отчислен от флота»⁴⁴. Вместе с Георгием Греве по делу проходили отставной мичман Николай Николаевич Лавров, привлеченный к дознанию за революционную пропаганду среди петербургских рабочих, и однокурсник Георгия по МКК мичман Константин Иосифович Снарский. Поводом к дознанию послужили близкие отношения Греве и Снарского с Лавровым и найденные при обыске у Греве рукописи и письма, указывающие на преступное, противоправительственное направление мыслей обоих⁴⁵.

По наведенным полицией справкам оказалось, что «Георгий Греве в бытность его в Морском училище был поведения неудовлетворительного, за нетрезвое поведение как в училище, так и по выходе из оного подвергался дисциплинарным взысканиям и, кроме того, обнаружил либеральное отношение к матросам». С 17 мая по 20 июля 1882 г. Георгий Греве находился под стражей в тюрьме с содержанием в отдельной камере⁴⁶.

Можно себе представить, сколько страданий принесло отставному контр-адмиралу Роману Греве неразумное поведение сына, сколько прощений и унизительных визитов пришлось ему совершить. В конце концов отцу удалось добиться желательной амнистии: «...проживающему в гор. Гатчина отставному контр-адмиралу Роману Петровичу Греве сделано объявление, что дело по обвинению сына его, отставного мичмана Георгия Греве прекращено без всяких для него последствий»⁴⁷. Однако прошение отставного мичмана Греве о возвращении на флот удовлетворено не было.

10 октября 1882 г. Георгий Романович Греве был повенчан первым браком с лютеранкой Елизаветою Ивановною Кресс (ок. 1860 г. р.) из Ревельского уезда Эстляндской губернии, приписанной к поморью Румм⁴⁸. Интересно отметить, что Елизавета Кресс упоминается в следственном деле Романа Греве.

Позднее Георгий Романович Греве служил во Владивостокской конторе агентства Добровольного флота⁴⁹. На морской службе мичман Греве был восстановлен не ранее 1896 г. и приписан к Адмиралтейству. Видимо, отставной мичман одумался и в дальнейшем не было замечено его противозаконных настроений. От греха подальше Георгий был отправлен во Владивосток, где находился под надзором отца и старших братьев. К 1907 г. служил младшим помощником командира Владивостокского порта по строительной части, где его главной обязанностью был найм мастеровых порта⁵⁰. Аттестовался положительно: «*Познания — хорошие. Воспитан очень хорошо. Весьма дисциплинарен. Умеет хорошо себя держать. Весьма аккуратен. Религиозен. Предан семье. В работе неутомим. Понуждений не требует. Внимателен, полезен.*». Следует обратить внимание на тот факт, что с 1904 по 1906 г. командиром Владивостокского порта был старший сводный брат Георгия Романовича, контр-адмирал Николай Романович Греве. Вполне вероятно, что отец препоручил семейный надзор над провинившимся наследником более разумному старшему сыну.

Скончался Георгий Романович Греве 4 сентября 1909 г. во Владивостокском морском госпитале⁵¹. В браке Георгия Романовича Греве с Е. И. Кресс родились **Елизавета** (1884–?), **Георгий** (1883–?), **Маргарита** (1887–?) и **Вера** (1889–?).

Георгий Георгиевич Греве (1.1.8.2.2.2) родился на Камчатке 26 июня 1883 г. В 1896 г. Георгий Романович подал прошение об определении сына Георгия в МКК⁵². В 1902 г. Георгий Георгиевич окончил МКК. Дальнейшее прохождение службы: мичман (1902), вахтенный начальник на мореходной канонерской лодке «Кореец» (1902), вахтенный начальник на броненосце «Пересвет» (1903), участник Русско-японской войны (1904–1905), вахтенный начальник на крейсере «Забияка», миноносцах «Властьный», «Бесшумный» и «Скорый» (08.02–28.07.1904), участник траления рейда порта Артур (29.06–04.07.1904), командир пулеметной батареи левого края обороны порта Артур (22.09.1904), лейтенант (1905)⁵³. После сдачи порта Артур находился в плену в Японии (24.01.1905–23.01.1906), затем служил вахтенным начальником на миноносцах «Бесстрашный» и «Грозный» (1906), на Балтийский флот поступил 19 марта

1907 г., нес службу вахтенного начальника на яхте «Нева» (06.06.1907), был слушателем минных офицерских классов (08.10.1907–17.09.1908), затем переведен в Сибирскую флотилию (23.09.1908). Там Г. Г. Греве занимал должность минного офицера эскадренных миноносцев «Капитан Юрасовский» и «Бодрый» (1908–1909), затем — командира миноносцев «Скорый», «Бравый», «Бодрый» (1909–1910), командира эскадренных миноносцев «Бесшумный», «Капитан Юрасовский» (1911–1912), минного офицера 1-го разряда (1912). Получил чин старшего лейтенанта (1913), исполнял должность старшего офицера крейсера «Аврора» (1913–1915), командира роты охотников (02.12.1914). Завершил службу в чине капитана 2-го ранга (1916), занимал пост старшего производителя работ минного отдела в Главном управлении кораблестроения (01.01–15.03.1917) и младшего помощника начальника минного отдела (15.03.1917).

До октября 1917 г. Г. Г. Греве был награжден рядом орденов. Так, за самоотверженность и распорядительность при взрыве мины на Артурском рейде и спасение миноносца «Бесшумный» ему был вручен орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (18.06.1904); за охрану прохода в порт Артур и обстрел неприятельских позиций — орден Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (18.12.1904); позднее был награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (19.03.1907), а также орденом Св. Станислава 2-й ст. (30.07.1915).

За все время службы аттестовался в основном хорошо и отлично⁵⁴:

— 1902: «*Дисциплинарен. Исполнителен, аккуратен. Ревностно относится к своим обязанностям. Морскую службу любит. Здоровья среднего. Вследствие молодости еще малоопытен в морском деле, но при продолжительном плавании может сделаться хорошим морским офицером. Хорошо воспитан. Нравственен. Поведения очень хорошего. Характера доброго. С начальством почтителен, но без заискивания. Любим в кают-компании. Энергичен.*»

— 1909: «*Любовь к морю и службе — слабая, сознание долга — недостаточное, религиозен, очень любит жену и родственен. К службе пригоден при условии надзора. Имеет особое пристрастие к бегству.*»

— 1911: «Весьма способен к морской службе. Прекрасный и заботливый командир. Заботлив к своему миноносцу. В меру требователен. Достоин к движению по службе».

— 1914: «К судовой службе на боевом корабле малоспособен. Может служить по административной части на берегу. Здоровья плохого. Страдает неврастенией, как последствие нервных потрясений в войну 1904–1905 гг. и в бытность в японском плену, когда едва не сделался жертвой покушения на убийство с целью грабежа со стороны пленных нижних чинов. Среди офицеров авторитетом не пользуется».

— 1915: «Годен во всех отношениях. Отличный характер, уживчивый и твердый. Здоровья — хорошего. Очень воспитан и отлично дисциплинарен».

В приведенных выше фрагментах можно отметить любопытное столкновение полностью противоречащих друг другу характеристик, поступивших на Греве с разницей в 1–3 года. Это объяснимо, если учесть, что аттестации во многом зависели от субъективных оценок командира и личных отношений с начальником.

2 ноября 1908 г. Георгий Георгиевич Греве вступил в брак с девицей Верой, дочерью надворного советника Иннокентия Николаевича Галичанина. Отец Веры Иннокентьевны служил помощником прокурора Владивостока, был действительным членом Приморского областного статистического комитета, членом Владивостокского церковно-приходского попечительства.

После октября 1917 г. Георгий Георгиевич остался в Советской России. Приведем краткие сведения о его службе в Красном флоте⁵⁵: помощник начальника минного отдела Главного управления кораблестроения (1917), начальник тактико-технического отдела Морского генерального штаба (1919), начальник морского отдела штаба Юго-Западного фронта (07.03.1920), портовый минер Николаевского главвоенпорта (10.05.1920), наблюдающий по минной части за достройкой кораблей в Черном море (27.02.1921), флагманский минный специалист штаба начальника минной обороны Черного моря (01.02.1921). 15 февраля 1921 г. минный специалист Г. Г. Греве был направлен в распоряжение начальника минной обороны Черного и Азовского морей. Све-

дениями о дальнейшей судьбе Георгия Георгиевича Греве мы не располагаем.

Григорий и Евгений Греве, рожденные во втором браке контр-адмирала Романа Петровича, потеряли отца в раннем детстве. Все заботы по их воспитанию легли на плечи молодой вдовы, Александры Яковлевны Греве.

Григорий Романович (1.1.8.2.7) родился в Гатчине 24 марта 1892 г.⁵⁶ В 1901 г. мать определила Григория во Второе Санкт-Петербургское реальное училище (РУ). В 1905 г. после окончания четырех классов РУ он был переведен в МКК⁵⁷, но уже через год, в 1906 г., почувствовал себя «не пригодным к морской службе», и мать обратным прошением вернула Григория во Второе Санкт-Петербургское РУ⁵⁸. В МКК характеризовался как «тихий, скромный. Крайне правдив, честен. Нервный, из-за пустяков готов плакать. Очень благовоспитан»⁵⁹.

В 1908 г. Григорий окончил РУ со средним баллом 4,2, а в 1909 г. — дополнительный седьмой класс РУ, что давало право поступления в высшие учебные заведения. В 1909 г. он вновь поступил в МКК⁶⁰ и на этот раз успешно окончил его в 1913 г.

В аттестации корабельного гардемарина Григория Греве за 1913 г. сказано⁶¹: «Очень вялый. К делу относится недостаточно серьезно. Весьма скромный, тихий, застенчивый, добрый и правдивый. Старателен. Мало военный. Инициатива отсутствует. Товарищами любим. Взыскания: 31 мая — выговор за неотдание чести офицеру. Арестован домашним арестом на 2 недели за неудовлетворительное выдержание испытаний. К службе относится добросовестно, но выполняет ее боязливо и без твердости. Мало распорядителен. Воспитан. Знает английский, французский, немецкий языки. Здоровье — хорошее».

Дальнейшее прохождение службы⁶² Григорием таково: гардемарин (1909), совершил учебные плавания на крейсерах «Диана», «Аврора», учебном судне «Воин», крейсерах «Олег», «Баян» (1910–1913); корабельный гардемарин (1913); мичман на крейсере «Баян» (1914); слушатель кратких курсов по минной части в Ревеле (03.03–22.04.1915); переведен на крейсер «Олег» (02.05.1916); лейтенант (6.12.1916); старший групповой офицер 6-й дивизии Балтийского

моря (07.11.1916). В 1917 г. убыл во временный артиллерийский класс (27.11.1917). Г. Р. Греве имел награды. Так, за мужество и распорядительность, проявленные в бою с германскими крейсерами у острова Готланд, ему пожалован орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1915). Кроме того, был награжден светло-бронзовой медалью 100-летия Отечественной войны 1812 г. (1912), светло-бронзовой медалью 300-летия царствования Дома Романовых (1913), медалью в память 200-летнего юбилея Гангутской победы.

После событий октября 1917 г. Григорий Греве остался в Советской России. В личном деле от 1935 г. он излагает автобиографию со значительными купюрами и искажениями. Отец, контр-адмирал Роман Петрович Греве, превратился в преподавателя географии, исчезли родственники за границей, нет сведений о высоких чинах офицеров Греве. Мать, Александра Яковлевна Греве, записана как служащая на железной дороге⁶³.

В 1920–1921 гг. Григорий Греве был слушателем штурманских классов и штурманом на тральщиках Балтийского флота (07.1921–12.1921). Позднее был направлен на службу в Каспийское пароходство (1921), проходил сборы — штурманом на гидрографическом судне «Рулевой» (1929) и командиром тральщика (1937)⁶⁴.

Интересно отметить, что в качестве профессионального занятия до поступления на морскую службу Григорий Греве указал журналистику и переводы, а в графе национальность написал «эстонец»⁶⁵.

В Каспийском пароходстве Григорий Романович служил помощником капитана с апреля 1922 г. по сентябрь 1924 г. Позднее он окончил курсы счетоводов и работал на ленинградской фабрике одежды (1924–1930). Конечно, служба счетоводом не отвечала квалификации морского офицера, поэтому при первой же возможности Григорий Греве перевелся в Балтийское управление Морского флота. С 1931 г. служил 3-м помощником капитана ледокола «Силач» в Ленинградском торговом порту. В 1935 г. характеризовался следующим образом: «Беспартийный. Из дворян. Имеет несколько дисциплинарных взысканий по судну за халатное отношение к исполнению своих обязанностей. Инициатива отсутствует. Отношение к подчиненным — лояльное. К администрации —

вызывающее. Волевые качества не выявлены. Теоретическую подготовку имеет хорошую»⁶⁶.

4 октября 1937 г. Григорий Романович был арестован органами НКВД, а 22 ноября 1937 г. — осужден комиссией НКВД и прокуратурой СССР по ст. 58-1а-7 Уголовного кодекса РСФСР. Расстрелян 27 ноября 1937 г.⁶⁷ Сведениями о жене и детях Григория Романовича мы не располагаем. Во всех документах вплоть до ареста написано «холост».

Младший из сыновей контр-адмирала Романа Петровича Греве, **Евгений Романович Греве** (1.1.8.2.8), родился в Гатчине 27 октября 1893 г.⁶⁸ Как и его старший брат, среднее образование получил во Втором Санкт-Петербургском РУ (1903–1909)⁶⁹. В 1910 г. окончил дополнительный седьмой класс РУ. Сразу после окончания РУ поступил в МКК (1910)⁷⁰. Дальнейшее прохождение службы зафиксировано в ПС⁷¹: гардемарин (1910), учебные плавания на крейсере «Аврора», учебном судне «Воин», «Олег», «Адмирал Макаров» (1911–1913), корабельный гардемарин (14.04.1913), мичман с назначением в учебный артиллерийский отряд (05.10.1913), прикомандирован к Гвардейскому экипажу (1914), окончил минный офицерский класс (1915), лейтенант (1916).

Аттестовался преимущественно положительно⁷²:

— 1913: «Обещает быть хорошим офицером. Вполне воспитан и дисциплинирован, очень исправен, воспитан. Резвый и веселый, жизнерадостный и здоровый. Честный и правдивый. Нравственен. Добросовестен, старателен, исполнителен, распорядителен. Вследствие молодости не всегда серьезен. Морское дело любит и интересуется. Знает английский, французский, немецкий. Здоровье — хорошее».

— 1914: «Способен к судовой и строительной службе. Отличный, нравственный, мягкий характер. Крепкого здоровья. Лучше всех говорит по-французски. Знает немецкий. Понимает и объясняется на английском. Вполне старателенный офицер. Слишком молод еще и поэтому требует известного руководства. К дальнейшей службе вполне пригоден».

После начала Первой мировой войны принимал участие в боевых действиях флота на Балтике в должности группового минного

офицера 6-го дивизиона ЭМ. 27 сентября 1915 г. лейтенант Евгений Греве за мужество и распорядительность, проявленные в бою 19 июня 1915 г. с германскими крейсерами у острова Готланд, был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом; за воинскую доблесть и бесстрашие при взрывах складов мин в районе Кронштадтской мастерской был награжден орденом Св. Анны 3-й ст. 11 сентября 1916 г. за воинскую доблесть был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. В ноябре 1916 г. был представлен к награждению Георгиевским оружием. 3 декабря 1916 г. лейтенант Евгений Греве погиб при исполнении служебного долга⁷³.

В заключение считаю необходимым кратко описать еще две нисходящие линии потомков Богдана Ивановича Греве и Ивана Ивановича Греве.

После увольнения со службы **Богдан Иванович Греве** (1.1.1) вплоть до 1813 г. служил почтмейстером в губернской почтовой конторе Твери⁷⁴, дослужился до чина коллежского советника, был награжден орденами Св. Анны 2-й ст. и Св. Владимира 4-й ст.

Алексей Богданович Греве (1.1.1.1) родился в браке Богдана Ивановича Греве с Еленой Греве. В архиве Тверской области мне удалось найти дворянское дело подполковника Алексея Богдановича Греве⁷⁵, в котором он ходатайствует о внесении его в дворянскую родословную книгу вместе с детьми Адольфом, Александром, Евгением, Софьей, Еленой и Людмилою. В этом деле зафиксирована и родственная связь Алексея Богдановича Греве с Богданом Ивановичем Греве: «*Родителю моему, умершему в 1813 г. коллежскому советнику Богдану Ивановичу Греве, 15 января 1810 г. была выдана грамота, которая у меня находится как старшего в роду*»⁷⁶. Сам Алексей Богданович Греве был вписан в дворянскую книгу Твери в возрасте 13 лет в 1810 г.⁷⁷

Дальнейшая служба зафиксирована в формулярном списке: поступил на службу из 2-го кадетского корпуса во 2-ю запасную артиллерийскую бригаду прапорщиком, переведен в 12-ю конно-артиллерийскую бригаду (1812), подпоручик (1812), поручик в 4-м Бугском (Ольвиопольском) уланском полку (1818), адъютант генерал-майора Деконнора в 1-м Бугском полку (1819), штабс-ротмистр

(1820), ротмистр (1822), майор в Ольвиопольском уланском полку (1826), ротный командир в Измаильской бригаде (1834), подполковник (1835). Там же зафиксировано: «Женат на Елизавете Александровой, имеет сыновей: Владимира 15 лет, Адольфа 13 лет, Александра 7 лет и дочерей: Софию 9 лет и Елену 6 лет, которые находятся при нем»⁷⁸.

Обладатель фамильного герба генерал-майор **Адольф Алексеевич Греве** (1.1.1.1.2)⁷⁹ родился 3 мая 1825 г. Согласно ПС⁸⁰, он воспитывался в Константиновском военном училище, на службу вступил из унтер-офицеров дворянского полка, был прапорщиком 1-й Артиллерийской бригады, батарея № 1 (1844), исполнял должность квартирмейстера бригадного штаба (1848), подпоручик (1849), поручик учебной артиллерийской бригады (1851). Далее: Лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада, легкая батарея № 1 (1852), командующий батареей № 3 сводной Резервной бригады (1855), штабс-капитан (30.08.1859), помощник командира Сестрорецкого завода (26.11.1859), капитан (1860), полковник (1863), генерал-майор (1870), член Особой комиссии по преобразованию Тульского оружейного завода (25.04.1870), кавалер орденов Св. Анны 2-й ст. (1861), Св. Анны 2-й ст. (1867) с императорской короной (1865) и 3-й ст. (1858), Св. Станислава 2-й ст. с императорской короной 2-й и 3-й ст. (1856), Св. Владимира 4-й ст. (1868).

7 апреля 1871 г. Адольф Алексеевич Греве был уволен со службы по болезни с мундиром. После выхода в отставку поселился в Санкт-Петербурге. Скончался 10 апреля 1912 г. и был похоронен в Царском Селе.

В браке Адольфа Алексеевича Греве с *Людмилой*, дочерью статского советника Царскосельского дворцового правления Павла Ефимовича Матюнина, родились дети **Павел** (1857–?), **Елизавета** (1857–?), **Александр** (1858–?), **Екатерина** (1861–?), **Евгения** (1867–1951)⁸¹.

В 1885 г. Адольф Алексеевич Греве вместе с сыном, поручиком Александром Адольфовичем Греве, обратился в герольдию с прошением об изготовлении фамильного герба⁸². Прошение было удовлетворено, и герб Греве был внесен в список гербов российского дворянства⁸³.

Интерес к линии потомков **Ивана Ивановича Грeve** (1.1.6) обусловлен двумя незаурядными персонажами: участником Крымской и Русско-турецкой войн, вице-адмиралом Александром Ивановичем Грeve и архиепископом о. Никоном (в миру — Грeve Алексей Иванович).

Александр Иванович Грeve (1.1.6.1) родился 28 декабря 1819 г. В 1828 г. поступил в МКК⁸⁴. Дальнейшее прохождение службы таково: гардемарин (1839), мичман с назначением на Черноморский флот (1841), служил на шхуне «Вестовой» и корабле «Императрица Екатерина II» в Черном море (1841–1842), на пароходе «Северная Звезда» и пароходофрегате «Херсонес» ходил из Николаева в Константинополь (1843–1845), лейтенант (1846), на пароходе «Метеор» ходил по черноморским портам, после чего перевелся из Одессы в Константинополь (1851–1852), на корабле «Двенадцать Апостолов» находился на севастопольском рейде. Назначен помощником командира Черноморской роты (1854), капитан-лейтенант (1855), капитан 2-го ранга (1863), капитан 1-го ранга (1867), командир Батумского порта (1878), контр-адмирал (1880), вице-адмирал (1885)⁸⁵.

Александр Иванович участвовал в Крымской войне 1853–1855 гг. и Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. С 1878 г. был командиром Батумского порта⁸⁶, с которым теперь тесно связано его имя. Именно он стал инициатором строительства волнореза для защиты батумской гавани. В 1884 г. его трудами в соавторстве с инженером Георгом Альковичем был создан проект развития Батумского порта. В сферу интересов контр-адмирала входили работы по благоустройству и развитию Батумского ботанического сада и знаменившего Батумского бульвара.

За время службы А. И. Грeve был награжден орденами Св. Анны 3-й ст. (1852), Св. Владимира 3-й и 4-й ст. с бантом (1866), Св. Станислава 2-й ст. (1877), а также греческим орденом Спасителя Командорского креста (1878). Кроме орденов, он имел бронзовую медаль «В память войны 1853–1856 гг.», темно-бронзовую медаль «В память войны 1877–1878 гг.», крест «За службу на Кавказе» и знак отличия за 15 лет беспорочной службы.

8 июля 1885 г. Александр Грeve был уволен в отставку с производством в вице-адмиралы⁸⁷. Скончался 15 декабря 1900 г. в Батуми, где и похоронен.

Иван Александрович Греве (1.1.6.1.2) родился 18 апреля 1855 г. в браке Александра Ивановича Греве и Марии Алексеевны Греве, ур. Григорьевой (15.08.1831–?)⁸⁸. В единственном обнаруженном ПС зафиксировано⁸⁹: младший фейерверкер 1-й батареи 15-й артиллерийской бригады (1874), прикомандирован в Лейб-гвардейскую 2-ю батарею артиллерийской бригады (1875), прапорщик (1877). В дальнейшем дослужился до чина подполковника.

И наконец, сын Ивана Александровича Греве, **Алексей Иванович Греве (архиепископ Никон)**.

В результате архивных поисков и переписки с представителями РПЦЗ, Православной церкви в Америке, канцелярией Архиепископии православных русских церквей Западной Европы удалось полностью восстановить жизненный путь о. Никона.

Алексей Иванович Греве (1.1.6.1.2.2) родился 6 февраля 1895 г. в Батуми Кутаисской губернии. Происходил из потомственных дворян Херсонской губернии. Образование получил в Тифлисском Е.И.В. великого князя Михаила Николаевича кадетском корпусе (1914) и в Павловском военном училище в Петрограде (портупей-юнкер по 1-му разряду, 1915), подпоручик Лейб-гвардии Московского полка, отправлен в действующую армию на Австро-Германский фронт, в бою в ночной атаке получил удар прикладом немецкого солдата в голову с повреждением черепа, остался в строю (05.07.1915), в боях под Брест-Литовском был дважды ранен, отправлен в Петроград для операции и лечения (23.07.1915), поручик (1916), начальник полковой артиллерии (05.1916), штабс-капитан, командующий батальоном (07.1917), полковник (1917).

За время службы получил боевые ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами и бантом и Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

После раз渲ла Северо-Западной армии в декабре 1917 г. проbralся на Кавказ и в феврале 1918 г. вступил в состав Кавказской армии командром батальона Кавказского стрелкового полка. После заключения мира Грузии с Турцией в июне 1918 г. перешел в Добровольческую армию генерала Деникина, участвовал в боях на

Кубани и в Крыму, занимал должность помощника командира полка. После поражения Белой армии эвакуировался в Константинополь, позднее — в Югославию. В 1921–1922 гг. Алексей Иванович Греве служил в Государственном статистическом департаменте в Сараево, потом переехал в Бельгию, работал на военном авиационном заводе S.A.B.C.A. по апрель 1923 г.

В мае 1925 г. Алексей Греве переехал во Францию и поступил студентом в православный Свято-Сергиевский богословский институт в Париже. По инициативе студентов Алексея Греве (будущего архиепископа Никона), Константина Струве (будущего архимандрита Саввы) и Владимира Кульмана (будущего епископа Мефодия) возникло «Братство имени Преподобного Сергия Радонежского». В 1927 г. Алексей Греве был пострижен в монашество с именем Никон и рукоположен в иеродиакона. Служил в Александро-Невском кафедральном соборе в Париже. В 1928 г. окончил Свято-Сергиевский богословский институт и был рукоположен митрополитом Евлогием (Георгиевским) в сан иеромонаха. В 1928 г. направлен настоятелем в Свято-Николаевскую русскую церковь в Братиславе в Чехословакии. По отзыву митрополита Евлогия, «о. Никон с самоотверженностью отнесся к своему паstryрскому долгу, отлично повел приход, уделяя особое внимание детям: школам, детским праздникам и проч. Продолжал он и линию миссионерской деятельности о. Четверикова. Он разъезжал по Словакии, навещая своих духовных детей. И в каких подчас тяжких условиях! В 20-градусные морозы по снежным равнинам в открытых санях, в плохонькой ярске... Бесчисленные панихиды на кладбищах в морозные дни. Полное пренебрежение к своему здоровью, удобству, покою... По смерти о. А. Ельчанинова я перевел о. Никона на его место в кафедральный храм в Париже...»⁹⁰.

В 1934 г. о. Никон вернулся в Париж и был вновь приписан к Александро-Невскому кафедральному собору. В 1936 г. был возведен в сан архимандрита. В 1936 г. участвовал в освящении памятника русским воинам, павшим на французском фронте в Сент-Илер-ле-Гран (департамент Марн). Был членом епархиального совета Русского западноевропейского экзархата. Участвовал в Рус-

ском студенческом христианском движении. Читал циклы лекций о православии в приходах в предместьях Парижа⁹¹.

Во время немецкой оккупации Парижа о. Никон служил помощником митрополита Евлогия и был интернирован нацистами. После ареста нацистами архиепископа Брюссельского Александра (Немоловского) о. Никон был послан в Бельгию. После окончания войны вместе с митрополитом Евлогием вошел в подчинение Московского патриархата.

23 февраля 1946 г. в Александро-Невском соборе на ул. Дарю состоялось наречение архимандрита Никона во епископа. На следующий день, 24 февраля 1946 г., там же состоялась хиротония архимандрита Никона во епископа Сергиевского.

После смерти митрополита Евлогия в 1946 г. вместе с архиепископом Ниццким Владимиром (Тихоницким) о. Никон отказался пребывать в юрисдикции Московского патриархата и примкнул к Константинопольскому. В 1947 г. епископ Никон выехал в США. 19 сентября 1947 г. он был назначен ректором Свято-Тихоновской духовной семинарии в городе Саут-Кейнан, штат Пенсильвания. С 7 мая 1952 г. — епископ Торонтский и Канадский.

В 1959 г. епископ Никон занял место возвратившегося в США архиепископа Иринея (Бекиша) в Японии. В течение своего недолгого пребывания в Японии владыка Никон проявил себя ревностным миссионером, нестяжателем, молитвенником и постником. В личных отношениях был смирен и очень прост, принимал одинаковое участие в жизни всей паствы без разделения на красных и белых. При нем продолжилось восстановление Японской церкви из руин Второй мировой войны.

7 июня 1962 г. архиепископ Никон покинул Японию и вернулся в США, где был назначен на место помощника предстоятеля митрополии, митрополита Леонтия (Туркевича), после кончины которого в 1965 г. был переведен на Бруклинскую кафедру викарием митрополита всея Америки и Канады. К концу жизни владыка Никон был хранителем архива Православной церкви в Америке. В 1979 г. ушел на покой, после чего проживал в доме престарелых во имя святых Космы и Дамиана в Статен-Айленде (штат Нью-Йорк), где и почил 12 июня 1983 г.⁹²

Согласно завещанию епископ Никон был похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа⁹³.

На этом заканчивается рассказ о фамильной истории семьи Греве, шесть поколений которой верой и правдой служили России. Потомки выходцев из Австрии в первую очередь достойно проявили себя на военном поприще — многие из них дослужились до высоких чинов и званий. По нашей статистике, двенадцать представителей Греве служили на флоте (среди них два вице-адмирала и два контр-адмирала) и семнадцать — в армии (среди них генерал-майор и два полковника).

Вместе с тем в родовой истории Греве были и ученый лесничий Всеволод Петрович Греве, и педагог Павел Адольфович Греве, и почтмейстер Богдан Иванович Греве, и красноярский полицмейстер Александр Адольфович Греве, и помощник начальника движения Закавказской железной дороги Алексей Александрович Греве.

Упомянутый выше девиз дворянского рода Греве — «Век живи, век учись» — хорошо знаком и понятен широкому кругу читателей. Нам кажется, что эти слова прекрасно корреспондируют с деятельностью большинства героев нашего рассказа. Все они, за единственным исключением (Георгий Романович Греве (1.1.8.2.1)), отличались стремлением к знаниям, большим трудолюбием и традиционной немецкой аккуратностью в делах. Впрочем, и фронт-дер Георгий Греве с возрастом одумался и сделал вполне успешную карьеру в Адмиралтействе.

Интересно отметить, что уже третье поколение российской ветви Греве приняло православие, а один из членов семьи стал архиепископом Русской православной церкви за рубежом.

Эта статья не вместила все подробности описания истории рода Греве. Заинтересованные лица могут обратиться к автору статьи для получения дополнительной информации.

Библиография

Архивные источники

Государственный архив Тверской области

ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 367.

ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 894

Российский государственный архив Военно-морского флота

- РГАВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 83.
РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 349.
РГАВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 44.
РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 5013.
РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 5364.
РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2-2. Д. 4877.
РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3-1. Д. 1781.
РГАВМФ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 51.
РГАВМФ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 327.
РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 538.
РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 777.
РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 961.
РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. 90.
РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1305.
РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1921.
РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2788.
РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4389.
РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6621.
РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 29.
РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 549.
РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 2508.
РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3690.
РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 5735.
РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7892.
РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 8006.
РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 978.
РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 979.
РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 981.
РГАВМФ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 28.
РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 276.
РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 277.
РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 278.
РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 279.
РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 338.
РГАВМФ. Ф. 935. Оп. 4. Д. 24.
РГАВМФ. Ф. 2192. Оп. 2. Д. 296.
РГАВМФ. Ф. Р-342. Оп. 2. Д. 40.
РГАВМФ. Ф. Р-1447. Оп. 1. Д. 8.
РГАВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 296.

Российский государственный военно-исторический архив
 РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 7263.
 РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 14966.

Российский государственный исторический архив
 РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3989.
 РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3990.
 РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3993.
 РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3994.
 РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 442.
 РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1001.
 РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 69.

*Центральный государственный исторический архив
 Санкт-Петербурга*

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 414.
 ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 875.
 ЦГИА СПб. Ф. 388. Оп. 1. Д. 718.
 ЦГИА СПб. Ф. 388. Оп. 1. Д. 815.
 ЦГИА СПб. Ф. 992. Оп. 2. Д. 220.

Литература

- Адрес-календарь. СПб., 1805–1813.
- Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. Ч. 1. СПб.: Анатолия, 2013.
- Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813. Ч. 1. СПб.: ИАН, 1813.
- Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. 2-е изд. М.: Московский рабочий, 1994.
- Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 1999. Т. 2, 5.
- Общий гербовник. Ч. 4. СПб.: Гербовое отделение Департамента герольдии, 1894.
- Общий морской список. Ч. IX. Царствование Николая I. СПб., 1897.
- Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. 1949. Т. VII. № 3/4.
- Саитов В. И. Московский некрополь. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912.
- Саитов В. И. Петербургский некрополь. Т. 1. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912.
- Сборник высочайше утвержденных дипломных гербов российского дворянства, не внесенных в Общий гербовник. Ч. 4. СПб.: Гербовое отделение Департамента герольдии, 1894.

Черняевский М. П. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г.: с алфавитным указателем и приложением. Тверь, 1869.

Bahlow H. Deutsches Namen-Lexikon. 15000 Familien-und Vornamen nach Ursprung und Sinn erklärt. Bindlach: Gondrom Verlag, 1990.

Интернет-источники

Ленинградский мартриолог: 1937–1938. URL: <http://lists.memo.ru/index4.htm>.

Никон (де Греве). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Никон_\(де_Греве\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Никон_(де_Греве)).

Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/6306.html>.

* * *

¹ РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 69. Л. 267.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3989. Л. 38–39.

³ Bahlow H. Deutsches Namen-Lexikon. 15000 Familien-und Vornamen nach Ursprung und Sinn erklärt. Bindlach: Gondrom Verlag, 1990. S. 186

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 442. Л. 3.

⁵ Там же. Оп. 19. Д. 3989.

⁶ Черняевский М. П. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г.: с алфавитным указателем и приложением. Тверь, 1869. С. 48.

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3989.

⁸ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 894. Л. 1.

⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3989.

¹⁰ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813. Ч. 1. СПб.: ИАН, 1813. С. 290.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 5364.

¹² Там же.

¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3990.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 875; Ф. 992. Оп. 2. Д. 220.

¹⁵ Саитов В. И. Московский некрополь. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. С. 328.

¹⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3990.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3690.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 992. Оп. 2. Д. 220.

²⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3990.

²¹ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3690; РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. 3990.

²² Там же.

²³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 538; Ф. 406. Оп. 3. Д. 777.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3690.

²⁵ Там же. Оп. 7. Д. 981.

- ²⁶ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 777; Д. 538.
- ²⁷ РГАВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 44.
- ²⁸ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3-1. Д. 1781.
- ²⁹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 538; Саитов В. И. Петербургский некрополь. Т. 1. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. С. 670.
- ³⁰ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 29. Л. 72–79.
- ³¹ РГАВМФ. Ф. 2192. Оп. 2. Д. 296.
- ³² Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. Ч. 1. СПб.: Анатолия, 2013.
- ³³ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 5735.
- ³⁴ РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 279; Ф. 417. Оп. 4. Д. 4389.
- ³⁵ РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 279.
- ³⁶ РГАВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 83. Л. 34 об.
- ³⁷ РГАВМФ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 327.
- ³⁸ Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. 1949. Т. VII. № 3/4. С. 73.
- ³⁹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4389.
- ⁴⁰ Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 1999. Т. 2. С. 213.
- ⁴¹ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 5013.
- ⁴² Там же; Ф. 432. Оп. 5. Д. 7892.
- ⁴³ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 5013.
- ⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 349. Л. 330–330 об.; Ф. 417. Оп. 4. Д. 6621.
- ⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6621.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Л. 27.
- ⁴⁸ Там же. Л. 57.
- ⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 277.
- ⁵⁰ Там же. Л. 1, 2.
- ⁵¹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1305.
- ⁵² РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7892.
- ⁵³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 961.
- ⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 276.
- ⁵⁵ РГАВМФ. Ф. Р-1447. Оп. 1. Д. 8. Л. 25; Ф. Р-342. Оп. 2. Д. 40.
- ⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 549.
- ⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 8006; Ф. 432. Оп. 2. Д. 549.
- ⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 388. Оп. 1. Д. 718.
- ⁵⁹ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 549.
- ⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 979.
- ⁶¹ РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 338.
- ⁶² РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. 90; Ф. 935. Оп. 4. Д. 24. Л. 65–70.
- ⁶³ РГАВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 296.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ РГАВМФ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 51.

- ⁶⁶ РГАВМФ. Ф. 2192. Оп. 2. Д. 296. Л. 10.
- ⁶⁷ Ленинградский мартиролог: 1937–1938. URL: <http://lists.memo.ru/index4.htm>.
- ⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 414.
- ⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 388. Оп. 1. Д. 815.
- ⁷⁰ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 978.
- ⁷¹ РГАВМФ. Ф. 935. Оп. 4. Д. 24.
- ⁷² РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 4. Д. 278.
- ⁷³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1921. С. 200–200 об.; Ф. 481. Оп. 1. Д. 28. Л. 294.
- ⁷⁴ Адрес-календарь. СПб., 1805–1813.
- ⁷⁵ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 894.
- ⁷⁶ Там же. Л.1
- ⁷⁷ ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 367.
- ⁷⁸ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 894. Л.3.
- ⁷⁹ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 894; Ф. 59. Оп. 1. Д. 367.
- ⁸⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 7263. Л. 7–15.
- ⁸¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3994; РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 7263.
- ⁸² РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 442.
- ⁸³ Сборник высочайше утвержденных дипломных гербов российского дворянства, не внесенных в Общий гербовник. Ч. 4. СПб.: Гербовое отделение Департамента герольдии, 1894. С. 68.
- ⁸⁴ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 2508.
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3993; Общий морской список. Ч. IX. Царствование Николая I. СПб., 1897; РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1001.
- ⁸⁶ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2-2. Д. 4877.
- ⁸⁷ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2788. Л. 18–22 об.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1001.
- ⁸⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 14966. Л. 45–45 об.
- ⁹⁰ Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. 2-е изд. М.: Московский рабочий, 1994. С. 421.
- ⁹¹ Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/6306.html>.
- ⁹² Никон (де Греве). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Никон_\(де_Греве\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Никон_(де_Греве)).
- ⁹³ Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997. Т. 5. С. 132.

М. Т. Валиев, И. Л. Лейнонен

ШИТТЫ — ФАМИЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В статье описана фамильная история немецкой семьи Шитт, хорошо известной нескольким поколениям жителей Санкт-Петербурга. Выходцы из Гамбурга стали в России известными виноделами, виноторговцами, владельцами виноградников, винных и коньячных заводов и целой сети питейных заведений. Основанный в 1818 г. торговый дом «К. О. Шиттъ» к началу XX в. имел 37 винных погребов в различных районах Петербурга. После октябрьских событий 1917 г. Шитты оказались в Крыму, где у семьи были обширные владения. Глава рода был расстрелян в Севастополе в 1920 г. — российская ветвь семьи была прервана. Публикация основана на материалах российских и зарубежных архивов, периодических изданий, справочников и монографий.

Ключевые слова: немецкая диаспора России, генеалогия, фамильная история, Шитт.

M. T. Valiev, I. L. Leinonen

THE SCHUETTS — FAMILY HISTORY

The article describes the family history of the German Schuetts family, which is well known to several generations of St. Petersburg residents. Being a Natives of Hamburg, Schuetts became famous winemakers, wine merchants, owners of vineyards, wineries and cognac factories and a network of drinking establishments in Russia. Trading house "K. O. Shitt" founded in 1818, by the beginning of the 20th century had 37 wine cellars in different districts of St. Petersburg. After the October events of 1917, the Schuetts ended up in the Crimea, where the family had extensive possessions. The head of the family was shot in Sevastopol in 1920 — the Russian branch of the family was interrupted. The publication is based on archival searches in Russian and foreign archives, the study of periodicals, reference books and monographs.

Keywords: German diaspora of Russia, genealogy, family history, Schuett.

Фамильная история семьи Шитт начинается в Гамбурге. Следует отметить, что в использованных источниках информации и публикациях встречаются разные варианты написания фамилии Шитт: на русском (Шитт, Шиттъ, Шютт), немецком (Schütt) и английском (Schuett) языках. Мы используем то или иное написание фамилии в зависимости от источника информации.

Первый известный нам предок — торговец лесом Кристиан Шитт (Christian Schütt, 01.08.1721–?)¹, по информации из Государственного архива Гамбурга², в 1772–1784 гг. владел в Алтоне (ныне — район Гамбурга) участком на Гроссен Эльбштрассе (Großen Elbstraße)³. В браке Кристиана Шитта с Сюзанной Маргарет Бартельс (Susanna Marg. Bartels, 01.04.1732–?)⁴ в 1749 г. в Гамбурге родился сын Клаус Генрих (Claus Heinrich Schütt, 05.05.1749–23.02.1787), а в 1755 г. — Корнелиус Otto I (старший; Cornelius Otto I. Schütt, 03.12.1755–23.09.1818)⁵.

После получения купеческого звания Корнелиус Otto I Шитт 25 сентября 1788 г. обвенчался с вдовой своего старшего брата Клауса Генриха, уроженкой Гамбурга Анной Маргаретой Куниц (Anna Margaretha Cunitz (ошибочно Кинц — Kientz)⁶, 01.01.1763–03.06.1798).

Их первенец, Корнелиус Otto II Шитт (Cornelius Otto II. Schuett или Schütt, 11.01.1789–12.02.1865)⁷, родился 11 января 1789 г., был крещен 20 января того же 1789 г. (в «Петербургском некрополе» В. И. Сайтова дата рождения указана на год ранее: 11 января 1788 г.)⁸.

В своей книге известный исследователь истории немецкой диаспоры России профессор Э. Амбургер отмечает, что Корнелиус Otto II Шитт по линии матери, Анны Маргареты Куниц (Cunitz), приходился внуком Анне Маргарете Брандт (Anna Margaretha Brandt, 1725–1792), то есть его будущий сын Эдуард (09.01.1826–24.02.1883) являлся «четвероюродным братом своей (будущей) жены Каролины Эмилии Васильевны Брандт»⁹.

В адресных книгах старого Гамбурга за 1794 г. зафиксировано, что семья купца Корнелиуса Otto I Шитта (старшего) с шестилетним сыном-тезкой проживала по адресу: Гамбург, Нойенбург, д. 45 (Neuenburg, 45)¹⁰.

Корнелиус Otto II Шитт (младший) стал первым представителем семьи, переехавшим в Россию. К сожалению, неизвестно, когда именно он покинул родной Гамбург, но датой основания торгового дома «К. О. Шиттъ» в Петербурге, занимавшегося винной торговлей и, в частности, продажей французских вин лучшего качества через сеть «ренских» погребов, считается 1818 г.¹¹ Ренсковыми

погребами в Российской империи называли магазины, торгующие алкогольными напитками на вынос. Первоначально они предназначались для торговли зарубежными винами (само слово «ренсовый» происходит от рейнских вин), однако со временем была разрешена продажа всяких алкогольных напитков, в том числе пива, портера и меда. В отличие от многих других питейных заведений, ренсовые погреба имели право на продажу не только русских, но и иностранных напитков.

К началу XX в. семейная фирма «К. О. Шитт» насчитывала 37 винных погребов в различных районах Петербурга — на Невском, Вознесенском, Сампсониевском, Забалканском, Каменноостровском проспектах, на Миллионной, Большой и Малой Морских, Николаевской, Галерной и многих других улицах города. Создавалось впечатление, что буквально весь город отмечен рюмочными и распивочными заведениями Шитта, многие из которых располагались в самых выгодных местах — в угловых

Рис. 1. Санкт-Петербург, ул. Разъезжая, д. 1/20.
В правом нижнем углу вывеска «К. О. Шитт». Фото 1900 г.

Рис. 2. Угол Невского проспекта и Николаевской улицы (ныне — ул. Марата).
Невский, д. 73/2, сейчас — фойе станции метро «Маяковская».
Фото Карла Карловича Буллы, 1913 г.

Рис. 3. Кувшин торгового дома «К. О. Шитт». Фото 1899 г.

частях зданий. О Петербурге начала ХХ в. знатоки говорили: «В Питере все углы сШиты». И о самом владельце этих питейных заведений: «Шитт на углу приШит»¹² (рис. 1–3). Вывеску погребов в виде золотой грозди винограда упоминает в своих мемуарах М. В. Добужинский.

Вернемся к описанию фамильной истории. Корнелиус Отто II Шитт женился на уроженке Санкт-Петербурга Юлии Крол(л)ь (Julie Kroll, 02.09.1800–(28).01.1880)¹³ — дочери остзейского немца, уроженца Пярну, мастера-портного Кристиана Готлиба Крол(л)я (Christian Gottlieb Kroll, 23.09.1765–10.01.1823) и его жены Шарлотты Луизы Леман (Charlotte Luise Lehmann, 15.07.1772–29.01.1850)¹⁴. В этом браке родились девять детей¹⁵:

— Отто — умер в Киле в Германии в сумасшедшем доме (Irrenanstalt);

— Эмма (1822/1823–24.03.1854)¹⁶ — в 1841 г. вышла замуж за уроженца Любека, владельца книжного магазина Эдуарда Минлоса (Eduard Minlos, 27.08.1814–?) и стала матерью Эдуарда и Роберта Минлосов;

— Юлия — скончалась в Берлине 11 августа 1908 г.;

— Эдуард — о нем подробно рассказано ниже;

— Ольга — стала супругой Луиса (Леонтия) Цургозена (Louis Zurhosen), скончалась в Москве;

— Матильда — скончалась в Берлине;

— Николай — стал коммерсантом, скончался 10 июля 1911 г. в возрасте 77 лет¹⁷;

— Вольдемар — утонул в озере Ратценбургер Зее (Ratzenburger See);

— Адель (Adele, Аделаида) — в 1864 г. вышла замуж за псковского купца Иоганна Гитца (Johann Hitz) и уехала с ним в Псков, два ее сына позднее учились в Дерптском университете (номера зачисления 11261 и 11958)¹⁸, умерла в Баден-Бадене.

С 1827 г. Корнелиус Отто II Шитт состоял в 1-й гильдии С.-Петербургского купечества, стал потомственным почетным гражданином. На собственные средства Шитт открыл на Большеохтинском проспекте детский приют (Ochta-Kindersasyls “Schütt”), в котором «учились мальчики до 10–12 лет, девочки

до 12–14 лет, после чего юношей обучали ремеслу, а девочки помогали по хозяйству»¹⁹.

По сведениям, зафиксированным в книге Купеческой управы Петербурга на 1865 г., среди купцов 1-й гильдии числился «Шиттъ, Корнеліусъ Отто, 77 л., Пот. Поч. Гражд.; въ купеч. сост. съ 1827 г. Жит. 1 ч. 2 кв., въ собств. д. Торг. винами: 2 ч. 2 кв., въ д. Меншикова и въ соб. д. № 136; 2 ч. 3 кв., въ д. Бихнера; 2 ч. 4 кв., въ д. Одноушевского; 4 ч. 4 кв., въ д. Воронина; 3 ч. 4 кв., въ д. Мусинъ-Пушкина; Моск. ч. 3 кв., въ д. Титова; той же ч. и кв., въ доме Нимана; Лит. ч. 2 кв., въ доме Оржевского; Рожд. ч. 6 кв., въ д. Николаевой и Выбор. ч. 2 кв., въ д. Шпигеля. Имеетъ кам. дома, 1 ч. 3 кв. № 12/4, по Галерной ул. и 1 ч. 2 квар. № 436/136 по Кирпич. пер. На город. службе состоять Членомъ Коммерч. Суда, съ 1835 по 1838 г. и содержить собственнымъ иждивенiemъ Детскій Пріютъ на Больш. Охте»²⁰.

Корнелиус Отто II Шитт скончался 12 февраля 1865 г. и после отпевания в Аннен-кирхе²¹ был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. На могильном камне написано: «Шюттъ, Корнелій-Оттонъ, р. 11 января 1788 † 12 февраля 1865»²². Отметим, что в «Петербургском некрополе» В. И. Сайтова фамилия Schütt записана в немецком произношении «Шютт». Его жена, Юлия Крол(л)ь, пережила мужа на 15 лет, в 1867–1869 гг. являлась членом диаконии общины Немецкой реформатской церкви. Умерла в январе 1880 г., была отпета в Реформатской церкви²³ и похоронена рядом с мужем на Смоленском лютеранском кладбище. Могилы супругов не сохранились.

Их сын Эдуард (Eduard Schütt, 09.01.1826–24.02.1883)²⁴ после двух лет учебы в Петришуле в 1838–1840 гг. продолжил образование в гимназии Дерпта (совр. Тарту, Эстония), которую окончил в 1843 г., после чего вернулся в Санкт-Петербург и стал помогать отцу.

15 июля 1854 г. Эдуард обвенчался в Гамбурге с Каролиной Эмилией Васильевной Брандт (Caroline Emilie Brandt, 17.10.1831–30.07.1913) — дочерью архангельского купца и гамбургского консула, предпринимателя Вильгельма Вильгельмовича Брандта (Wilhelm Brandt, 25.12.1804–29.01.1857) и Паулины Катарины

(урожденной Амбургер, Pauline Katharina Amburger, 03.10.1808, С.-Петербург — 13.03.1891, Гамбург). Отметим, что у невесты на это время было 16 братьев и сестер. Эдуард и Паулина состояли в дальнем родстве с друг другом и, скорее всего, были знакомы с детства. 16 мая 1849 г. Эдуард Шитт стал восприемником у младшего брата своей будущей невесты, Альфреда Эрнста Васильевича Брандта (Alfred Ernst Brandt, 16.04.1849–17.05.1895). На следующий год после свадьбы, 21 мая 1855 г., в час дня пополудни у Эдуарда и Каролины Эмилии Шитт родилась дочь Эвелина (Eveline Schütt). Крестили ее в Анненкирхе 3 июля 1855 г.²⁵ Восприемниками были записаны дед новорожденной, купец Вильгельм Брандт (Kaufmann Wilhelm Brandt, 1804–1857), уроженец Нарвы, чиновник Министерства иностранных дел Георг Кюлевейн (Georg Kühlewein, 04.05.1824–10.09.1866), бабушка новорожденной Юлия Шитт, урожд. Крол(ль), и тетя (сестра мамы) Паулина Елизавета Самада, урожд. Брандт (Pauline Elisabeth Samada, geb. Brandt, 28.01.1833, Архангельск — 20.09.1889, С.-Петербург). В свою очередь, за месяц до крещения Юлии, 20 июня 1855 г., Эдуард Шитт был записан восприемником у самого младшего брата своей жены, Артура Васильевича Брандта (Arthur Henry Brandt, 06.05.1855–15.08.1923), последнего, 18-го ребенка в семействе Вильгельма Брандта и Паулины Катарины Амбургер.

Эвелина Шитт замуж не вышла и умерла 26 марта 1930 г. в возрасте 74 лет.

Вторым ребенком в семействе Шитт стал Эдуард, названный в честь отца. Он родился 22 октября 1856 г. и был крещен в Анненкирхе (Annenkirche) 9 января 1857 г.²⁶

Третьим ребенком в семье потомственного почетного гражданина, совладельца винной торговли «К. О. Шиттъ» Эдуарда Шитта стал Вильгельм Эдуардович Шитт, который появился на свет в восемь часов вечера 11 июля 1858 г. Крестили младенца в Анненкирхе (Annenkirche) 18 октября 1858 г.²⁷ В метрической книге в записи о крещении было указано: отец лютеранского вероисповедания, а мать — реформатского. Восприемниками были вписаны младший брат отца, купец Николай Шитт в возрасте 77 лет (Kaufmann Nikolai Schütt, 1833/34–10.07.1911), дядя матери, купец

1863. d. Schütt Juli, 8 Uhr Obenalt. -	v. Obergfleisch Ober... -	89. Schütt Wilhelm.	Eduard Schütt, Mathilde, Carolina Emilia, v. Brandt Adele, Emilie, Ella, Luise, Anna, - Amalie, Auguste, Sophie, Clara, Maria.
--	------------------------------	------------------------	---

Рис. 4. Метрическая запись о рождении Вильгельма Василия Шитта

Эдмунд Васильевич Брандт (Kaufmann Edmund Brandt, 1810–1881), и незамужние девицы — младшая сестра отца Матильда Шитт (Fräulein Mathilde Schütt) и младшая сестра матери Мери Брандт (Fräulein Meri Brandt, в замужестве Гейслер — Heissler) (рис. 4).

Менее чем через два года после рождения Вильгельма, 2 марта 1860 г., в семье Шиттов появился четвертый ребенок — сын Роберт (Robert Schütt). Крестили его 28 апреля. Восприемниками младенца были родственник Людвиг Гитшов (Ludwig Anton Joachim Gütschow, 19.12.1828–24.12.1888), женатый на сестре матери, Вильгельмине (Минне) Августе Брандт, Рихард Рёп (Richard Röhr, 1824–1882) и две незамужние девицы — сестра отца Аделия Шитт (Fräulein Adele Schütt) и Амалия Брандт (Fräulein Amalie Brandt). Не дожив до года, Роберт умер 22 февраля 1861 г.²⁸ Отпели его в Анненкирхе²⁹ и похоронили на 47-м участке Смоленского лютеранского кладбища. Его могила сохранилась³⁰ — единственная на семейном участке Шиттов (рис. 5)³¹.

25 февраля 1862 г. в семье Эдуарда Шитта родилась дочь Элла (Ella Schütt, 25.02.1862–17.08.1925, Веймар)³², которую крестили 3 мая (рис. 6). Восприемниками стали владелец водочного завода купец Александр Федорович Штрит(т)ер (Alexander Striedter, 05.04.1818–18.05.1887), маклер Людвиг Константинович Эстеррейх (Ludwig Oesterreich, 17.07.1831–03.12.1875), Амалия Амбургер, урожд. ван Бринен (Amalie Amburger, geb. van Brienen), и две незамужние девицы — Аделия Шитт (Adele Schütt) и Эмилия Гитшов (Emilie Gütschow).

И наконец, 15 сентября 1863 г. у Шиттов родился шестой и последний ребенок — Корнелиус Отто III, названный в честь деда и прадеда. Крестили его 14 октября, его восприемниками были дедушка-тезка, «купец К. О. Шитт (Kaufmann C. O. Schütt)», купец

Рис. 5. Надгробие на могиле Роберта Шитта
на Смоленском лютеранском кладбище. Фото М. Т. Валиева

1862, am fünften von Februar fünfundzwanzigster (34.) 25. Februar, geb. 10. 2. 1861.	37 <u>Schütt,</u> Ella.	Kinder: Sohn <u>Wilhelm Edward</u> <u>Schütt</u> , ex. Luf. Conffranc. Mutter: Emilie, geb. <u>Brandt</u> , d. j.
---	----------------------------	---

Рис. 6. Метрическая запись о рождении Эллы Шитт

Томас Прен (Thomas Prehn, 25.02.1820–26.10.1867) и две тети новорожденного — сестры мамы Минна (Вильгельмина) Гитшов, урожд. Брандт (Wilhelmine Auguste Gütschow, geb. Brandt, 20.07.1839–27.11.1880), и жена пастора Сара Дальтон, урожд. Брандт (Sahra Dalton, geb. Brandt, 08.12.1840–12.01.1908, Берлин)³³. Однако через два года, 21 января 1866 г., ребенок умер, всего на год пережив своего дедушку.

В 1864 г. в неполные восемь лет в приготовительный класс гимназии Карла Мая поступил старший сын семейства Шиттов, Эдуард Эдуардович. Через два года к нему присоединился его младший брат, Василий Эдуардович. Школа имела хорошую репутацию в семействе — в это же время в ней учились Брандты — двоюродные братья Шиттов со стороны матери: Альфред Васильевич Брандт (с 1856 по 1866 г.) и Артур Васильевич Брандт (с 1861 по 1872 г.), а немногим ранее — двоюродные братья Минлосы со стороны отца: Эдуард Эдуардович Минлос (с 1859 по 1864 г.) и Роберт Эдуардович Минлос (с 1859 по 1865 г.)³⁴. Шитты жили в непосредственной близости от школы К. Мая (В. О., 1-я линия, д. 56) — в доме № 36 на 1-й линии Васильевского острова, к 1869 г. переехали в дом № 4 по той же 1-й линии, где проживали вплоть до 1875 г. (рис. 7).

Рис. 7. Места проживания семьи Шитт в Санкт-Петербурге.

Фото М. Т. Валиева, 2021 г.

В 1865 г. после смерти Корнелиуса Отто II Шитта его сын, Эдуард Шитт-старший, унаследовал семейное дело и уже в 1868 г. был записан петербургским купцом 1-й гильдии: «Шиттъ, Эдуард, 43 л., Пот. Поч. Гражд.; въ куп. сост. съ 1868 г. Жит. Вас. ч. 1 уч., по 1 лин., въ д. № 4. Содержитъ винные погреба въ разныхъ частяхъ города подъ фирмой “К. О. Шиттъ”. На гор. службе не сост.»³⁵.

Старший сын Эдуарда Шитта-старшего, Эдуард Шитт-младший, покинул стены гимназии К. Мая в конце декабря 1873 г. Ему было выдано свидетельство с двумя высшими баллами по Закону Боже-му и немецкому языку, по остальным предметам стояли удовлетворительные оценки. После выхода из школы Эдуард своим поприщем избрал музыку. Отец семейства хорошо играл на виолончели и первые уроки музыки давал сыну сам. Однако выбор сына не обрадовал отца. Понадобилось вмешательство друга семьи Антона Рубинштейна, который разглядел в юноше талант музыканта, и в конечном счете отец согласился. Эдуард Эдуардович официаль-но не учился в консерватории, но брал уроки у Федора Штейна (фортепиано) и Юлия Иогансена³⁶. В его личном деле³⁷ сохранилось прошение в консерваторию от февраля 1876 г. о допуске его к экзамену на звание свободного художника по специальной игре на фортепиано. Экзамен он успешно выдержал в марте 1876 г. Занятия музыкой Эдуард продолжил в Лейпцигской консерватории у Карла Райнеке, Саломона Ядассона и Эрнста Фридриха Рихтера и в Вене у Теодора Лешетицкого³⁸.

В 1881 г. Эдуард Шитт стал главным дирижером Венского ака-демического вагнеровского общества (рис. 8). 9 мая 1883 г. Эдуард Шитт обвенчался в Вене с уроженкой австро-венгерской столицы Паулой Шлезингер (Paula Schlesinger, 07.07.1858– 02.02.1886), но через три года она умерла в итальянском Мерано. С 1892 г. композитор Эдуард Эдуардович Шитт жил на собственной вилле в Италии близ г. Мерано, посвятив себя преимущественно композиции. Среди сочинений Эдуарда Шитта можно упомянуть оперу «Сеньор Формика» (1892) по новелле Эрнста Теодора Амадея Гофмана, фор-тепианный концерт, три сюиты для скрипки и фортепиано, в том числе Carnaval-mignon, «Scènes du bal». Préludes, Suite pour piano et violon³⁹. Однако главным направлением в творчестве композитора

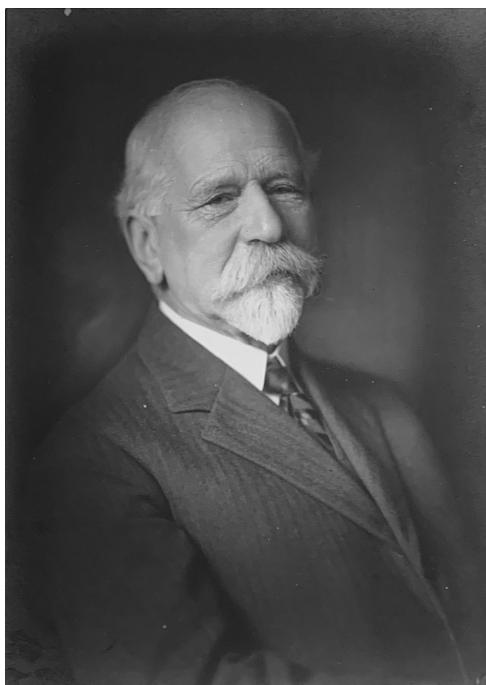

Рис. 8. Эдуард Эдуардович Шитт

были фортепианные пьесы легкого салонного характера, в том числе вариации и обработки знаменитых вальсов Иоганна Штрауса. Эдуард Шитт умер в Мерано 26 июля 1933 г.

Младший брат Эдуарда, Василий Шитт, окончил шесть классов гимназии Карла Мая в 1875 г.⁴⁰ По данным Купеческой управы Санкт-Петербурга, к этому времени семья проживала уже в собственном доме № 15 по Кадетской линии⁴¹, наискосок от своего прежнего адреса. После окончания гимназии К. Мая Василий Эдуардович активно включился в семейный бизнес по управлению сетью продажи спиртного и уже в 1885 г. был записан в купеческую гильдию Санкт-Петербурга.

Отец семейства, купец 1-й гильдии Эдуард (Корнеевич или Оттович) Шитт, скончался 24 февраля 1883 г. в возрасте 57 лет⁴². Его отпели в Немецкой реформатской церкви и похоронили на Смо-

ленском лютеранском кладбище, где уже покоились его родители и два маленьких сына. На надгробном памятнике написано: «Шюттъ, Эдуардъ, р. 9 января 1826 † 24 февраля 1883»⁴³.

Интересно отметить, что в купеческих книгах Северной столицы вплоть до последнего 1883 г. оба сына купца Шитта — Эдуард и Вильгельм (Василий) — были вписаны к отцу по месту проживания в собственном доме № 15 по Кадетской линии Васильевского острова: видимо, отец надеялся, что старший сын Эдуард вернется из Вены обратно на родину. Там же были вписаны и обе купеческие дочери — Эвелина и Элла.

По данным Купеческой управы С.-Петербурга на 1884 и 1885 гг., купчихой 1-й гильдии являлась и «Шиттъ, Эмилия-Каролина, 52 л., вдова пот. поч. гражд., вер. лютер., въ куп. съ 1884 г., а до того времени съ 1868 г. при муже. Жит. Вас. ч. 1 уч. соб. домъ № 15, по Кадетск. лин. Торг. подъ фирмою: “К. О. Шиттъ”. Сод. винные погреба: (...). При ней сын Вильгельм 25 л. и дочь Эвелина»⁴⁴. Ее младшая дочь, Элла Эдуардовна Шитт (1862–1925), к этому времени вышла замуж⁴⁵ за выпускника гимназии К. Мая 1867 г., маклера и потомственного почетного гражданина Роберта Ивановича Грубе (20.07.1850–08.08.1907)⁴⁶. И уже 6 октября 1883 г. в семействе Роберта и Эллы Грубе родился будущий золотой медалист гимназии Карла Мая Роберт Ганс Робертович Грубе (06.10.1883–13.05.1917)⁴⁷.

Василий Вильгельм Эдуардович Шитт 30 апреля 1886 г. женился на Марии (Мери) Шумахер (Mary Schuhmacher, 04.06.1862–01.12.1920)⁴⁸, и молодая семья переехала на 5-ю линию в дом № 36, где оставалась вплоть до 1891 г. Мария Шумахер являлась дочерью вильманстрандского купца Вильгельма Готтарда Шумахера (Wilhelm Gotthard Schuhmacher, 22.11.1818–04.10.1893) и Эмилии Гот (Emilie Hoth, 18.06.1828–29.05.1883, Висбаден); в свою очередь, мама Марии Шумахер, Эмилия Гот, была дочерью владельца канатной фабрики на Петровском острове Ивана Якимовича (Джона) Гота (John Hoth, 11.03.1792–07.05.1860) и Юлии Каролины Банг (Julia Karolina Bang, 04.08.1798–25.01.1847) и тетей «майских жуков», как называли себя бывшие ученики школы К. Мая, — Вильгельма Васильевича Гота (1854–1913) и Георгия Васильевича Гота. Для Марии Шумахер (двоюродной сестры упомянутых братьев Готов) брак с Василием Эдуар-

довичем Шиттом был вторым: «У Вильгельма Готгарда Шумахера, кроме бездетного и рано скончавшегося сына, было шестеро дочерей, из которых Мария Амалия в 1880 г. вышла замуж за купца Иоганна Кольбе, а после его ранней смерти (в конце 1881 г. в возрасте 25 лет) обвенчалась в 1886 г. с Вильгельмом Шиттом, главой фирмы “К. О. Шитт” и внуком Паулины Брандт, урожд. Амбургер»⁴⁹. В этом браке до начала XX в. родились два сына и несколько дочерей. Семья разрасталась и с 1892 г. уже проживала по адресу Волховский пер., д. 3. Первой в этом браке 20 марта 1887 г. родилась старшая дочь, Мери Эмилия Васильевна (Mary Emilie), называемая в семье Марицей. 14 июня 1908 г. она обвенчалась в Ораниенбауме с выпускником гимназии К. Мая 1893 г. Лео Адольфовичем Грубе (Leo Adolf Grube, 29.08.1874–15.06.1930, Рига), вернувшимся в 1906 г. из Тегерана. О венчании заранее извещалось приходами Катариненкирхи и Реформатской церкви⁵⁰. Старший сын Василий Эдуардовича Шитта, Эдуард Васильевич⁵¹, названный в честь дедушки и дяди — «австрийского композитора», родился в 1888 г., в 1896 г. был отдан в приготовительный класс гимназии К. Мая, которую окончил в 1904 г. с шестью классами Реального училища за плечами⁵². Несколько известно, он продолжил дело отца, но после начала Первой мировой войны стал офицером русской армии. В 1919 г. был арестован, но позже освобожден. Трудился главным виноделом завода Винпром Наркомата пищевой промышленности РСФСР. В 1933 г. был повторно арестован и приговорен к трем годам лишения свободы, но вскоре опять выпущен на свободу. После третьего ареста расстрелян в Курске 14 декабря 1937 г.⁵³

Его младший брат, Корнелий Отто IV Васильевич Шитт⁵⁴, родился в 1889 г. и был назван в честь гамбургского прадедушки, дедушки и рано умершего дяди. Учился в Реальном училище Карла Мая с 1898 по 1905 г. с первого по шестой классы⁵⁵, после чего избрал военную карьеру. С 1914 г. — корнет Лейб-гвардии Конногренадерского полка, старший адъютант начальника военной миссии генерала Роопа. После 1917 г. находился в рядах Добровольческой армии и Вооруженных сил юга России (ВСЮР), в период 1918–1919 гг. был помощником представителя Главнокомандующего ВСЮР при Союзном командовании в Севастополе.

В эмиграции находился во Франции (Париж) и позже, в 1928–1937 гг., в Лондоне, где стал коммерсантом⁵⁶. Умер 17 марта 1967 г. в Лондоне⁵⁷.

Про остальных детей Василия Эдуардовича и Марии Васильевны Шитт, согласно «Поколенным росписям Амбургера», известно следующее:

— дочь Нина — родилась в Петергофе 14 июня 1891 г., вышла замуж 8 марта 1914 г. за уроженца Тильзита Бернарда Пауля Луке (Bernhard Paul Lucke, 12.10.1875–1945). Супруги умерли в 1945 г. в Берлине;

— дочь Тамара — родилась в Петербурге 23 февраля 1896 г., обвенчалась в Балаклаве в Крыму 23 февраля 1919 г. с англичанином, будущим вице-адмиралом Лесли Халибертоном Эшмор (Leslie Haliburton Ashmore, 21.02.1893–10.01.1974)⁵⁸ и смогла покинуть Россию.

— дочь Кира (Kyra) — родилась в период летних отпусков, 17.06.1901 г., в Хаапсалу (Hapsal), вышла замуж за уроженца Нью-Мексико (США) Эштона Вильяма Хокинса (Ashton William Hawkins, 1895–18.05.1972). Во время Первой мировой войны Эштон Вильям Хокинс прервал учебу в Йельском колледже, поступил на военно-морскую службу США в качестве пилота гидросамолета во втором Йельском подразделении. Ему приписываются рекордное количество вылетов против подводных лодок и гидросамолетов противника. Его дважды сбивали над Северным морем. После войны Хокинс получил степень в сельскохозяйственном и механическом колледже Колорадо, планируя стать владельцем ранчо на юго-западе, но несколько лет спустя переехал в Нью-Йорк и начал карьеру специалиста по инвестициям на Уолл-стрит⁵⁹.

По записи в книге Купеческой управы Санкт-Петербурга на 1913 г. мы можем зафиксировать статус и состав семьи Вильгельма Шитта: «Шиттъ, Вильгельмъ, 54 л., Спб. 1 гильдіи купецъ. Коммерці Советникъ, потом. почетный гражд., вер. реформатск., образов. получ. въ учил. Мая, въ купеч. съ 1885 г. Жит. Вас. ч., 1 уч., по Волховск. пер., д. № 3. Торг. подъ фирмю “К. О. Шиттъ”. (...) При немъ: жена Марія, сыновья: Эдуардъ, 24 л., Корнелій-Отто 23 л. и дочери: Мери, Эмилія, Нина и Тамара»⁶⁰. Обратим внимание на

ошибку в написании двойного имени Мери Эмилии: в приведенном формате имена отделены запятой, и можно подумать, что речь идет о двух персонах — Мери и Эмилии.

Карьерный рост главы торгового дома подтверждается и записями в справочнике Санкт-Петербургской биржи: на 1896 г. «Шиттъ Василій Эдуардович» являлся «Кандидатомъ гласныхъ 1 разряда», а с 1 января 1903 г. — «Гласнымъ 1 разряда»⁶¹. В 1909 г. Василий Эдуардович Шитт стал коммерции советником⁶².

Заботясь о престиже своего дела, в марте 1910 г. В. Шитт обратился в Министерство Императорского двора с просьбой представить ему звание поставщика, но получил отказ. Повторно с этой просьбой обратился в конце года, сделав акцент на 25-летнем юбилее правления фирмой: «В течение многих лет по настоящее время я имею счастье поставлять к Высочайшему столу по заказу Гофмаршальской части разные вина и другие напитки... А также более 25 лет все употребляемое церковное вино для Дворцовой Знаменской церкви в Царском Селе»⁶³.

Следует отметить, что, согласно выпискам из книг, приложенными к прошению, фирмой было поставлено для Царскосельского госпиталя и Знаменской церкви с 1891 по 1910 г. вина и спирта на сумму 7615 руб. 13 коп., для Зимнего дворца с 1902 по 1910 г. — на сумму 20 254 руб. 95 коп.⁶⁴ В декабре 1910 г. на основании представленных бумаг В. Шитту было пожаловано звание поставщика⁶⁵.

В конце июля 1913 г. в возрасте 81 года умерла мать Василия Эдуардовича Шитта, Эмилия Васильевна Брандт (Caroline Emilie Brandt, 17.10.1831–30.07.1913), до конца своих дней проживавшая в собственном доме № 15 по Кадетской линии Васильевского острова.

После октябрьских событий 1917 г. Шитты оказались в Крыму, где у семьи были обширные владения — виноградники, коньячный завод и склады⁶⁶ (рис. 9). Позднее к родителям присоединился младший сын, Корнелий Васильевич Шитт, который, напомним, занимал пост помощника представителя Главнокомандующего ВСЮР при Союзном командовании в Севастополе.

Василий Эдуардович Шитт был расстрелян в Севастополе 1 декабря 1920 г.⁶⁷

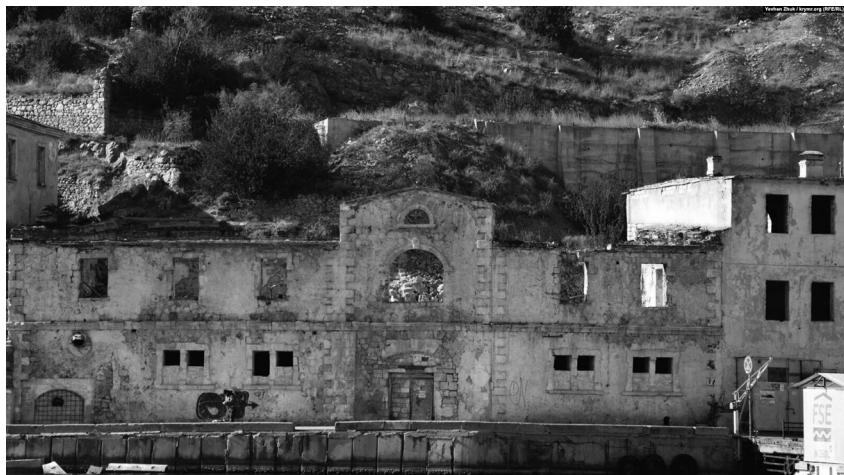

Рис. 9. Крым, Балаклава.
Бывшие винно-коньячные склады торгового дома «К. О. Шитт»

Можно добавить, что в Санкт-Петербурге проживали и другие Шитты, родство с которыми исследуемой линии Шиттов пока не подтверждено. Особое внимание привлекает уроженец Гамбурга Отто Детлев Шитт (Otto Detleff Heinrich Schütt, 22.11.1833–26.02.1896), который лишь в 1858 г. — в возрасте 24–25 лет — прибыл в Санкт-Петербург и, по данным Купеческой управы на 1865 г., числился купцом 2-й гильдии «Шюттом»: «Шютть, Отто Детловъ, 31 г., Гамбур. урожд.; въ купеч. сост. съ 1860 г. Жит. 4 ч. 2 кв., въ д. Смирнова, по Екатерингоф. пр. Содерж. винный погребъ. На городской службе не состояль»⁶⁸. По возрасту он годился в племянники Корнелиусу Отто Шитту и в двоюродные братья Эдуарду Шитту-старшему и Василию Шитту, но мог быть и просто однокровным братом. Был дважды женат, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. Первой его женой с 1864 г. была Эмма Нетцер (Emma Netzer, 02.08.1830–10.05.1888), второй (с 1889 г.) — Аделаида Мария Карловна Юргенсон (Adelaida Maria Helene Jürgenson), проживавшая перед революцией 1917 г. на Васильевском острове.

Подошел к концу наш рассказ о двухвековой истории немецкой семьи Шитт, представители которой связали свою жизнь с Россией.

В очередной раз мы вынуждены свидетельствовать, что не нашли потомков этого семейства в пределах нашего Отечества. Скорее всего, российская ветвь этой семьи была прервана в 1920 г. Попытки установить связь с потомками, проживающими за пределами России, пока тоже не увенчались успехом. Надеемся, что наша публикация найдет отклик в Германии, Австрии, Великобритании и США, где теряются следы славной семьи виноторговцев.

Библиография

Архивные источники

Российский государственный исторический архив

- РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 30.
- РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 81.
- РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 97.
- РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 114.
- РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 122.
- РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 128.

Центральный государственный исторический архив

Санкт-Петербурга

- ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 4551.

Прочие архивы

Staatsarchiv Hamburg (StAHH). 424-2 III a 5. № 3, fol. 224; III a 13 C, fol. 138, 284 u. III a 13 C III, fol. 31.

Ulrike Lange-Basman «Schiffbaumeister in Altona vom 17. bis zum 19. Jahrhundert» // Deutsches Schiffahrtsarchiv. № 35. S. 113–143.

Опубликованные источники

Поколенные росписи и другие генеалогические материалы из собрания Эрика Амбургера, относящиеся к выходцам из-за границы и их российским потомкам. РНБ. Литера S.

- С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1861. 5 марта. № 10.
- С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1865. 28 февраля. № 9.
- С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1880. 3 февраля. № 5.
- С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1882. 14 ноября. № 47.
- С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1883. 13 марта. № 11.
- С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1886. 27 апреля. № 17.
- С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1908. 18 мая. № 20.

Справочная книга для купцов на 1869 г. СПб.: Тип. Ю. Вигандта, 1869.

Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, получивших свидетельства и билеты на право торговли и промыслов в 1885 г. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1885.

Справочная книга о лицах, получивших купеческие свидетельства и билеты в 1875 г. СПб.: тип. Ю. Вигандта, 1875.

Справочная книга о лицах, получивших на 1865 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям / сост. И. А. Глазов. СПб.: Тип. при Канцелярии С.-Петерб. воен. генерал-губернатора, 1865.

Справочная книга С.-Петербургской купеческой управы на 1913 г. СПб.: Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1913.

Album Academicum der kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von Arnold Hasselblatt, Dorpat, und Dr. Gustav Otto, Mitau. Тартуский государственный университет. Тарту. Ülikooli üliopilaskonna Teatmik. Album Academicum Universitatis Tartuensis / Red. R. Kleis. Dorpat, 1889.

Литература

Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. Историческая хроника. Ч. 2: 1918–2006. СПб.: Анатолия, 2013.

Валиев М. Т., Лейнонен И. Л. Школа К. Мая и Смоленское лютеранское кладбище в Санкт-Петербурге // Карл Иванович Май и его Петербургская школа / сост. Н. В. Благово. СПб.: Серебряный век, 2020. С. 157–187.

Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 4.

Столбова Н. П. Охта: из истории образовательных учреждений. М.: Центрполиграф, 2008.

Тимофеев А. Г. История Санкт-Петербургской биржи. СПб.: Изд. С.-Петерб. бирж. комитета, 1903. Приложение.

Шютт, Эдуард // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефроня: в 86 т. Т. XL: Шуйское–Электровозбудимость. СПб., 1904. С. 37.

Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands. Die Familie Amburger in Sankt-Petersburg 1770–1920. Wiesbaden, 1986.

Amburger E. Die Familie Brandt. Hamburg; Archangelsk; St. Petersburg; London: Groitzsch, 1937.

Leinonen R., Voigt E. Deutsche in St. Petersburg. Ein Blick auf den Deutschen evangelisch-lutherischen Smolenski-Friedhof und in die europäische Kulturgeschichte. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998.

Интернет-источники

Адресная книга Гамбурга на 1794 г. URL: <https://adressbuecher.genealogy.net/addressbook/entry/547485b61e6272f5d26c6d28>.

Василий Эдуардович Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43319>.

Жук Е. Пережившие войны: старые дома Балаклавы. URL: <https://ru.krymr.com/a/perezhyvshie-vojny-starye-doma-balaklavы-chast-5/30529144.html>.

Занимательный Петербург. URL: <http://petersburglike.ru/2017-12-15/v-peterburge-vse-ugly-sshity/>.

Клаус Генрих Шитт. URL: https://www.myheritage.com/names/claus_sch?lang=RU#%12tt?lang=RU.

Корнелий Васильевич Шитт. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3452.

Корнелиус Отто II Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43302>.

Кристиан Готлиб Кроль. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=70840>.

Ленинградский мартиролог. Т. 6. URL: <http://visz.nlr.ru/person/book/t6/26/30>.

Николай Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43312>.

Про пиво Российской империи. URL: http://www.rupivo.ru/about_factory.php?id=95.

Р. И. Грубе. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=925.

Р. Р. Грубе. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=926.

Тамара Васильевна Лесли, ур. Шитт. URL: <https://www.geni.com/people/Leslie-Ashmore/6000000038203512395>.

Участники Белого движения в России. URL: <https://xn--90adhkb6ag0fxn-p1ai/arhiv/uchastniki-grazhdanskoy-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-shi-shyu.html>.

Шютт Эдуард. URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Eduard_Schütt_\(Komponist\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Eduard_Schütt_(Komponist)).

Эдуард Васильевич Шитт. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3453.

Эдуард Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43303>.

Эльман В. Поставщики вин, шампанского и других напитков, а также табака к Императорскому и Великокняжеским дворам. URL: <https://www.tzar.ru/en/node/547>.

Эмма Шитт. URL: <https://familysearch.org/ark:/61903/1:1:XTFJ-9WT>.

Юлия Кроль. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=70843>.

* * *

¹ Клаус Генрих Шитт. URL: https://www.myheritage.com/names/claus_sch?lang=RU#%12tt?lang=RU.

² Staatsarchiv Hamburg (StAHH). 424-2 III a 5, № 3, fol. 224; III a 13 C, fol. 138, 284 u. III a 13 C III, fol. 31.

³ Ulrike Lange-Basman «Schiffbaumeister in Altona vom 17. bis zum 19. Jahrhundert» // Deutsches Schifffahrtsarchiv. № 35. S. 113–143.

⁴ Поколенные росписи и другие генеалогические материалы из собрания Эрика Амбургера, относящиеся к выходцам из-за границы и их российским потомкам. Литера S. (Далее — Поколенные росписи. Амбургер...)

- ⁵ Amburger E. Die Familie Brandt. Hamburg; Archangelsk; St. Petersburg; London: Groitzsch, 1937. S. 28–29. (Амбургер Э. Н. Семейство Брандт. Гамбург; Архангельск; СПб.; Лондон: Изд-во Groitzsch, 1937. С. 28–29.)
- ⁶ Корнелиус Отто II Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43302>.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 4. С. 616.
- ⁹ Amburger E. Die Familie Brandt. S. 29.
- ¹⁰ Адресная книга Гамбурга на 1794 год. URL: <https://adressbuecher.genealogy.net/addressbook/entry/547485b61e6272f5d26c6d28>.
- ¹¹ Про пиво Российской империи. URL: http://www.rupivo.ru/about_factory.php?id=95.
- ¹² Занимательный Петербург. URL: <http://petersburglike.ru/2017-12-15/v-peterburge-vse-ugly-sshity/>.
- ¹³ Юлия Кроль. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=70843>.
- ¹⁴ Кристиан Готлиб Кроль. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=70840>.
- ¹⁵ Поколенные росписи. Амбургер ... Литера S.
- ¹⁶ Эмма Шитт. URL: <https://familysearch.org/ark:/61903/1:1:XTFJ-9WT>.
- ¹⁷ Николай Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43312>.
- ¹⁸ Album Academicum der kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von Arnold Hasselblatt, Dorpat, und Dr. Gustav Otto, Mitau. Тартуский государственный университет. Тарту. Ülikooli üliopilaskonna Teatnik. Album Academicum Universitatis Tartuensis / red. R. Kleis. Dorpat, 1889. S. 790. № 11261; S. 818. № 11958. (Академический альбом Дерптского университета. 1889. С. 790. № 11261; С. 818. № 11958).
- ¹⁹ Столбова Н. П. Охта: из истории образовательных учреждений. М.: Центрполиграф, 2008.
- ²⁰ Справочная книга о лицах, получивших на 1865 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям / сост. И. А. Глазов. СПб.: Тип. при Канцелярии С.-Петерб. воен. генерал-губернатора, 1865. С. 46, 401.
- ²¹ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1865. 28 февраля. № 9.
- ²² Саитов В. И. Указ. соч. С. 616.
- ²³ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1880. 3 февраля. № 5.
- ²⁴ Эдуард Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43303>.
- ²⁵ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 81. Л. 110.
- ²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 4551.
- ²⁷ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 97. Л. 171.
- ²⁸ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 114. Л. 206.
- ²⁹ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1861. 5 марта. № 10.
- ³⁰ Leinonen R., Voigt E. Deutsche in St. Petersburg. Ein Blick auf den Deutschen evangelisch-lutherischen Smolenski-Friedhof und in die europäische Kulturgeschichte. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998. Bd. 2. S. 326.

- ³¹ Валиев М. Т., Лейненен И. Л. Школа К. Мая и Смоленское лютеранское кладбище в Санкт-Петербурге // Карл Иванович Май и его Петербургская школа / сост. Н. В. Благово. СПб.: Серебряный век, 2020. С. 157–187.
- ³² РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 122. Л. 158.
- ³³ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 128. Л. 183.
- ³⁴ Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. Историческая хроника. Ч. 2: 1918–2006. СПб.: Анатолия, 2013.
- ³⁵ Справочная книга для купцов на 1869 г. СПб.: Тип. Ю. Вигандта, 1869. С. 58.
- ³⁶ Шютт Эдуард. URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Eduard_Schütt_\(Komponist\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Eduard_Schütt_(Komponist)).
- ³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 4551.
- ³⁸ Шютт Эдуард. URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Eduard_Schütt_\(Komponist\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Eduard_Schütt_(Komponist)).
- ³⁹ Шютт, Эдуард // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона: в 86 т. Т. XL: Шуйское–Электровозбудимость. СПб., 1904. С. 37.
- ⁴⁰ Благово Н. В. Указ. соч.
- ⁴¹ Справочная книга о лицах, получивших купеческие свидетельства и билеты в 1875 г. СПб.: Тип. Ю. Вигандта, 1875. С. 87–88.
- ⁴² С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1883. 13 марта. № 11.
- ⁴³ Саитов В. И. Указ. соч. С. 616.
- ⁴⁴ Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, получивших свидетельства и билеты на право торговли и промыслов в 1885 г. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1885. С. 75.
- ⁴⁵ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1882. 14 ноября. № 47.
- ⁴⁶ Р. И. Грубе. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=925.
- ⁴⁷ Р. Р. Грубе. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=926.
- ⁴⁸ Василий Эдуардович Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43319>; С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1886. 27 апреля. № 17.
- ⁴⁹ Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands. Die Familie Amburger in Sankt-Petersburg 1770–1920. Wiesbaden, 1986. S. 261. (Амбургер Э. Немцы в государственной, хозяйственной и общественной жизни России. Семейство Амбургер в Санкт-Петербурге в 1770–1920 гг. Висбаден, 1986. С. 261.)
- ⁵⁰ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1908. 18 мая. № 20.
- ⁵¹ Эдуард Васильевич Шитт. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3453.
- ⁵² Благово Н. В. Указ. соч.
- ⁵³ Ленинградский мартиролог. Т. 6. URL: <http://visz.nlr.ru/person/book/t6/26/30>.
- ⁵⁴ Корнелий Васильевич Шитт. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3452.
- ⁵⁵ Благово Н. В. Указ. соч.
- ⁵⁶ Поколенные росписи. Амбургер... Литера S.
- ⁵⁷ Участники Белого движения в России. URL: <https://xn--90adhkb6ag0f.xn--plai/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogodvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogodvizheniya-v-rossii-shi-shyu.html>.

⁵⁸ Тамара Васильевна Лесли, ур. Шитт. URL: <https://www.geni.com/people/Leslie-Ashmore/6000000038203512395>.

⁵⁹ Некролог в газете «Нью-Йорк Таймс» от 19 мая 1972 г.

⁶⁰ Справочная книга С.-Петербургской купеческой управы на 1913 г. СПб.: Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1913. С. 975–976.

⁶¹ Тимофеев А. Г. История Санкт-Петербургской биржи. СПб.: Изд. С.-Петерб. бирж. комитета, 1903. Приложение. С. 19, 23.

⁶² Василий Эдуардович Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43319>.

⁶³ Эльман В. Поставщики вин, шампанского и других напитков, а также табака к Императорскому и Великокняжеским дворам. URL: <https://www.tzar.ru/en/node/547>.

⁶⁴ РГИА СПб. Ф. 472. Оп. 43. Д. 30. Л. 257.

⁶⁵ Эльман Э. Указ. соч.

⁶⁶ Жук Е. Пережившие войны: старые дома Балаклавы. URL: <https://ru.krymr.com/a/perezhyvshie-vojnye-starye-doma-balaklavy-chast-5/30529144.html>.

⁶⁷ Василий Эдуардович Шитт. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=43319>.

⁶⁸ Справочная книга о лицах, получивших на 1865 год... С. 46, 401.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГАТО — Государственный архив Тверской области
- ГИМ — Государственный исторический музей
- Е.И.В. — Его/Ее Императорское Величество
- ИАН — Императорская Академия наук
- ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук
- ИРГО — Императорское Русское географическое общество
- ИФО ИАН — Историко-филологическое отделение Императорской Академии наук
- ЛО ИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
- МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
- МКК — Морской кадетский корпус
- МОИП — Московское общество испытателей природы
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
- РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

- РГИА — Российский государственный исторический архив
- РНБ — Российская национальная библиотека
- РО ИВР РАН — Рукописный отдел Института восточных рукописей Российской академии наук
- РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук
- СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
- РЭМ — Российский этнографический музей
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
- ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- ЭОРМИАIII — Этнографический отдел Русского музея императора Александра III

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Басаргина Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, заведующая отделом публикаций и выставочной деятельности Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (Санкт-Петербург).

Basargina Ekaterina Yu., Dr. Sci. (History), Head of the Department of Publications and Exhibition Activities, the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch (St. Petersburg).

E-mail: spbaran-publications@yandex.ru

Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений Казанского федерального университета (Казань).

Valeev Ramil M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Kazan Federal University (Kazan).

E-mail: valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (Казань).

Valeeva Roza Z., Ph.D., Assistant Professor, Kazan Innovative University named After V. G. Timiryasov (Kazan).

E-mail: rozazv@mail.ru

Валиев Мурат Тимурович, независимый исследователь, руководитель проекта «Общество друзей школы Карла Мая» www.kmay.ru (Санкт-Петербург).

Valiev Murat T., Independent Researcher, Project Head of “Society of Karl May School Friends” www.kmay.ru (St. Petersburg).

E-mail: mvaliev@mail.ru

Зенкевич Светлана Игоревна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук (БАН) (Санкт-Петербург).

Zenkevich Svetlana I., PhD (Philology), Researcher, The Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: s.zenkevich@gmail.com

Иванова Наталья Ивановна, руководитель музея «Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях», Немецкой секции Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург).

Ianova Natalia I., Museum Germanys in St. Petersburg, Germanys Sektion of the Reseaarches Assotiation (St. Petersburg).

E-mail: naiviv@mail.ru

Иодко Ольга Владимировна, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Iodko Olga V., Senior Researcher, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: o_akbar@bk.ru

Кадосов Павел Викторович, священник, клирик храма Преображения Господня в Лесном, магистр богословия (Санкт-Петербург).

Kadosov Pavel V., Priest, Cleric of the Church of the Transfiguration in Lesnoy, Master of Theology (St. Petersburg).

E-mail: pavel-kadosov@yandex.ru

Кузьмина Нина Георгиевна, методист Российского творческого союза работников культуры (Санкт-Петербург).

Kuzmina Nina G., Methodist, Russian Creative Union of Cultural Workers (St. Petersburg).

E-mail: yasnova1966@yandex.ru

Лебедева (Бахмутская) Елена Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Санкт-Петербург).

Lebedeva (Bachmutskaya) Elena V., PhD (History), Associate Professor, Member of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans (St. Petersburg).

E-mail: elen7@bk.ru

Лейненен Ирина Леонидовна, независимый исследователь, член «Общества друзей школы Карла Мая» www.kmay.ru (Лауша, Германия).

Leinonen Irina L., Independent Researcher, Member of “Society of Karl May School Friends” www.kmay.ru (Lauscha, Germany).

E-mail: irleinonen@mail.ru

Лисицына Анна Сергеевна, независимый исследователь, переводчик, член РОО «Институт Петербурга» (Санкт-Петербург).

Lisitsyna Anna S., Independent Researcher, Translator, Member of “Saint Petersburg Institute” Regional Studies Society (St. Petersburg).

E-mail: foxy9760@yandex.ru

Мазинг Зоя Юрьевна, ведущий библиограф научной библиотеки ФГБНУ «Институт экспериментальной медицины» (Санкт-Петербург).

Mazing Zoya Yu., Bibliographer, Science library, Institute of Experimental Medicine (St. Petersburg).

E-mail: zmazing@inbox.ru

Могилевич Ирина Михайловна, кандидат химических наук, старший научный сотрудник «Лаборатории Пелин», волонтер музея Второй Санкт-Петербургской гимназии (Санкт-Петербург).

Mogilevich Irina M., PhD (Chem.), Senior Scientific Researcher of “Laboratory Pelin” St. Petersburg, Volunteer of the SPb. Second Gymnasium Museum (St. Petersburg).

E-mail: mmmogilevich@mail.ru

Сафонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург).

Safonov Mikhail M., PhD (History), Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: m.safopnov@list.ru

Смирнова Елена Валентиновна, садовод, член общества «Друзья Петергофа», автор публикаций на сайте terijoki.spb.ru (Санкт-Петербург).

Smirnova Elena V., Gardener, Member of the “Friends of Peterhof” Society, Author of Publications on the Site terijoki.spb.ru (St. Petersburg).

E-mail: lena9109833@yandex.ru

Соболева Елена Станиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург).

Soboleva Elena S., PhD (History), Senior Researcher, Department of South and South-West Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: soboleva@kunstkamera.ru

Шевчук Сергей Валерьевич, ведущий агроном Ботанического сада Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Shevchyk Sergey V., Leading Agronomist of the Botanical Garden Department of the Komarov Botanical Institute of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: shevchuksv62@rambler.ru

Шерстеникова Екатерина Сергеевна, главный администратор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН(Санкт-Петербург).

Sherstennikova Ekaterina S., Chief Administrator of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: KaterinaShers@mail.ru

Шкаровский Михаил Витальевич, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург).

Shkarovskiy Mikhail V., Chief Archivist of the Central State Archive of St. Petersburg (St. Petersburg).

E-mail: shkarovs@mail.ru

Эрдман Анастасия Валентиновна, независимый исследователь (Москва).

Erdman Anastasia V., Free Researcher (Moscow).

E-mail: erdman65@yandex.ru

Юдина Елена Васильевна, германист-переводчик, автор словарей, учебников и книг по русско-немецким культурным связям (Санкт-Петербург).

Judina Elena V., German Philologist, Interpreter, Author of Dictionaries, Textbooks and Books Dedicated the Cultural Russian-German Connections (St. Petersburg).

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ (Ю. В. Бучатская) 3

XVIII век

М. М. Сафонов. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА VS ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ (ВОПРОС ОБ ОБМЕНЕ ГОЛШТИНИИ)	7
С. И. Зенкевич, Е. Ю. Басаргина. Д. Г. МЕССЕРШМИДТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	50

XIX век

И. М. Могилевич, Е. В. Юдина. К ИСТОРИИ СЕМЬИ КАРЛА АДЕЛУНГА, СЕКРЕТАРЯ РОССИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕРСИИ (1828 Г.)	75
О. В. Иодко. АКАДЕМИК ФРЕН (1782–1851). ЧЕРЕЗ КАЗАНЬ В РОССИЮ НАВСЕГДА	106
П. В. Кадосов. СЕМЕЙСТВО ФОН БОДУНГЕН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	126
Н. И. Иванова. ГРАФЫ ФОН МОЛЬТКЕ И ЙОРКИ ФОН ВАРТЕНБУРГИ В ПЕТЕРБУРГЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ	153
З. Ю. Мазинг. БИБЛИОТЕКАРЬ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО ЭЛЬСГОЛЬЦ (ЭЛЬСХОЛЬЦ) ФЕДОР КОНДРАТЬЕВИЧ	170
Н. Г. Кузьмина. ИСТОРИЯ ТИПОГРАФИИ Р. ГОЛИКЕ И А. ВИЛЬБОРГА	183
Е. С. Соболева. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЭТАП НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ БРУНО ФРИДРИХОВИЧА АДЛЕРА	204
С. В. Шевчук. АЛЬБЕРТ РЕГЕЛЬ (JOHANN ALBERT REGEL, 1845–1908) — ВРАЧ, ПУТЕШЕСТВЕННИК, ОХОТНИК ЗА РАСТЕНИЯМИ	231
Е. В. Смирнова. НЕМЕЦКИЕ ДАЧНИКИ НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА	256

*А. С. Лисицына. «ПАСТОР ИЗ ПАРИЖА»: К 190-ЛЕТИЮ
ПАСТОРА ПЕТРИКИРХЕ ОТТО АРМИНА ФИНДЕЙЗЕНА
(1831–1903)* 270

*Р. М. Валеев, А. В. Эрдман, Р. З. Валеева. ПРОФЕССОР-ОРИЕНТАЛИСТ
ФРАНЦ ЭРДМАН В ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1818–1845)* 295

XX век

*Е. В. Лебедева. РАЗНЫЕ РОЛИ В ОБЩЕЙ ДРАМЕ:
СУДЬБЫ СЕМЕЙ БРЕЙНЕР И ШТОРЦ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИИ НОВОСАРАТОВСКОЙ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИИ
(1910–1940-е годы)* 313

*М. В. Шкаровский. ГЛАВНЫЙ ПАСТОР ПЕТРИКИРХЕ
ГЕНРИХ БЕРЕНДТС* 337

*Е. С. Шерстенникова. НЕМЦЫ СРЕДИ ПЕРВЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ МАЭ
(ПО ДАННЫМ ЭКСКУРСИОННОГО ЖУРНАЛА МАЭ,
1899–1921 гг.)* 344

Из истории немецких родов

*М. Т. Валиев. СЕМЬЯ ГРЕВЕ —
ТРИ ВЕКА В РОССИИ (XVIII–XX вв.)* 359

*М. Т. Валиев, И. Л. Лейнонен. ШИТТЫ —
ФАМИЛЬНАЯ ИСТОРИЯ* 390

Список сокращений

413

Сведения об авторах

415

CONTENTS

TO THE READER (<i>Yu. V. Buchatskaya</i>)	3
---	---

18th century

<i>M. M. Safonov.</i> GRAND DUCHESS EKATERINA ALEKSEEVNA VS GRAND DUKE PETER FEDOROVICH (THE QUESTION OF THE EXCHANGE OF HOLSTEIN)	7
<i>S. I. Zenkevich, E. Yu. Basargina.</i> D. G. MESSERSCHMIDT IN ST. PETERSBURG	50

19th century

<i>I. M. Mogilevich, E. V. Judina.</i> NOTES ON THE FAMILY HISTORY OF KARL ADELUNG, THE SECRETARY OF RUSSIAN EMBASSY IN PERSIA IN 1828	75
<i>O. V. Iodko.</i> ACADEMICIAN FRAEHN (1782–1851). THROUGH KAZAN TO RUSSIA FOREVER	106
<i>P. V. Kadosov.</i> VON BODUNGEN FAMILY IN ST. PETERSBURG	126
<i>N. I. Ivanova.</i> COUNTS VON MOLTKE AND YORKS VON WARTENBURG IN ST. PETERSBURG: UNKNOWN PAGES	153
<i>Z. Yu. Mazing.</i> ELSHOLTZ THEODOR — THE LIBRARIAN OF PRINCE ALEXANDER PETROVITCH OLDENBURGSKY	170
<i>N. G. Kuzmina.</i> THE HISTORY OF THE PRINTING HOUSE OF R. GOLIKE AND A. VILBORG	183
<i>E. S. Soboleva.</i> THE ST. PETERSBURG PHASE OF BRUNO ADLER SCIENTIFIC CAREER	204
<i>S. V. Schevchuk.</i> ALBERT REGEL (JOHAN ALBERT REGEL, 1845–1908) — DOCTOR, TRAVELER, PLANT HUNTER	231
<i>E. V. Smirnova.</i> GERMAN COTTAGERS ON THE NORTHERN SIDE OF THE FINISH GULF	256
<i>A. S. Lisitsina.</i> “A PARISIAN PREACHER”: MARKING THE 190TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PETRIKIRCHE PASTOR OTTO ARMIN FINDEISEIN (1831–1903)	270

- R. M. Valeev, A. V. Erdman, R. Z. Valeeva.* PROFESSOR-ORIENTALIST
FRANZ ERDMANN IN THE HISTORY OF KAZAN ORIENTAL
STUDIES (1818–1845) 295

20th century

- E. V. Lebedeva.* DIFFERENT ROLES IN THE OVERALL DRAMA:
THE FATE OF THE BREINER AND STORZ FAMILIES
IN THE CONTEXT OF THE HISTORY
OF THE NOVOSARATOVSKAYA GERMAN COLONY
(1910s–1940s) 313
- M. V. Shkarovskiy.* THE MAIN PASTOR OF ST. PETER'S CHURCH
HENRY BERENDS 337
- E. S. Sherstennikova.* GERMANS AS THE FIRST VISITORS
TO THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY
AND ETHNOGRAPHY (BASED UPON THE “MUSEUMS’
EXCURSIONS REGISTER”, 1899–1921) 344

From the history of German families

- M. T. Valiev.* GREVE FAMILY — THREE CENTURIES IN RUSSIA
(XVIII–XX) 357
- M. T. Valiev, I. L. Leinonen.* THE SCHUETTS — FAMILY HISTORY 390
- List of abbreviations 413
- Information about authors 415

Научное издание

**Немцы в Санкт-Петербурге
Биографический аспект
XVIII–XX вв.**

Выпуск 13

Редактор Т. В. Никифорова
Корректор Е. З. Чикадзе
Компьютерный макет Н. И. Пашковской

Подписано в печать 15.02.2022.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 26,5. Уч.-изд. л. 25.
Тираж 200 экз. Заказ № 0000.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство «Лема»»
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 28
izd_lema@mail.ru

ISBN 978-5-88431-399-6

9 785884 313996